Полный текст книги “Белые тени в Южных морях”

Смотрите другие форматы

БЕЛЫЕ ТЕНИ В ЮЖНЫХ МОРЯХ

БЕЛЫЕ ТЕНИ В ЮЖНЫХ МОРЯХ

около ФРЕДЕРИК О’БРАЙЕН

Нью-Йорк КОМПАНИЯ “СЕНЧУРИ КО”.

1921

Авторское право, 1919 год, авторство THE CENTURY CO.

предисловие

Я твердо убежден, что в природе каждого человека заложено страстное желание увидеть и познать самые необычные уголки мира. Жизнь заточает всех нас в круговорот обстоятельств, и мечты о романтике, которыми окрашено детство , забываются, но они не умирают. Они встрепенулись при виде корабля с белыми парусами, плывущего по бескрайнему морю; запах просмоленных канатов на почерневшем причале или прикосновение прохладного ветерка, который поднимается с появлением звезд, снова разбудят их. Где-то на краю света таится романтика, и каждое сердце жаждет отправиться на ее поиски.

Не каждому дано отправиться на поиски конца радуги . Такое фантастическое стремление не для того, кто связан узами семьи, долга и стремления разбогатеть. Его ждут другие приключения ,

более суровые битвы и, возможно, более высокие награды. Тем не менее, бухгалтерские книги иногда закрываются со вздохом, и у самого уютного камина можно увидеть на углях фотографии, которые не имеют ничего общего с обручальными кольцами или банковским балансом.

Именно для тех, кто остается дома, но мечтает о заграница, я написал эту книгу - отчет об одном счастливом году, проведенном среди простых, дружелюбных каннибалов долины Атуона, на острове Хива-Оа на Маркизских островах. На его страницах мало глубоких исследований, боюсь, ничего такого, что могло бы удивить антрополога или заставить пересмотреть энциклопедии; я и не помышлял о таких ожиданиях, когда отплывал из Папеите на “Утренней звезде”. Я отправился туда, чтобы увидеть то, что должен был увидеть, и усвоить то, чему он научил меня в последующие дни. То, что я увидел и чему научился, читатель увидит и усвоит, и не более того.

Дни, как и люди, дают больше, когда к ним относятся не слишком строго. Так что я путешествовал налегке, без тяжелого багажа закоренелого ученого, и читателю, отправляющемуся со мной в “долгое путешествие”, нужно взять с собой только непредвзятость и любовь ко всему странному и живописному. Я надеюсь, что он вернется, как и я, с некоторыми воспоминаниями о примитивных обычаях давно забытых предков белой расы, более глубоким удивлением перед тайнами этого мира и воспоминаниями о солнечных днях на белоснежных пляжах, о пальмах и орхидеях и о детской непосредственности дикарей. народы, живущие в хлебопекарных рощах “Кровавой Хива-Оа”.

Автор хотел бы выразить здесь свою благодарность Роуз Уайлдер Лейн, чьей редакторской помощи в значительной степени обязана публикация этой книги.

содержание

ГЛАВА I

Прощание с пляжем Папеите; в море при свете утренней звезды; теория Дарвина о континенте, затонувшем под водами Атлантического океана. Южные моря

ГЛАВА II

Торговая лавка “Утренней звезды”; Лживый Билл Пинчер; М. Л’Эрмье де Плантес, будущий губернатор Маркизских островов; история Мак-Генри и маленького туземного мальчика, его собаки

ГЛАВА III

Тридцать семь дней в море; жизнь морских птиц; странное свечение; первый взгляд на Фату-Хиву; история островов; песнопения райатийцев

ГЛАВА IV

Стоянка в Тахауке; Взрывающиеся яйца и его назначение камердинером; инаугурация нового губернатора; танцы на дворцовой лужайке

ГЛАВА V

Первая ночь в долине Атуона; сенсационное прибытие Золотого Кровать; татуированные ноги Титихути

ГЛАВА VI

Визит Седьмого вождя, который так разгневан, что валяется в грязи; путешествие на Ваит-хуа на острове Тахуата; битва с рыбой-дьяволом; история о пиршестве каннибалов и двух спасшихся

ГЛАВА VII

Идиллическая долина Ваит-хуа; красота часто побеждаемых; купание на пляже; неожиданное предложение руки и сердца

ГЛАВА VIII

Общественная жизнь; морские забавы; битва акул и матери-китихи; день в горах; смерть капитана Галлея; возвращение в Атуону

ГЛАВА IX

Маркизцы на десятичасовой мессе; замечательная беседа о религиях и Жанне д'Арк, в которой Великий Ферн излагает свое представление о дьяволе

ГЛАВА X

Брак, порожденный злыми сплетнями; брачные обычаи простых туземцев; домашние трудности хаабуани

ГЛАВА XI

Наполнение ям попои в сезон плодов хлебного дерева; легенда о мэй; тайный фестиваль в скрытой долине

ГЛАВА XII

Прогулка по джунглям; старуха на хлебном дереве; ночь в хижине туземцев в горах

ГЛАВА XIII

Хозяйство Лам Кай Оо; приготовление копры; чудеса кокосовых рощ; сообразительность свиней; и краб, знающий законы тяготения

ГЛАВА XIV

Посещение Ле-Мойна; история Поля Гогена; его дом и поиски его могилы под белым Голгофским крестом

ГЛАВА XV

Смерть Аумии; погребальные песнопения и обычаи погребения; причины гибели расы

ГЛАВА XVI

Дикий танец, драма моря, опасности и пиршества; похищение латука

ГЛАВА XVII

Прогулка в запретное место; Горячие слезы, горбун; история о слуге священника, рассказанная злонамеренным человеком Сплетни в пещере Энамоны

ГЛАВА XVIII

Поиски каучуковых деревьев на плато Ахоа; схватка с дикими белыми собаками; история древней миграции, рассказанная охотниками на дикий скот в пещере Хребет китайца

ГЛАВА XIX

Праздник для мужчин Мотопу; приготовление кавы и ее употребление; история о девушке, которая потеряла силу

ГЛАВА XX

Путешествие в Таоа; Кахуити, вождь каннибалов, и его рассказ о старой войне, развязанной неверной женщиной

ГЛАВА XXI

Преступление Хуахина из-за любви к Ткачихе циновок; история о белом человеке Тахии, которого съели; постигшее его несчастье Хони, белый человек, который использовал свой гарпун против своих друзей

ГЛАВА XXII

Памятная игра в кокосовой роще Лам Кай Оо

ГЛАВА XXIII

Мадмуазель N— ГЛАВА XXIV

Путешествие в Нука-Хиву; рассказ о праздновании дня рождения Жанны д’Арк и чудесах, связанных с белым конем и девушкой

ГЛАВА XXV

Притязания Америки на Маркизские острова; приключения капитана Портер в 1812 году; война между Хаапой и Таи-о-хэ и завоевание долины Тайпи

ГЛАВА XXVI Визит в Тайпи; история о старике, который вернулся слишком поздно ГЛАВА XXVII

Путешествие на “Роберте”; крылатые тараканы; прибытие в Швейцарский рай в долине Умоа

ГЛАВА XXVIII

Труд в Южных морях; несколько случайных размышлений о “выживании наиболее приспособленных”

ГЛАВА XXIX

Белый человек, который танцевал в долине Умоа; охота на дикого кабана в горах; праздник торжествующих охотников и танец в честь Грелета

ГЛАВА XXX

Посещение Hanavave; Пер Оливье дома; рассказ о последнем битва между Hanahouua и ОИ, рассказал единственный оставшийся в живых; изготовление ткани Тапа, и древние одежды Marquesans

ГЛАВА XXXI

Рыбалка в Ханававе; глубоководное сражение с акулой; Красный

Цыпленок показывает, как привязывать веревки к хвостам акул; ночная рыбалка на дельфинов и чудовищную рыбу-меч, которая перевернула каноэ; местный врач перевязывает раны Рыжего Цыпленка и рассказывает о медицине.

ГЛАВА XXXII

Путешествие по крыше мира в Оомоа; встреча с дикой женщиной с холмов

ГЛАВА XXXIII

Возвращение на каноэ в Атуону; Тетуахунахуна рассказывает историю девушки, которая каталась на белом коне во время празднования дня Жанны д'Арк в Тай-о-Хэ; Доказательство того, что акулы ненавидят женщин; путешествие по звездам к пляжу Атуона

ГЛАВА XXXIV

Морские виды спорта; необычные морепродукты, найденные во время отлива; особенности морских многоножек и способы их приготовления и употребления в пищу

ГЛАВА XXXV

День суда в Атуоне; дело Дочери голубя и швейной машинки; история о вероломстве Выпивохи Пива и смерти Дождевого червя, который пытался убить губернатора

ГЛАВА XXXVI

Безумный ночной мотылек; история о голоде и одной семье, которая съела свинью

ГЛАВА XXXVII

Визит к отшельнику из долины Таха-Ука; месть, превратившая Скалламеру в прокаженных; и ненависть Мохуто

ГЛАВА XXXVIII

Последние дни в Атуоне; письмо моей дорогой Хоуп от ее сына

ГЛАВА XXXIX

Раздаются прощальные крики; ночь опускается на Землю Войны. Флот

приложения

Иллюстрации из выпуска к фильму 1928 года

Список иллюстраций

Деревня Атуона, на которой изображен пик Теметиу Пляж Виафиха-Таити

Где красавицы Таити жили в тени, чтобы отбелить кожу

Лейтенант Л’Эрмье де Плантес, губернатор Маркизских островов

Острова

Вход в Маркизскую бухту

Окованное железом побережье Маркизских островов Дорога в Нуку-Хива

Гавань Таи-о-хэ

Шхуна “Фетия Тайао” в бухте предателей Андре Бауда, комиссар

Публичные танцы в саду Антуанетта, маркизская танцовщица Маркизцы в воскресных нарядах

Вай Этьен

Бассейн у дома королевы

Коротая солнечные часы

Целый день нечем заняться, кроме как отдыхать Католическая церковь в Атуоне

Местные жители ловят рыбу копьем со скалы

Кокосовая роща на добровольных началах, где растут деревья всех возрастов

Лазание за кокосовыми орехами

Измельчение кокосовой шелухи в процессе приготовления копры Вырезание мякоти из кокосовых орехов для приготовления копры Дом на маркизском острове паэпае

Остров лающих собак

Хака, национальный танец маркизов

Горячие слезы с Вай Энтьенн

Старый каннибал из долины Тайпи

Маркизцы приносят в жертву человека

Внутренняя часть острова Фату-Хива, где автор бродил по горам

Плато Ахоа

Киви, пьющий каву с гетерами долины Пруд в джунглях

Пекия, или место жертвоприношения, в Атуоне Маркизские каннибалы, одетые в одежды из человеческих волос Тепу, маркизская девушка с холмов, и ее сестра Маркизка с татуировками и резным веслом для каноэ

Предводительница в одежде из тапа и с зонтиком из тапа Спуск на воду китобойного судна

Церковь отца Симеона Дельма в Таи-о-хэ Сбор фейсов в горах

Недалеко от миссии в Ханававе

Отправление из Ханававе в Оомоа

Фейс, или горные бананы

Место слияния реки и залива в Оомоа, остров Фату-Хива Священное баньяновое дерево в Оомоа

Слоновая болезнь ног

Удаление поросенка, приготовленного в уму, или местной печи Койна Кай, или праздник в Оомоа

Пляж в Оомоа

Спуск каноэ на воду

Паскуаль, пилот-гигант из Пуамотана, и его друзья

Возлюбленная ныряльщика за жемчугом

Ловля рыбы с помощью копья на Маркизских островах

Ловцы жемчужных раковин за работой

Католическая церковь в Ханававе

Каноэ в полосе прибоя у Оомоа

Ворота долины Ханававе

Домик рыбака из бамбука и кокосовых листьев Двухместные каноэ

Спортивные состязания в гавани

Тахаюпехе, дочь Голубя, из Тааоа

Натаро Пуэллерей и его жена

БЕЛЫЕ ТЕНИ В ЮЖНЫХ МОРЯХ

ГЛАВА I

Прощание с пляжем Папеите; в море на Утренней звезде; Теория Дарвина о континенте, затонувшем под водами Южных морей.

У белой коралловой стены пляжа Папеите стоит шхуна “Фетия Тайао”. (“Утренняя звезда”) стояла готовая к выходу в море. Под устремленными к небу зелеными высотами Таити узкий берег был полон разноцветных платьев, смуглых лиц, тонких размахивающих рук. Весь Папеите, увитый цветами и плачущий, собрался у голубой лагуны.

Причитания и стоны сопровождали смуглых моряков, когда они перевалились через борт и начали медленно отваливать от причала, удерживавшего судно. Утренняя звезда. Мало таких кораблей, которые плавают много сезонов среди моря. Опасные

острова. Они оставляют свои кости на скалах или рифах или уходят на дно, а любовники, сыновья и мужья женщин, которые плачут на пляже, больше не возвращаются в хижины в кокосовых рощах. Итак, при каждом плавании по “длинному пути” испытываешь острую боль.

“Я ора на и те Атуа! Прощайте, и да хранит вас Бог!” - кричали женщины , стоя рядом с наполовину засыпанной землей пушкой, которая служит для того, чтобы привязывать корабли к коралловой отмели. С палубы близлежащего “Хинано ” доносились звуки аккордеона и знакомые слова:

“Я не махана! Не теряй времени даром! На Моану!”

“Давайте петь и веселиться! Ведь мы путешествуем по морю!”

Это был район Химене Тату. Келли, странствующий И.В.В., самопровозглашенный делегат мифического Союза любителей пляжного отдыха и Безбилетников, стоял у клапанов аккордеона, а вокруг него на корточках сидели радостные туземцы. “Вела ка хао! Горячая штучка!” - кричали они.

Внезапно Каролина с Маркизских островов и Мамоэ с Муреа, самые красивые танцовщицы на набережных, закружились в упаупахуре, поющем танце любви. Келли начала “Томе! Томе!” - гавайскую хулу. Мужчины, разгружавшие грузы на многочисленных шхунах, побросали свою ношу и начали танцевать. Грубые квадратные головы матросов на полубаке отбивали такт ударами кружек. Продавцы в торговых лавках и даже парикмахер Марешель повскакивали со своих прилавков и стульев под чувственную мелодию, и с непокрытыми головами в лучах белого солнца они танцевали на переполненных балконах Cercle Bougainville, клуба на берегу лагуны. Гавань Папеите знала десять минут безудержного веселья,

слезы были забыты, в то время как от “склада военно-морского флота” до “Пуделя” В кафе “Рагу” царила атмосфера хулы.

Под великолепными яркими деревьями, усыпавшими свою тень красно-золотыми цветами, группа белых мужчин пела:

- Что ж, прощай, мы больше не можем оставаться с тобой, любовь моя, Сядь, поставь свой ликер и убери девушку с колен, Потому что ветер подул, чтобы сказать : “Ты должен взять меня с собой, пока можешь”, Если хочешь, иди к матушке Кэри! (Проводите ее к матушке Кэри!) О, мы направляемся к матушке Кэри, где она кормит своего цыпленка в море!”

Якорь был поднят, канаты отпущены, и вдруг с моря налетел ветер с дождем.

Девушки из “Кокосового домика” в сверкающих алых и розовых платьях, развеваясь, бежали в поисках укрытия, на бегу бросая своим возлюбленным-морякам цветы сладкой таити. Марао, надменная королева, быстро уехала в своем старом экипаже, принцесса Сапожках высунулась наружу и помахала изящной рукой. Принц Хинои, толстый транжира, который мог бы быть королем, высунулся с балкона клуба со стаканом в руке и прокричал на пустынный пляж: “Ароха и те реварaa!”

Итак, мы покинули Папеите, веселую столицу Таити, в то время как проливной дождь заглушал веселые яркие цветы, наши мачты и такелаж скрипели на ветру, а море белыми волнами разбивалось о коралловый риф.

Подобно плачущим женщинам, которые, несомненно, уже вытерли свои слезы, небо начало улыбаться еще до того, как мы достигли коварного прохода во внешнем рифе. За Мото-Уту, крошечным островком в гавани, который в царские времена был гаремом и крепостью, мы увидели, как прибой пенится о кораллы, и вскоре оказались в узком проливе.

Мы не поднимали паруса в лагуне, используя только наш двигатель, чтобы избежать коралловых ловушек. Миновав вездесущую опасность, когда ветер стал почти штормовым, а дождь снова лил как из ведра - периодический сезонный ливень — “Морнинг Стар” под зарифленными фок—мачтами, грот-парусом и шкотами направил свой изящный нос в опасную

сторону. Острова и сильно ударилась об открытое море.

Она летела по бесконечно накатывающимся волнам, как морская чайка, с беззаботным видом подняв голову и весело ныряя в волны. Его обводы были очень тонкими, сужающимися и красивыми, даже на взгляд сухопутного жителя.

Сто шесть футов от носа до кормы, двадцать три фута ширины и десять футов глубины - все это судно было доверху загружено грузом

к островам, к которым мы направлялись. В узких проходах между каютами и ограждениями лежали доски; даже спасательные шлюпки были завалены грузом. Те, кто опасается опасностей, в этих морях мало смеются . Утром на палубе едва хватало места для того, чтобы передвигаться Звезда; за штурвалом можно было сделать всего несколько шагов на фоне игры грот-мачты и путешественника. Здесь, пока трое моих попутчиков спускались вниз, я стоял, глядя на бескрайние воды, хлещущие впереди.

Найдется ли мальчик, который не мечтал бы об островах каннибалов, этих странных, фантастических местах на краю света, где голые смуглые люди, словно тени, передвигаются по невообразимым джунглям, а ужасные пиры устраиваются под “бум, бум, бум!” двенадцатифутовых барабанов?

Годы приносят знания, за которые заплачено мечтами юности. Огромный, неопределенный мир становится знакомым, становится даже обыденным. Лондон, Париж, Венеция, разноцветный Каир, осквернённые склепы пирамид, разрушающиеся деревни Палестины больше не мерцают передо мной в радужном блеске воображения, потому что я их видел. Но что-то от мальчишеского трепета, который переполнял меня, когда я давным-давно корпел над страницами Мелвилла, вернулось, когда я стоял на палубе ” “Утренняя звезда”, несущаяся сквозь бушующий Тихий океан под проливным тропическим дождем.

За много лиг до нас лежали Опасные острова, архипелаг Лоу , первая остановка в нашем путешествии к далеким островам каннибалов , до которых еще тысяча миль по пустынным морям. Прежде чем мы снова увидим зеленые знамена кокосовых пальм Таити, нам придется преодолеть не только мили бурлящей воды,

но и столетия назад. Ведь на этих островах , на протяжении веков изолированных от мира, сохранился живой фрагмент детства наших предков. Европеоидная раса.

Согласно теории Дарвина, эти острова являются вершинами затопленного континента, или сухопутного моста, который протягивает свое искалеченное тело по дну Тихого океана на тысячи лиг. Затерянная земля, чей эпос ждет своего исполнителя; тайна, которая, возможно, навсегда останется неразгаданной. Здесь есть великие памятники, резные предметы, иероглифы, обычаи и языки, островные народы с наводящими на размышления легендами — все это, возможно, остатки миграции из Азии или Африки сто тысяч лет назад.

По этому сухопутному мосту, возможно, и перебрались европеоидные народы, преобладающая кровь которых сегодня течет в Полинезии, и когда континент исчез из поля зрения солнца и звезд, за исключением тех мест, где сейчас находятся гористые острова, такие как Таити и Маркизские острова, выжившие были изолированы на неисчислимые столетия.

Здесь, на этих островах, живут братья наших давно забытых предков.

они жили и размножались со времен каменного века, отрезанные от основного потока развития человечества. Здесь они сохранили обычаи детства нашей белой расы, дикие и необузданные, среди своей примитивной и необузданной жизни. Здесь, три столетия назад, они были заново открыты народами большого мира, и, грубо столкнувшись с цивилизацией, которую они не создавали, они умирают здесь. С их уходом исчезает последняя живая связь с нашим собственным доисторическим прошлым. И я должен был увидеть это, прежде чем оно исчезнет навсегда.

Записка. Иностранные слова в книге подобны камням на тропинке. Есть два способа преодолеть трудность: читатель может перепрыгнуть через них или использовать как ступеньки. Я написал эту книгу для того, чтобы торопливый человек мог легко перескочить через них, но он потеряет при этом много удовольствия; я бы посоветовал ему произносить их по ходу дела. Маркизские слова имеют свой особый колорит; в них много от

простой поэзии островов. Правила их произношения просты; согласные имеют обычные для английского языка звуки, гласные имеют латинское значение, то есть a - это ah, e - ay, i - это ee, o - это oh, a u - это oo. Каждая буква произносится четко, без каких-либо ударений. У маркизцев не было письменности, и миссионеры постарались максимально просто воспроизвести их разговорный язык.

Пляж Виатапиха-Таити

Где красавицы Таити жили в тени, чтобы отбелить кожу

ГЛАВА II

Торговая лавка “Утренней звезды”; Лживый Билл Пинчер; месье Л’Эрмье де Плантес, будущий губернатор Маркизских островов; история Мак-Генри и маленького туземного мальчика, его собаки.

ПОЙДЕМТЕ выпьем! Крикнул из каюты капитан Пинчер, и , покинув залитую брызгами палубу, где дождь барабанил по парусиновому тенту, я спустился по четырем ступенькам в узкую кают-компанию.

В каюте длиной около двадцати футов была крошечная полуотдельная каюта для капитана Пинчера и четыре койки, расположенные вокруг стола. Здесь, за бутылкой рома, я застал капитана Пинчера с тремя моими попутчиками: Макгенри и Геджем, торговцами, и М. Л’Эрмье де Плантес, молодой офицер французской колониальной армии, направлявшийся на Маркизские острова, чтобы стать их губернатором.

Капитан рассказывал историю крушения, в котором он потерял свой бывший корабль. Он пришвартовался к рифу, чтобы поиграть в карты со шкипером-единомышленником, который пришвартовался рядом с ним. Пока они спали, ветер переменился. Капитан Пинчер проснулся и обнаружил, что его

шхуна разбивается о коралловые скалы.

- Кто может сказать, что поможет “цветущий ветер”? спросил он, стукнув по столу бокалом. - Рядом со мной была пришвартована шхуна Уилли, но она накренилась и уплыла в сторону, а моя лодка разбилась о риф боками. Старый цветущий атолл был завален цветущим грузом. Волей-неволей повезет, а я останусь. Это все азард”.

Он не находил себе места с тех пор, как покинул Ливерпуль, то есть тридцать лет назад

ранее нор не употреблял своих глупых ругательств. Седовласый, краснолицый, смеющийся мужчина коренастого телосложения, с мягкими манерами, он к концу дня оказался человеком, от которого Мюнхгаузен мог бы почерпнуть пару историй. “Меня зовут Лживый Билл”, - сказал он мне. “Ты не поверишь, что я говорю “. “Он честный, как манговое дерево. Билл Пинчер такой и есть”, - громко заявил Макгенри. - Он ужасно любит рассказывать истории, но он лучший моряк, который приезжает в Тити, и честный, как жестянка из-под печенья. Ты знаешь, что, когда была украдена шхуна, на которой он был помощником капитана, и этот мерзкий вор сбежал с ней и какой-то женщиной, Билл отправился за ними и вернул шхуну из Чили. Билл, конечно, тот, за кого себя выдает, но он может управлять шхуной, покупать копру и ракушки по дешевке, продавать товары чертовым туземцам и возвращать деньги владельцам. Вот что я называю честным человеком.”

Лживый Билл воспринял эти сердечные слова с чем-то меньшим, чем его обычное добродушие. Когда он посмотрел на меня, в его глазах не было дружелюбия. Макгенри, чей пустой бокал оставался пустым до тех пор, пока он сам его не наполнил

оно. Круглолицый, с глазами-бусинками, с куском вонючей плоти, сформировавшейся в результате сотен грязных приключений, Мак-Генри цеплялся за равенство с этими людьми, но оно ускользало от него. Лживый Билл, ничего не ответив на его восторженную похвалу, удалился на свою койку с романом в бумажной обложке, и, чтобы скрыть обиду, Макгенри завел разговор о торговле с Геджем, который говорил мало.

Торговый зал “Утренней звезды”, открывающийся из каюты, был

для меня дверью в романтику. Когда я был мальчишкой, в торговых залах было больше вкуса, чем на войне. Увидеть одного из них было все равно, что заглянуть в чашу Грааля для рыцаря, давшего клятву верности. В этих торговых залах моего юношеского воображения пахло ромом и порохом, а рядом с ними стояли полки с ружьями, чтобы отражать атаки темных фигур, перелезающих через фальшборт.

В торговом зале “Утренней звезды” тоже было душно. В нем не было окон, и, когда открываешь дверь, сначала все кажется неясным, а запахи вонючего таитянского табака, дешевых ситцевых принтов, разбитого флакона духов и душистого мыла борются за первенство. Постепенно глаз обнаружил полки, ящики и товары, нагроможденные от пола до потолка; булавки и якоря, гарпуны и авторучки, крекеры и украшения, одежду, обувь, лекарства и томагавки, носки и писчую бумагу.

Торговый бизнес, объяснил Макгенри в своем монологе, уже не тот, что был раньше. Когда эти мелкие торговцы не решались высадиться на берег, их оружие защищало их от слишком нетерпеливых покупателей. Но сейчас почти на каждом обитаемом острове есть свой магазинчик, и торговцу приходится гоняться за покупателями, которые умирают так быстро, что ему приходится переезжать с острова на остров в поисках населения.

“Выпивка - это главное”, - сказал Макгенри. - У меня есть две тысячи фунтов в банке в Австралии, и все они заработаны на продаже спиртного местным жителям. Это противоречит Французский закон запрещает продавать, обменивать или давать им что-то взамен, но мы все это делаем. Если у вас его нет, вы не сможете получить груз. В сезон дайвинга это единственное , что, черт возьми, можно купить. Команда дайверов выручает от пяти до пятнадцати долларов за бутылку, в зависимости от того, работают французы или нет. Не так ли, Гедж?”

- Это правда, - согласился Гедж. Он говорил по-французски, якобы для того, чтобы угодить господину Л’Эрмье де Плантесу. Этот молодой губернатор Маркиз был не склонен к многословию, его главным интересом в жизни , по-видимому, были пышные черные бакенбарды, которым он уделял неустанную нежную заботу. После нескольких слов на ломаном английском он с небрежным вниманием перелистал страницы маркизского словаря, готовясь к своей будущей работе среди туземцев. Гедж, однако, продолжал говорить на придворном языке.

Было очевидно, что двадцать пять лет, проведенных Макгенри во французских владениях, не научили его языку белых людей. Он резко спросил: “Чего ты добиваешься?” - и время от времени

вставил несколько слов на ломаном французском, пытаясь поддержать разговор. На это Гедж не обратил особого внимания.

Гедж был начальником коммерческой части экспедиции, и его манеры говорили об этом. Тонкогубый, с хитрыми глазами, но сильный и уверенный в себе, он был поглощен торговлей. Он прожил на Маркизских островах двадцать лет. Хитрый человек среди канаков, по его собственным словам, неразборчивый в средствах, он преуспел. Теперь, продав свой бизнес, он в последний раз наведывался в свой старый дом, чтобы свести счеты.

“Эта старая женщина - босоногая девочка среди каннибалов”, - сказал мне позже Лживый Билл. “Она подарила фортуне целую армию страусов”.

Один из сыновей капитана Пинчера был помощником механика. Зарабатывал деньги и помогал на погрузочных работах. Парень жил на борту вместе с командой, так что мы его почти не видели, а отец никогда не разговаривал с ним, разве что отдавал приказы или делал выговор. Местные матери часто жалуются на отсутствие отцовской привязанности у своих белых супругов. Белые не жалеют внебрачных детей.

В течение двух дней, проведенных в море после того, как мы покинули Папеите, мы не видели солнца. Это был сезон дождей и жары, время штилей и ураганов, внезапных шквалов и сводящей с ума тишины, когда все признаки сходят с ума и моряк должен быть готов к капризам ветра, если хочет спасти себя и свой корабль. В течение нескольких часов мы мчались со скоростью семь или восемь узлов, при сильном попутном ветре и волнах, бушевавших у нашего носа. Еще более долгие часы мы преодолевали безветренный штиль с помощью двигателя. Дождь лил не переставая.

Мы жили в пижамах, босиком, небритые и немытые. Запас пресной воды был ограничен, так как пополнять наши запасы было невозможно в течение многих недель.

Макгенри сказал, что нетрудно привыкнуть к недостатку воды,

как внешней, так и внутренней.

В каюте всегда стояла бутыль крепкого таитянского рома, разлитого по бутылкам. Здесь мы сели перекусить и остались, чтобы выпить, почитать и покурить. На обед и ужин подавали бордосское вино, Мартиникское и Таитянский ром и абсент в перерывах между приемами пищи. Рулевой бил в корабельный колокол каждые полчаса, и Макгенри превратил его в звон весом в унцию.

Капитан Пинчер каждые час или два совершал морскую прогулку и удалялся в свою каюту за книгами, предоставив управление “Утренней звездой ” младшим офицерам. Дукат, третий офицер, бретонец, присоединился к нам за трапезой. Это был порядочный, умный парень лет тридцати с небольшим, честолюбивый и ясный-целеустремленный, но по-юношески впечатленный самопровозглашенной порочностью Макгенри.

Однажды вечером после ужина они с Макгенри , выпив несколько рюмок рома, подшучивали друг над другом. - Слушай, а как поживает твоя канакская женщина? - спросил Макгенри.

Пальцы Дуката крепче сжали бокал. Затем, очень четко выговаривая слова по-английски, он спросил: “Вы имеете в виду мою жену?”

“Я имею в виду вашу старуху. Что это за история с женой?”

“Она моя жена, и у нас двое детей”.

Макгенри ухмыльнулся. - Я все это знаю. Разве я не знал ее до тебя? Она была моей первой.

Дукат встал. Мы все встали. В воздухе повисло напряжение, и в тишине, казалось, не было слышно ни движения корабля, ни волн. Я сказал себе: “Это убийство”.

Дукат, очень бледный, с непроницаемым выражением лица и прищуренными черными глазами , тихо спросил: “Месье, вы это серьезно?”

“Почему, конечно, я так думаю? Почему я не должен это серьезно говорить? Это правда”.

Никто из нас не двинулся с места, но каждый из нас как будто отступил назад, оставив двух мужчин лицом к лицу. В этом кругу никто не стал бы вмешиваться. Это было не наше дело. Наш отряд изолировал этих двоих — Макгенри был совершенно пьян, полностью владел собой, но не контролировал разум; Дукат был совсем не пьян, изучал ситуацию, в ярости и унижении обдумывая, как лучше отомстить этому человеку.

Дукат сказал: “Мак-Генри, выйди со мной из этой хижины.

“Зачем?”

“Пойдем со мной”.

“О, ладно, ладно”, - сказал Мак-Генри.

Мы отступили назад, когда они проходили мимо нас. Они поднялись по ступенькам на палубу. Дукат остановился у края кормы и заговорил с Макгенри. Мы не могли расслышать его слов. Шхуну лениво покачивало, до нас в каюту доносился слабый скрип такелажа. То же самое в глазах у всех был вопрос. Затем Дукат повернулся на каблуках, и Макгенри остался один.

Нашему вопросу было суждено остаться без ответа. Что бы ни сказал Дукат, это было то, что заставило Макгенри замолчать навсегда. Он никогда больше не упоминал эту тему, как и никто из нас. Но отношение Макгенри неуловимо изменилось. Слова Дуката разрушили то последнее тайное убежище души, в котором каждый человек хранит остатки себя-оправдание и самоуважение.

Мак-Генри разыскал меня в тот вечер, когда я сидел на крыше хижины , глядя на огромные звезды Южного Креста, и начал рассказывать.

“А теперь возьмите меня, - сказал он, - я не так уж плох. Я ничем не хуже большинства людей. По правде говоря, я в своей жизни не сделал ничего большего , чем сделал бы кто-либо другой, будь у него такая возможность. Посмотри на меня — на мне были майка и рабочие штаны, когда я высадился на пляж в Тити, и посмотри на меня сейчас! Я не так уж плох!”

Должно быть, он почувствовал, как неубедительно звучит его тон, как ему не хватает обычной полной и самодовольной самоуверенности, потому что, словно нащупывая что-то, что могло бы восполнить этот недостаток, он стал перебирать в уме

воспоминания и по крупицам раскрывал историю своих переживаний. Шотландец , родившийся в семье пьяниц, он вырос в трущобах американских городов и на баках американских кораблей. Беспризорник, разносчик газет, бездельник, участник банд и морской пират, он появился в Южных морях двадцать пять лет назад, когда напился в Сан-Франциско. Он с гордостью оглядывался на четверть века торговли, воровства, продажи контрабандного рома и опиума, скупки жемчуга и азартных игр.

Но эта гордость, от которой он так долго зависел, теперь подвела его. Успешные бои, которые он вел, совершенные прибыльные преступления - все это не сходило у него с языка. Слушая в темноте, как двигатель везет нас через черное море, а над головой хлопает брезентовый тент, Я почувствовал, что за его словами скрывается растерянность.

“Так что я ни у кого ничего не беру!” - похвастался он и погрузился в неловкое молчание. “Люди на этих островах знают меня, это точно!” - заявил он и снова замолчал.

“Жил-был один парень, маленький пенринский мальчик”, - внезапно сказал он. “Когда я был торговцем на Пенрине, он был там и часто заходил в мой магазин. Я нравился этому парню. Этот парень был без ума от меня! Это факт, он был без ума от меня, этот парень.”

К его голосу вернулась прежняя уверенность, но в нем слышалось удивление, как будто он не верил в то, что нашел точку опоры. Он повторил: “Этот парень был без ума от меня!”

- Он обычно околачивался поблизости и помогал мне с консервами, ходил со мной на рыбалку и охоту. Он был завсегдатаем — как вы их называете? Этих собак, которые охотятся за вещами для вас? Он нырял под воду и вытаскивал для меня крупную рыбу. И ему нравилось это делать. Вы никогда не видели ничего подобного тому, каким был этот парень”.

“Раньше я разрешал ему заходить в магазин и слоняться без дела, понимаете. Не то чтобы мне самому было какое-то дело до этого парня, я не из таких. Но я бы просто время от времени давайте ему немного консервированного печенья, как это делали бы вы.

У него не было ни отца, ни матери. Его отца съела акула, а мать умерла. У мальчика не было имени, потому что его мать умерла

такой молодой, что у него не было никакого имени, а отец называл его только мальчиком. Он сам дал мне имя, и это было “Твоя собака”.

- Видите ли, он называл себя моей собакой. Но его имя для этого было Твоим Собака, и это потому, что он приносил и переносил ее для меня, как будто был одним из них. Он был таким ребенком. Не то чтобы я обращал на него много внимания.

“Ты знаешь, на Пенрине, по ту сторону лагуны, есть поселение прокаженных. Я не боюсь проказы, вы понимаете, потому что я много лет имел с ними дело, ел с ними и спал с ними, и все такое, как и все здесь, внизу. Но все равно я не хочу, чтобы они все время были рядом со мной. И вот однажды доктор пришел осмотреть

он пришел и сказал мне, что маленький ребенок, моя собака, был прокаженным”.

“Я не был привязан к этому ребенку. Я ни к кому не привязан. Я не такой человек. Но парень вроде как привык ко мне, а я привык к тому, что он был рядом. Он обычно залезал в дом через окно. Он бы просто приходи по вечерам и сиди там и не говори ни слова. Когда я ложился спать, он говорил: “Макгенри, твоя собака сейчас пойдет спать, но не может ли Твоя Собака поспать здесь?” Ну, раньше я разрешал ей спать на полу, в этом не было ничего плохого. Но если бы он был прокаженным, ему пришлось бы отправиться в колонию, и я так ему и сказал”.

“Он поднял такой шум, кричал повсюду — ей-богу, мне пришлось выставить его оттуда. Я сказал: “Убирайся. Я не хочу, чтобы ты хныкал рядом со мной”. И он ушел.

“Это гнилое, Богом забытое место, я думаю. Я не знаю. О них заботится правительство. Это не мое дело. Думаю, для колонии прокаженных это не так уж и плохо”.

“В любом случае, я собирался продать все и уехать из Пенрина. Сезон дайвинга закончился. Однажды ночью я запер дверь и просматривал свои счета, чтобы посмотреть, не удастся ли мне собрать еще немного денег с местных жителей. Я услышал шум, и, Боже мой! в окно влетел Мой Пес. Он подошел ко мне, и я сказал: “Отойди, там!” Я не боюсь проказы, но рисковать не стоит. Никогда не знаешь наверняка.”

“Ну, сэр, этот парень бросился на пол и сказал: “Макгенри, я знал, что вы уезжаете, и я должен был прийти, чтобы увидеть вас”. Вот что он сказал на своем канакском жаргоне”.

“Он плакал и выглядел очень плохо. Он сказал, что не может выносить это поселение. Он сказал: “Я никогда тебя там не увижу. Разве я не могу жить здесь и снова быть твоей собакой?’

- Я сказал: “Ты должен поехать в поселение”. Я не собирался ввязываться в неприятности из-за того, что у меня нет канакского ребенка.

“Так вот, этот ребенок проплыл ночью около пяти миль, а вокруг него были акулы — в том самом месте, где его отец превратился в акулу. Этот ребенок был высокого мнения обо мне. Ну, я заставил его вернуться. - Если ты не пойдешь, придет доктор, и тогда тебе придется уйти, - сказал я. - Тебе лучше уйти. Я все равно ухожу, - сказал я. Я подсчитывал свои счета и не хотел, чтобы меня беспокоили из-за глупого мальчишки”.

“Ну, он какое-то время слонялся вокруг, устраивая шум, пока я не открыл дверь и не велел ему убираться. Потом он совсем затих. Он спустился с пляжа прямо в воду и поплыл прочь, обратно в поселок.

- Послушайте, я понравился этому парню. Он тоже хорошо меня знал — он был рядом с моим магазином почти все время, пока я был в Пенрине. Он был глупым ребенком. Так он назвал свою собаку. И когда я был здесь, в Тити, я получил письмо от продавца, который купил мой магазин, и он прислал мне письмо от этого ребенка. Оно было написано на канакском. Он не мог писать много, но немного. Вот, я покажу вам письмо. Вы будете

посмотрим, что этот парень подумал обо мне”.

В свете, падавшем из открытого окна каюты, я прочитал письмо, написанное с трудом на дешевой бумаге с синей линовкой.

“Привет тебе, Макгенри, с Таити, от твоей собаки. Мне трудно жить без тебя. Я давно тебя не видел. Это тяжело. Я иду к своему отцу. Я отдаю себя мако. Тебе, Макгенри, от Твоего Пес, привет и прощай”.

Внизу письма было написано по-английски: “Парень исчез из

поселения прокаженных. Они думают , что он утопился”.

Лейтенант Л’Эрмье де Плант, губернатор Маркизских островов

Вход в Маркизскую бухту

ГЛАВА III

Тридцать семь дней в море; жизнь морских птиц; странное фосфоресцирование; первый взгляд на Фату-Хиву; история островов; песнопения райатийцев.

ТРИДЦАТЬ СЕМЬ дней в море привели нас к тому, что мы высадились в Хива-Оа на Маркизских островах. Тридцать семь однообразных дней, сменявшихся только дождем, шквалами и солнцем, спокойствием или грозой на море, переменами в небе. Редко какая-нибудь проходящая мимо шхуна поднимала парус над дальним краем горизонта. Мы словно путешествовали сквозь пространство в другой мир.

И все же повсюду вокруг нас была жизнь — жизнь в тысячах разнообразных форм, наполнявшая море и воздух. В тихие утренние часы вздымающиеся волны разбивались о мириады прыгающих рыб, небо превращалось в игровую площадку для бесчисленных птиц, которые парили, ныряли, следуя своим привычным путям в своем собственном странном мире, не обращая внимания на человеческие существа , заточенные на куске дерева под ними. Окруженный вселенной , наполненной пульсирующей, разумной жизнью, облаченной в такие разнообразные формы, человек учится смирению. Он сжимается до размеров песчинки в бескрайнем океане.

Я проводил долгие послеобеденные часы, лежа в кают-компании и наблюдая за фрегатами, тропиками, чайками, олушами и другими морскими птицами, которые в огромном количестве носились по небу. Моряки называли птиц-фрегатов птицами-

воинами, а также морскими ястребами. Они превосходно летают, благодаря размеру грудных мышц, которые по сравнению с мышцами других птиц необычайно велики. Они не могут отдыхать на воде, но должны перелетать с суши на сушу, и все же они оказались посреди океана.

Мои глаза следовали за одним из них все выше и выше, пока он не превратился в простую точку в синеве, хотя всего несколькими минутами ранее он оторвался от своей погони за рыбой в воде. Он полностью расправил крылья и не шевелил ими, поднимаясь с уровня земли на уровень воздуха, но его длинный раздвоенный хвост непрерывно расширялся и сжимался.

Заметив стаю летучих рыб, которые, преследуя бонито, совершили отчаянные прыжки из моря, он начинает снижаться. Сначала он спускается, как самолет, по спирали, но в тысяче футов от своей жертвы он взлетает; он падает, как ракета, и, схватив в воздухе рыбу, снова устремляется к облакам.

Если он не может найти летучую рыбу, он останавливает бакланов и крачек в воздухе и заставляет их выбрасывать свой улов, который он хватает, когда тот падает. Отказ от еды наказывается ударами по голове, но бакланы и крачки так боятся фрегата, что у них редко хватает смелости ослушаться. Я думаю, что фрайгейту больше подошло бы название пират, потому что он настоящий воздушный пират. Однако ни один закон не запрещает ему это.

Я заметил, что у самца фрайгейта есть красный мешочек под горлом

которую он раздувает воздухом, когда улетает далеко. Должно быть, у нее есть какое-то другое назначение, потому что у самки ее нет, и она нуждается в энергии ветра больше, чем самец. Именно она ищет пищу, когда, отложив свое единственное яйцо на песок, уходит за границу, оставляя своего мужа согревать яйцо

.

Тропическая птица, которую часто называют боцманом или фаэтоном, также поднимается на большие высоты и редко встречается за пределами этих широт. Это красивая птица белого

или розового цвета с длинными карминовыми перьями на хвосте. На солнце эти розовые птицы кажутся великолепными объектами, когда они рывками взлетают на фоне ярко-голубого неба или скользят над морем, поднимаясь и опускаясь в поисках рыбы. Я много раз видел их с фрегатами, с которыми они большие друзья. Казалось бы, между ними существует какая-то связь; я никогда не видел, чтобы фрегат грабил свою прекрасную спутницу.

В таких праздных наблюдениях и возникающих из них смутных чудесах проходили дни. В хижине шла нескончаемая карточная игра , в которой я время от времени принимал участие. Гедж и Лживый Билл обменивались воспоминаниями. Мак-Генри постоянно пил. Будущий губернатор Маркизских островов украсил свои рукава галунами в знак того, что стал первым лейтенантом французской колониальной армии. Это был очень мягкий, холеный человек, уже немного потрепанный, его черные волосы немного поредели, но он был полным, с белой как молоко кожей и тщательно ухоженными черными бородой и усами. Он много времени проводил перед зеркалом, причесываясь, расчесывая волосы и выщипывая их. По сравнению с нами, неопрятными негодяями, он был как денди по сравнению с бродягой.

Из льда, который был упакован в коробки с опилками на палубе, можно было выпить за доблестного будущего губернатора, и это был последний холодный напиток. Ночью таитянские моряки угощались сами, и мы попрощались со льдом, пока снова не увидели Папеите.

Было не слишком приятно осознавать, что, если бы мы проводили выемку грунта достаточно долго, мы могли бы достать с морского дна ведра ила, которое охладило бы наши напитки почти до точки замерзания.

Ученые сделали это. Лживый Билл не хотел верить в историю и объяснение того, что ледяной поток течет из Антарктики через глубокую долину в морских глубинах.

“Это противоречит природе”, - утверждал он. “Чем дальше вы идете, тем это страшнее. В шахтах, чем дальше, тем хуже еда. А как насчет Элла?

Я спал на палубе. Внизу было невыносимо жарко. Шквалы утихли, и когда мы приблизились к Хива-Оа, море стало гладким, как стекло, но ленивые волны длиной в несколько лиг покачивали

шхуну, как колыбель.

В ночь перед тем, как острова должны были появиться в поле зрения, море было освещено таким великолепным фосфоресцирующим светом, что даже мои товарищи по кораблю, поглощенные игрой на картах внизу, стали окликать друг друга, чтобы посмотреть на это. Двигатель нес нас вперед со скоростью около шести узлов, и каждая небольшая волна, разбивавшаяся о берег, заставляла нас двигаться быстрее.

это был прекрасный светильник. За Утренней звездой виднелась млечная дорожка, усеянная дрожащими искорками света, а под поверхностью, рядом с рулем, виднелась полоса зеленого света, от которой в воздух взлетали миллиарды огненных искр. Далеко позади, пока горизонт не сомкнулся с океаном, наш след странным образом напоминал бульвар большого города, видневшийся сквозь туман, огни которого таяли в туманной дали, но все еще сверкали.

Я прошел вперед и встал у изголовья. Голубая вода, взбаламученная носом судна, была удивительно яркой, она переливалась фосфоресцирующим светом, который освещал нос, как лампа. Казалось, что под волнами играет молния, такая яркая , что вода и ее отражение на корабле переливаются.

В ту ночь морские обитатели были в полном восторге, словно желая отпраздновать мое прибытие на острова, о которых я так долго мечтал. Я улыбнулся этой фантазии, хорошо зная, что мельчайшие пироцисты, всплывшие на поверхность во время затишья, последовавшего за штормами, показывали в этом великолепном огне панику, вызванную среди них катаклизмом, вызванным нашим уходом. Но индивидуум всегда остается эгоистом. Человеку кажется , что вселенная вращается вокруг него и его дел. То же самое может показаться и пироцистам.

Далеко вокруг корабля волны мерцали зеленым огнем, потревоженные даже легким ветерком. Я набрал полное ведро воды. В темноте каюты не было видно света, пока я не провел по нему рукой. Это было все равно, что открыть дверь в комнату, залитую электрическим током; стол, края коек, незаинтересованные лица моих товарищей по кораблю выступили из тени. Чудеса не кажутся чудесными людям , живущим среди них.

Я долго лежал без сна на палубе, наблюдая за причудливо освещенным морем и огромными звездами, низко висевшими в небе, и мне показалось, что воздух изменился, что какое-то дуновение с островов, лежащих перед нами , смягчило соленый привкус морского бриза.

На рассвете показалась земля, темная, мрачная и негостеприимная. Когда мы проплывали мимо Фату-Хивы, первого из Маркизских островов , которые показались с юга, лил унылый дождь. Мы поднялись с Таити, расположенного в семнадцати градусах к югу от экватора, на расстояние между одиннадцатью и десятью градусами южной широты, и отклонились на запад на десять градусов. Маркизские острова лежали перед нами - тусклые пятна темных скал на фоне серой воды.

Они невелики, все эти острова; наибольшая окружность - шестьдесят или семьдесят миль . Некоторые из одиннадцати совсем маленькие, и на них сейчас нет людей. На карте мира они - крохотные точки. Немногие жители Европы или Америки что-либо знают о них. Большинство путешественников никогда о них не слышали. Ни один лайнер не заходит в их пределы.; ни провода, ни беспроводная связь не связывают их с остальным миром. Туристы их не посещают. Их жители погибают. Их торговля ослабевает. На Таити, откуда

они добывают почти все свои средства к существованию, здесь издаются их законы, и на которые они смотрят как на столицу мира, лишь несколько человек, которые торговали здесь, могли рассказать мне что-нибудь о Маркизских островах. У этих людей были лишь смутные, преувеличенные представления моряка, который сходит на берег раз или два в год и ничего не знает о жизни туземцев.

Семьсот пятьдесят миль, которые пролетает фрегат, отделяют эти острова от Таити, но никакое расстояние не может измерить разницу между счастьем Таити, сверкающей, ослепительной красотой этого украшенного цветами острова и суровым, неприступным видом Таити. Маркизские острова поднимались из моря, когда мы приближались к ним. Исчезли смеющиеся долины, бледно-зеленые холмы, манящий, женственный облик природы, мягкий плеск волн о мирный, сияющий берег. Дух, повелевающий громом, объявил эти мрачные и пустынные

острова своими.

Пока шхуна осторожно проплывала мимо мрачных и скалистых мысов Фату-Хивы, меня переполняло чувство торжественности и грусти; я знал, что такое чувство охватывает армию в ночь перед битвой, когда пишутся письма любимым и товарищам, которым доверено командование. сообщения.

Что худощавый, темные берега сама напоминает, что история Маркизские пишется кровью, черное пятно на белой расы. Это история зла, порожденного цивилизацией, проклятий, обрушенных на странный, простой народ людьми, которые стремились эксплуатировать его или переделать по другому образцу, которые разрушили их обычаи и счастье и оставили их умирать, апатичных, несчастных, едва ли осознающих свое жалкое положение.

Французский флаг развевается над Маркизскими островами с 1842 года. В В 1521 году Магеллан, должно быть, прошел между Маркизскими островами и Паумотас, но он их не упоминает. Семьдесят три года спустя в Испанская флотилия, отправленная из Кальяо доном Гарсией Уртадо де Мендосой, вице-королем Перу, обнаружила этот остров Фату-Хива и его командира, Мендана, назвав группу в честь супруги вице-короля, Лас-Маркизских островов Мендоса.

Прошло сто восемьдесят лет, и капитан Кук снова открыл острова, а француз Этьен Марчанд открыл северную группу. Пожаров свободы пылали высокие у него на родине, и в марте и назвал свою группу островов Революции, в честь побед французского народа. Годом ранее американец Ингрэм заметил эту же группу и дал ей название в честь своего любимого героя Вашингтона.

Если бы капитану Портеру не удалось установить американское правление в 1813 году на острове НукаХива, который он назвал Мэдисон, Маркизские острова могли бы стать американскими. Имя Портера, как и имя Менданы, связано с жестокими деяниями. Испанец был безжалостен, а тот

Американец может заявить, что его убийства были акцией возмездия или мерами безопасности для него самого. Об убийстве полинезийцев никто не задумывался. Шхуны

упражнялись в стрельбе из ружей на островах ради удовольствия или практики и уничтожали деревни со всеми их жителями.

“Вселить страх Божий в сердца негров”, - так говорили многие кровожадные капитаны и члены команды. Конечно, они не имели в виду это буквально. Они имели в виду страх перед самими собой и всеми белыми. Они использовали имя Бога всуе, потому что после более чем столетия таких периодических усилий полинезийцы почти не боятся и не верят в Бога. Бог христиан, несмотря на непрерывные труды миссионеров. Бог , кажется, забыл о них.

Французы без особого труда сделали острова своими политическими владениями . У маркизов не было ни короля, ни единого вождя. Существовало множество племен и кланов, и было легко убедить или принудить мелких вождей подписать декларации и договоры. Но уничтожить независимость народа было нелегко, и Франция несколько раз фактически оставляла острова и вновь захватывала их, причем ее правление менялось в зависимости от политических условий внутри страны.

Были войны, ужасные, кровавые сцены, когда члены клана убивали белых и съедали их, и кости многих доблестных французских офицеров и морских капитанов истлели там, где их свалили в кучу после оргии, последовавшей за победой. Но, как всегда, белый убил сотни своих против одного туземца, и со временем он изгнал дьявола свободы и защиты родной земли из сердца маркизца.

Однако прежде чем французы добились этого, белые посеяли среди маркизцев смертоносное зло, которое уничтожило их быстрее , чем война, и оставило их опустошенными, умирающими, переходящими на грань вымирания.

Когда я смотрел с палубы “Утренней звезды”, меня поразила уместность этого зрелища. Фату-Хива осталась позади, а Хива-Оа, пункт нашего назначения, был перед нами, мрачный и угрожающий. Моим глазам он предстал таким, каким он был в глазах более кротких полинезийцев древности, - обителью демонов и расы ужасных воинов. Отсюда спустились маркизцы, викинги с Тихого океана, на гигантских каноэ и напали на воинов таитян, раиате и паумотцев, убив их сотнями и унося с собой десятки, чтобы полакомиться ими на Возвышенностях.

“Маури, я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя”. а ты любишь меня. А ты любишь меня, я люблю тебя? А ты любишь меня, я люблю тебя, я люблю тебя! О, ты все еще здесь, и я иду к тебе, и я иду к тебе, и я иду к тебе. Рутинная работа, которую я должен выполнять! Мы находимся в хай-о-Нуу-хива-роа.

Я хочу, чтобы ты был здесь”.

“Дух утра плывет на летучих испарениях, которые поднимают соль с моря. Держись! Держись! И ударим — куда? Ударим на северо-восток! Пар улетает к дальнему краю Моря атоллов. Ударьте туда! Ударьте далеко на север! Море выбрасывает на берег далекую Нука-Хиву, Землю Военного флота, где вздымаются огромные волны.”

Это была древняя песнь райатеанцев, которую они пели в старые времена , еще до прихода белых, когда вспоминали о деяниях, совершенных людьми, которые отличались от людей, живших на этих пустынных островах.

Окованное железом побережье Маркизских островов

Дорога в Нуку-Хива

Гавань Таи-о-хэ

Шхуна “Фетия Тайао” в бухте Предателей Маленький островок позади шхуны называется Ханаке

ГЛАВА IV

Стоянка в Тахауке; Взрывающиеся яйца и его назначение камердинером; инаугурация нового губернатора; танцы на дворцовой лужайке.

Когда мы приблизились к Хива-Оа, гигантская гора Теметиу медленно поднялась на четыре тысячи футов над морем, окутанная самыми черными облаками. Внизу одна за другой стали видны пурпурно-черные долины, мрачные пещеры с сырой растительностью. Высокие утесы, покрытые бороздками и трещинами, возвышались над бескрайним серым морем.

Мы медленно вползли в широкую бухту Предателей и ощупью добрались до якорной стоянки Таха-Ука, длинного и узкого прохода между хмурыми утесами, гранитными стенами, покрытыми брызгами, которые яростно хлестало море. Вдоль всех утесов росли великолепные кокосовые пальмы, которые покачивали своими зелеными листьями на ветру. Над ними возвышались темно-зеленые горы, а далеко на более высоких склонах мы видели диких коз, перепрыгивающих со скалы на скалу, и диких лошадей, бегущих по верхним долинам.

С высоких высот свисало несколько десятков белых лент, и в бинокль я увидел, что это водопады. Они были похожи на серебряные нити, колышущиеся на ветру, и, поднеся бинокль поближе, я увидел, что некоторые из них были тяжелыми потоками, в то время как другие, прозрачные, как клочья шифона, едва скрывали черные стены за собой.

С острова капало. Воздух был насыщен влагой, палубы были влажными, а вдоль базальтовых скал, выступавших из утесов , били и ревели сотни вентиляционных отверстий. За долгие века усилий океан проделал в скале камеры и прорубил проходы наверх, через которые при каждом всплеске набегающих волн вода устремлялась ввысь и поднималась высоко в воздух.

Моряки называют это побережье “окованным железом”, и это слово позволяет увидеть его могучий, суровый облик. Расплавленная порода, расплавленная в подземном огне и выплавленная над морем, остыла, превратившись в эти зловещие хребты и суровые непреклонные стены.

Там, на палубе, я решил не уходить, пока не поживу некоторое

время среди этих диких пейзажей. Моим намерением было отправиться в плавание на “Утренней звезде” и вернуться с ней на Таити, но таинственный голос позвал меня из сумрачных долин. Я не мог уйти, не проникнув в эти крутые и меланхоличные лесные чащи, не попытавшись, хотя и очень слабо, размешать остывшее варево легенд и преданий, быстро исчезающее в оцепенении и забвении.

Лживый Билл горячо запротестовал; он любил компанию и пожалел бы о моем вкладе в счет расходов. Гедж присоединился к нему и выступил против этого плана, утверждая, что я не смогу найти жилье , что здесь нет отеля, клуба, ночлега или еды для незнакомца. Но я был полон решимости остаться, хотя мне и пришлось спать под хлебным деревом

дерево. Поскольку я был простым скитальцем, у меня не было ни календаря, ни даже часов, мне оставалось только перевезти на берег свои немногочисленные пожитки и стать маркизцем. Эти пожитки я собрал, но они показались мне упрямыми. Лживый Билл неохотно согласился высадить их на пляже.

По обе стороны бухты Таха-Ука есть причалы, один из которых находится перед магазином, а другой ведет прямо в лес. Это лестницы, вырубленные в базальтовой стене скал, и о них непрерывно бьются волны. Пляж Таха-Ука находился в миле от того места, где мы лежали , и был недоступен для движения транспорта, но за выступом утесов скрывалась крошечная бухта Атуона, куда можно было выгружать товары.

Пока мы обсуждали это, из-за выступающих скал выскочило маленькое каноэ с выносными опорами, хрупкое и едва ли достаточно большое, чтобы вместить стройного маркизского мальчика, который греб на нем. Примерно до пояса он был одет в красно-желтое пареу, и его обнаженное тело походило на маленькую и совершенную статую, когда он управлялся со своим крошечным ремеслом. Когда он перевалился через борт, я увидел , что ему около тринадцати лет и он очень красив, смуглый, с правильными чертами лица и обаятельной улыбкой.

Он сказал, что его зовут Накоху, что означает “Взрывающиеся яйца”. Этого последнего штриха было достаточно; без дальнейших церемоний я сразу же нанял его в качестве камердинера на время моего пребывания на Маркизских

островах. В его обязанности входило помогать доставлять мой багаж на берег, посвящать меня в тайны приготовления плодов хлебного дерева и других съедобных продуктов, которые я смогу найти, а также беседовать со мной на маркизском. Взамен он должен был рассчитывать на честь состоять при мне, на возможность покупать те мелкие предметы, которые я мог оставить при отъезде, и на щедрое жалованье - около пяти центов в день. Его благодарность и восторг не знали границ.

Едва все было улажено, как за каноэ последовала вельбот, управляемый маркизцами, и высокий, поджарый Француз поднялся на борт “Утренней звезды”. Это был месье Андре Бауда, специальный агент, рассыльный, почтмейстер; кавалер-саблист, ветеран многих кампаний в Африке, одетый в форму цвета хаки, с медалями на груди, полный веселых и яростных словечек, пьющий ром неразбавленным и розовый от вежливости. Он пришел, чтобы ознакомиться с судовыми документами и встретиться с новым управляющим.

На круглом лице М. появилось выражение крайнего изумления. Хозяин плантаций, когда ему сообщили, что это одинокое вельботное судно доставило одинокого белого, чтобы поприветствовать его в резиденции правительства. Он усердно готовился к приему в течение многих часов и был безукоризненно одет в белый парусиновый костюм, его ноги были обуты в высокие, до блеска начищенные сапоги, на рукаве были две бархатные нашивки, а военная фуражка сияла. Он знал о Маркизских островах не больше , чем я, поскольку прибыл из Франции прямо через Таити, и был явно ошеломлен и встревожен. Неужели вся эта нежная забота с его стороны

усы, которые будут потрачены впустую на созерцание пейзажа?

Однако, пропустив стаканчик-другой, он покорно собрал свои пожитки и, забравшись в мокрую и грязную лодку вместе с Баудой, надел зонт поверх своей яркой кепки и исчез под дождем.

“У вас очень красивое место для жизни”, - заметил Лживый Билл. “Вот если бы вы были здесь, когда я приехал, вы бы кое-что увидели! Я приезжал сюда тридцать пять лет назад, когда был маленьким мальчиком. Я пришел со шкипером , и я был единственным членом команды. Я и он, и мне было восемнадцать, и яхта была победителем. Я прожил здесь и около

десяти лет. В те дни было время небольших волнений. Там был вождь Мохухо, который убил бы меня, если бы меня не трахнула Ваекеху, королева, которой я понравился, потому что я был ребенком и белым. Я видел, как Мохухо застрелил трех туземцев с кокосовых пальм, просто чтобы опробовать новое ружье. Он был плохим парнем, да. В те дни каждый день что-то происходило. Боже, каково это - быть молодым!"

Чуть позже, лежа законопроект, Дукат, и я, с каноэ мой новый камердинер в после нашей лодке, обогнув скалы, которые отключили наш взгляд Долина Атюона. Он лежал перед нами - длинная и узкая полоска песка за пенящимся и тяжелым прибоем; за ним виднелись несколько разбросанных деревянных строений среди пальм и баньяновых деревьев, а выше - ребристые изможденные горы, замыкающиеся в глубоком и мрачном ущелье. Это было уединенное, красивое место, зловещее, меланхоличное и в то же время величественное.

Остров назывался "Кровавый Хива-Оа". Еще долго после того, как французы с помощью террора подчиняли себе другие острова этой группы, Хива-Оа оставался упрямым, обособленным и неприрученным. Это был последний оплот жестокости, жестоких вождей и ожесточенной вражды, примитивных и ужасных обычаев. А столицей "острова людоедов Хива-Оа" была долина Атуона

.

Мы высадились на берег сухими, благодаря мастерству лодочника и силе таитянских моряков, которые перенесли нас через прибой и разместили мой багаж среди густых зеленых лиан, встречавших прилив. Мы оделись для визита к губернатору, инаугурация которого должна была состояться во второй половине дня, и, оставив мои вещи на попечение верных "Взрывающихся яиц", отправились вверх по долине.

Неровная дорога шириной в семь-восемь футов поднималась по скалам над джунглями и была окаймлена гигантскими банановыми зарослями и кокосовыми орехами. В это время года под нами простиралось болото, фруктовые пальмы стояли на много футов в воде и грязи, но их длинные зеленые листья и темные заросли дикой растительности на крутых склонах гор были прекрасны.

Дом правительства располагался в полумиле от нас, в сужающемся ущелье, и по пути мы миновали заброшенное жилище, стоявшее посреди болота, с обшарпанными верандами и открытыми дверями

обнажая жалкую смесь местной наготы с убогой европейской обстановкой. На шатающейся веранде сидел оборванный Француз, бородатый и лохматый, а рядом с ним три девушки, светловолосые, как немецкие сумасшедшие. Их белые, нежные лица и голубые глаза в такой обстановке поражали, как удар. Старшей была девушка восемнадцати лет, грустная, хотя и хорошенькая, одетая, как и остальные , в грязное платье, без туфель и чулок. Мужчина был в перепачканном комбинезоне и шатался от пьянства.

- Это Бофре, - сказал Дукат. - Он всегда пьян. Он женился на дочери ирландского торговца, бывшего офицера Британской индийской армии. Кавалерия. Бофре был младшим офицером в здешних французских войсках. В этих девушках нет местной крови. Интересно, что с ними станет?

В нескольких сотнях ярдов дальше находился дворец. Это был деревянный дом из четырех или пяти комнат с просторной верандой, окруженный забором площадью в один акр. Газон был ярко-зеленым, буйно разросшимся растением, которое на этих островах покрывает каждый фут поверхности земли . На этой добровольной лужайке росли кокосовые орехи и манговые деревья, а под ними - дюжина розовых кустов, густо усыпанных необычайно ароматным цветением. Вдоль изгороди росли ананасы, а в глубине, рядом с крошечной аптекой, кухней и навесом для прислуги, цвела грядка латука.

На спонтанной лужайке перед верандой три десятка Маркизцы стояли или сидели на корточках, мужчины в рубашках и комбинезонах, а женщины в туниках. Их кожа, не коричневый и не красный и не желтый, но Тони, как белый человек глубоко освещалась солнцем, напомнил мне снова, что эти люди могут проследить свою родословную до Кавказский колыбель. Волосы женщин были украшены яркими цветами или листьями искусственного кофейного куста. Их простые одежды великолепных расцветок облегали их стройные, округлые тела, их темные глаза были мягкими и полными света, как у оленя, а черты лица, четкие и строгие, отличались классическими

чертами.

Мужчины, высокие и массивные, казались неловко стесненными в плохо сидящих синих хлопчатобумажных комбинезонах, какие американские рабочие носят поверх уличной одежды. Их огромные тела, казалось, вот-вот прорвутся сквозь тонкие переплеты, а положение их поразительных голов делало одежду нелепой. У большинства из них были довольно правильные черты лица, широкие рты и полные чувственные губы. На них не было головных уборов или украшений, хотя это всегда было в обычае у всех полинезийцев Возлагать на голову цветы и венки.

Мужчины и женщины ждали с какой-то апатичной покорностью судьбе.; казалось, меланхолия и безысходное отчаяние - единственное , что у них осталось.

На веранде с губернатором и Баудой было несколько белых, в том числе француженка, которую мы представили. Мадам Бапп, толстая

а краснолицая, в обтягивающем шелковом платье поверх корсета, была вдвое крупнее своего мужа, щеголеватого маленького человечка с огромными усами, бумажным воротничком до ушей и огненно-красным бархатным галстуком.

На столе стояли бутылки абсента и шампанского, а на полу стояло несколько бутылок красного вина. Вся наша компания набросилась на стол и выпила подогретого шампанского.

Француз с неприятным лицом, Пьер Гильиту, деревенский мясник - философ и анархист, как он мне сказал, — постучал бутылкой по перилам веранды. Губернатор, облаченный во все возможные золотые кружева, выглядел галантно, когда поднялся и обратился к народу. Его бакенбарды блестели от наряда. Церемония началась с обращения местного жителя Хаабунаи.

Перехваченный Гийиту, Хаабунаи сказал, что маркизцы рады новому губернатору, мудрому человеку, который излечит их от болезней, справедливому правителю и другу; затем, обращаясь непосредственно к своему народу, он расточительно похвалил новоприбывшего, так что Гийиту поперхнулся при переводе и замолчал. И смешал себе стакан абсента с водой.

Губернатор коротко ответил по-французски. Он сказал, что

пришел в их интересах; что он не обманет их и не предаст; что он вылечит их, если они заболеют. Французский флаг - это их флаг. Французский народ любит их. Маркизцы слушали без интереса, как будто он рассказывал о ком-то в Тибете, кто хотел продать зеленого слоника.

В Южных морях встреча на свежем воздухе означает танец. То Полинезийцы всегда считали это универсальное для человека выражение ритмического принципа движения главным признаком эмоций и , в частности, душевного подъема. Цивилизация практически подавила его на многих островах. Христианство объявило это грехом. С этим трудно смириться, потому что это основной способ выражения сильных природных чувств и отличное развлечение для всех этих народов.

После произнесения речей губернатор предложил передать национальный дух с помощью пантомимы.

“Их нужно взбодрить алкоголем, иначе они не будут двигаться”, - сказал Гильиту.

“Боже мой!” - ответил он. Это снова “Фоли-Бержер”! Дайте им вина!”

Бауда заказал флаг, местного жандарма и песню о Найтингейл, заключенный, должен был отнести в сад бутыль с бордосским вином . Они разнесли кларет по бокалам, пока каждый из них не наполнился Маркизец выпил пинту или около того. Соловьиная песня был дикарем средних лет, со злобным, плотоядным лицом и бакенбардами от ушей до уголков рта, несомненно, странным представителем маркизской расы, ни один из мужчин которой не допускал, чтобы у него росли волосы на губах или щеках.

Пока Сонг разносил вино, месье Бауда рассказал мне о преступлении, из-за которого он попал в тюрьму. Он отбывал восемнадцатимесячный срок за продажу кокосового бренди.

Когда бочка была опорожнена, люди начали танцевать. Они выстроились в три ряда, один женский между двумя мужскими, по-индийски лицом к веранде. На “Хаабунаи” и “Песне соловья ” заиграли барабаны. Это были варварские инструменты высотой около четырех футов, сделанные из кожи, натянутой на полые бревна, и “Бум-бум”, издаваемое ими, когда по ним ударяли руки двух сильных мужчин , было волнующим и странным.

Танец был торжественным, медленным и меланхоличным. Хаабунаи отдал приказ, крича во весь голос. Женщины в синих и алых китайских шелковых платках, повязанных вокруг бедер, двигались скованно, без всякого интереса или непосредственности, как будто были скованы и безразличны. Хотя танцы были распущенными, они не несли в себе никакого смысла и не выражали никаких эмоций. Мужчины жестикулировали заученно, безмолвно обращаясь к зрителям, так что можно было подумать, что они ораторы, чьи голоса не достигали слуха. Не было ни смеха, ни даже улыбок.

“Дайте им еще по одной бутылке!” - сказал губернатор.

Виноградный сок рассеял меланхолию. Когда последние капли были выпиты, танцы возобновились. Женщины начали зажигательный танец вентре. Теперь их глаза сверкали, тела были гибкими и грациозными. Мак-Генри выбежал на лужайку и, заняв свое место среди них, стал копировать их движения, выделывая такие ужимки, что они разразились радостным ревом побежденных, восхищаясь наивностью победителей. Они попытались продолжить танец, но от радости не смогли.

Один из танцоров подошел к веранде и церемонно поцеловал губернатора в губы. Молодой чиновник был очень удивлен, но ответил на приветствие и сжал ее тонкую талию. Все присутствующие рассмеялись, за исключением мадам Бапп, которая сердито сверкнула глазами и воскликнула: “Coquine!”, что означает “потаскушка”.

У маркизцев в обычае заниматься любовью нет поцелуев, но они нюхают их или трутся носами, как это делают эскимосы. Белых, однако, учили поцелуям во всем их разнообразии.

Губернатор предложил девушке выпить бокал шампанского. Ей было лет шестнадцать, она была очаровательной девушкой, улыбчивой, простой и милой. Ее кожа, как у всех маркизцев, была оливковой, а не коричневой, как у других Гавайский или желтый, как у китайцев, но такой же, как у белых , потемневших на солнце. У нее были черные струящиеся волосы, глаза цвета терна и лукавое выражение лица. Ее манеры были бесхитростно заискивающими, а в ее мягком нраве не было и намека на высокомерие. Когда я заметил, что у нее на руке татуировка, она сняла платье и осталась обнаженной по пояс , чтобы показать все свои украшения.

Там была надпись из трех строк, протянувшихся от ее плеча к запястью, буквы длиной почти в дюйм, небрежно и художественно сложенные вместе. Надпись была следующей:

“ТАХИАКЕАНА ТЕЙКИМОЕАТИПАНИ ПАХАКА АВИИ АНИПОЕНУИМАТИЛИЛИ ТЕТУАТОНЕИНУХАПАЛИЛИ”

Эти имена были даны ей при рождении и вытатуированы в детстве. По ее словам, ее звали Тахиакеана, ткачиха циновок.

Увидев ее успех среди нас и заметив шампанское, ее спутники начали проталкиваться на веранду, чтобы разделить с ней удачу. Это разозлило губернатора, который счел, что его достоинство ущемлено. Около По приказу Бауды жандарм и “Песня соловья” отпустили посетителей, уложили Макгенри спать под деревом и сопроводили нас с новым руководителем в дом Бауды на пляже.

Там, в его дощатой лачуге размером шесть на десять футов, мы впервые поужинали на островах, а снаружи ветер шелестел пальмовыми листьями , и орехи время от времени падали на железную крышу с оглушительным грохотом бомб. Это был простой, но обильный обед из консервов, приготовленный смуглым жандармом и злой Песней, чей срок наказания за распространение бренди, казалось, удивительно соответствовал его преступлению.

В полночь я сопровождал счастливого правителя в его дворец, где была одна свободная спальня, скудно обставленная. Ночью перекладины моей кровати с ужасным грохотом подались, и, проснувшись, я увидел губернатора в пижаме из розового шелка, с пистолетом в руке, который направлял на меня электрические лучи от аккумуляторной лампы. В его тоне было беспокойство, когда он сказал:

- Никогда не знаешь наверняка. Сын вождя пытался убить моего предшественника. Я не знаю этих маркизцев. Нас здесь мало белых. И, боже мой! страж дворца сам местный житель!

а, комиссар

Андре Бод

Публичный танец в саду

Антуанетта, маркизская танцовщица

Маркизцы в воскресных нарядах Дочь Титихути, правителя Хива-Оа. Слева - ее муж Пьер Прадора, справа - его брат.

ГЛАВА V

Первая ночь в долине Атуона; сенсационное прибытие “Золотой кровати”; Татуированные ноги Титихути.

Необходимо было немедленно найти жилье для моего предполагаемого пребывания в Атуоне, поскольку шхуна отплывала на следующий день, а мое мимолетное знакомство с маркизами пробудило во мне желание жить среди них. Я бы не принял вежливого приглашения губернатора остановиться во дворце, потому что чиновники никогда не знают, что их окружает, а величие не вызывает доверия у простых людей.

Лам Кай Оо, пожилой китаец, с которым я столкнулся в магазине “У торговца”, с готовностью пришел мне на помощь, предложив арендовать его заброшенный магазин и пекарню. В юности его привезли из Кантона профсоюзные боссы Западной Америки, чтобы он помогал строить трансконтинентальную железную дорогу, а позже другое агентство направило его в Тахаку выращивать хлопок для Джона Харта. Он был свидетелем уничтожения этой плантации, избежал эпидемии опиума и на свои скудные сбережения стал мелким торговцем в Атуоне.

Теперь он был стар и удалился в долину, в дом, который уже давно построил там, рядом со своей печью для производства копры и святилищем Святого Сердца Иисуса.

Он привел меня в заброшенную хижину, длинную комнату, полуразрушенную, сырую, увешанную паутиной, прилавки и скамьи почернели от воспоминаний о двадцати тысячах торговых операций и китайских блюдах. Окна были забраны всего лишь полудюжиной решеток, а мрачные стены пропитаны тяжелыми испарениями жестокого прошлого. Хотя опиум уже давно был контрабандой, его едкий запах пропитал поношенную мебель. Здесь, испытывая некоторые опасения, я приготовился провести свою вторую ночь в Хива-Оа.

Я покинул дворец поздно и нашел хижину по ее расположению у реки на главной дороге. Наступила полночь, но, когда я открыл дверь, ни одно существо не пошевелилось. Немногочисленные звезды на черном бархатном покрове неба , казалось, рассеивали тьму, и дух По, самого Маркизский бог зла, дышащий из невидимого, содрогающегося леса. Я попытался проклять свое настроение, но не смог произнести ни слова ненормативной лексики. Начался дождь , и я протиснулся в берлогу.

Вид унылого интерьера меня не обрадовал. Я запер дверь большим железным ключом, расстелил циновку и задул фонарь. Вскоре из огромной кирпичной печи, где десятилетиями Лам Кай Оо выпекал свой хлеб, выбрались царапающиеся, шепчущие фигуры, которые скользили по скользкому полу и прыгали вокруг сидений, на которых сидели многие давно умершие. Я лежал тихо, страстно желая уснуть, но волосы у меня на голове зашевелились.

Темнота была невероятной, давящей, как тяжелый груз. Шум ветра и дождя в хлебном лесу и низкие

рев потока стал лишь частью тишины, в которой эти невидимые существа крались и шуршали. Как я ни старался, я не мог вспомнить ни одного своего доброго поступка, который мог бы озарить меня светом в том темном месте. Кельтское видение моих предков, эта странная смесь ужасов друидов и соггарта, танцевало на скрипучем полу, а колдовские огни мерцали на потолке и деревянных балках. Я хотел было чиркнуть спичкой, но , то ли бодрствуя, то ли спросонья, у меня не хватило сил

дотянуться до него.

Затем что-то липкое коснулось моего лица, и я одним прыжком включил фонарь. В круге его лучей не шевельнулось ни одно живое существо. У меня мурашки побежали по коже, и, выпрямившись на циновке, я громко читал нараспев отрывки из Библии на французском с таитянскими параллелями. Дым трубки и приятный запах табака помогали ритму пророков рассеивать призраки мрака, но ни один моряк, потерпевший кораблекрушение, не встречал рассвет с большей радостью, чем я.

В его бледном свете я заглянул сквозь зарешеченные окна — окна китайцев во всем мире — и увидел четырех мужчин, которые опустили гроб, чтобы передохнуть и выкурить сигарету. Они сидели на грубом ящике, покрытом черной тканью, и передавали друг другу табак, завернутый в пандан. Обнаженные, если не считать набедренных повязок, с коричневатой кожей, влажно поблескивающей в сером свете, и татуировками вокруг глаз, они являли собой странную картину на фоне джунглей.

У них не было огня, потому что, переходя ручей, они забрались в глубокое место и намочили спички. Я протянул коробку через решетку и, опрометчиво воспользовавшись теми несколькими словами на маркизском, которые я помнил, и обрывками французского, которые они знали, дополнил их обрывками испанского, которые узнал от чилийского убийцы, который доил коров для От немецкого торговца я узнал, что это тело принадлежало шестидесятилетней женщине , чьи муки были смягчены ритуалом католической церкви. Носильщики несли ее на кладбище Голгофа на холме.

Выкурив сигареты, они поднялись и взялись за длинные шесты, на которых висел гроб. Двигаясь поступью пантеры, твердой, бесшумной и грациозной, они исчезли в лесу, и я остался наедине с утренним солнцем и блестящими листьями мокрых от дождя хлебных деревьев.

Час спустя на пляже я встретил Геджа, который с насмешливым видом спросил меня, как мне понравилась моя первая ночь среди канаков. Я ответил, что редко проводил такую ночь, с жаром рассказывал о лесе и ручье и сказал, что по-прежнему намерен остаться здесь, когда шхуна отчалит.

- Что ж, если ты останешься, - сказал он, и в его глазах появилось выражение торговца , - у меня есть как раз то, что тебе нужно. Ты

же не хочешь лежать на циновке , где до тебя могут добраться тысячи ног, а если они до тебя доберутся, ты умрешь. Ты хочешь жить правильно. А теперь послушай меня: у меня самая лучшая латунная кровать, на которой когда-либо спал король. Массивная латунная кровать двойной толщины, выглядит как цельная

золото. Пружины, на которых держалась бы шхуна, матрас двойной толщины, простыни и подушки, расшитые так, словно они принадлежали герцогине. Парень, для которого я привез это, собирался жениться, но теперь он лежит там, на Голгофе, в постели, которую для него вырыли. Я отдам ее вам недорого — за триста франков. Она стоит вдвое дороже. Что скажете?

Кровать из латуни, золотая кровать на островах каннибалов!

“Это здорово”, - сказал я.

На палубе “Утренней звезды” я увидел , как из трюма подняли упаковочные ящики, а мою новую покупку со всеми ее деталями и принадлежностями погрузили в корабельную шлюпку вместе с железным ящиком, в котором хранилось мое золото. Итак, я прибыл в Атуону во второй раз, сидя верхом на зашитом матрасе поверх металлических деталей, и так ловко проделал все это. Веслами управлялись таитяне, и, хотя мы плыли по прибою прямо к ползучим цветам джунглей, которые встречались с приливом на пляже Атуона, я не промок, разве что от брызг.

За нашим прибытием наблюдали два десятка маркизских вождей, которых Бауда созвал для того, как он сказал мне, чтобы побудить их более энергично взяться за сбор налогов. Собрание было немедленно закрыто, и они поспешили покинуть каркасное здание, в котором размещались правительственные учреждения. Их любопытство было невозможно сдержать. Множество нетерпеливых рук сняли покрывало с медной кровати и выставили на всеобщее обозрение сверкающие на солнце головку и ножки . Возгласы изумления и восторга встретили это чудо. Это была еще одна диковинка с островов белых людей, свидетельствующая о богатстве и королевском вкусе.

Со всех сторон спешили другие туземцы. Мы с моей бронзовой кроватью оказались в центре круга жестикулирующих людей, темные глаза которых округлились от возбуждения, а обнаженные плечи соприкасались. Три вождя, надменные и с татуировками,

собственноручно установили кровать, а когда я объяснил , для чего предназначен матрас, установили его на место. Теперь все присутствующие женщины проталкивались вперед и просили об одолжении, чтобы им позволили попрыгать на нем. Это стало развлечением, сопровождавшимся большим почетом. Тем временем вокруг кровати разгорелись споры. Многие оценивали количество матрацев, которое было бы необходимо, чтобы соответствовать толщине матраса, но ни один из них не смог сравниться с его мягкостью и эластичностью.

В разгар этой суматохи одна женщина, чьи глаза и овал лица выдавали китайскую кровь, но которая была очень миловидной и опрятной, протиснулась вперед и, указывая на сверкающий центр притяжения , повторяла снова и снова.

“Кисссскисскисса? Кисссскисскисса?”

Какое-то время я был склонен поверить в ее внезапную привязанность ко мне, но вскоре перевел ее вопрос по-французски так: “Что это такое?” Что это такое?

По ее словам, она была Аппоро, женой Пухея, Великого Ферна, и владела домом, в котором недавно умер ее отец, китаец. Этот дом она искренне хотела отдать мне в обмен на золотую кровать, и мы заключили сделку. Я должен был жить в доме Аппоро и, уезжая, оставить ей постель. Для заключения договора был вызван Великий Ферн, ее муж . Он был огромного роста, темнокожий, с безмятежным выражением лица и вьющимися волосами. Они согласились тщательно прибраться в доме и сразу же передать его мне.

Они были просто без ума от кровати во всей ее сверкающей золотистой красоте, и как только все было готово, они не могли удержаться от того, чтобы не осмотреть ее, не залезть под нее, не разгладить матрас и не пощупать пружины. Они трясли ее, тыкали в нее, похлопывали по ней и, наконец, Аппоро, преисполненная женской гордости, присвоила себе исключительную привилегию скакать на нем.

Лам Кай Оо оплакивал потерю арендатора.

“Вы сохраните этот дом, который принадлежит мне, - убежденно доказывал он. - Мой кабинет немного грязный , но я все исправлю. Ты идешь в дом прокаженного, хлопаешь бедрами,

хлопаешь пальцами ног, хлопаешь носом". Он скорчил ужасную гримасу и изобразил пантомимой разрушительное воздействие проказы на человеческий облик.

Его призыв был напрасен. Золотое ложе, водруженное на плечи четырех рослых вождей, начало свое триумфальное шествие по дороге в долину. За ним торжественно шествовали надувшиеся от важности Взрывающиеся яйца, которых со всех сторон уважительно называли Туэни Оки Кики, Хранитель Золотого ложа, но Аппоро оттеснил его, завидуя женщинам. За ними по ухабистой дороге спешили остальные жители деревни, которым не терпелось увидеть, как чудо будет установлено в новых помещениях, а я неторопливо следовал за варварской процессией.

Мое новое жилище находилось в миле от пляжа и в стороне от главной магистрали, хотя это не имело большого значения. Дороги, построенные десятки лет назад французами, настолько разрушены и заброшены, что на всех островах от них не осталось и тысячи футов. Ни одно колесо не удерживает транспортное средство, даже тачку. Тропы пронизывают долины и взбираются на холмы, а движение осуществляется лошадьми и людьми.

Моя Золотая кровать, опасно покачивающаяся на узкой тропинке, привела меня через густые заросли джунглей к моему новому дому, маленькому домику, выкрашенному в ярко-синий цвет и крытому гофрированным железом. Расположенный посреди леса, он был возведен на паэпае - огромной платформе, сложенной из базальтовых камней, черных, гладких и больших, как сама плоть Маркизских островов. Каждый дом, построенный туземцем с незапамятных времен, стоял на папае, и мой был возведен в незапамятные времена. Он был пятидесяти футов в ширину и столько же в длину, возвышался на восемь футов над землей, к нему вели стертые ступени.

Над маленьким домиком с голубыми стенами возвышался скалистый пик Теметиу

отвесно, на высоте четырех тысяч футов, его низовья покрыты лианами и деревьями, а вершина темно-зеленая при ясном небе, но черная, когда солнце скрывается за горизонтом. Большую часть дня он был всего лишь смутной тенью над полосой белых облаков, но к его таинственным высотам из долины отвесно поднимался изломанный горный хребет, а на нем паслись дикий

кабан и любящий скалы козел.

Рядом с домом река бурлила среди зеленых зарослей хлебного дерева, кокосовых орехов, яблонь, манго и лип. Тропическая жара источала от их листьев дремотный лесной аромат, который наполнял две маленькие комнаты с выбеленными стенами, а тени деревьев, падающие через широкие незастекленные окна, создавали на черном каменном полу узор в солнечных бликах. Это был Дом прокаженных, ныне переименованный в Дом с Золотым ложем, который должен был стать моим домом в те неведомые дни, которые предстояли мне впереди.

На следующий день я наблюдал, как “Утренняя звезда” поднимает свои паруса и медленно выходит из бухты Предателей в открытое море, с меньшим сожалением , чем когда-либо в тот момент задумчивости, который сопровождает отплытие парусного корабля. “Взрывающиеся яйца”, стоявшие рядом со мной, правильно истолковали мой ответный взгляд. “Каоха!” - сказал он с широкой приветственной улыбкой, и вместе с ним и Ваем, моим ближайшим соседом, я с радостью вернулся в свой паэпае.

Вай, или, по-английски, Уотер, был двадцатилетним юношей, денди; обычно он был обнажен, если не считать парео на чреслах, но по воскресеньям или во время ухаживаний надевал самую яркую из европеизированных одежд. Он жил недалеко от меня в маленьком домике на берегу реки со своей матерью и сестрой. Все они происходили из древнего рода вождей, и все были удивительно крупными и красивыми.

Мать, Титихути, была бы любимицей древних художников, которые могли бы изобразить ее в образе амазонки. Я никогда не видел другой женщины с такой великолепной осанкой. У нее были кроваво-красные волосы, высокий лоб и непередаваемая аура величия и гордости , красноречиво говорившая о ее происхождении от могущественных отцов и матерей. У нее были прекрасные ноги, словно вылепленные из камня, и татуированные от лодыжек до бедер самыми удивительными узорами. Для жительницы Маркиза ее поколения татуированные ноги красивой женщины были высшим достижением искусства.

Титихути очень гордилась своими ногами. Хотя она была набожной Будучи католичкой и прекрасно понимая презрение церкви к подобному тщеславию, религия не могла полностью стереть ее гордость. В течение первых нескольких дней она то и

дело проходила мимо моей хижины, выполняя свои домашние обязанности, каждый день приподнимая тунику чуть выше. Ее тщеславие , без сомнения, продолжало бы постепенно расти, но однажды я застал ее купающейся в реке совершенно обнаженной. Ее удовлетворение было нескрываемым; она наивно продемонстрировала бесчисленные завитки и арабески своего украшения в ответ на мои комплименты, и после этого она

дома она носила только парео, полностью отбросив чуждые ей стандарты скромности и платья.

Она сказала, что люди приезжали из дальних долин, чтобы посмотреть на ее ноги, и я с готовностью поверил в это. Так было и с ногами покойной королевы Ваекеху, ножка которой была настолько идеальной формы и так искусно украшена, что выделяла ее даже больше, чем ее звание. Особенно обычные белые люди сочли это курьезом и оскорбили ее величество , наложив демократичные руки на шедевр. Я знал одного -двух человек, которые видели королеву дома и которые тепло отзывались о гармоничном сочетании телесного цвета со свечной копотью. Среди моих вещей в доме Золотой кровати у меня была фотография , демонстрирующая разнообразие и тонкое исполнение узоров на стенах. Нога Ваекеху, но, сравнивая ее с двумя реалиями Титихути, я не мог уступить пальму первенства королеве.

Ноги Титихути были покрыты татуировками в виде сетки от пальцев до лодыжек-от щиколоток до линии талии, где узор заканчивался красивым поясом, были изгибы, круги и филигрань, все в согласии, все это было частью гармоничного целого и очень радовало глаз. Узор на ее ногах был очень похож на узор на сандалиях или высоких мокасинах, что указывало на то, что раньше она носила обувь в холодном климате. Сама Титихути, после тщательного, дюйм за дюймом , сопоставления изображения и формы вживую, самодовольно заявила, что ее ноги были мэйтай ае, что означало, что она без колебаний выставила бы свои украшения на конкурс красоты наряду с украшениями других женщин. Ваекеху.

Каке, ее дочь, была названа так из-за величайшего обаяния своей матери, потому что ее имя означает “Вытатуированная на чреслах”, хотя на ней не было ни одной татуировки. Это была красивая, статная девушка девятнадцати или двадцати лет,

вышедшая замуж за преданного туземца, которому вскоре после моего приезда она подарила его собственную живую миниатюру. Я был потрясенным свидетелем рождения этого младенца, услады сердца его отца.

Мы с соседями купались в одно и то же время, вскоре после рассвета, и обычно выбирали один и тот же бассейн в чистой реке. Каке лежала на циновке в их паэпае, когда я проходил мимо однажды утром, и когда я сказал ей “Каоха”, она не ответила. Ее молчание заставило меня подняться по лестнице, и в этот момент родился ребенок.

Полчаса спустя она присоединилась ко мне в реке и, смеясь мне через плечо, нырнула в воду, сказав, что даст ребенку мое имя. В тот день она сидела на моем паэпае, являя собой чарующее зрелище, прижимая младенца к груди и напевая о деяниях его предков до того, как их захватили белые.

Вай Этьен

Пруд у дома королевы

ГЛАВА VI

Визит Седьмого вождя, Который так разгневан, что валяется в грязи; путешествие в Ваит-хуа на острове Тахуата; битва с рыбой-дьяволом; история о пиршестве каннибалов и двух спасшихся.

“Железные пальцы, которые пишут слова”, - так маркизцы называли мою пишущую машинку. Такого чуда на островах еще никогда не видели, и слава о нем распространилась далеко. Из других долин и даже с отдаленных островов приезжали по трое-четверо любопытных. Они смотрели , как странное существо записывает их имена, и бережно уносили клочки бумаги.

“Привет!” - воскликнули они, когда я продемонстрировал им

свою скорость, которая была бы позором для машинистки.

Моими гостями были в первую очередь вожди, считавшие , что для их и для моего положения подобает навещать меня и приглашать в свои правительственные учреждения.

Итак, случилось так, что однажды утром, когда я сидел на своем паэпае и завтракал жареными плодами хлебного дерева, приготовленными для меня путем взбивания яиц, моя обнаженная кожа наслаждалась солнечным теплом, а уши наполнялись журчащим смехом ручья, я увидел приближающихся двух величественных посетителей . Взрывающиеся яйца дали мне их имена, когда они поднимались по тропе.

Оба были вождями островов лендинг. Кату, часть татуировки, из Хекиани, шел впереди. Его суровое и исполненное достоинства лицо было темно-синего цвета. Только на его глазах не было следов чернил цвета индиго. Они сияли, как белые облака на голубом небе, но взгляд их был мягким и доброжелательным. В свои шестьдесят лет он все еще держался прямо и грациозно, и только смягченные черты его лица выдавали, что он был в расцвете сил, когда его долина все еще была охвачена племенными войнами, оргиями и каннибализмом.

За ним шел Нео Афиту Атриен из Вайт-хуа, коренастый смуглый мужчина с морщинистым лицом, короткими усами и блестящими умными глазами. Он поднялся по ступенькам, сердечно пожал руку и излил свою образованную душу на английском.

- Джонни, я знаю Ингриша. Ты парень Айрис. У тебя буква “О” перед именем. Я знаю, что у тебя есть tipwrite, который может заставить машину писать ручкой. Я знаю Панаму Канал. Как поживают Тедди и Готали?

Я заверил шефа, что и с Рузвельтом, и с Геталсом все в порядке, и он переключился на другие темы.

“Пока не поздно, приходи, пренти, на мое место”, - сказал он. “Я знаю географа, мэппи, граммала. Я знаю Египет, Индию, всю страну; я знаю Буффало. Раньше китобойное судно приплывало в Америку за водой и дровами. Оставалось там на две, а то и на три недели. Каждую ночь моряки сходили на берег

девочки-китобои садятся на корабль. “Пренти ром”, “бискит”,

“моласси”, “доброе американское тоббаси”. Теперь всем конец. Китобойного судна больше нет. Это нехорошо”.

Его имя означает “Седьмой человек, Который Так Зол, Что Погряз В Трясина. “Нео” означает все, кроме числа, и перевод такого короткого слова с помощью такого подробного описания означал бы, что многие маркизцы были в ярости. Иначе такое слово вряд ли появилось бы на свет.

Я продемонстрировал шефам чудеса своей пишущей машинки, продемонстрировал их уважительным взглядам золотую кровать и оказал им все остальные почести. Когда они уходили, Нео серьезно сказал:,

“Приходите ко мне, у вас есть мой дом. Если вам нравится, берите с собой ром “пренти”, чтобы согреться, если пойдет дождь”.

“Злой человек”, - сказал “Взрывающиеся яйца” по-маркизски, когда тропа перед нами опустела. “Однажды, когда он выпил много рома, французский жандарм отправился его арестовывать, он укусил…” Красноречивым жестом мой камердинер показал, что зубы Нео полностью удалили нос доблестного защитника нравственности. “Не стоит идти к нему”, - добавил он окончательно.

Однако эта перспектива заинтриговала мое воображение, и через несколько дней я обнаружил , что Ика Вайкоки, чьи заботливые родители назвали его Тьфу! Пересохший ручей! когда я плыл в Ваит-Хуа на вельботе, я предложил ему десять франков и два литра рома, чтобы он отвез меня. Воспоминание По предложению Нео, я взял еще две бутылки рома.

Пока наш вельбот несся по каналу Борделез, подгоняемый свежим ветерком, Ух! у руля стоял худощавый мужчина лет пятидесяти. Он был для всего мира, как пиратским; я видел, как его двойник рулевое управление проа у побережья Борнео, тонкий, широкоскулых, с sashful пилы-как ножи. Фу! у него не было оружия, но он промыл глаза маленьким горящим угольком , который заставил меня порадоваться, что каннибализм остался в прошлом. Прибой отнес его на корму, потому что одна его нога была непригодна для ходьбы, но как только он взялся за румпель, он стал опытным моряком.

Гребцы были одеты в тюрбаны из розового, голубого и белого

муслина , защищавшие их головы от прямых лучей белого солнца. На их чреслах были яркие парео, а некоторые носили эластичные рукава-держатели служили украшениями на смуглых руках и ногах, а один из них, сын Уг!, щеголял серьгами - огромными золотыми обручами, сверкавшими на солнце. Со своей темной кожей, сверкающими глазами и белыми зубами они являли собой великолепную картину на фоне ослепительной синевы моря.

Прямо через пролив мы направились к Хана-Хеване, маленькой бухте и долине, охраняемой затонувшими коралловыми скалами, над которыми предупреждающе пенилась вода. Двое мужчин прыгнули в волны и принялись охотиться на этих камнях в поисках кальмаров, в то время как мы вытащили лодку на берег, где не водилось никаких живых существ, кроме крыс, ящериц и

многоножки.

Вскоре было доставлено несколько маленьких осьминогов, и один из мужчин положил их на несколько валунов, где во время прилива остались лужицы воды, и очистил от яда. Он потер их о камень точно так же, как прачка обрабатывает фланелевую одежду, и на них выступила пена, как будто он намылил их. Мыльная пена, пузырьки и пенка — можно было подумать, что здесь поработала прачка. Он часто окунал их в соленую воду, и только после того, как на них перестала выделяться пена, он в последний раз прополоскал их и бросил в костер , разведенный на берегу.

Внезапно мой крик прервал мое погружение в это занятие. Черт возьми! с золотыми серьгами, размахивая руками из-за прибоя на рифе, он звал меня подойти и посмотреть на большого феке. Пока его спутники плясали вокруг и безумно кричали, я оставил в покое маленьких морских дьяволов и, проплыв двести ярдов по лагуне, добрался до места происшествия.

Четверо членов команды напали на гигантскую рыбу-дьявола, которая пряталась в пещере в скалах. Из темноты оно выбросило свои длинные руки и попыталось схватить странных существ, угрожавших ему. Обнаженные лодочники, пританцовывая на расстоянии вытянутой руки от извивающихся щупалец, атаковали их длинными ножами. Когда они отрезали кусочки от извивающихся хрящей, мне показалось, что из пещеры донесся ужасный стон, похожий на стон человека в агонии. Я держался в

шести футах от них, потому что у меня не было ни ножа, ни охоты играть.

Четыре длинные лапы были отрублены на концах, когда внезапно осьминог вышел из своего логова, чтобы бороться за свою жизнь. Это был красновато-фиолетовый шар из отвратительной плоти, весь покрытый рогами, с головой, похожей на слоновью, но с большими демоническими глазами, полными горечи и ненависти, которые переводили взгляд с одного из нас на другого, словно выбирая добычу. Восемь рук, некоторые из которых были лишены присосок, протянулись к нам на десять футов.

Маркизцы поспешно отступили, и я повел их, нервно смеясь, но без радости. Сукин сын! остановился первым.

“Та! Та! Та! Та! - закричал он. - Неужели мы боимся этого уродливого зверя? Я убил многих. Пакека! Мы его тоже съедим!

Он повернулся вместе с остальными и двинулся к феке, выкрикивая в его адрес презрительные слова, угрожая ему смертью и тем, что он будет съеден, предупреждая, что чем скорее он сдастся, тем быстрее закончатся его мучения. Но рыба-дьявол не испугалась. Его храбрость посрамила меня. Я был за барьером из лодочников, но однажды в разгар драки скользкая рука просунулась между двумя из них и обвилась вокруг моей ноги. Я вскрикнул, потому что она была ледяной, и меня охватила тошнотворная слабость , так что я не смог бы проплыть с ней и дюжины футов . Один из туземцев отрезал ее, но она все равно прилипла к моей обескровленной коже, пока я не сорвал ее.

Сын Уга! однажды его обхватили две огромные руки, но его товарищи рубили их, пока он не освободился. Затем, не обращая внимания на сопротивление искалеченного дьявола, они окружили его и наносили удары по голове и телу, пока он не умер. В эти последние мгновения я с изумлением и отвращением услышал, как осьминог рычит и стонет от ярости и страдания. У его голоса был странный тембр. Однажды я слышал , как человек, умирающий от водобоязни, издавал такие звуки, наполовину животные, наполовину человеческие.

“Этот феке убил бы и съел любого из нас”, - сказал сын Уга! “Не многие такие большие, как он, но здесь, в Хана-Хеване, где редко кто ловил рыбу, они самые большие в мире. Они прячутся в этих

норах в скалах и ловят проплывающих мимо рыб и крабов. Один из них схватил моего двоюродного брата во время рыбалки, и его утащило в скрытые пещеры. В последний раз его видели стоящим на выступе, а на следующий день нашли его обглоданные кости. С акулой бороться легче, чем с таким дьяволом, у которого так много рук.”

Лодочники собрали останки врага и отнесли их на пляж, где старший Уг! ухаживал за костром. На нем жарились крабы, а рядом с ними были брошены куски феке и осьминоги помельче.

Когда они были приготовлены, на песок ставили блюдо с попои и фейкаем, или запеченными плодами хлебного дерева, смешанными с кокосово-молочным соусом, и все садились на корточки, чтобы пообедать. В течение четверти часа единственными звуками были щелканье пальцев, вынимаемых изо рта, наполненного попои, и слабый плеск волн о берег. Маркизцы считают , что еда - это серьезное дело. Рыба-дьявол и крабы были деликатесами и подавались на десерт. Кальмары и ракообразные, почерневшие на огне, ели без приправ, пожирая щупальца так же, как едят сельдерей. Вскоре я насытился, и, пока они поглощали еду и курили, я немного прогулялся по долине , все еще ощущая тяжесть отрубленной руки.

Однажды у Ханы Хеване были свои люди. Они исчезли, как и сотни других долин, еще до наступления прогресса. Ласковая зелень джунглей скрыла следы человеческих поселений, где когда -то они жили, любили и умирали.

Только кости “Ла Корса”, шхуны, на которой Джером Каприата плавал много лет, лежали, гния, под гротескным и темным баньяном, и никогда больше не почувствуют на палубе ноги человека и не будут выброшены в море. Волна утешения набежала на пустые борта, и стихия, хозяйкой которой она так долго была, приласкала ветшающее судно. Мачта по-прежнему была ступенчатой, но по корпусу ползали сотни многоножек

.

Когда я вернулся к костру, лодочники разговаривали. Фу! Пересохший ручей! с набитым желудком и дымом во рту он спохватился

сам из сказки, произошедшей на этом самом месте. сардоническим тоном он начал:

“Люди этого острова, Тахуата, в давние времена спустились на Фату-Хива, чтобы охотиться на мясо человека. После битвы они привели своих пленников в Хана Хеване отдохнуть, развести костер и съесть что-нибудь из своего улова. Так они и сделали и снова ушли. Но когда они оказались в своих каноэ, то обнаружили, что забыли девушку, которую выбросили на песок, и вернулись за ней. На море было неспокойно, и им пришлось остаться на ночь здесь, на пляже.

“Согласно обычаю, они соорудили виселицу из двух столбов и горизонтальной перекладины, а на перекладине повесили живых заключенных, пропустив через кожу головы шнур из коры парау и обвязав его вокруг волос. Их руки были связаны за спиной, и они раскачивались на ветру.

“Ночью, когда люди тахуата уснули после обжорства, один из них бесшумно поднялся, освободил пленника, который был его другом, и велел ему бежать в горы. Затем он лег и заснул, а в темноте этот освобожденный человек украдкой вернулся и освободил девушку, ту самую, которую забыли на песке. К утру остальные пленники были мертвы, но те, кому удалось спастись, провели месяцы в горах, питаясь кореньями и птицами, которых они ловили в силки. В конце концов они отправились в Мотопу. Их хорошо приняли, потому что воины тахуата думали, что бог помог им, и они и их дети прожили там долго”.

Уф! улыбнулся воспоминаниям, как будто его мысли возвращались к чему-то приятному, и хлопнул в ладоши, подавая сигнал к отправке.

Миски с оставшейся едой были завязаны в корзины из листьев и развешаны на баньяновом дереве в ожидании возвращения лодочников на ночь, рулевого отнесли на его место, и лодка двинулась через полосу прибоя.

Когда мы отплывали, к рифам подплыла изможденная акула - голодное, неприятного вида чудовище. Одну из бутылок рома гребцы выпили по дороге в Хана-Хеване, другую припасли к их возвращению, а третью, чтобы раздобыть, сын Уга! предложил прыгнуть за борт и привязать веревку к хвосту акулы, как это часто делают местные жители. Я сказал, что акула не стоила и литра рома, поскольку не хотел рисковать конечностями человека

в таком виде спорта. Кроме того, мне больше нечего было отдать. Я мог себе представить ярость Седьмого Мужчины, который погрязнет в грязи, если узнает, что я трачу на такую глупость то, что могло бы согреть нас обоих, если бы пошел дождь.

Когда мы поймали попутный ветер, стая койо приблизилась к нам в поисках рыбы. Черные птицы были похожи на облако; их было, должно быть, тысяч пятьдесят, и, пролетая над нами, они полностью закрыли солнечный свет, как темная буря. Если бы им вздумалось напасть на нас, они, должно быть, задушили бы нас пернатой лавиной. Фу!

они были поражены тем, что птицы подлетели так близко, и все подняли шум голосов и замахали руками и веслами в воздухе, чтобы отпугнуть их. Они прошли, солнце снова осветило нас, и по сверкающему морю мы направились мимо Ива-Ива-Ити и Ива-Ива-Нуи, обогнув высокий зеленый берег, в бухту Ваит-хуа.

Горы над долиной возвышались подобно зубчатым вершинам Италия настолько похожа на огромные каменные крепости, что со стороны моря их можно было бы принять за таковые. Крошечное поселение, протянувшееся от пляжа на полмили вверх по долине, было скрыто многочисленными деревьями.

Вельбот причалил к скалистому выступу, и меня вместе с моим багажом высадили на берег. Взрывающиеся яйца, который настоял на том, чтобы сопровождать меня, взял его на себя, и, взвалив его на плечи, мы побрели по дороге в деревню, где французский жандарм потерял нос из-за безумного любителя наму.

ГЛАВА VII

Идиллическая долина Ваит-хуа; красота Часто побеждаемых; купание на пляже; неожиданное предложение руки и сердца.

Пляж полукругом окаймлял небольшую бухту и с обеих сторон был окружен массивными черными скалами, над которыми

возвышались крутые горы, покрытые зеленью. Сама узкая долина поднималась вверх с обеих сторон к отвесной стене утесов. На протяжении пары миль от кромки воды до зарослей джунглей на высоких холмах росли тысячи и тысячи кокосовых пальм, плодов хлебного дерева, манго, бананов и лип, и все это говорило о множестве людей, которые когда-то населяли это прекрасное место, ныне такое пустынное.

Оставшееся крошечное поселение с разбросанными по нему немногочисленными домами было ни с чем не сравнимо по красоте. Около десятка домиков, небольших, но опрятных и удобных, увитых ипомеей и затененных деревьями, сгрудились вдоль берега прозрачного ручья , через равные промежутки пересеченного белыми каменными мостками. Обнаженные дети, на головах которых были венки из цветов, плескались в закрытых прудах или убегали, словно движущиеся коричневые тени, в залитую солнцем глубину поляны, когда мы приближались.

Под гигантским баньяном нас встретил вождь, который поприветствовал нас с простым достоинством и сразу же повел в свой дом. Самый претенциозный в деревне, он состоял из двух комнат, построенных из калифорнийских досок красного дерева, побеленных, чистых и голых, с широкими дверями, выходящими на широкую улицу паэпае. Этот дом, настаивал шеф, должен был стать моим домом, пока я оставался его гостем в Вайт-хуа. На мои вежливые протесты он ответил вежливым жестом и непреклонной улыбкой. Я был американцем и его гостем.

Мой визит, очевидно, был большим событием в глазах миссис Седьмой Человек, Который Так Зол, Что Валяется в Грязи. Тридцатилетняя смеющаяся Юнона , крупная и округлая, как хлебное дерево, ростом более шести футов , с копной иссиня-черных волос и зубами, сверкающими белизной , как только что раскрывшийся кокосовый орех, поднялась со своей подстилки на папае и церемонно потерлась своим носом о мой. Одетая в ожерелье из фальшивого жемчуга и ярко-алую набедренную повязку, она выглядела поистине варваркой , но в ее глазах я заметил ту мгновенную озабоченность домашними делами, с которой встречают нежданного гостя во всем мире.

Пока мы с вождем возлежали на циновках, а “Взрывающиеся яйца ” бдительно наблюдали за мной, она исчезла в доме и вскоре вернулась , чтобы поставить перед нами миску с попои и несколько кокосовых орехов. Все это мы ели , пока Нео с грустью рассказывал о тяжелых временах, выпавших на долю его

правления.

“Я был очень занят, когда прибыл корабль пренти”, - сокрушался он. - “Я готовлю для

дрова стоят семь долларов. Я ищу девушку для капитана и помощника капитана. Я остаюсь на корабле, ем сухари, соленую конину, жую табак и пью ром. Хорошо , что он умер.”

Когда трапеза закончилась, мы отправились осматривать опустевшую деревню с немногочисленными жителями, оставшимися после того, как Европа лишила их местных привычек и здоровья.

Ущелье, разделявшее долину, было широким и глубоким для серебряного ручья, который несся к заливу.

Когда дождь обрушивался каскадами, русло с трудом сдерживало бешеный поток, низвергавшийся с высот, поток, разрушивший дорогу, построенную много лет назад, когда китобойные суда десятками приходили сюда каждый год. Теперь туземцы передвигались, как в старые добрые времена, вверх и вниз по каменистым тропинкам и по каменным ступенькам.

Недалеко от пляжа мы наткнулись на несколько полуразрушенных лачуг, оставшихся от резиденции правительства. Пригодными для жилья были только школьное здание с соломенной крышей и крошечная хижина для учителя. Здесь жил единственный художник на островах. Месье Шарль Ле Муан в течение многих лет обучал подростков Вайт-Хуа произношению трех букв “Р”. По словам Нео, сейчас он был в отъезде, но мы нашли его хижину открытой и заваленной холстами, эскизами, тюбиками с красками и изношенными предметами домашнего обихода.

“Он взял маленькую метлу и размазал краску из маленькой трубки по тому, что делает корабельные паруса”, - объяснил Нео. Несомненно, это описание широкого современного стиля.

На стене или прислоненные к ней на полу висели десятки рисунков маслом, изображавших молодую девушку поразительной красоты. Смеющаяся, с ясными глазами, она, казалось, почти говорила с холста, наполняя комнату очарованием. Вот она прислонилась к стволу пальмы, ее

обнаженное смуглое тело было теплым на фоне серого; вот она стояла на белом пляже в малиновом парео вокруг бедер и с цветами гибискуса в волосах.

“Эта Хинатини”, - сказал Седьмой мужчина, который валяется в грязи, всегда говоря на том языке, который он считал английским. - “Она немного тыквенная, да? Ле Муан больше любит готовить такие тики, чем говорить “книга”. Она моя племянница”.

Насыщенные цвета картин звучали, как звуки горна, среди убогого хлама в студии. Детская кроватка, пара сломанных стульев, стол, заляпанный красками, старый ботинок, трубка и набросок Сена дала мне Ла-Мойн по праву его европейского происхождения, но отсутствие каких-либо европейских удобств, отсутствие даже посуды и лампы, подсказало мне , что Монмартр больше его не узнает. Глаза девушки, жившей на полотнах, говорили о том, что Ле-Мойн принадлежал Стране Военного флота.

Отвернувшись от мрачного интерьера его каюты, я увидел в солнечном свете за дверью его натурщицу. Ле Муан не обладала достаточной кистью, чтобы отдать ей должное. Часто побеждаемая, как говорит Хинатини, ей было лет тринадцать, она отличалась грацией осанки, красотой и совершенством манер.

черты лица, насыщенный колорит, который не смог бы передать ни один холст. У нее была кожа теплого оливкового оттенка с румянцем на щеках и губами цвета спелой вишни. У нее были темно-карие глаза, большие, притягательные, по-детски задумчивые. У нее были красивые руки, а маленькие босые ножки с розовыми ноготками были похожи на цветы на песке. На ней была тончайшая туника из прозрачного белого хлопка, а в блестящих темных волосах, ниспадавших до талии, были яркие цветы.

Она приветствовала меня с искренним простодушием ребенка, каким и была на самом деле. По ее словам, она направлялась к вай пуна, источнику на берегу моря. Не могу ли я пойти с ней туда? И рассказал бы я ей о женщинах моего народа на странных островах менике? Они были очень далеко, не так ли, эти острова? Даже дальше, чем Таити? Как глубоко под воду могли нырять их женщины?

Я ответил на эти и другие вопросы, пока мы шли по пляжу, и поразился неосознанной грации ее движений. Главное чудо всех этих маркизцев - красота и прямолинейность их позы при стоянии и ходьбе. Их грудные клетки широкие и глубокие, их груди, даже у девушек в возрасте Побежденной Часто, округлые и великолепные, а их конечности отличаются легкостью движений, животной гибкостью, неизвестной нашим одетым и скованным платьями женщинам.

Часто побежденная была самым совершенным воплощением всех этих физических совершенств, пережитком тех удивительных маркизских женщин, которые столетие назад сводили с ума белых. На ней не было ни единого изъяна , ни единой черты, которую можно было бы изменить.

Когда мы добрались до виа Пуна, полдюжины ее товарищей бездельничали на песке. Здесь железная труба на склоне горы отводила подземные воды, а выдолбленное кокосовое дерево давало им выход на песок, где навстречу им поднимались соленые волны. Длинные стройные кокосовые орехи изгибались дугой, а под их лентами тени лежало старое каноэ, в котором сидели те, кто ждал своей очереди искупаться, наполнить тыквы или просто посплетничать.

По их словам, с незапамятных времен это место было центром жизни Вайт-хуа. Из поколения в поколение здесь рассказывали сказки о стариках. Китобои наполняли свои бочки у этого источника, работая каждый час из двадцати четырех , потому что поток был небольшим. Знаменитые гарпунеры, рулевые, которые и глазом не моргнули, когда раненый кит протащил их лодку сквозь облако пены, джентльмены, попавшие в шанхай, зачищающие гавани, Нантакетские дьяконы, пираты и все остальные моряки и воины собирались здесь, чтобы искупаться и наполнить свои бочки водой. Возле этого кристально чистого ручья они резали друг друга по голове. ссорились из-за самой красивой женщины в Виатхуа и обменивали свою роскошь и грог на благосклонность островных вождей.

Это была компания “Стандард Ойл”, которая рассылала по всему миру свои типоти, или жестяные банки, наполненные осветительной жидкостью, более дешевой, чем у кита.

закончились дни кораблей в Ваит-хуа, и они отплыли в последний раз, оставив остров настолько безлюдным, что немногие оставшиеся на нем люди смогли вернуться к жизни времен, предшествовавших приходу белых.

- Китобойное судно “Элис Сноу” прибыло сюда шесть лет назад, - сказал мужчина. Седьмой Человек, Который Валяется в грязи. - До этого был один корабль с калифорнийским названием, Капитан Эндрю Хикс. Чарли, мастер парусов, сбежал от Эндрю Деревенщина. Одна девушка из племени Вайт-хуа хорошо к нему относится. Она спрятала его в горах, пока капитан не закончил погоню за ним. Это его дети”.

Действительно, большинство лиц, обращенных ко мне из группы, собравшейся весной, были европейцами, либо из-за недавней наследственности, либо из-за племенного характера. Я мог видеть сакса, латиноамериканца и викинга, и одна девушка была всем этим Японский, упоминание о котором заставило ее заплакать. Для ее прелестных ушек “япона” было самым гадким словом в словаре Вайт-хуа, и ее товарищи по играм приберегали его на случай серьезных разногласий.

Побежденная часто снимала свою белую тунику, вставала под струи кристально чистой воды и смеялась, наслаждаясь прохладой, которая струилась по ее гладкой коже. Это была картина, о которой мечтал художник: обнаженная девушка , смеющаяся в потоках прозрачной воды, мокрые алые цветы, осыпающиеся с ее волос, а под полосатой тенью пальмовых стволов ее простые, диковатые товарищи, ожидающие своей очереди, сидели на корточках на песке или толпились в каноэ, их чресла были обернуты в малиновые, синие и желтые парео. Позади них отвесно вздымались горы, поросшие ярко-зелеными джунглями, а перед ними, за кромкой сверкающих белизной вод, расстилалось широкое синее море.

Из вежливости было решено, что я буду следующим, кто почувствует освежающий поток. Мы очень легко сбрасываем с себя одежду робкого прикрытия, когда нагота является обычным делом. Ваит-хуа должен был научить меня быть скромным , не суетиться, болтать с окружающими во время омовения , не заботясь о фальшивой суете ширм или даже о том, чтобы укрыться за камнями, как на реке в Атуоне. В таких сценах чувствуется, что нескромность заключается в ложном стыде, который заставляет человека цепляться за одежду, а не в простых добродетелях, позволяющих ходить обнаженным и не стыдиться

этого.

Тацит пишет, что целомудрие было главной добродетелью среди Германцы, считающиеся среди женщин храбрее мужчин, но все же Германцы вместе купались в ручьях. В Японии представители обоих полов публично купаются в естественных горячих бассейнах, причем без стеснения. Японцы, хотя и носят много одежды, относятся к наготе с безразличием, но используют одежду, чтобы скрыть контуры человеческой фигуры, в то время как мы приходим в ужас от наготы и все же используем одежду, чтобы подчеркнуть форму, особенно чтобы подчеркнуть разницу между полами. Подчеркнутые линии бедер и талии наших женщин шокируют японцев, чья свободная одежда одинакова для мужчин и женщин, а единственным отличием является более широкий пояс и двойная складка на пояснице - оби.

Мусульманские женщины, застигнутые врасплох во время купания, сначала закрывают лицо; китайцы - ноги. Добрый Эразм, голландский богослов, сказал, что “ангелы питают отвращение к наготе”. Набожные европейцы того времени никогда не видели своего тела; если они совершали омовение, то надевали одежду, закрывающую их с головы до ног. Таким образом, стандарты одежды меняются от эпохи к эпохе и от страны к стране.

Миссионеры сбивают с толку умы дикарей, навязывая им свои собственные стандарты и называя их скромностью. Африканский негр, изо всех сил пытаясь согласовать эти две идеи, носил высокую шелковую шляпу и пару домашних туфель в качестве своей единственной одежды, когда повиновался Призыв Ливингстона одеваться в присутствии белых женщин.

Вайт-хуа были дикарями; какие бы трудности ни вызывали миссионеры , они исчезли, когда сокращающееся население острова предоставило его собственному народу. По мнению моих счастливых спутников на виа Пуна, скромность имела отношение к одежде не больше, чем у нас - к еде. Стандарты личности повсюду формируются массовым мнением о ней окружающих; я вышел из ванной, переоделся и почувствовал себя маркизцем.

Ощущение было ложным. Дикие народы никогда не смогут понять нашу философию, наши сложные механизмы действия. Они могут подражать нашим манерам, носить наши украшения и искать нашего общества, но их души остаются равнодушными.

Они смеются, когда мы бесстрастны. Они плачут, когда мы равнодушны. Их боги и дьяволы - не наши.

С нашей стороны, пропасть тоже непроходима. Цивилизация с ее утонченностью и сложностями лишила нас способности полностью отдаваться простым порывам. Белый, который хотел бы уподобиться прирожденному дикарю, преуспевает только в том, что превращается в зверя. “К тому же канаки - дикари”, - гласит пословица на островах. К ее подтексту я успел прислушаться еще до окончания вечера.

Завернутая только в великолепное красное пареу, я сидела на папае в доме вождя, который теперь стал моим. За мной особенно ухаживала миссис Седьмой Человек, который валяется без дела, который весь день просидел на корточках над кострищем из кокосовой скорлупы, помешивая для меня вкусную еду. Рыба, цыплята, поросята, яйца и всевозможные местные деликатесы, которые она готовила и поливала такими аппетитными соусами, что я присвоил ей звание “шеф-повара” и высказал свои подозрения, что какой -то повар-дезертир с флагманского корабля обменял свои знания на ее поцелуи. Ее смех был приправлен гордостью, а сам вождь с улыбкой кивнул и жестом заверил меня, что я угадал правильно.

Теперь, в вечерней тишине, убрав пустые миски, панданус-раскуривая сигареты из листьев и передавая трубки из рук в руки, мы сидели , наслаждаясь сладкими запахами леса, журчанием ручья и ощущением легкости и довольства. Многие старейшины деревни пришли, чтобы

познакомьтесь с незнакомцем, чтобы обсудить мир и его чудеса и поразиться обычаям белых. Пламя трубки освещало сморщенные, но все еще красивые лица, покрытые татуировками, и отражало отблески в закатившихся глазах или искорки на ожерельях и серьгах. Над горами взошла полная луна, заливая долину светом и приглушая яркие краски листьев и цветов до бледных пастельных тонов.

Побежденная часто сидела рядом со мной, ее темные волосы падали мне на колени, и почтительно прислушивалась к разговорам старших, которые обсуждали богов чужеземца.

Они задавались вопросом, что за странные мотивы двигали

евреями, Аути-Иету, чтобы убить Кирито, Спасителя мира. Они обсуждали странное безумие, овладевшее Иудой Искалотой, когда он сначала купил землю на свои сорок сребреников, а затем повесился на дереве пурау. Это была земля кокосовых орехов? спрашивали они. Разве это не была хорошая земля?

Часто по истертым камням паэпае пробиралась вей, сороконожка, на которую быстро наступала босая нога. Вождь как бы невзначай заметил: “Если он тебя укусит, ты не умрешь, у тебя впереди еще много времени”. По его словам, изначально они не были уроженцами Маркизских островов; они приплыли сюда на кораблях. Его патриотизм превосходил его знания, поскольку первые первооткрыватели горько ругали этих ядовитых существ, хотя и не более горячо, чем Нео, который, выражая свое мнение о них, прибегал к своему запасу английских ругательств

.

Когда пришло время произнести “апае каолиа”, мои любезные хозяева пожелали преподнести мне последнее доказательство своего дружелюбия. Они часто предлагали мне выйти замуж за Побежденного.

Мой отказ был непонятен для них, и побежденные часто уже счастливая улыбка в лунном свете быстро потускнели, чтобы взглянуть на боль и унижение. Они предложили мне их высоких и самых почитаемых выражение гостеприимства. Отказываться было так же непривычно и грубо , как отказывать аляскинскому шахтеру, который предлагает выпить в общественном баре.

“Я думаю, - умолял вождь, - что Хинатини лучше выйти замуж за белого человека, друга Тедди, с острова номер один. Она умеет быть хорошей женой. Предположим, тебе понравится Вайт-хуа, если ты останешься надолго.; предположим, ты скоро уйдешь, не бери в голову!”

Прекрасная хозяйка тряхнула серьгами и лукаво улыбнулась. - Милая кобылка пух-ву, Менике, - уговаривала она на своем маркизском французском. - Хорошая у тебя жена. Я рада, что ты счастлив. Она красивая и добрая. Пока ты здесь, ты будешь сыном нашего народа”.

Часто побежденная, которая имела смутное представление о величии друзей своего дяди, Тедди и Готали, и о желательности

союза с одним из их племени, тихонько подошла ко мне и погладила меня по спине, напевая отрывистую песню о днях китобойного промысла, о том, как “катящийся Миссисипи” и “линия черного шара”. Седьмой человек, который сам барахтается в трясине, начал творить

своей тяжелой рукой он описывал концентрические круги на моей груди, так что я с головы до ног была окружена самыми нежными и дружескими прикосновениями этого человека. Маркизская раса. Никогда еще незадачливый гость не оказывался в более плачевном положении.

Я сказал, что она была всего лишь ребенком; американцы не вступают в брак с детьми. Они улыбнулись, как шутке, и снова превозносили ее прелести. В отчаянии я обратился к десяти заповедям, пытаясь обосновать свой отказ другими причинами, кроме отвращения или невежливости, но мой текст был встречен смехом. “Белый человек не ест тапус белого человека “, - сказала моя хозяйка, нежно вкладывая мою руку в ладонь Побежденного. Часто. Тонкие пальчики робко вцепились в мои. Несчастная Хинатини боялась, что ее опозорят перед своим народом из-за пренебрежительного отношения белого человека к ее красоте.

Я был готов тут же сочинить роман. Я сказал, что был безумно влюблен в красавицу из Атуоны. Она ждала меня на моем родном паэпае; она была сильной женщиной и быстро впадала в ярость. Она мстила мне и часто Побежденным. Я бы усыновил Часто побежденных, как свою сестру. В знак этого я прижался губами к ее лбу и поцеловал ее руки. Она обворожительно улыбнулась, польщенная оказанной мне новой честью.

Мои хозяева и их друзья ушли вместе с ней, наполовину довольные, наполовину озадаченные этой последней причудой странного белого, а я улегся на циновки в доме вождя, и у моих ног поперек дверного проема лежали взрывающиеся яйца.

Ночь принесла мне беспокойные сны, и в самый темный час я проснулся от того, что почувствовал что-то пугающее на своей ноге. При свете тускло горящего фонаря я увидел многоногое существо красновато-коричневого цвета десяти дюймов длиной, остановившееся, вероятно, чтобы перевести дух, на полпути между моим коленом и поясницей. Казалось, у него действительно была тысяча ног, и каждая отдельная ступня вызывала у меня ужас, в то время как каждый палец и коготь угрожающе сжимали мою обнаженную плоть.

Храбрый человек сказку, Кто спасает себя от кобры или гремучей змеи позволив змее ползти медленно над его отлично управляется тело, возможно, с еще колчан из плоти, но я не Спартанец. При моем конвульсивном содрогании каждая ужасная

клешня вцепилась в меня мертвой хваткой. Одним быстрым движением я схватил штопор, который лежал поблизости, быстрым рывком высвободил его и отбросил отвратительную штуку на дюжину ярдов. На том месте, где она стояла, появилась цепочка красных воспаленных пятен , которые оставались болезненными и опухшими в течение нескольких дней.

То ли потому, что этот опыт смешался с моими первыми мечтами о прекрасном Вайт-хуа, то ли потому, что моя кельтская кровь видит знамения там, где их нет, но я уверен, что по мере того, как тайное очарование этого идиллического места росло во мне с течением дней, что-то внутри меня сопротивлялось этому. Я всегда знал, что его красота таит в себе смертельную угрозу для белого человека, который слишком долго прислушивался к шелесту его листьев.

пальмы и журчание ручья.

; ае “ = “Я вижу, как все вокруг становится лучше”

Коротая солнечные часы

Ничего не нужно делать, кроме как отдыхать весь день

ГЛАВА VIII

Общественная жизнь; спорт на волнах; схватка акул с матерью - китом; день в горах; смерть капитана Галлея; возвращение в Атуону.

ЖИЗНЬ в Вайт-хуа была идиллической. Белые, опустошив и обезлюдевшую когда-то многолюдную долину, ушли, предоставив оставшимся в ней людям вернуться к их природной добродетели

и спокойствию. Здесь, пожалуй, больше, чем в любом другом месте на всех островах, маркизцы жили так, как жили их предки до прихода белых.

Ничегонеделание в Ваит-хуа считалось искусством. Удовольствие - это знак одобрения природы. Когда человек счастлив, он находится в гармонии с самим собой и своим окружением. Жители этой тихой долины не жаждали волнений. Суета и нервная энергия белых людей чрезмерно утомляли их. По их мнению, время никогда не тратилось впустую, поскольку досуг был мерилом его ценности.

Домашние заботы - приготовление пищи, уход за детьми, уход за больными - были обязанностями всех домочадцев. Муж и жена или неженатые супруги трудились вместе в восхитительном единстве. Часто женщина сопровождала своего мужчину в лес, помогая в сборе орехов и плодов хлебного дерева, в рыбной ловле и строительстве. Когда эти обязанности не занимали их, или когда они не купались вместе в реке или на виа пуна, они сидели бок о бок на своих папахах и медитировали. Они могли обсуждать события дня, принимать визиты других людей или выходить за пределы дома, чтобы поболтать; но часто они часами были погружены в свои мысли, в тишине, нарушаемой только скручиванием сигарет “панданус” или раскуриванием общей трубки.

“О чем вы думаете?” Часто спрашивал я своих соседей, прерывая их размышления.

“О мире”. “Об этих звездах”, - отвечали они.

Они бы посочувствовали китайскому путешественнику, который, посетив Америку и спешили из вагона в вагон, и он улыбнулся нашей идее поймать этот мимолетный момент.

“Мы сэкономим десять минут, если сядем на этот поезд”, - с энтузиазмом сказал его гид

.

“И что вы собираетесь делать с этими десятью минутами?” спросил гид. Китайский.

Быть занятым чем-то, что не является необходимым для жизни,

согласно маркизской мудрости, означает быть праздным.

Купание в волнах прибоя, отдых на виа Пуна, рыбалка со скалы или на каноэ, ловля рыбы на леску и копье за пределами залива, поиск моллюсков, а также верховая езда или пешие прогулки по холмам в другие долины, наполненные

их мирные, приятные дни. Сказочная, беззаботная жизнь, которую вели приятные в общении люди, красивые, щедрые и любящие.

То, что он никогда не видел и не слышал ни о малейшей ссоре между отдельными людьми, было заявлением капитана Портера, первого капитана в истории. Американский. Тогда, как и сейчас, между ними царила полнейшая гармония . По его словам, они жили как любящие братья в одной семье, и авторитет вождей был таким же, как у отцов среди детей. У них не было способа наказания, потому что не было нарушителей. О краже ничего не было известно, и все имущество оставалось без охраны. Итак, Портер, который вместе с командой своего корабля убил так много маркизцев, был полностью осведомлен об их гражданских добродетелях, доброте и великодушии.

Так обстоит дело и сегодня, в Ваит-хуа, где нет белых. Тагальский ладрон с глазами и пальцами снял с меня брюки из номера на втором этаже отеля в Маниле , пока я умывался и стоял, ошеломленный тайной их исчезновения, за запертой дверью, пока, выглянув из своего высокого окна, не увидел , как они быстро спускаются по эстеро в банк. Я отдал свои часы жандарму в Каире, чтобы избежать ареста за избиение араба, который подставил мне подножку, чтобы обчистить мой карман, и я сдался жадности чиновника в форме генерал-майора в Италии, который посадил бы меня в тюрьму за то, что я не включил задние фонари. В Сан-Франциско, когда меня ограбили на людной улице, я выслушал, как полиция предложила мне заплатить “королю притонов” и вознаграждение некоторым владельцам салунов за то, что они вступятся за неизвестных мне разбойников с большой дороги и вернут семейную реликвию.

И все же самыми темными ночами в Вайт-хуа я безмятежно спал, окруженный всеми вещами, столь желанными в глазах моих соседей, в доме, двери которого никогда не запирались. Во всей деревне не было ни одного замка или чего-либо, что отвечало бы их назначению. Жители этой изолированной долины, забыв о

своем кратком знакомстве с европейскими представлениями о деньгах и накоплении собственности, вернулись к обычаям своих отцов.

До вмешательства в их естественные обычаи маркизцы были в значительной степени коммунистами. Их единственной частной собственностью были дома, оружие, украшения и одежда, предназначенные для личного пользования самого владельца. Все крупные работы, такие как возведение домов, строительство больших каноэ, а в древности - возведение паепаев и храмов, выполнялись на основе взаимного сотрудничества, хотя каждая семья сама добывала себе пищу и делала запасы на будущее, храня плоды хлебного дерева в ямах попои. Нео, как и длинная череда вождей до него, собрал в себе чуть больше жизненных благ , чем большинство, но он ни в коем случае не был диктатором, за исключением того , что его личность добивалась повиновения. В старые времена вождя часто низводили в звании за неудачу на войне и всегда за чрезмерную выдержку

по отношению к простолюдинам. Таких высокомерных людей бесцеремонно вышвыривали из власти.

“Наша чисто республиканская политика очень похожа на их собственную”, - сказал капитан американского флота Портер сто лет назад.

Мужчин почитали за их мастерство, при этом наивысшее место отводилось татуировщикам, резчикам по дереву, дизайнерам и строителям каноэ, архитекторам, врачам и воинам. Мужчины и женщины достигали влияния и высокого положения только благодаря деяниям, которые вызывали всеобщее восхищение. Эти люди поклонялись героям, и в самые кровавые старые времена те, у кого была прекрасная душа и кто хотел развлечь их или дать наставления , были тапу для всех племен, так что они могли безопасно путешествовать куда угодно и были желанными гостями во всех домах.

Это правда, что на Гавайях и Тонге завоеватели провозгласили себя королями, но ни там, ни на Самоа, Таити или Маркизских островах короли не были верховными правителями, пока белые не основали их для своих собственных торговых целей и не продали им огнестрельное оружие, с помощью которого они могли поддерживать свою власть.

Тот день белых прошел в Ваит-хуа. Теперь вождь поддерживал свою власть только любовью своего народа. Он был великодушен и мягок, но я помнил, что он откусил нос Северену, французскому жандарму, когда наму вывел его из себя. Теперь, то ли руководствуясь гордостью за свою дисциплину, то ли вспоминая о раскаявшихся злодеяниях, он строго соблюдал запрет на кокосовый пунш, и трезвость делала дни и ночи спокойными.

Ранним утром я кричал “Каоха!” из своего паэпае миссис Седьмой мужчина, который каждый день приходил из своей купальни на виа Пуна , одетый только в серьги. Прогуливаясь по берегу ручья , с которого все еще капало из родника, ее мокрые черные волосы прилипли к стройной спине, а смуглая кожа блестела в мерцании света и тени, она была для меня воплощением матери Евы еще до того, как даже листья стали скромными. Ее нагота была только под заказ в это время, когда она вернулась, чтобы помочь взрывающиеся яйца в подготовке завтрак она всегда носила красную pareu и волосы уложены как Бернхардта.

Побежденная часто появлялась со своей тетей, тщательно одетой в безупречно чистую прозрачную тунику, со свежими цветами в волосах и драгоценной розовой шелковой подвязкой на округлой руке. “Большой белый брат”, - с гордостью называла она меня, хотя часто я видел грустное удивление в ее огромных глазах, когда она сидела на корточках рядом, молча наблюдая за мной. Было приятно наблюдать за ее собственническими манерами, когда она шла рядом со мной по тропинке от моего домика к пляжу, в то время как Взрывающиеся Яйца ревниво смотрел на нее, настаивая на своей привилегии как Туэни Оки Кики, Хранителя Золотого Кровать, сверкающее великолепие которой он подробно описал ей.

Мы оказались свидетелями веселой сцены на пляже. Женщины и дети были в полосе прибоя или на камнях под утесами, ловя рыбу для попо, детенышей уа. Вооружившись бамбуковыми шестами длиной в двадцать футов и лесками еще большей длины, мы зашли в море по шею и забросили крючок с наживкой из кусочка креветки. Волны швыряли нас, канаты запутывались, сопровождаемые взрывами смеха и радостными криками. Устав от рыбалки, я часто терпел поражение, и мне приходилось бок о бок биться с пенящимися волнами, чтобы развернуться и броситься на буруны, опрокидывая всех, кроме осторожных. Или группа из нас, взбираясь высоко на скалы, снова и снова

бросалась в море, переворачиваясь в воздухе, и жизнь и восторг наполняли каждый мускул.

Устав от этого вида спорта, мы садились в каноэ, ловили рыбу или ходили под парусом, и у нас было много маленьких приключений, потому что более молодые и отважные души наслаждались тем, что пугали меня до упреков или заставляли замолчать приговоренного, а затем на волосок спасали мне жизнь.

Однажды утром мы ходили вокруг южного мыса и ловили гарпуном меч-рыбу и гигантскую рыбу-солнце, когда в тысяче футов от нас послышалась суматоха, вызванная предупреждающими криками моих спутников. Мы увидели двух китов, один из которых прижимал к груди детеныша. Другого мы приняли за кита-отца. Это были огромные черные звери. На эту пару набросилась стая акул, чтобы схватить детеныша.

В обезумевшей толпе было по меньшей мере двадцать пять акул, огромных белых чудовищ тридцати футов в длину, людоедов по вкусу крови и тигров по характеру. Хотя они не могли сравниться со своей добычей ни по размеру, ни по силе, у них были головы размером с бочонок и пасти, которые могли протащить человека сквозь свои ужасные щели. Было очевидно, что их голод был безграничен, поскольку на китов нечасто нападают рыбы такого малого размера. Штормы бушевали на море несколько дней и, возможно , лишили акул их обычной пищи.

Они плавали вокруг пары горилл, ныряя то внутрь , то наружу, очевидно, с каким-то планом отвлечь внимание самца. Оба кита беспрестанно наносили удары своими гигантскими плавниками; их огромные хвосты, ударяясь о поверхность моря, поднимали на ней горы пены. Наши лодки швыряло, как в шторм.

Увлекся жалости и ужаса сцены, мы кричали угрозами и проклятиями на монстров, призывая на них в Маркизский гнев морских богов. Неистово управляясь с румпелем и парусами, мы кружили вокруг места битвы, не в силах помочь бедной женщине-зверю и ее ребенку. Акулы набросились на них, как гончие на лису. Родители отчаянно сражались, и не одна акула, раненная, ушла на дно, а одна, подставив солнцу белое брюхо, мертвой плавала по волнам. Еще одна была подброшена высоко в воздух ударом материнского хвоста. Но борьба была неравной. Наконец мы увидели, как младенца отняли от груди, а сама мать упала, продолжая бороться. Возможно, она поднялась, конечно

конечно, далеко, но она казалась инвалидом.

Мы не стали дожидаться у того кровавого пятна, когда акулы набросятся на свою добычу, потому что наше каноэ сидело низко в воде, и, видя такое зрелище, мы не сомневались, что отвратительные чудовища нападут на нас.

После такого зрелища я с облегчением повернул в горы. По крутым тропам я бродил далеко, часто побежденный и взрывающийся Яйца. Мы играли в то, что были наедине с природой, отказываясь от всего , что принес с собой белый человек. Я вышел из дома вождя обнаженным , если не считать набедренной повязки местного производства, и на мне не было ни обуви, ни шляпы. Часто побежденный и мой слуга были одеты так же, как я, и поэтому мы кричали “Каоха!” - сказал я хозяйке и отправился навстречу приключениям.

Седьмой мужчина сомневался, что я отправлюсь в путь без какой - нибудь готовой еды, попои, рыбных консервов или печенья, а также без спальных ковриков. “Ты скоро проголодаешься”, - запротестовал он. “Никто не добыл золота” Залежи в горах.

Побежденные часто весело смеялись, а вождь был похож на отца, чей ребенок бросил камень в домового. Я потерся о его нос на прощание, и мы отправились в путь, с голыми руками, как у Крузо, но более удачливые, чем он, поскольку мы были в лучшей компании, и у меня было утешительное знание, что маркизская молодежь не останется голодной и не позволит мне этого сделать.

Наш путь вел к вершинам изумительной красоты, по краям глубоких ущелий, которые открывались у нас под ногами, как райские долины. Свечной орех, ама, цветущая сиренью, гибискус и панданус, зеленые и блестящие, петавии, разновидность банана, изогнутые листья которого простираются высоко в воздух, змеевидное растение, макомако, кустарник с желтыми цветами, и многие другие, названия которых никто из нас не смог бы назвать, дальние склоны гор были покрыты ярким разноцветным ковром. Повсюду были кокосовые орехи, гуава и манго. На верхушках деревьев у нас над головами вьюнок покачивал своими перистыми семенными коробочками, куна-паразит роняла капли с глубоко зазубренных листьев и малиновых зонтиков, а тысячи орхидей висели, как бабочки.

“Как красиво на ваших островах, не правда ли?” Часто с тоской спрашивал Побежденный. “Расскажи нам еще о тамошних чудесах! Очень ли красивы девушки в ваших долинах и все ли они спят в золотых постелях?”

Все дочери вождей спали в золотых постелях, сказал я ей. Часто на ногах у них были золотые туфельки. Когда им хотелось перебраться через горы, они не шли пешком и не ехали верхом на ослах, а садились в кресла , обтянутые бархатом, тканью более мягкой, чем шелковая лента ее розового браслета, и эти кресла с невероятной скоростью влекла за собой какая-то фыркающая штука, сделанная из железа, а не живой, но сильнее сотни ослов.

- Как они делают эту ткань? - часто и нетерпеливо спрашивал Побежденный.

Я объяснила, что они его не готовили. Его приготовили для них девочки, которые не были дочерьми вождей, и поэтому у них не было золотых кроватей.

Ее глаза затуманились от недоумения, но Взрывающиеся яйца слушала , затаив дыхание, и потребовала еще рассказов. Я рассказал им о беспроволочном телеграфе. Они поверили в это, как верили в волшебные истории, рассказанные старыми колдунами, но посмеялись над моим описанием лифта, поняв, что я теряю контроль над своей фантазией и стремлюсь к невозможному.

“Девушки на вашем острове, должно быть, всегда счастливы”, - сказал Побежденный. Часто вздыхая. Я сказал, что все дочери вождей были счастливы. “А как они ловят рыбу?” - спросил “Взрывающиеся яйца”.

За такими разговорами мы прошли несколько миль по волшебной стране, в которой мы были единственными живыми существами, если не считать маленьких снующих существ, которые перебегали дорогу, и ярких птиц, порхавших по верхушкам деревьев.

В полдень мы остановились на ленч. Побежденная часто исчезала в лесу, чтобы вскоре вернуться с собранной туникой, наполненной манго и гуавой, и четырьмя кокосовыми орехами в аккуратно сплетенной корзинке из листьев на обнаженных плечах. “Взрывающиеся яйца”, срезав с подлеска две сухие поленницы, принялись швырять их друг о друга с такой

скоростью и ловкостью, что вскоре на камне запылал небольшой костер, разведенный с помощью волокон кокосового ореха, а вокруг него были разложены бананы для жарки.

Пока мы отдыхали после пиршества, Побежденный часто сидел на корточках рядом со мной, соорудив для моего удобства широкополую шляпу из толстых листьев , скрепленных шипами, - укрытие от солнечных лучей, которое было приятно моей нежной коже головы. Продолжая свой путь, мы встретили на тропе красивого маленького дикого ослика, который боялся нас, но в то же время жаждал компании.

- Пурикки! - сказал “Взрывающиеся яйца”, что означает “буррик”, что по-французски означает “осел”. И Побежденные часто рассказывали, что когда-то сотни этих зверей бродили по джунглям, потомки пары ослов сбежали с корабля десятилетия назад, но большинство из них умерли от голода в засушливые периоды или были съедены голодными туземцами.

Дальше мы проезжали мимо акров чувствительного растения, называемого в народе Теита хакайна с маркизских островов - скромное растение. Широкая поляна в изгибе гор была заполнена его морем, и мои спутники с удовольствием пробирались сквозь его удивительно нервную листву, которая вздрагивала и складывала свои пушистые побеги при их прикосновении. Шокированный еще больше, он развернул свои листовки, как бы говоря: “Что толку? Я застенчив, но я не могу вечно прятаться”.

В таких бесхитростных развлечениях прошел день, который навсегда остался для меня идиллией простой красоты, такой, какой любой мужчина становится богаче, познав ее. Когда нас настигла темнота, мы устроили себе мягчайшую постель из папоротника и безмятежно заснули, не потревоженные ни сном, ни духом.

все, что угодно, при свете звезд.

Когда на следующий день мы вернулись в деревню в долине, то обнаружили на холме вдали от пляжа могилы моряков, которые первыми подняли знамя Франции на этих островах. Вечные джунгли настолько приютились в своих памятниках, что нам пришлось изрядно потрудиться, чтобы прорваться сквозь ревнивые заросли лантаны и пандануса и увидеть камни. Ни Ни

Побежденные, ни “Взрывающиеся яйца” никогда не видели их, и ни у кого из них не осталось ничего, кроме легендарных воспоминаний о том, как эти люди из расы завоевателей встретили свою смерть.

На огромной плите из местного базальта, выветренной семьюдесятью годами солнца и дождей, была едва различимая эпитафия:

“Я жив” Эдуард Мишель Халли Капитан корвета Кавалер Ордена Почетного легиона Директор фонда колонии Вайт-Хуа Погибший - почетный чемпион 17 февраля 1842 года”

Я прочитал его своим друзьям. Они прижали руки ко лбу, чтобы вызвать в воображении образ этого мертвого человека , с которым сражались и которого убили их деды, когда я рассказал им историю его смерти в джунглях у наших ног.

Он был на Ваит-Хуа, что французы первыми завладели Маркизские. Здесь уже были миссионеры и любители пляжного отдыха многих национальностей, все пылкие духом, сражавшиеся друг с другом за души туземцев; джин и заповеди вступали в противоречие, ритуалы и эксплуатация соперничали. Не в силах справиться с силами, угрожавшими спокойствию его народа, Иотете, вождь Вайт-хуа, отправил французскому адмиралу послание с просьбой о помощи. Оно пришло незамедлительно; на пляже был размещен гарнизон, и поднят трехцветный флаг.

Какова бы ни была причина, не прошло и двух месяцев с тех пор, как вождь и его люди покинули свои дома и бежали в горы. Командующий Галлей, тщетно уговаривавший и приказывавший им вернуться, объявил им войну в наказание за их неповиновение и, построив свои войска в три колонны, отправился на их поиски.

Ледебат, вооруженный охотничьим ружьем, возглавлял авангард. Сам Галлей шел во главе средней колонны, молодой, жизнерадостный Француз, у него была только трость, которой он небрежно размахивал , идя по тропинке в джунглях. Когда солдаты оказались в нескольких футах от основной массы туземцев, Иотете выступил вперед и закричал: “Тапу!”

Ладебат мгновенно выстрелил из дробовика в вождя, и в тот же

миг две пули, выпущенные туземцами из ружей, пронзили ему мозг.

“Галлей, - говорится в “старой хронике”, - выступил из-за укрытия в

Он направился к кокосовому дереву, чтобы отдать приказы своим людям, но упал на колени, словно в молитве, обняв дерево, в трех шагах от трупа Ладебата. Пятеро его людей, смертельно раненные, упали рядом с ним. Третий офицер Лаферьер дал сигнал к отступлению”.

Здесь, всего в нескольких футах от того места, где упал веселый молодой француз , джунгли скрыли его могилу. Пятьдесят тысяч маркизцев погибли, чтобы принести мир в душу командира корвета, который так беспечно размахивал тростью перед изумленными дикарями. Возможно, Иотете лучше бы терпел выходки жестоких морских авантюристов . Этот мавзолей был символом французской оккупации.

Еще ниже по склону мы наткнулись на первую церковь, построенную в Маркизские острова. Это было небольшое деревянное здание с обветренной вывеской на французском языке “Церковь Пресвятой Богородицы”. Над разбитыми дверями были вырезаны два сердца, в одно из которых был воткнут красный кинжал, а из другого вырывалось красное пламя. Над этими символами был установлен черный крест , который часто побеждал, и к взрывающимся яйцам относились с уважением. Для маркизцев все это - тики, или талисманы, которые вытеснили их собственные.

Рядом с полуразрушенной церковью стояла трапезная, в которой когда-то жила дюжина монахов. В густой высокой траве росли хлебные, манговые и апельсиновые деревья, а сад, где священники читали свои требники, представлял собой заросли тигровых лилий. Среди них мы нашли пустые бутылки из-под “Медицинского открытия”, патентованного лекарства , распространяемого в Бостоне и пользующегося популярностью на этих островах, где правительство наложило табу на спиртные напитки.

Седьмой мужчина, шедший нам навстречу по тропе, заметил, что мы рассматриваем их. Он взял один и с сожалением понюхал.

“Пренти стронг”, - сказал он. “Сделай из него пьяницу. Зови его Кеннеди. Он дорого стоит. Выпей два кусочка, и тебя будет тошнить три дня”. Он задумчиво улыбнулся, и я снова подумал о том дне, когда несчастный жандарм застал в лесу врасплох участников оргии и потерял свой нос. Начальник полиции сопровождал нас по тропе.

“У брата моего деда была первая пушка на Маркизских островах”, - многозначительно сказал он, когда я рассказал о временах Галлея. “У одного вождя иотетов были серьезные проблемы, как у китобоя. Он послал за помощью к французскому адмиралу. Капитан Галлей пришел с матросом. Француз, он никогда не отступит. Его зубы снова сверкнули в улыбке.“У брата моего деда долгое время было ружье в горах”, - загадочно добавил он.

Слишком скоро пришло время, когда я должен был вернуться в свой родной город в Атуона. Побежденная часто плакала из-за моего решения, и миссис Седьмой мужчина долго терлась о мой нос, умоляя меня остаться в доме, который она мне подарила. Вождь, сочтя возражения бесполезными, вызвался сопровождать меня на обратном пути и однажды в полночь разбудил меня, чтобы я был готов, когда поднимется попутный ветер.

Мы спускались по тропе сквозь ветер и темноту, и вождь трубил в раковину для команды. В соломенной хижине, где мои хозяева расстелили свои циновки, чтобы я мог полностью разместиться в их уютном доме, мы застали миссис Седьмой Мужчина, готовившую для меня чай. Побежденная часто сидела в стороне, в тени, отвернувшись, но когда моя кокосовая скорлупа наполнялась горячим напитком, она бросалась ко мне страстно и не позволила бы никому, кроме нее, вручить его мне.

Весь день шел дождь, и ливень с печальным звуком срывался с карнизов, пока мы сидели в освещенном фонарями полумраке и пили из раковин. Команда входила один за другим, с их обнаженных тел стекала вода, а глаза горели желанием глотнуть чая, в который я добавила немного рома, последнего из двух литров. Шквал следовал за шквалом, сотрясая хижину. В половине третьего, во время небольшого затишья, которое , как предполагал Нео, могло продлиться недолго, мы вышли на мокрый от дождя пляж, спустили каноэ на воду и поплыли прочь.

Последним, что я увидел, увидев Вайт-хуа, была неясная полоса

прибоя на песке, а за ней - стройная фигура Побежденной, часто держащей в руке фонарь, лучи которого слабо освещали в темноте ее развевающуюся на ветру белую тунику и расплывчатое лицо.

Шторм ненадолго прекратился. Не успели мы отойти от берега, как небеса разверзлись и обрушили на нас ливень. Вода стекала по нашим обнаженным спинам и ручьями стекала по мускулистым рукам , налегавшим на весла. Мы гребли целый час, пока не поднялся попутный ветер, и это был тоскливый час. У каноэ были выносные опоры, но оно было таким узким, что сидеть можно было только на остром борту. Я заснул и проснулся в море, рядом с вождем, который бросился мне на помощь, схватив меня за волосы.

Утро застало наше каноэ у скалистого берега Хива-Оа. По своему обыкновению, вместо того чтобы направиться прямиком к месту нашего назначения или плыть к нему на буксире, насколько позволял ветер, маркизцы направились к ближайшему берегу, следуя вдоль него до порта. Этот способ сопряжен с опасностью, потому что у угрожающих утесов бушевало сильное море , огромные волны разбивались о скалы, и мы волей-неволей оказались во впадине, когда огибали сушу.

Мы перешли от парусов к веслам, и гребцам и Седьмому матросу потребовалась вся их сила и мастерство, чтобы избежать кораблекрушения. Каждый встречный вал подбрасывал хрупкое суденышко ввысь, и мы падали в бездну, как камень в бездонную пропасть. Каждое мгновение казалось, что мы вот-вот перевернемся. Пока мы сражались таким образом, в отчаянных попытках не налететь на скалы, взошло солнце, и каждый водоворот превратился в чистейший изумруд, а впадины набегающих волн стали пурпурными, как темные аметисты.

Внезапно, когда мы, затаив дыхание, скользили вниз, огромная стена воды

она поднималась рядом с нами, все выше и выше, пока, казалось, не коснулась неба, прозрачного и твердого, как лист зеленого стекла, - зрелище настолько потрясающее , что изумление сменилось страхом. Какое-то мгновение оно висело над нами, а затем обрушилось вниз с силой землетрясения.

Ошеломленный, я вынырнул из водоворота и обнаружил, что наше каноэ полностью скрыто под волнами и держится на плаву только благодаря выносной опоре. Все матросы были за бортом, цепляясь за край затонувшего судна, в то время как мы с “Взрывающимися яйцами” спасали свои жизни. Они были сильными пловцами и удерживали нас у берега, пока мы не спустили воду настолько, чтобы они могли снова взяться за весла.

В течение двух часов мы метались из стороны в сторону, в то время как вождь держал рулевое весло, а его люди гребли сквозь разноцветную бурю, которая на мгновение грозила выбросить нас на скалы. Если бы мы наткнулись на них, мы были бы мертвецами, потому что, даже если бы нам удалось взобраться на них , высокий прилив размазал бы нас по стене утеса. Ни один человек не выказал ни малейшего страха, хотя они упирались, как великаны, и мгновенно выполняли каждый приказ вождя.

Сражаясь таким образом, мы наконец обогнули Пойнт Теехоа и добились защиты Бухты предателей. Я, по крайней мере, почувствовал неизмеримое облегчение, которое быстро сменилось радостным возбуждением, когда мы подняли паруса и на великолепной скорости направились прямо сквозь буруны к гостеприимному пляжу Атуона.

Католическая церковь в Атуоне Описана Стивенсоном в книге “Южные моря”

Местные жители ловят рыбу копьем со скалы

ГЛАВА IX

Маркизцы на десятичасовой мессе; замечательная беседа о религиях и Жанне д’Арк, в которой Великий Ферн излагает свое представление о дьяволе.

Я был удивлен, заметив, что несколько туземцев, оказавшихся в

поле зрения, когда мы высадились, были одеты в чопорную и неудобную европейскую одежду; должно быть, за время моего отсутствия был устроен какой-то праздник, подумал я. Затем я с удивлением осознал, что сегодня воскресенье. В прекрасной, неподвластной времени долине Ваит-хуа календарь скрылся за горизонтом памяти, как моя родина скрылась за морем. Здесь, в Атуоне, чья жизнь была окрашена присутствием белых, дни, должно быть, снова потекли своим размеренным чередом.

В хрустальном утреннем воздухе после дождя уже отчетливо звенели колокола миссии, и вождь Нео, забыв о прошедшей ночи тяжелого труда и опасностей, горел желанием сопровождать меня в церковь. Для него было бы честью, подобающей его положению вождя, сидеть с этим выдающимся белым человеком в молитвенном доме, и я, помня о его безупречном гостеприимстве, был рад оказать ему честь в своей долине.

Мы поспешили в мою хижину. “Взрывающиеся яйца” бежал впереди нас по тропе, неся на плечах мой багаж. Когда мы приехали, нас уже ждали кокосовые орехи и попои, кофе и консервированное печенье. Мы наскоро поели и переоделись в соответствующую одежду. “Взрывающиеся яйца”, радующийся жесткому воротничку и поношенной матросской шапочке, которая когда-то была моей. Они странно сидели на нем, будучи на несколько размеров больше, чем нужно, но он держался с гордостью, когда мы направились к церкви.

На банановой аллее, ведущей к миссии, я задержался, чтобы полюбоваться красотой снежинок, падающих на землю. Они являются внешними слоями маятника этого изящного растения, фиолетового цветка-конуса , который свисает на конце плодовой грозди с ее изогнутым стеблем королевского оттенка . Банановые деревья, которые мы называем деревьями, росли вдоль дороги и достигали двадцати футов в высоту, их длинные тонкие листья развевались на легком ветру , как знамена на стене замка.

Снежинки, падавшие на землю, были прекрасны. Большие, как дамская вуаль, из рубчатого атласа, розовые и пурпурные, розовые и алые, с изящно завитыми краями, они подчеркивали элегантность и роскошь будуара хорошенькой женщины. И, как и все подобные изысканные безделушки, очаровательный цветок, который висит, как разноцветная лампа, в зеленой часовне банановой рощи, становится бесполезным после того, как отслужит свое недолгое время. Плоды растут лучше, когда их срезают.

Напротив просторной территории миссии верующие собирались под двумя искривленными баньяновыми деревьями, похожими на гигантские по высоте и раскидистости. Позади них длинная изгородь из бананов окаймляла кокосовую плантацию церкви, а через узкую дорогу возвышалась часовня,

резиденция священников и дом монахинь, а также несколько школьных зданий, которые сейчас пустуют из-за французского антиклерикального закона.

Взрывающиеся яйца в своем новом наряде и приезжий вождь из Ваит-хуа встретили радушный прием среди ожидающих туземцев, а Титихути с татуированными ногами заняла свое место рядом со мной. Она расчесала свои тициановские локоны и намазала их маслом, пока они не засияли, как заросли водорослей в саду. Монтерей. На ней была туника из алого ситца, а в руке она держала соломенную шляпку с красной лентой, чтобы надеть ее, когда войдет в церковь. “Каоха!” Сказал я ей, и она улыбнулась, показав свои ровные белые зубы.

Внезапно, когда я смотрел мимо нее на церковь, моим глазам предстало зрелище , которое поразило меня. В туманном свете я увидел Христа на кресте, как на Голгофе. Величественная фигура была в предсмертной агонии, а у подножия креста стояли всегда верная мать и любящий Иоанн в позе изумления и скорби. Реальность была поразительной; на мгновение я совсем забыл о себе.

Но Титихути кашлянула, и я увидел ее татуированные ноги, почувствовал под собой шершавые корни баньяна и снова оказался во дворе. Скульптурное изображение Распятия было установлено на базальтовой платформе длиной в добрых двадцать футов. Фигуры были выполнены из золотистой бронзы, а крест выкрашен в белый цвет. Над ним свисали ветви высокого хлебного дерева, что создавало прекрасный навес для такой группы. Воистину, это хлеб жизни.

На табличке на кресте была надпись:

“1900

Да умрет Христос на земле Жизнь

Царство

Повеление Христос воскрес Юбилей 1901 года Атуона.”

- Тики истинного бога, - сказала Титихути, заметив мой взгляд, и перекрестилась с пылом верующей в новый оберег.

Когда мы входили в церковь, на крыше ворковала стая голубей . Над дверным проемом висели барельефы херувимов и серафимов - толстые, искаженные тела с перекошенными крыльями, но сквозь грубую работу проглядывало небесное видение. Контрфорсы с петлевыми отверстиями по обе стороны фасада напоминали о тех днях, когда строители предусмотрительно готовились к обороне на случай, если реакция язычества заставит прихожан напасть на отцов-христиан.

В дверном проеме французская монахиня в голубом одеянии дергала за веревку , свисавшую с колокольни, а над нами на двух крошечных башенках звонили колокола. Она с любопытством посмотрела на меня и моего дикого спутника,

ее бледное крестьянское лицо было суровым, некрасивым, нездоровым; затем она пнула большую собаку, которая пыталась напиться святой воды из раковины моллюска у двери. “Алле, сатана!” - сказала она.

Сосуд, достаточно большой, чтобы в него мог погрузиться младенец, был прикреплен к доске - очаровательному старому почерневшему кронштейну, украшенному резными изображениями орудий пыток: гвоздей, копий, плетей и шипов. Они были инкрустированы слоновой костью и жемчугом, потемневшими за столетие с лишним. Когда я опустила руку в раковину, по моим костяшкам пробежала огромная ящерица, которая свила себе гнездо в углублении кронштейна.

Внутри были скамьи с досками для коленопреклонения, вытесанными из твердого дерева и сохранившими следы тесла. Вскоре на них собрались прихожане, женщины с одной стороны, мужчины с другой. На женщинах были головные уборы местного производства в полумилосярском стиле, украшенные китайскими шелковыми шалями или яркими носовыми платками. Все были босиком, за исключением бледных и болезненных дочерей Бофре,

которые носили неуклюжую и неудобную обувь. Многие дочери, в том числе маленькая, прелестная прокаженная, пришли с Цветком, рыжевато-золотыми волосами, Ткачихой циновок, у которой на руке были вытатуированы ее имена. Они окунулись в купель и преклонили колени, а затем склонились в молитве.

Я узнал много знакомых лиц. А Ю, китаец, владелец маленького магазинчика за баньяновым деревом, на совести которого было убийство ; Лам Кай Оо, мой прежний хозяин; Флаг, жандарм; Уотер, во всем великолепии европейских брюк; Кейк, с моей маленькой тезкой на руках. На ушах и шее у старух были татуировки в виде завитков, а губы были обозначены едва заметными полосками. Старики с татуировками вокруг глаз носили серьги и ожерелья из китовых зубов.

Внутри церковь была выкрашена в белый цвет, украшена фресками и панно ярких оттенков, а окна были из ярко окрашенного стекла. Алтарь, как и статуи Иосифа и Марии, был украшен красивой резьбой. За оградой на настоящей соломе в яслях лежал очаровательный ребенок , окруженный Богородицей, Иосифом, волхвами, пастухами и царями, все в ярких одеждах, а также приятными на вид коровами и ослами с красными глазами и зелеными хвостами.

Пение началось еще до того, как священник вышел из ризницы. Мужчины пели поодиночке, а женщины вторили им, чередуя пение с завыванием, которое временами переходило в гнусавый звук волынки. Католические песнопения, исполняемые таким образом на маркизском языке, приобрели дикий, варварский ритм, от которого кровь стыла в жилах, а волосы на голове становились дыбом.

Появился епископ Давид ле Кадре в элегантном облачении, с серьезными глазами и бородой длиной в фут, и месса началась. Послушник был очень подвижен в короткой красной сутане, из-под которой виднелись его голые ноги. Во время мессы люди часто откликались, послушно вставая, садясь и опускаясь на колени. Бофре сидел на стуле в центре

вестибюль и дополнительные счета.

А Ки Ау была единственной, кто общался у поручней. Никакой ткани не было расстелено, но колокол возвестил о таинстве

пресуществления, и все склонили головы, пока А Ки Ау благоговейно возносил причастие за благополучие Наполеона, своего внука, который случайно застрелился.

Служба закончилась, люди высыпали из церкви на залитую ярким солнцем дорогу, и А Ки Ау сказал мне: “Ты прибереги это причастие для меня. Мой сын старается изо всех сил”. Лам Кай Оо, протиснувшись вперед, предложил собеседнику глоток крепкого рома, который он раздобыл с разрешения губернатора. Ему сказали, что дать стакан воды причащающемуся, который , конечно же, должен был соблюдать пост и воздерживаться от употребления какой-либо жидкости с полуночи , согласно церковным законам, было священным актом, который приносил дающему благословение, и поэтому хитрый китаец решил усилить свое благословение, предложив напиток, который вкуснее воды.

Я продолжал пить с жаром. “Желаю вам доброго утра”, - радостно сказал он. “Пусть Наполеон будет еще счастливее”. Искренность - это не вопрос ломаного английского или глотка рома; бедный старый дедушка этого Тезка маленького капрала искренне верил, что Наполеон исправится с помощью своего жертвоприношения. Он, как и большинство маркизцев, не очень хорошо понимал религию белого человека. Для них это новая магия , утешение, занятие и развлечение. Но кто знает человеческое сердце или понимает душу?

В тот день, когда мы с Нео лежали на моем паэпае в ожидании попутного ветра, который должен был унести его обратно на его родной остров, собрались мои соседи отовсюду, чтобы скоротать солнечные часы за разговорами. Сидя на корточках на циновках, они серьезно обсуждали загадки религии, часто обращаясь ко мне за разрешением волнующих вопросов, которые они давно устали задавать своим более сведущим в религиозных мистериях наставникам.

В их родном языке нет слова, обозначающего религию. Епископу Дордиллону пришлось перевести это: “Те меа и хакатика, те меа и хана, те коаха тойтои и те Этна”, что можно перевести как “Вера в дела и любовь справедливого Бога”. Этна, часто пишущаяся как Атуа, была именем божества у всех народов маори, но религия была настолько тесно связана с естественными явлениями природы, живыми существами, небесами и морем, что стала частью повседневной жизни и не нуждалась в слове, чтобы отличить ее.

Никогда еще люди не были так неспособны понять символы веры и формулы, в которые облечены религиозные воззрения белых людей. Маркизцы не отличаются глубокомыслием. На самом деле, у них есть слово “тахоа”, которое означает “головная боль от размышлений”. Десять лет усердной и благородной самоотверженной работы миссионеров привели к тому, что острова по-прежнему оставались без

ни одна душа не обратилась в христианство. Только после того, как вожди начали одобрять новую диковинную веру, люди стали стекаться под знамена креста. И когда они все-таки начали размышлять над доктринами, которые им проповедовали как необходимые убеждения для обретения спасения, у них действительно заболели головы.

Даже после многих лет добросовестного посещения церкви многие из моих друзей все еще боролись со своими сомнениями, и когда они высказывались мне, я невольно морщил лоб и глубоко задумывался.

Животрепещущий вопрос о цвете кожи Адама и Евы был давно решен. Адам и Ева были смуглыми, как и они сами. Но если, как наиболее вероятно утверждали священники, Адам и Ева получили прощение и попали на небеса, почему их вина легла пятном на все человечество?

Кроме того, смог бы сатана соблазнить Еву, если бы Бог не создал древо познания тапу? Разве знание не было благом? Какие мотивы побудили Создателя и Всезнающего человека совершить этот поступок?

Что привело к падению ангелов? Гордыня, говорили священники. Тогда как же оно попало на небеса? вопрошали недоумевающие.

Воскрешение тела на страшном суде привело их в ужас. Этот факт, по словам мужа Кейк, привел к отказу от старой манеры хоронить трупы в сидячем положении, когда лицо находилось между коленями, а руки - под бедрами, и все это было обвязано веревками. Очевидно, что человек, похороненный в таком положении , воскрес бы изуродованным. Их покойники на кладбище на высотах теперь спали в длинных деревянных гробах, расслабив конечности. Но неосторожных островитян по-прежнему хоронили по-другому, не так тщательно продуманно.

Что бы Богу совершить в тех случаях, когда акулы сожрали Маркизский? И что, когда же акула был убит и съеден другими Marquesans? А в случае с раннехристианскими предками, которых съели люди из других племен, а потом в отместку съели каннибалы, а затем последнего пирующего съели акулы? Да! Был вопрос, вызывающий головную боль!

На этом этапе обсуждения пожилой незнакомец из долины Таоа, иссохший мужчина, вся обнаженная грудь которого была покрыта замысловатой татуировкой, отложил трубку и бесхитростно изложил свое представление о причастии. Это был, по его мнению, религиозный каннибализм, не более того. И он был озадачен тем, что его народу говорили, что неправильно питаться плотью другого человеческого существа, когда их убеждали “есть тело и пить кровь” самого Иету Кирито.

Много позже, в той далекой Америке, столь непостижимой для моих простодушных друзей-дикарей, я прочел при свете электрической лампы абзац из “Народных обычаев” Уильяма Грэхем Саммер из Йельского университета:

“Употребляемые в причастии выражения о вкушении тела и питии крови Христа ни к чему не относятся в наших нравах и ни к чему не апеллируют в нашем опыте. Это происходит из очень отдаленных веков; скорее всего, из каннибализма”.

Напечатанная страница исчезла, и перед моими глазами возникло видение моей паэпае среди хлебных и кокосовых деревьев, кольцо темных фигур, сидящих на корточках в мерцающей тени залитых солнцем листьев, Кейк в красной тунике с младенцем у груди, Взрывающиеся яйца, стоящие рядом с недоеденным кокосовым орехом, и… множество темных глаз в чернильных кругах уставились на сморщенное лицо перевоспитавшегося каннибала, у которого голова шла кругом от тайн религии белого человека.

Неожиданно для меня разговор зашел об истории, рассказы о которой в сознании моего гостя путались со рассказами святых. Великий Папоротник утверждал, что если англичане зажарили Жанну д’Арк, то они ее съели, потому что ни один человек не стал бы прикладывать к живому человеку раскаленные угли,

которые причиняют сильную боль, а огонь никогда не касался человеческого тела, кроме как для того, чтобы приготовить его для употребления в пищу. Эта теория показалась большинству слушателей разумной, поскольку, поскольку такая жестокость, какую маркизцы практиковали в своем родном штате, была бездумной и никогда не преднамеренной, идея пыток была непостижима для их простодушных умов.

Злобная сплетница, миловидная двадцатипятилетняя дикарка с кофейными гущами в волосах, заявила, однако, что губернатор сказал ей , что англичане сожгли Жанну заживо, потому что она была еретичкой. Это заявление было встречено удивленными протестами присутствующих, которые сами навлекли на себя это обвинение, когда некоторое время назад перешли из католицизма в протестантизм.

- Взрывающиеся яйца, - поспешно сказала я, - приготовьте чай для всех. - С сияющих глаз исчезла всякая тень, когда я достала бутылку рома и добавила по ложечке ароматизатора в каждую наполненную до краев скорлупу. Все это сбивает с толку вопросы были забыты, и на моем паэпае снова воцарилось простое дружеское общение , в то время как Великий Ферн объяснял всем свое представление о христианском дьяволе.

Маркизским божеством тьмы был По, смутный дух стихий. Но кухане анера мааа новой религии обладала определенными и внушающими страх атрибутами, объясненными священниками. Так что Великий Ферн представлял его чем-то средним между человеком и кабаном, с хвостом, похожим на акулий, бегающим по лесам со связкой зажженных свечных орехов и поджигающим дома нечестивцев.

А нечестивец? Мораль, какой мы ее знаем , в его представлении не имела ничего общего с их грехом. Нечестивцы - это недобрые люди, те, кто был жесток с детьми, жены, которые плохо попивали, и белые , пользующиеся привилегиями цыган, забывшие о гостеприимстве.

Нехристиане могут посмеяться над усилиями миссионеров среди

язычники. Но миссионеры - единственная сила, способная творить добро на островах, единственные белые люди, стремящиеся смягчить страдания и разорение , вызванные

системой торговли белого человека. Развитие цивилизованной торговли подавило все естественные порывы братства, доброты и великодушия, уничтожило все добрые и непорочные обычаи этих детей природы. Торговцы и моряки, китобои и солдаты были их врагами.

Каковы бы ни были ошибки служителей Божьих, они изо дня в день отдавали свои жизни неустанному, самоотверженному труду, много страдая, чтобы поделиться с этими обездоленными людьми светом своей собственной веры в лучший мир после смерти. В той мере, в какой они терпели неудачу, они терпели неудачу потому , что им недоставало того, чего всегда недоставало проповедующей религии, — радости в жизни, которая стремится сделать это земное существование более терпимым, изящества юмора и широкой простоты.

Полинезийцы всегда уважали власть. При их собственном правлении, где жрецы и короли в равной степени достигали высокого положения благодаря своим деяниям, вызывавшим восхищение, тапу жрецов имели такую же силу, как и тапу вождей, а жизнь строилась по немногочисленным и простым правилам. Теперь, когда секта борется с сектой, когда священники уверяют народ, что Франция - это Протестантская нация и губернатор говорят, что это ложное утверждение, где протестантский пастор учит, что воскресенье - это день торжественности и молитвы, а французы делают его днем веселья, как во Франции; там, где спасение зависит от множества верований, сбивающих с толку и несовместимых, озадаченный маркизец чешет в затылке и переходит от одного вероучения к другому, в то время как в глубине души он привязан к старым богам.

У маркизцев была радостная религия, полная юмора и самозабвения, танцев и песнопений, восхваления природы, величия их племени или расы, культа, который, несмотря на ужасные обряды человеческих жертвоприношений, был стимулом к жизни.

Усилия миссионеров убили радость жизни, поскольку они уничтожили старое варварство, выкорчевав с корнем все, хорошее и плохое, что религия значила для туземцев. Вместо этого они дали ему обряды, которые его озадачивают, догмы, которые он может понять лишь смутно, и немного утешения в страданиях, навлекаемых на него торговлей.

Я видел прокаженного, который сидел в одиночестве, углубившись в Священные Писания, и когда я спросил его, находит ли он в них утешение, мне ответили: “Это сильные слова для слабого человека, и они лучше, чем “свинья””. Но только святой. Фрэнсис Ксавьер или Ливингстон, обладающие великой моральной силой, могли бы сейчас поднять людей из трясины уныния, в которой они угасают.

Для этого народа, искрометно живого, энергичного, как дикие лошади, не подавленного, как их завоеватели, тысячелетним наследием правил и ограничений, религия, навязанная им, была не только наркотиком, но и смертельным зельем.

ГЛАВА X

Брак, порожденный злыми сплетнями; брачные обычаи простых туземцев; домашние трудности хаабуани.

УСТА Бога и его жена, Злобная Сплетница, вскоре стали близкими друзьями моего отца. Придя первыми, чтобы увидеть чудесную Золотую кровать и послушать щелканье Железных Пальцев, которые произносят Слова, они остались поболтать, и я нашел их обоих очаровательными.

Обоим было чуть за двадцать, они были простодушны, щедры, умны и преданы друг другу и своим друзьям. Злобная сплетница была красива, с мягкими темными глазами, четкими чертами лица и изяществом фигуры, от которых в Нью-Йорке у всех закружились бы головы. Она была маркизкой, но не ее муж. Уста Господни, в нем текла белая кровь. Чей это был ребенок, он не знал, поскольку супруг его матери был островитянином. Его мать, крупная, суровая каннибалка-кальвинистка, верила в предопределение и проводила свои дни в страхе, что окажется среди погибших. Ее Библия всегда была рядом, и часто, проходя мимо их дома, я видел, как она забиралась с ней на хлебное дерево и читала главу на высоких ветвях, чтобы не отвлекаться. Они жили в просторном доме, окруженном тремя акрами хлебного дерева и кокосовых орехов - древней рощей, издавна принадлежавшей их семье. Часто я сидел на корточках на их циновках, осторожно макал палец в чашу с попой и пил сладкое

вино из недозрелого кокосового ореха, в то время как уста Божьей матери долго и проникновенно говорили об обители проклятых и необходимости искать спасения. В ответ Злая сплетница часами рассказывала мне на моем паэпае о новых и старых обычаях своего народа.

“Когда мне было тринадцать, - сказала она, - китобои все еще приходили в Ваит-хуа, мою долину. Там появился молодой человек, похожий на мужчину, прямой и ясноглазый, пассажир китобойного судна, который искал приключений. Я впервые в жизни вздохнул, когда посмотрел на него. Он был красив и не похож на других мужчин на ваших кораблях.

- Он научил меня любить поцелуи, которые дарят белые люди. Он был щедрым, нежным и добрым. Несколько месяцев мы прожили вместе в доме у ручья в долине. Когда он наконец уплыл, как поступают все белые люди, которые заслуживают того, чтобы остаться, он вырвал мое сердце. Мое молоко превратилось в яд и убило нашего маленького ребенка.

“Много лет спустя я встретился с Устами Бога. Он привел меня в свой дом в хлебной роще. Он был добрым и ласковым, но я долго не могла научиться любить его. Именно губернатор дал мне понять, что я его женщина. Это произошло таким образом:

- Этого губернатора все ненавидели за его холодность и жестокость. Уста Бога работал на него в доме, где изготавливают лекарства, научившись смешивать их в миске и заворачивать в бумагу.

повязки на раны тех, кто был болен. Однажды, согласно обычаю белых людей, которые правят, губернатор сказал устам Боже, что он должен был послать меня во дворец в ту ночь.

- Когда он вернулся домой, в дом, где мы жили вместе. Уста Бога дали мне свое слово. Он сказал: “Иди к реке и искупайся. Надень свою алую тунику, вплети цветы в волосы и отправляйся во дворец. Губернатор устраивает сегодня пир, и ты будешь танцевать и спать в губернаторской постели”.

Злая сплетница вздрогнула и принялась раскачиваться взад-вперед на циновках. “Тогда я бы убила его! Я закричала ему и сказала: “Я не пойду к губернатору! Он дьявол. Мое сердце ненавидит его. Я Маркизец. Какое отношение я имею к человеку,

которого ненавижу?’

“Уходи!” - сказали Уста Божьи, и взгляд его был тверд, как черные камни Холма. “Губернатор спрашивает о тебе. Он и есть правительство. С каких это пор маркизские женщины отказываются выполнять приказы администратора?

“Я заплакала, но взяла свою самую яркую кахуропу из сундука сандалового дерева, который подарил мне мой мужчина-Менике, и пошла по тропинке к ручью. По дороге я плакал, но на сердце у меня было черно, и я подумал , не спрятать ли под туникой острый нож, когда отправлюсь во дворец. Но мои ноги еще не успели намочить воду, когда Уста… Бог воззвал ко мне.

“Не уходи”, - сказал он.

“Я ответил: “Я пойду”. Ты сказал мне идти. Я уже в пути”. Слезы были солеными у меня во рту.

“Нет!” - сказали Уста Бога. Он побежал и нашел меня в бассейне , куда я бросилась. Там, в воде, он обнял меня, и от его рук у меня перехватило дыхание. “Ты не уйдешь!” - сказал он. - Я произнес эти слова, чтобы узнать, пойдешь ли ты к губернатору. Если бы ты ушел скорее, если бы ты не заплакал, я бы убил тебя. Ты моя женщина. Никто другой не получит тебя.’

“Тогда я поняла, что я его женщина, и забыла о своей любовнице, похожей на мужчину.

“Видишь ли, - сказала она мне после паузы, - я бы пошла во дворец. Но я бы никогда не вернулась в дом Уст Божьих. Это было началом нашей любви. Он никому не отдавал меня. Он сказал губернатору, что я не приду, и ждал, чтобы убить губернатора, если понадобится. Но губернатор рассмеялся и сказал, что есть много других. Тогда мы с Устами Божьими были обвенчаны месье Вернье, в церкви его матери.

“Таков был порядок моего бракосочетания. Такой же, как у девушек на вашем родном острове, не так ли?”

Это было почти то же самое, - сказала я. Разница заключалась лишь в некоторых незначительных особенностях обычая. Она зачарованно слушала, пока я описывал ей наши сложные правила ухаживания, наши визиты к молодым леди

в течение нескольких месяцев и даже лет, наши подарки, наши развлечения, наше вручение колец, наша свадьба, которая состоится в далеком будущем, наши апельсиновые венки, вуали и подружки невесты. Она находила все это почти невероятным.

“Здесь, - сказала она, - молодой человек может вступить в брак, когда он этого не ищет и даже не ожидает. Ни один житель Маркизов не может жениться без согласия своей матери, и часто она выдает его замуж за девушку, о чем он даже не помышляет.

- Молодой человек может привести домой девушку, которую он не знает, возможно , девушку, которую он видел на пляже при лунном свете, чтобы она осталась с ним на ночь в доме его матери. Возможно, ее красота и обаяние так понравятся его матери, что она соберет семейный совет после того, как они отправятся спать. Если семья думает так же, как мать, они решают женить молодого человека на этой девушке, и они делают это следующим образом:

“Ранним утром, едва рассвело, прежде чем молодая пара проснулась, все женщины в доме подняли их на ноги своими криками. Они бьют себя в грудь, ранят себя раковинами, громко крича: “Ауэ!” Ауэ! Соседи врываются посмотреть, кто умер. Юноша и девушка в ужасе выбегают из дома. Затем мать, бабушка и все остальные женщины в доме начинают восхвалять девушку, воспевая ее красоту и причитая, что они не могут ее отпустить. Они гневно требуют, чтобы сын не отпускал ее. Все соседи плачут вместе с ними, Ауэ! Ауэ! и бьют себя в грудь, пока сын, охваченный стыдом, не просит девушку остаться.

“Затем ее родители получают уведомление, и, если они не возражают, девушка остается в его доме. Часто именно так заключаются браки на маркизах”.

Но, конечно, часто, - объяснила она, - брак не является результатом ночного ухаживания. Молодой маркизец часто приводил домой девушку, которая не сразу завоевывала расположение его матери. В таком случае на следующее утро после завтрака она уходила своей дорогой, и на этом все заканчивалось. Наше отношение к целомудрию было непостижимо для Злобной сплетницы, хотя она и была обучена всем правилам церкви. Для нее это было кредо, которое белые проповедовали другим, как ношение обуви или превращение субботы в мрачный день, и хотя ей говорили , что нарушение этого кодекса означает вечное изжаривание в яме для каннибалов

, костры в которой никогда не гаснут, ее разум не мог понять причин для этого. Она не могла порицать поступок, который казался ей невинным, естественным и безвредным развлечением.

Правда в том, что девичеству вообще не придавалось и не придается никакого значения В Полинезии молодая женщина предоставлена своим прихотям, без порицания и заботы. Только глубокая и искренняя привязанность удерживает ее в конце концов с мужчиной, которого она выбрала, и тогда она следует его желаниям в вопросах жизни.

храня верность, она все еще в значительной степени остается хозяйкой самой себе.

Маркизские женщины, однако, часто отказывают своему мужу в свободе, которой она сама открыто пользуется. Этот обычай сохранился как поразительный пережиток многомужества, при котором жена под страхом изгнания с крыши навязывала верность всем, кто разделял ее привязанности.

Именно такой статус имел дом неподалеку от моей хижины. Хаабуани, церемониймейстер на танцах, лучший резчик по дереву и барабанщик во всей Атуоне, который был чистокровным маркизцем, но свободно говорил по-французски и искренне защищал учение о Непогрешимость папы Римского — даже переходя к реальным столкновениям с вызывающим Протестант по натуре, — объяснил свою позицию папа.

“Если у меня есть друг, и он временно желает мою жену, Тохо, я рад, если она согласна. Но мой враг не получит такой привилегии без моего согласия. Я был бы рад, если бы вы отнеслись к ней благосклонно. Вы добры ко мне. Вы обращались со мной как с вождем и купили мою миску кавы. Но, экутес. Месье, Тохо делает все, что ей заблагорассудится, но стоит мне бросить камешек в другую лужу, как она приходит в ярость. Видите, у меня до сих пор синяки от ее побоев”.

Со слезливым стоном он показал черно-синие отпечатки пальцев. Тохо разозлился и сообщил нам, что три пиастра, которые он получил от меня за чашу кавы, были найдены его женой в кассе Ле Лавка Бруннека, где Флауэр, дочь Лам Кай Оо, потратила их на ленточки. Тохо в ярости избила его так, что он день и ночь пролежал, стеная, на циновках.

“Так и должно быть”, - сурово сказала Злая сплетница, в то время как ее изогнутые губы вытянулись в прямую линию. Сексуальная мораль во всем мире означает соответствие сексуальному тапусу.

Свободная полиандрия все еще существует во многих странах, которые я видел, а в других ее вымирание оставляет эти фрагментарные пережитки. Я посетил племя субанос на западе и севере острова Минданао Филиппинского архипелага, где богатые мужчины являются многоженцами, а бедные все еще придерживаются многомужества. Экономические условия там приводят к таким же отношениям, но под другим прикрытием, как в Европе или Америке, где богатые повесы содержат несколько заведений, а многие наемные работники содержат всего одну проститутку.

Многомужество встречается почти исключительно в бедных странах, где всегда ощущается нехватка женщин. Таким образом, мы имеем многомужество, основанное на избытке мужчин, вызванном нехваткой средств к существованию. На самом деле считается, что девочки рождаются в результате избытка питания; в сельской местности рождается больше мальчиков, чем девочек, потому что городской рацион богаче, особенно мясом и сахаром. Примечательно, что в семьях первопроходцев Западной Америки на удивление большинство было мужского пола.

На Маркизских островах, где жизнь всегда была трудной, а рацион питания -

в бедных семьях всегда было больше мужчин, чем женщин, несмотря на частые войны, жертвами которых становились мужчины. Другая причина заключалась в том, что часто спасались дети мужского пола, в то время как женщины погибали в результате детоубийства, также вызванного голодом. Избыток мужчин заставлял их подчиняться командам женщин, которые часто доминировали в постоянных союзах, требуя от своих мужей расточительного богатства и внимания.

И все же — и это самый важный факт — отцовское право на ребенка оставалось основой социальной системы.

На всей территории Австралии, Меланезии и папуасов на востоке и Америки на западе у первобытных народов преобладало материнское право . Дети следовали за матерью, брали от нее

свою фамилию и наследовали имущество через нее. Я знал гавайского аристократа , который, комментируя этот факт, сказал, что достоинством системы было то, что ни один ребенок не мог быть назван незаконнорожденным, и что женщина, которая страдала больше всех, была вознаграждена гордостью потомства. Сам он, по его словам, был сыном правительницы, но его отец, король, был сыном негра -сапожника.

Отцовское право, настолько привычное для нашего сознания, что сегодня оно кажется чуть ли не единственной естественной или существующей социальной системой, на самом деле было развито совсем недавно среди всех рас, за исключением европеоидов и некоторых монгольских племен. Однако на Маркизских островах, на протяжении веков отрезанных от всех других народов, отцовское право преобладало, несмотря на все трудности, связанные с его сохранением в условиях многомужества.

У каждой женщины было много мужей, которыми она управляла. Истинное отцовство ее детей установить было невозможно. Однако маркизцы так упорно отстаивали отцовское право на ребенка, что даже этот факт не мог поколебать их. Один из супругов был юридически отцом всех ее детей, по крайней мере, формально он был владельцем домашнего хозяйства и того небольшого личного имущества, которое принадлежало ему при коммунизме. Мужчина оставался, хотя и только номинально, главой полиандрической семьи.

Казалось, я увидел в этом любопытном факте еще одно доказательство древнего родства между первыми людьми моей расы и доисторическими прародителями Злобных Сплетен и Хаабунаев. Мои друзья-дикари, с их четкими чертами лица, большими прямыми глазами и оливковой кожей, все еще сохраняли следы своей кавказской крови. Их предки и мои предки, возможно, вместе охотились на огромных крылатых ящериц в первобытных дебрях, пока, движимые неизвестно какой жаждой странствий или необходимостью, некоторые племена не отправились в этот поход через Европа и Азия устремились к Америке, которая в конце концов закончилась, когда континент затонул у них под ногами, на этих островах в южных морях.

Это был далекий полет фантазии из моего паэпае в джунглях у подножия Теметиу, но, глядя на красоту и изящество Злобного

Сплетничая, когда она сидела на моих циновках в своем малиновом парео, мне нравилось думать, что это так.

“Мы двоюродные сестры”, - сказал я ей, протягивая свежеоткрытый кокосовый орех, который принесли “Взрывающиеся яйца”.

- Ты великий вождь, но мы любим тебя как кровного брата, - серьезно ответила она и поднесла чашу с ракушками к губам.

ГЛАВА XI

Заполнение ям попои в сезон плодов хлебного дерева; легенда о мэй; тайный фестиваль в скрытой долине.

Однажды утром по дороге на пляж я встретил моего домовладельца Грейта Ферна. Одетый в ярко-желтое пареу, он нес на плечах огромную куку, или корзину из кокосового волокна, наполненную почти двумя сотнями фунтов плодов хлебного дерева. Великолепные мускулы выделялись на его совершенном теле, мокром от пота, как будто он только что вышел из реки.

- Каоха, Великий Папоротник! Я сказал. - Куда ты идешь с мэй? - спросил я.

“Сейчас Майнуи, сезон плодов хлебного дерева”, - ответил он. “Мы заполняем яму для попои рядом с моим домом”.

В маркизском языке есть слово, которое ярко описывает ужасы голода. Это означает “тот, кого сжигают, чтобы прогнать засуху”. На этих островах, отрезанных от остального мира, сама жизнь людей зависит от милости дождя. Хотя небо было благосклонным в течение нескольких лет, и ни дня не проходило без легкого ливня, в прошлом бывали засушливые периоды, когда даже самая выносливая растительность практически погибала. Так получилось, что маркизец был вынужден изобрести способ длительного хранения плодов хлебного дерева, и , привыкнув к кислой пище, он полюбил ее, как и многие другие. Американцы обожают дурно пахнущий сыр, рыбу и мясо, а также с удовольствием пьют абсент, горькую настойку и другие напитки,

вызывающие рвоту.

Поэтому в этот сезон изобилия плодов хлебного дерева Грейт Ферн открыл свою копилку попои и пополнял ее запасы. С полдюжины человек, которые ели из него, помогали ему. Только энтузиазм путешественника , любующегося необычным зрелищем, удерживал меня в радиусе его запаха.

Он был врыт в землю на четыре фута глубиной и, возможно, пять в диаметре, и ему было всего двенадцать лет, что делало его сравнительно небольшим и недавно приобретенным домашним имуществом в глазах моих друзей-дикарей. Уста Бога и Злобные сплетники владели ямой попои, вырытой его дедом, которого съели люди Тааоа, и расположенной неподалеку от дома Вайкеху, потомка единственного Королева маркизов, там была ууама техито, или древняя дыра, происхождение которой терялось во мраке веков. Оно достигало пятидесяти футов в длину и , как говорили, было еще глубже, хотя ни один из ныне живущих маркизцев никогда не пробовал его запасов и никогда не попробует, если только к этому не вынудит страшный голод. Это был тапу в память о погибших.

По всей долине полным ходом шло заполнение ям на случай непредвиденных обстоятельств. Вверх и вниз по тропинкам сновали мужчины, неся куки, наполненные спелыми фруктами, крупными, как сыр Эдам, и покрытыми косточками, как мяч для гольфа. Плод хлебного дерева весит от двух до

восемь фунтов, а такие гиганты, как Грейт Ферн или Хаабуани, тащили в куках по двести-триста фунтов на протяжении многих миль по крутым и каменистым тропам.

В банановых рощах или среди зарослей туи женщины собирали листья, чтобы выстилать и прикрывать ямы, в то время как вокруг центра внимания бегали голые дети, мешая и думая , что помогают, как это делают дети во всех странах, когда готовятся будущие праздники.

Было время, когда у каждой рощи хлебных плодов были свои хозяева, которые охраняли их для собственного пользования, и даже у каждого дерева был свой владелец, а может быть, и несколько. Плотность населения повсюду приводит к тому, что каждый кусочек пищи на счету. Я знал на Цейлоне английского

судью, которому предстояло решить вопрос о законном владении 2520-й частью десяти кокосовых пальм. Но мои друзья, которые сейчас собирали попои, могли собирать их с любого дерева, которое им нравилось. Теперь, когда здесь было мало людей, здесь было много плодов хлебного дерева.

В роще на склоне горы над моим домом рос большой папоротник. Остановившись под одним из величественных деревьев, чьи причудливые ветви и большие блестящие темно-зеленые листья простирались примерно на девяносто футов над его головой, он дотянулся до ближайших ветвей с помощью омеи - очень длинной палки с раздвоенным концом, к которой была прикреплена небольшая сетка из кокосового волокна. Ловко отделяя плод от плодоножки ловким движением резким движением раздвоенного кончика он поймал его в сеть и опустил на землю рядом с собой.

Когда были собраны лучшие плоды, до которых можно было дотянуться, он взобрался на дерево, неся омеи. Каждый коричневый палец на ноге цеплялся за ветки, как за пальцы, проворные и независимые от своих собратьев, благодаря долгому использованию для хватания за ветки и камни. Это отличительная черта маркизцев: у пожилых и трудолюбивых людей каждый палец ноги часто отделен от остальных на полдюйма, и у меня большой палец противопоставлен остальным четырем, как большой палец. Мои соседи легко поднимали мелкие предметы пальцами ног и, присаживаясь на корточки, сгибали их так, чтобы их не было видно, как в кулаке.

Крепко ухватившись за ветку этими похожими на руки лапками, Грейт Ферн орудовала омеем, сбивая другие плоды хлебного дерева одно за другим, стараясь не поранить их. Кокосовый орех можно подбросить на восемьдесят футов, закручивая его одним концом, чтобы он не сломался. Но мэй очень нежный, и при грубом обращении он портится.

Работая таким образом, Великий Ферн и его соседи ежедневно приносили к яме попои около четырехсот плодов хлебного дерева, складывая их там, чтобы женщины могли их приготовить. Аппоро и ее спутницы принялись протыкать каждый фрукт острой палочкой и раскладывать их на земле для брожения в течение ночи.

Утром, сидя на корточках и напевая во время работы, женщины соскребали кожуру с забродившего мэй с помощью

плоды очищали от скорлупы каури и перетирали на терке в углубление , которое выстилали банановыми листьями. Время от времени они вставали в углубление и утрамбовывали массу мякоти или колотили по ней деревянными дубинками.

Работа продолжалась две недели или больше. В древности это мероприятие на случай будущего голода сопровождалось большими церемониями, но сегодня в Атуоне соблюдается только одно правило, запрещающее половые сношения тем, кто занимается заполнением ям.

“Сорвать этот тапу, - сказал Большой Папоротник, - означало бы болезнь и несчастье. Любого, кто съест такой попои, вырвет. Запрещенная пища не может задержаться в желудке”.

Рвота в течение двух недель, проведенных за сохранением плодов хлебного дерева, вызвала серьезные подозрения, что несчастный нарушил тапу. Когда у них были свои дикие законы, этот несчастный часто умирал от страха быть обнаруженным и навлечь на себя гнев богов. Чтобы уберечься от подобной участи, те, кто не был силен и здоров , не принимали участия в этом задании.

Эта любопытная связь между сексом и приготовлением пищи проявлялась и во многих других случаях. Женщина, готовившая масло из сушеных кокосовых орехов, соблюдала тапу в отношении сексуальных отношений в течение четырех или пяти дней и верила, что, если она согрешит, ее труд не принесет масла. Мужчина , готовивший ночью в духовке, соблюдал тот же тапу. Я не знаю и не смог выяснить происхождение этих запретов. Как и многие наши собственные обычаи, они затерялись в тумане веков.

Таитянская легенда о происхождении хлебного дерева гласит, что в древние времена люди питались араэей, красной землей. У одной супружеской пары был болезненный сын, их единственный ребенок, который день ото дня медленно слабел на земной диете, пока отец не умолил богов принять его в качестве подношения и позволить ему стать пищей для мальчика. Из темноты храма боги, наконец, заговорили с ним, удовлетворив его мольбу. Он вернулся к своей жене и приготовился к смерти, приказав ей похоронить его голову, сердце и желудок в разных местах леса.

“Когда ты услышишь ночью звук, похожий на шелест листьев, затем цветка, затем незрелого плода, а затем на то, как спелый круглый плод падает на землю, знай, что это я стал пищей для нашего сына”, - сказал он и умер.

Она послушалась его и на вторую ночь услышала звуки. Утром они с сыном нашли огромное и чудесное дерево, под которым был зарыт желудок. Таитяне верят, что кокосовый орех, каштан и батат чудесным образом выросли из других частей человеческого тела.

Плоды хлебного дерева, по словам Перси Смита, были завезены на эти острова с Явы предками полинезийцев, которые покинули Индию за несколько столетий до Рождества Христова. Они прибыли в Индонезию как любители риса, но там нашли плоды хлебного дерева, “которые они взяли с собой в

их великое переселение на эти тихоокеанские острова произошло спустя два с лишним столетия после начала нашей эры”.

Смит находит в таитянской легенде подтверждение этому утверждению. В В полинезийском языке арареа, “красная земля” из сказки, - это то же самое, что и вари, а в Индонезии были слова fare или паре, в малайском padi или peri и в малагасийском vari, все они означают рис. В одной из легенд племени Раротонга рассказывается, что на Гавайских островах были найдены два новых фрукта, а вари выбросили. Этими фруктами были хлебное дерево и конский каштан, ни один из которых не произрастал в Полинезии.

Я рассказал эти истории о мэй Великой Ферн, которая ответила: “Ауэ! Это может быть. Древние боги были великими, и весь мир - это чудо. Что касается меня, то я христианин. Плоды хлебного дерева созревают, и я наполняю яму попои”.

Великий Папоротник был моим другом и, как он сказал, христианином, но, боюсь , он не рассказал мне всего, что знал о древних обычаях. Когда он говорил о них, в его манере была невинность, слишком невинная, как у ребенка, который хотел бы, чтобы все поверили, что кот съел варенье. И в ту ночь, когда ямы для попои были засыпаны, утрамбованы и засыпались сверху, когда их накрыли банановыми листьями и придавили тяжелыми камнями, и сезонная работа была завершена, произошло нечто,

что наполнило мой разум множеством смутных догадок.

В полночь я проснулся от того, что кокосовый орех с грохотом упал на железную крышу у меня над головой. Часто, пережив дождливые ночи, я вздрагивал от этого звука непрерывно падающих орехов, которые стучали у меня над головой, как дробь. Но в эту ночь, когда я снова приготовился ко сну, мои сонные уши встревожило что-то еще, не столько звук, сколько почти бесшумная вибрация, слабая, но тревожащая.

Я сел в своей Золотой постели и прислушался. “Взрывающиеся яйца” исчезли с его коврика. В маленьком домике было тихо и пусто. Напрягаю слух Я безошибочно расслышал его сквозь шелест леса и капанье дождя с карнизов. Это был далекий, приглушенный, почти неслышимый бой барабана.

От старых сказок у меня волосы на голове зашевелились, когда я стоял на своем папае и слушал его. Временами я думал, что мне это почудилось, но потом я снова слышал его и знал, что слышу. Наконец, завернувшись в парео, я спустился по своей тропинке к дороге в долину. Звук здесь тонул в плеске ручья, но пока я стоял в нерешительности в темном омуте под бананом, с которого капала вода, я увидел, как мимо меня бесшумно проскользнула темная фигура, направляясь к Возвышенности. За ним последовал другой, двигавшийся в ночи, как более плотная тень. Я вернулся в свою каюту, поборол непреодолимое желание закрыть и забаррикадировать дверь и лег спать. Спустя долгое время я заснул.

Когда я проснулся на следующее утро, когда “Взрывающиеся яйца “, как обычно, готовил себе завтрак, солнечный свет заливал плоды хлебного дерева и пальмы,

и ночь казалась сном. Но в деревне ходили слухи о странном танце, который устраивали жители Нука-Хивы, на другом острове, в честь сбора урожая мэй. Были намеки на странные обряды, в которых участвовали только мужчины, которые танцевали совершенно обнаженными, восхваляя старых богов.

Это был обычай древних времен, - сказал Великий Папоротник, глядя на меня своими слишком невинными глазами. Это всегда было церемонией возношения благодарности древним богам за обильный урожай, умилостивления и мольбы об их неизменной

благосклонности. Что касается его, то он был христианином. В Атуоне больше не проводились подобные обряды.

Я больше не задавал вопросов. Возношение благодарности всемогущему правителю за плоды сезона сбора урожая стало почти всеобщим явлением. Мы включили в воззвания, церковные службы и забой индеек то, что эти дети делают, танцуя, как это делал Савл в древности.

Выполнив задачу сезона, Грейт Ферн и Аппоро вернулись к работе вполне удовлетворенные, отлично подготовившись к будущему. Однако некоторые из их соседей, преисполненные честолюбия и подстегиваемые тем фактом , что мэй хватало на всех, не подозревая о жадности , вызванной чрезмерным владением, продолжали работать, пока не засыпали три ямы. На этих людей смотрели с восхищением и некоторой завистью, поскольку они снискали большую честь. “У него три ямки попои”, - говорили они, как говорили бы мы о человеке, владеющем великолепным драгоценным камнем или Веласкесом.

Натертый на терке плод хлебного дерева в углублениях назывался ма и имел такое же отношение к попои, как тесто к хлебу. Когда ма достаточно прокисал, Аппоро каждое утро открывал банку и вынимал из нее столько, сколько должно было хватить на весь день, а затем перекладывал косточки на банановые листья. Считалось, что присутствие насекомых и ящериц не повредит вкусу.

Я часто сидела на ее папае и наблюдала, как она готовит ужин на день. Выложив прогорклую массу из ма в длинное деревянное корыто, выдолбленное из ствола дерева, она добавила воды и размешала ее до консистенции заварного крема. Эту пасту она завернула в листья пумы и поставила запекаться в местной печи из камней, стоявшей рядом с ямой.

Аппоро курил сигареты, пока она запекалась, возможно, чтобы засечь время. Маркизцы отмечают минуты, выкуривая сигареты, говоря: “Я выкурю то-то и то-то за три сигареты” или “От моего дома до его - две сигареты”.

Когда сигареты были выкурены или когда ее инстинкт хозяйки подсказал Аппоро, что блюдо приготовлено должным образом, оно снова отправилось в форму и было размято вместе с китукипопои, самым вкусным блюдом в мире. Фаллический каменный кувшин, известный всем первобытным народам. Затем

его отправляли в пахаке, или деревянную миску диаметром около восемнадцати дюймов, и следовал последний этап процесса.

Взяв горсть массы, Аппоро переложила ее в другой пахаке и долго разминала пальцами, используя в качестве смазки масло из измельченных кокосовых орехов. И наконец, гордо улыбаясь, она поставила передо мной блюдо с попои-каои, самым лучшим попои, которое только можно приготовить.

Это блюдо можно подать даже волшебнику. Я бы с удовольствием съел пасту “Билл-постер ” годовалой давности. На вкус это как кислый заварной крем. И все же белые люди учатся есть его, даже страстно желать. Капитан Каприата, со шхуны “Роберта”, которая время от времени заходила в порт в заливе Атуона, мало что другое могла переварить. Дайте ему миску с попои и тушеного или жареного кота, и его корсиканское сердце проникнется любовью к тому, кто его подает.

Как хлеб или мясо важны для нас, так и попои важны для моих рыжевато-коричневых друзей. Они ели его каждый день, иногда по три-четыре раза в день, и съедали огромные количества, сидя на корточках. Как крестьянин в некоторых районах Европы питается черным хлебом и сыром, бедные ирландцы - картофелем или кашей, шотландцы - овсянкой, так и маркизец довольствуется попои, и это блюдо ему действительно нравится больше всего на свете.

Много раз, когда я не мог избежать гостеприимства своих соседей, Я сидел с ними на корточках перед полным до краев пахаке, приготовленным на их паэпае, и макал в него палец, хотя они удивлялись отсутствию у меня аппетита. В тишине, которая считается подходящей для серьезного приема пищи, каждый окунул указательный и безымянный пальцы в миску и аккуратно отправил порцию липкой массы в рот, после чего вернул пальцы в миску очищенными от последней частицы. Маленькие дети, начинающие есть попои еще до того, как их отняли от груди, кладут в блюдо целые руки, и часто тощие и облезлые дворняжки, влачившие жалкое собачье существование в окрестностях паэпаев, не оставались без внимания.

Если принять микробную теорию, то в чаше попои можно найти причину быстрого распространения эпидемий, поскольку белые принесли болезни на острова.

Добровольный сбор кокосовых орехов в роще, где растут деревья всех возрастов

Лазание за кокосовыми орехами

ГЛАВА XII

Прогулка по джунглям; старуха на хлебном дереве; ночь в хижине туземцев в горах.

Долина АТУОНА, по своему обыкновению, дремала во второй половине дня, когда губернатор в сопровождении дворцового стража, у каждого из которых было по дробовику, пригласил меня подняться на гору и пострелять кукуса на ужин. Куку - это маленькая зеленая горлица, очень распространенная на островах и называемая также у'у и кукупа. Под любым из этих названий зеленоперая горлица отлично подходит для употребления в жареном виде.

Я не взял с собой оружия, потому что, если этого не требует голод, мне не нравится убивать. Мы отправились в путь вместе, поднимаясь по тропе гуськом, но энтузиазм погони вскоре завел моих спутников в более густые заросли, куда их заманивали маленькие голуби, и только резкий хлопок случайного выстрела, разбудивший эхо в скалах, нарушал мое уединение.

Мрачная тишина глубокой долины, где тени гор падают на рощи кокосовых орехов и километры густого кустарника, напомнила мне Нью-Йоркский канон, расположенный в центре финансового мира, мрачный даже в полдень, здания, упирающиеся в небо, затемняющие улицу, и настроение из обитателей, подобных горам. Там, когда в неожиданный момент я вышел из искусственно освещенной клетки тысячи рабов, чтобы заработать денег, и на секунду увидел, что улица пустынна, что на ее мрачном фоне нет ни одной фигуры животного или человека, я испытал то же чувство одиночества и благоговения, что и в этих

джунглях. Внезапно со всех сторон собралось множество людей, и это впечатление было разрушено

.

Но здесь, в долине Атуона, уханье совы куку, которая по-малайски называется птицей-призраком, буронг-ханту, казалось, только усиливало тишину. Не имеет ли это слово “ханту”, означающее по-малайски “злой дух”, какой-то неясной связи с нашим американским негритянским ” хант”, гоблином или привидением? Конечно, долгое и унылое птичье “У-у-у-у-у”, разносящееся по содрогающемуся лесу, вызвало смутные и леденящие душу воспоминания о сказках, которые я рассказывал при свечах, когда был ребенком в Мэриленде.

Здесь, на нижних уровнях, я все еще находился среди кокосовых рощ. Тропа проходила через целые акры кокосовых зарослей, их высокие серые колонны возвышались , как арки кафедрального собора, на восемьдесят футов над зеленым ковром из ползучих лоз. Снова тропа углубилась в лес, где одна или две пальмы пробивались из цепких джунглей. Повсюду я видел орехи, связанные своими естественными стеблями в группы по сорок-пятьдесят штук и прикрепленные к веткам , которые были срезаны и привязаны между деревьями. Они были собраны альпинистами и оставлены таким образом для сушки в копру.

Вокруг меня постоянно падали еще не собранные спелые орехи. Эти тяжелые снаряды весом в шесть-семь фунтов падали с высоты от пятидесяти до ста футов и с глухим звуком ударялись о землю. Дороги и тропинки были усеяны ими. В тропиках они падают каждый час в течение дня, но я никогда не видел, чтобы кто-нибудь пострадал от них. Мне самому удавалось чудом спастись, и я слышал об одном или двух людях, которые были тяжело ранены или даже убиты ими, но эти несчастные случаи совершенно несоизмеримы с выстрелами из-за деревьев. Человек становится экспертом в уворачивании, и инстинкт притягивает его взгляд к ветке , с которой вот-вот упадет мэй, или к пальме, намеревающейся запустить кокосовый орех.

Поднимаясь по тропе, время от времени останавливаясь, чтобы оглядеться, я наткнулся на старую женщину, слабо опирающуюся

на высокий посох. Хотя было время послеобеденного сна, она по какой -то причине отсутствовала, и я остановился, чтобы сказать ей “Каоха”. Она представляла собой жалкую фигуру, согнутую почти вдвое, ее иссохшие, дряхлые конечности были закутаны в рваное парео, а худые руки сжимали палку, на которую она опиралась. Она была так стара, что, казалось, не расслышала моего приветствия и ответила только невнятным шепотом, в то время как ее затуманенные глаза блеснули из-под опущенных век.

Такой жалкий возраст взывал к жалости, но поскольку она, казалось, не желала никакой помощи, я оставил ее опираться на посох и двинулся дальше по тропе, снова остановившись, чтобы взглянуть на тенистую долину внизу, размышляя о прошедших веках и кратком мгновении человеческой жизни. Стоя так, я был готов лишиться своего, потому что внезапно услышал свист, похожий на свист шрапнельного снаряда, выполняющего свою смертоносную миссию, и к моим ногам упал снаряд.

Я увидел, что это хлебное дерево и что я нахожусь под самым большим деревом из тех, что я когда-либо видел, высотой в сто футов и раскидистым, как гигантский дуб. На самых верхних ветвях стояла пошатывающаяся белдейм, которой я отдал честь, и держала в обеих руках посох длиной в дюжину футов. Она срывала плоды с дерева с поразительной энергией и проворством, ветер развевал ее скудные лохмотья, и ее изможденная, обнаженная фигура в окружении деревьев напоминала фигуру старой обезьяны.

Как она держалась, оставалось загадкой, потому что казалось, что она свисает с ветки под прямым углом, хотя держалась за нее всего лишь пальцами ног. Ни одна часть ее тела, кроме ступней, не касалась ветки, и у нее не было другой опоры, кроме этой, но она активно размахивала посохом и посылала вниз еще больше шестифунтовых снарядов, так что я сбежал без дальнейших размышлений.

Множество домов, разбросанных по верховьям Атуоны В этот час в долине было тихо, и повсюду разрушались дома местных жителей, их обвалившиеся стены и провалившиеся крыши напоминали о тысячах людей, которые когда-то жили здесь. Иногда в нашей собственной стране мы видим заброшенные и приходящие в упадок дома, несущие на себе безошибочные свидетельства смерти или дезертирства, и я следил за ними

армии, которые опустошали сельскую местность и убивали ее жителей или загоняли их в горы, но первое - это единичный случай, а во втором, хотя и полном ужаса, есть, по крайней мере, элемент активности, движения и борьбы за жизнь. Разрушающиеся дома маркизцев красноречивее говорят о смерти, чем затонувшие гравюры.

В этих долинах, каждая из которых населялась тысячью или несколькими тысячами человек, когда пришел белый человек, покинутые паэпаи являются торжественными и окутанными пеленами свидетелями гибели расы. Джунгли покрывают их, и от домов, стоявших на них, остались только руины. Их владельцы умерли, не оставив потомства, которое могло бы жить в их домах; соседи забрали свое немногочисленное имущество, и дикая природа вступила в свои права. В каждой долине эти мрачные памятники благам цивилизации прячутся в зарослях.

Никто не ступает по камням, на которых стояли дома мертвых. Это тапу; вокруг них порхают вейнахае, матиахае и этуахае, страшные вампиры и призраки, которые охраняют трупы и только и ждут, чтобы схватить живых. Что ж, пусть эти омерзительные призраки попируют; целые острова принадлежат им, и скоро они воссядут на папае последнего из них. Маркизец.

Я добрался до вершины ущелья и остановился, чтобы оценить его протяженность. Высокие холмы вздымались отвесно и неровно на расстоянии мили; кокосовые пальмы заканчивались на более низком уровне, а там, где я стоял, обрывы заросли дикими деревьями, кустарниками и ползучими растениями. Цвета варьировались от черного до светло-зеленого , от дымчатых гребней и мрачных ущелий до ручья, журчащего в сотне футов под тропой.

Сотни разновидностей цветов изливали свой аромат на пустынную местность. Франжипани, восхитительно пахнущий красный жасмин и тропические гардении наполняли теплый воздух своими тяжелыми ароматами.

Рядом с тропой росло дерево хуту с малиновыми цветами-кисточками на широких листьях и колючими грушевидными плодами. Этот фрукт не предназначен для употребления в пищу человеком, но с незапамятных времен использовался ленивыми рыбаками для приготовления чудесных снеков. Ручьи перекрывают плотинами, а груши бросают в воду. Вскоре рыба одурманивается и всплывает на поверхность , попадая в

расставленные сети отравителей. Она не теряет вкуса и не становится съедобной.

Кеохо, колючий кустарник, цеплялся за мою одежду, когда я сходил с тропы. Его оружием защиты часто служат булавки для туземца, который в лесу мастерит себе шляпу или зонтик из листьев. Рядом со мной тоже росла путара, широколиственный кустарник, а лимонный гибискус с его большим желтым цветком с черной серединкой обвивал ствол гигантской эи, в ветвях которой куку что-то шептал своей подруге. Часто цветущая лоза останавливала мое продвижение. Я изо всех сил старался высвободиться из ее объятий, продираясь сквозь массу растительности и вынужденно останавливаясь, чтобы отдышаться.

жадно вдыхая воздух, я видел вокруг себя все новые и более странные растения — орхидеи, гигантские лианы, нониенату, небольшой куст с малиновыми грушами на нем, тоа, или железное дерево, которое во время войны давало смертоносные удары , но теперь мирно раскинуло свои ветви среди буйной листвы своих соседей.

Повсюду рос зонтичный папоротник манамана-хайн. Ама, ореховое дерево-свечка, роняло на землю свои маслянистые орешки. Пуу-эпу, бумажная шелковица с желтыми цветами и округлыми листьями, похожими на вату, потеснила панданус и гибискус; эна-вао, дикий имбирь со съедобными, но пряными шишками, и дерево с кружевной корой, фауфи, из коры которого делают веревки, боролись за место в лесу. богатая земля боролась за солнце, которое даже в самый яркий день никогда не достигало их корней.

Я, спотыкаясь, продирался сквозь заросли, спотыкаясь о гнилые деревья и продираясь сквозь массу кустарников и спутанных лиан.

Далеко отсюда, в глубине леса, виднелись три или четыре дома; не выкрашенные в синий цвет или побеленные хижины , как в поселении, а полуоткрытые хижины туземцев, над которыми поднимался дым от костра , разведенного в кругу из камней на пеэпаэс. Час сна миновал, и мужчины и женщины, сидя на корточках перед корытами, разминали ма для попои или бездельничали на платформе в красно-желтых парео, наблюдая,

как жарятся хлебные плоды. Должно быть, здесь действительно жили бедные люди , потому что я заметил, что в домах не было и следа того уродства, которому маркизцы подражали у белых. И все же это были не те жалкие хижины из соломы, которые я видел в долине и которые, как предполагалось, были единственными остатками местной архитектуры.

Когда я подошел ближе, то увидел, что наткнулся на такой дом, каким его знали маркизцы в дни своего расцвета, когда гордость за свое мастерство создавал чудесные и красивые строения из местного дерева , украшенные элегантными и любопытными узорами.

Он был возведен на папае высотой около десяти футов, к которому вела широкая и гладкая лестница из таких же массивных черных камней. Дом, длинный и узкий, занимал всю площадь, за исключением веранды перед входом, край которой был огорожен бамбуком, искусно сформированным в виде квадратов. Дружеский возглас “Каоха!”, раздавшийся в ответ на мой собственный, позвал меня к месту семейной встречи, и я с готовностью поднялся по ступенькам.

Меня встретил рослый и красивый дикарь в серьгах, ожерелье и алом парике, который потерся своим носом о мой нос и церемонно понюхал меня, приветствуя как почетного гостя. Несколько женщин последовали его примеру, а голые дети с любопытством выбежали вперед, чтобы посмотреть на незнакомца.

Узнав, какой интерес и восхищение я испытываю к его дому, мой хозяин

демонстрировала его с плохо скрываемой гордостью. Его каркас был сделан из бамбука самого большого размера , стоящего вертикально, и украшен полосками гибискуса, красиво и прочно перевязанными веревками фирмы faufee. На этом каркасе были установлены стены, сооруженные из тростей, расположенных изящным узором, а крепления были сделаны из пурау или других лиан, похожих на ротанг, и все они были аккуратно и регулярно перевязаны. Поскольку резиденция была всего около дюжины футов в глубину, а длина ее была в три раза больше, эти стены были не только привлекательными, но и в высшей степени удобными: тростниковые заросли затеняли интерьер, а

промежутки между ними пропускали достаточно света и воздуха.

Мы вошли через низкое отверстие и обнаружили, что одна длинная комната просторна, прохладна и напоена лесными ароматами. Здесь не было никакой мебели, кроме двух больших, блестяще отполированных стволов кокосовых орехов, тянувшихся по всей длине помещения, а между ними лежали циновки самых разных узоров и всех ярких оттенков, какие только можно получить из кореньев и трав.

Пока я любовался ими, отмечая их насыщенные цвета и мягкую, но в то же время прочную текстуру, тихий шорох по крытой пальмовыми листьями крыше возвестил о приближении дождя. Для моего хозяина было немыслимо, чтобы незнакомец покинул его дом с наступлением темноты, да еще в ливень, который к утру мог превратиться в настоящий потоп. Отказаться от его приглашения значило покинуть огорченный и сбитый с толку дом.

В укрытие были принесены миски с попои и деревянные блюда с жареными плодами хлебного дерева, и, пока шипящий дождь тушил костры на паэпае, зажгли свечи-орешки, и все, присев на корточки, принялись за вечернюю трапезу. Плоды хлебного дерева и батат с кокосовым молоком утолили голод, вызванный моим трудным восхождением. Затем женщины унесли пустые миски, а мы с хозяином дома лежали на циновках и курили, наблюдая за серыми полосами дождя в сгущающихся сумерках.

На Хива-Оэ осталось немного таких домов, как его, - сказал он в ответ на мои комплименты. Людям нравились обычаи белых, и они мечтали о домах из досок красного дерева и железных крышах. Что касается его самого, то он любил обычаи своих отцов и, хотя вынужден был платить налоги и подчиняться новым законам, не желал трудиться на плантациях копры или на торговых кораблях. Его отец был известным воином. У'у больше не использовали, его заменили ружья белых. Старые песни были забыты. Но он, который много путешествовал , который видел столицу мира, Таити, и многое узнал о жизни иностранцев, не желал иметь ничего из этого. Он будет жить так, как жили его отцы, и умрет так, как умерли они.

- Это ненадолго. Мы исчезаем, как мелкая рыбешка перед голодом мако. Горы разрушены, и пахуэ накрывает наши паэпаи. Это не имеет значения. От тупу до фауу, от торо до фареро, от му таата. Гибискус будет расти, кораллы разрастутся, а человек

будет

прекращение. Ваши веки сомкнулись, и коврики готовы.”

Его гостеприимство позволило мне занять почетное место, несмотря на мои протесты, и вскоре я обнаружил, что лежу между хозяином и его женой, в то время как остальные домочадцы расположились плотной шеренгой позади нее на циновках, которые заполняли углубление между пальмовыми стволами. Все спали, положив затылки на одно бревно, а колени - на другое, но я находил утешение в мягком ворсе между ними.

Мои спутники мирно спали, как, я уже отмечал, спят люди во всех странах, где люди живут вблизи моря и в значительной его части. Не было слышно ни храпа, ни стонов, ни судорожных движений рук или ног, ни гримас, ни нахмуренных бровей, которые характерны для беспокойного сна большинства городских жителей и всех нас, кто беспокоится или сжигает свечу с обоих концов.

Некоторое время я лежал, прислушиваясь к их тихому дыханию и стуку дождя, барабанящего по соломенной крыше, но наконец мои глаза закрылись, и только рассвет разбудил меня.

Расщепление скорлупы кокосовых орехов в процессе приготовления копры

eS Ay 4 cs

7a FE | LEF MA

F y. <—te

Си

~ ts

Вырезаем мякоть из кокосовых орехов, чтобы приготовить копру

ГЛАВА XIII

Домашнее хозяйство Лам Кай Оо, приготовление копры, чудеса кокосовых рощ, сообразительность свиней и краб, знающий законы всемирного тяготения.

На следующее утро, попрощавшись с хозяевами, я отправился вниз с горы в ранней свежести солнечного, омытого дождем утра. Я шел по новой для меня тропе, крутой, как лестница, тропинке, окруженной джунглями, усыпанными драгоценными камнями, которые так близко подступали ко мне, что временами я видел небо только сквозь переплетение листьев древовидных папоротников у себя над головой.

Я прошел около мили, не видя никаких признаков человеческого жилья, слыша только пение птиц и шелест листьев, когда начался сильный ливень. Продвигаясь вперед, путаясь в своей прилипшей одежде и поскальзываясь на тропинке, которая мгновенно превратилась в миниатюрный поток, я вышел на небольшую поляну, на которой стояла грязная, темная лачуга, похожая на лачугу на окраине Кантона, не возвышавшаяся на папае, а приземистая, посреди акра грязи и отбросов лет.

Двое детей трех-четырех лет играли голышом в грязи, а Флауэр с золотисто-рыжими волосами слыла самой порочной женщиной в округе. Маркизские острова, гладила свои платья на полу веранды. Подняв голову, она позвала меня войти.

Это был дом Лама Кай Оо, приемного отца Флауэр. Ей был семьдесят один год. Лам Кай Оо поселился здесь с тех пор, как уволился с работы у капитана Харта, несчастного американского хлопкового плантатора, и похоронил здесь трех своих жен-туземок. Четвертая, двадцатилетняя женщина, сидела под навесом сарая для копры и кормила грудью шестимесячного младенца. Ее груди были темно-синими, почти черными, что характерно для местных кормящих матерей.

И мать, и Цветок убеждали меня, что я должен сделать Многие

дочери были моими женами во время моего пребывания в Атуоне, и если не та прокаженная девушка, то другая подруга, которую они выбрали для меня. Сама Флауэр оказала мне честь, предложив временный союз, но я убедил ее, что недостоин ее красоты и талантов. Любое заявление о том, что это не соответствует моему кодексу, даже о том, что это нехристиански, вызывало взрывы смеха у всех, кто это слышал; по правде говоря, белые смеялись громче всех.

Под навесом из пальмовых листьев Лам Кай Оо сушил кокосовые орехи. Его иссохшее желтое тело сидело верхом на чем-то вроде скамьи, к которой была прикреплена заостренная палка из железного дерева. Хватая когтем каждый орех-словно руками, он надавил на эту точку, поворачивая и выворачивая ее , снимая толстую и волокнистую кожуру. Затем он разломил каждый орех пополам хорошо направленным ударом тяжелого ножа. Для лучшего приготовления копры,

половинки орехов следует положить на солнце вогнутой стороной вверх. Когда мякоть начинает подсыхать, она отделяется от скорлупы и легко удаляется, образуя копру, которая является основой многих туалетных принадлежностей, мыла и кремов, изготовляемых на основе какао-масла.

Поскольку на Маркизских островах часто идут дожди, сушку часто проводят в печах, хотя высушенная на солнце копра стоит дороже. Лам Кай Оо мастерил такую печь - простое сооружение из камней, скрепленных глиной, над которыми был сооружен навес из пальмовых стволов и соломы. Разрезанные пополам кокосовые орехи раскладывались в глиняные чашки и ставились на деревянные подставки над печью. При закрытых дверцах в каменной печи разводили огонь и подкладывали снаружи шелуху какао и щетку. В такой печи орехи сушатся неравномерно. Из-за дыма они темнеют, а в масле, приготовленном из них, содержится нежелательный креозот. Трубы с горячей водой - лучший источник тепла, за исключением солнца, но, Лам… Кай Оо снова расплачивался за свою бедность, как приходится расплачиваться бедняку во всем мире.

Сорок четыре года назад он покинул Калифорнию, отдав семь лет своей жизни строительству американских железных дорог. Дым от Едва закончилась гражданская война, как капитан Харт убедил его, А Ю и других калифорнийских китайцев приехать на Хива-Оа

и работать на его хлопковых плантациях. В то время каннибализм был обычным явлением. Я спросил старика, был ли он свидетелем этого.

“Я часто вижу этого парня”, - ответил он. “Он не нравится канакам”. Китайцу. Он плохо говорит по-китайски”.

Он рассказал мне, как однажды Господь спас его от утопления. Вместе с братом-мирянином из католической миссии он плыл в Ваит-хуа на каноэ вместе со многими туземцами. Предстоял церковный праздник, и Лам Кай Оо вез с собой шестьсот пиастров Чили , чтобы поддержать свое мастерство в азартных играх против туземцев; Лам, конечно, чтобы управлять колесом мнимой удачи.

Лодка перевернулась на большой глубине. Брат-мирянин не умел плавать, но был поднят на киль перевернутой лодки, в то время как остальные цеплялись за ее края. Он молился часами, в то время как остальные, подняв лица над бушующими волнами, сердечно произносили “Аминь” в ответ на его мольбы. В конце концов волны вынесли их на мелководье. Брат искренне поблагодарил за спасение, но Лэм подумал, что то же самое волшебство должно вернуть ему шестьсот сребреников, которые утонули в море.

“Да поможет тебе Господь моего изобилия”, - сказал он. - Ну и ну, жить в бедности - сущий ад. Он, лорд Кэчи, получает деньги от Чили, а я - от фитти доллы Черчи.

Он в отчаянии вздохнул и добавил еще какао-шелухи в свою самодельную печь. Ливень прошел, серой завесой опустившись на долину, и, пробираясь по грязи двора, я последовал за ним

на солнце.

Теперь мой путь лежал через кокосовые рощи, которые днем и ночью оглашают остров своим шелестом. Они - хорошая компания, эти высокие, изящные пальмы, и я начал испытывать к ним настоящую привязанность, такую, какую человек испытывает к своей собаке. Как и я, они не могут долго жить и процветать, если не видят океана. Их привычка имеет более весомую причину, чем моя: их жизнь зависит от воздуха и воды. Чем больше воды ежедневно стекает по их стеблям и испаряется с листьев, тем выше их рост и продуктивность.

Поскольку испарение в значительной степени зависит от свободной циркуляции воздуха, наилучшие места для плантаций кокосовых орехов находятся на морском побережье, открытом всем ветрам. Они любят море и будут расти, если их стволы во время прилива опустить в соленую воду.

Эти стволы, имеющие три фута в диаметре у основания и плавно сужающиеся к вершине примерно до двенадцати дюймов, на самом деле являются не более чем трубами для подачи воды к жаждущим листьям. Вскрыв их, обнаруживаешь огромное количество полых стеблей тростника, скрепленных смолистой смолой и покрытых толстой и чрезвычайно твердой корой. Здесь нет ни веток, ни листьев, кроме как на самом кончике ствола, где появляется симметричный гигантский букет листьев с перьями длиной в дюжину футов и более, которые покачиваются при каждом дуновении ветра, а во время бури раскачиваются и хлещут дерево, как живые существа.

Раньше я удивлялся, почему эти огромные листья, с которыми забавляется самый легкий ветерок, а также самый свирепый шторм, не были сорваны с дерева, но когда я узнал, что кокосовая пальма - мой близкий друг, я понял , что природа позаботилась о том, чтобы она выжила на продуваемых всеми ветрами пляжах . то же самое изысканное внимание к индивидуальным потребностям, которое проявляется в электрических батарейках и лампочках для некоторых рыб или в капрификации инжира. Очень тонкая, но прочная циновка, прикрепленная к коре под стеблем, обвязанная наполовину вокруг дерева и поднимающаяся на высоту трех футов над листом, надежно прикрепляет его к стволу, но при этом дает ему достаточную свободу движений. Это естественная опора, гибкая и эластичная.

Едва ли найдется такая потребность у островитянина, которую не удовлетворяли бы эти милые деревья. Из их древесины делают лучшие лонжероны, стропила и колонны для местных домов, подставки для колен и изголовий кроватей, валики для больших каноэ или китобойных лодок, ограждения от диких свиней и топливо. Из листьев делают ширмы и крыши жилищ, корзины и покрывала, а в языческих храмах Таити делали четки или подставки для молитв, а на их жесткие стебли нанизывали орешки для свечей , чтобы они освещали праздничные места. Когда дерево молодое , сетка, удерживающая листья, красивого серебристого цвета, тонкая, как индийская бумага, и блестящая; узкие полоски из нее используются в качестве украшений для волос и других украшений.

они очаровательно контрастируют с черными и блестящими локонами девочек. Когда они подрастут, эти циновки станут похожи на грубую хлопчатобумажную ткань и будут использоваться для заворачивания продуктов, а также для изготовления сумок и даже грубой одежды, особенно для рыбаков.

Белые цветки мелкие и растут вдоль ветвистого стебля, защищенного кожицей, чуть выше начала листа. Из них делают кокосовое бренди, которое помогает местным жителям забыть о своих печалях. Цветы и орехи на каждой стадии развития находятся на одном и том же дереве, и между первым цветением и созреванием ореха проходит год. Задолго до того, как орех созреет, но после того, как он достигнет полного размера , в нем содержится пинта или даже кварта восхитительного сока, который на разных языках называется молоком, водой или вином. Оно прозрачное, как родниковая вода, с нежной кислинкой и в то же время сладкое, и никакое представление о его вкусе нельзя составить из -за наполовину прогорклой жидкости, содержащейся в спелых орехах, продаваемых в Европе или Америке. Его нужно пить сразу после того, как его снимут с дерева, чтобы в полной мере ощутить его прелесть, и оно должно быть собрано на стадии роста, называемой койе, когда в скорлупе еще нет мякоти.

Вскоре после этого на стенках ореха тонким слоем образуется белая, как снег, мякоть, по консистенции и внешнему виду напоминающая белок яйца всмятку . Это очень вкусный продукт, и из него готовят множество блюд, пудингов и тортов. Кокосовый орех похож на измельченный кокосовый орех, который продается в магазинах, не больше, чем персик, сорванный с дерева , на консервированный фрукт.

С течением времени мякоть твердеет и утолщается и, наконец , достигает толщины в дюйм. Иногда мясо, когда оно станет твердым и спелым , обжаривают и употребляют в пищу. Мне нравится, когда оно подается таким образом.

Если оставить орех на дереве, он со временем упадет, и в свое время в нем начнется чудесный процесс прорастания. Внутри, начиная с внутреннего конца семени , заключенного в ядре, напротив одного из трех глазков на меньшем конце ореха, образуется сладкая беловатая корка. Эта губка впитывает всю жидкость и, заполняя внутренности, расплавляет жесткое мясо,

впитывает его и превращает в клеточную субстанцию, в то время как белая почка, твердая и мощная, пробивается через одно из отверстий в скорлупе, просверливает отверстие толщиной в несколько дюймов и достигает воздух и свет.

Эта почка теперь распускает зеленые листья, и в тот же период две другие почки, начинающиеся в той же точке, находят свой путь к двум другим глазкам и прокалывают их, поворачивая вниз, а не вверх, и пробиваются сквозь бывшую оболочку снаружи скорлупы, проникая в землю. Хотя никакой нож не смог бы разрезать скорлупу, жизнь, живущая внутри, вскрывает ее, а шелуха и скорлупа разлагаются и удобряют почву рядом с новыми корнями, которые за пять-шесть лет вырастают в дерево высотой восемь-девять футов, само приносящее орехи, чтобы снова воспроизвести их вид.

Все это вокруг меня на плодородной почве, среди гниющих листьев и

среди пышных виноградных лоз я увидел эти орехи, ведущие свою таинственную и могущественную жизнь в незаметных лесных чащобах. То тут, то там полудомашняя свинья преследовала их, выставив морду. Эти свиньи, которых мы считаем глупыми, хорошо знают, что проросший орех быстрее раскроется на солнце, и они выкатывают упавший орех на солнечный свет, чтобы ускорить удовлетворение своего желудка, хотя при достаточном старании они могут добраться до мяса зубами.

Здесь также есть краб, который мог бы научить некоторым премудростям экономики даже самую мудрую, пользующуюся солнцем свинью. Он - последнее слово в области адаптации к окружающей среде, обладающий сверхъестественными знаниями, которые заставляют неосведомленных косо смотреть на рассказчика. Эти крабы лазают по кокосовым пальмам в поисках своей любимой пищи. Они обожают кокосовые орехи - спелые, сочные сорта. Они могут наслаждаться ими, выполняя различные действия, требующие силы, сообразительности, очевидного понимания эффекта удара предмета о более твердый и скорости, обусловленной гравитацией. Орехи, которые сопротивляются их попыткам открыть , они поднимают на большую высоту, роняют их и таким образом разбивают скорлупу.

Ученые называют этих крабов Биргос латро, по имени Тупа с маркизских островов, кавеу с паумотских островов и уа вахи хаари с таитянских островов. Это было неизменным развлечением во время моих прогулок по Паумоты наблюдали за этими огромными существами светло-коричневого или красноватого цвета, более двух футов в длину, которые передвигались на высоте фута от земли, опираясь на две пары центральных ног. Они могут существовать по крайней мере сутки, не заходя в воду, запас которой они хранят в резервуарах по обе стороны головогруди, поддерживая влажность своих жабр.

Они живут в больших глубоких норах в кокосовых рощах, которые они заполняют шелухой, так что туземцы часто грабят их, чтобы быстро добыть топливо. Эти норы приспособлены для быстрого проникновения в них в случае преследования. Какими бы устрашающими они ни казались, когда застигнуты врасплох на суше, они спасаются бегством либо в нору, либо в море с проворством , поразительным для столь неуклюжего на вид существа. Хотя их можно увидеть в любое время суток, они совершают набеги на кокосовые орехи только по ночам.

Дарвин впервые увидел этих существ в Индийском океане и сказал, что они каждую ночь стремятся к морю, чтобы увлажнить свои жабры. Птенцы вылупляются и некоторое время живут на морском побережье, удаляясь от воды только по мере взросления. Дарвин сказал, что их подвиг по проникновению в кокосовый орех “является самым любопытным проявлением инстинкта, о котором когда-либо слышали, а также структурной адаптацией между двумя объектами , которые, по-видимому, так далеки друг от друга в системе природы, как краб и кокосовое дерево”.

Когда опускается темнота и все стихает, краб-разбойник поднимается на поверхность

цепляясь когтями за кору дерева. Лучи моего электрического фонарика часто заставали его высоко над моей головой, на фоне серой пальмы. Высота его не пугает. Он будет карабкаться, пока не достигнет орехов, даже если это будет сто футов. Своими мощными щипцами он срезает плодоножку, выбирая всегда крупный и спелый орех. Спускаясь по пальме, он срывает волокнистую шелуху, что, на первый взгляд, казалось бы для него невозможным. Он разрывает его волокно за волокном и всегда с того конца, под которым расположены три отверстия для глаз.

Обнажив их , он начинает долбить по одному из них, пока не увеличит отверстие настолько, что сможет просунуть в него острие своего когтя . Поворачивая клешню взад-вперед, он выковыривает мясо и с удовольствием лакомится им.

Это его самый простой метод, по линии наименьшего сопротивления, но пусть орех будет тугоплавким, и он хватает его кончиком когтя и бьет о камень, пока не разобьет вдребезги. Если этот план провалится, он снова отнесет упрямый орех на вершину дерева и швырнет его на землю, чтобы расколоть. И если сначала у него ничего не получится, он будет совершать другие полеты с очищенным орехом, роняя его снова и снова, пока , наконец, он не расколется и не окажется открытым для его когтей.

Говорят, что если капля масла попадет на длинные и тонкие усики этих крабов, они погибнут почти мгновенно. У нас есть несколько похожие слухи о соли и птичьем хвосте. Краб-разбойник редко задерживается, чтобы его смазали маслом, и поэтому изыскиваются другие способы его уничтожения или, по крайней мере, защиты от его набегов. Наряду с крысой, которая грызет цветы и молодые орехи, этот краб - главный враг садовода. Владелец дерева, который может себе это позволить, прибивает вокруг дерева листы жести или цинка на высоте десяти футов от земли. Ни крысы, ни крабы не могут пройти по этой скользкой полосе, за которую невозможно ухватиться когтями. Таким образом, защищены тысячи деревьев, но обычно ими владеют белые люди, поскольку олово стоит дорого, а местные жители бедны.

Изобретательный туземец, однако, использует другой способ сохранения плодов в своих рощах. Днем он взбирается по стволу пальмы и на высоте сорока футов над землей обкладывает его землей и листьями. Лежа на своем коврике для ночного сна, он улыбается, думая о предстоящей мести . Ибо краб поднимается и преодолевает хрупкий барьер, чтобы выбрать и обвалить свои орехи, но когда он спускается обратно, он забывает о странном бункере, который он миновал, и, ударившись о него снова, думает, что достиг земли. Он отпускает ее и разбивается о камни, которые его коварный враг сложил внизу.

Дом на маркизском острове паэпае

ГЛАВА XIV

Посещение Ле-Мойна; история Поля Гогена; его дом и поиски его могилы под белым Голгофским крестом.

Однажды утром, поднявшись со своего Золотого ложа, я обнаружил незнакомца, спокойно курящего сигарету на моем пеэпае. На фоне джунглей он выглядел странно неуместной фигурой: француз, маленький, худощавый, безупречно опрятный, в одежде из выцветшей голубой джинсовой ткани и сияющих высоких ботинках. Его голубые глаза сверкали над аккуратно подстриженной бородкой, и, когда он поднялся мне навстречу, я заметил, что пальцы, сжимающие сигарету, были длинными, тонкими и нервными.

Это был месье Шарль ле Муан, художник из Ваит-Хуа, в чью мастерскую я вторгся в его отсутствие на этом восхитительном острове. Мы долго сидели за завтраком с кофе и сигаретами, я, очарованный его беседой, и он, жаждущий услышать новости из мира, который он покинул. Он учился в Париже, был губернатором островов Гамбье и, наконец , обрел свой последний дом среди пальм и орхидей этих забытых островов. Его жизнь сузилась до полотен, на которых он стремился передать атмосферу и характер маркизов, их красоту и дикую притягательность.

Я сказал ему, что жаль, что многие великие художники не приезжали сюда, чтобы передать на холсте увядающий блеск и очарование Маркизских островов.

“Наше ремесло слишком бедно”, - ответил он со вздохом. “Общество, построенное на деньгах, не дает своим художникам и певцам той свободы, которая была у них в старые времена на этих островах, мой друг. Мы привязаны к колесу, которое неустанно вращается. Кто может приехать из Франции и жить здесь без денег? Что касается меня, то я должен работать жандармом и школьным учителем, чтобы иметь возможность рисовать даже здесь. В этой долине жил и умер один великий художник — Поль

Гоген. Он был мастером, мой друг!”

“Поль Гоген жил здесь?” - Воскликнул я. Я, конечно, знал , что великий модернист умер на Маркизских островах, но никогда не слышал, в какой долине, и никто в Атуоне о нем не упоминал. В Во Флоренции я познакомился с художником, у которого были две стеклянные двери, взятые из Дом мадам Шарбонье, который, как говорят, был расписан Гоген в уплату за аренду. Я был в Париже, когда все художественные Франция содрогалась или впадала в экстаз от ярких работ Гогена в тропиках, когда его массивные, грубые фигуры, выполненные в агрессивных тонах, наполненные зловещей силой, были предметом обсуждения в галереях и салунах.

Стриндберг написал о первой выставке Гогена и выразил неприязнь к пристрастию художника к форме и к диким моделям, которые он выбирал. Ответ Гогена был таков::

“Ваша цивилизация - это ваша болезнь; мое варварство - это мое возрождение

для здоровья. Я дикарь. Любая человеческая работа - это раскрытие личности. Все, чему я научился у других, было для меня препятствием. Я знаю мало, но то, что я знаю, принадлежит мне.”

Теперь я узнал из уст Ле Муана, что этот человек жил и умер в моей родной долине Атуона, возможно, сидел на этом паэпае , где мы завтракали. При этой мысли воображение разгорелось. - Я отведу вас к нему домой, - сказал Ле Муан.

Мы прошли по дороге мимо дворца губернатора, пока не оказались напротив Унылое жилище Бофре, где в нескольких сотнях ярдов от каменной стены, утопленное в трясине болота, в течение десяти лет находилось Дом и мастерская Гогена. От него не осталось ничего, кроме нескольких слабых следов, быстро исчезающих в зарослях джунглей.

Пока мы стояли в тени кокосовой пальмы, разглядывая все это, к нам присоединился Бофре, косматый и пропойный француз в рваном и грязном комбинезоне.

“Дьявольская погода”, - выругался Бофре.“Сейчас все не так, как раньше. Мир катится к дьяволу. Когда я приехал сюда, в Атуоне

жило семьсот человек. Все они умерли , кроме двухсот, и некому помочь мне на моей плантации. Если я буду платить три франка в день, они не будут работать. Если я буду платить пять франков, они не будут работать. А что, если я дам им рому? Они будут усердно трудиться ради этого, потому что это означает забвение, но когда они пьют ром, они вообще не могут работать".

"Но вы же философ, и абсент или ром вылечат вас", - сказал Ле Муан.

"Боже мой! Я не философ!" - возразил Бофре. "Что в этом хорошего ? Гоген был философом, он умер и похоронен на Голгофе. Вы знаете, как он страдал? У него были очень больные ступни. Каждый день ему приходилось их подвязывать. Он не мог носить обувь, но рисовал, пил абсент, колол морфий в живот и рисовал.

"Боже мой! Он был храбрым человеком! Разве я не прожил здесь более тридцати лет и не встречал такого человека, как Гоген? Он никогда не волновался. Он рисовал. Торговец в Париже присылал ему пятьсот франков в месяц, и он все раздавал. Его интересовали только краски. А теперь его нет. Не обращайте внимания, здесь стоял его дом".

Мы шли по спутанной траве, которая очерчивала на плодородной почве очертания того дома, где писал картины Гоген.

Он был поднят из болота на шесть футов на стволах деревьев и имел около сорока пяти футов в длину и двадцати в ширину. Пол был из досок, и на веранду можно было подняться по лестнице. Каркас дома был деревянным, но все стены - из расщепленного бамбука, с рядом стеклянных окон и крышей из кокосовой соломы. Свет проникал с севера, и, за исключением маленькой комнаты для сна и чулана для хранения провизии, весь дом представлял собой студию, просторную, уютную-подметенный холл, высокие окна, пропускающие свет, но не жаркий солнечный свет, и заросли бамбука, пропускающие ветры в их вечном движении с юга на север и с севера на юг.

Под полом, на первом этаже, находилась комната для работы в скульптуре, к которой средний Гоген проявлял большой интерес, используя глину и дерево, причем последние использовались как для барельефов, так и для полных рельефов, но, по словам Бауфре, Гогену мешало отсутствие пластичности у местной глины. Рядом с этой мастерской находилось укрытие для лошади

и повозки, поскольку у Гогена было единственное колесное транспортное средство на Маркизских островах.

Бофре исчерпал всю свою риторику и исписал четыре листа бумаги , пытаясь показать мне окружение художника, которого он, очевидно, считал великим человеком.

“Пятьсот франков в месяц, друг мой, независимо от того, перекрашен он или нет! Но он был рабочим. Пьяный или трезвый, он рисовал. Да, я видел его с бутылкой абсента, и он все равно рисовал. Ранним утром он садился за мольберт в студии или под деревьями и каждый день рисовал до рассвета. Тележка использовалась им только для того, чтобы возить его, мольберт и стул к сценам, которые он хотел нарисовать. Он колол себе в живот этот проклятый морфий, когда боль становилась невыносимой, и пил вино, и разговаривал, и рисовал.

“У него не было ни жены, ни другой женщины, но он время от времени брал ее, как это делают здешние белые люди. Он жил один, если не считать мальчика-полукитайца , который готовил и убирал для него. Он никогда не говорил, что болен. На этом острове не было врача, так как правительство в то время находилось в НукаХива, и у него не было времени съездить туда. Он ужасно страдал, но никогда не жаловался. “Жизнь коротка, - говорил он, - и рисовать осталось недолго”.

“Он не говорил о политике, но после того, как гасло освещение, он садился за орган в своей студии и заставлял людей плакать своей музыкой. Дома на нем было только парео, но, выходя на улицу, он надевал брюки . Он работал, пил и колол себе морфий, и однажды утром, когда мальчик пришел, он обнаружил его мертвым, а тот улыбался.

“Правительство ненавидело его, потому что он проклинал его за то, что оно не позволяло туземцам соблюдать свои обычаи. Церковь ненавидела его, потому что он высмеивал это. Тем не менее, его похоронили на католическом кладбище. Я пошел с телом, и четверо маркизцев понесли его вверх по тропе.

“Правительство продало его дом Геджу, а Гедж продал его туземцу, который разобрал его на материалы. Он был никому не нужен, потому что создавался для художника.

Спасибо, мой друг, я не знаком с картинами и никогда не видел ни одной, кроме его, но я почувствовал, что они хороши. От них

веяло солнцем. В них была душа этих островов. А вы знаете этого Полонеза с моноклем в глазу, который живет в Папеите, этого Краевского? Да, да! он был здесь, чтобы купить эти каменные изображения богов,

и он сказал, что в Париже платят десятки тысяч франков за те работы Гогена, которые он отдал бы мне, если бы я попросил. Ну что ж! у него была голова, и он был философом, но он лежит там, на Голгофе."

- Возможно, - согласился Ле Муан.

- Друг мой, - сказал косматый, - я хожу в церковь, и ты, и я, и Гоген - такие же католики, как и я. Мы не делаем того, о чем молимся. Этот человек был умнее нас с вами, и Господь простит ему все, что бы он ни натворил. Он заплатил всем, а Шассоньяль из Папеите нашел семьсот франков в книге, куда он их небрежно положил. Если он выпивал, то делился с другими и платил своим женщинам".

"Он был атеистом", - настаивал Ле Муан.

"Атеист!" - вторил ему Бофре. "Он верил в то, что нужно создавать красивые картины, и не боялся ни Бога, ни миссии. Откуда вы знаете, что нравится Богу? Матье Скалламера построил здесь церковь и миссионерские дома, и он умер, а вся его семья - прокаженные. Сделал Бог сделал это? Нет! Нет! Мы с тобой ничего об этом не знаем. Ты любишь выпить. У твоей женщины татуировка, а мы оба мужчины, и плохие. Пойдем выпьем?"

Мы оставили его у дороги и медленно пошли под аркой деревьев к горе, вершину которой венчал белый крест кладбища Голгофа.

"Он слишком много пил, принимал морфий, был смертельно болен и все же рисовал. Те парни, которым нужен досуг и цензоры из сандалового дерева, могли бы поучиться у этого человека", - сказал Ле Муан. "Он был язычником и смотрел на природу глазами языческого бога, и он рисовал ее такой, какой видел".

Я напомнил ему слова Джеймса Ханекера о Гогене: " Для большинства он все еще остается Богом живописи двадцатого века. Живопись была его страстью. При всем своем реализме он был символистом, мастером декора".

Миновав губернаторский особняк, мы резко повернули вверх по склону. Отдельно от всех остальных домов, на пригорке, стоял маркизский дом. Когда мы поднимались по крутой тропинке мимо него, я позвал: “Каоха!”

“Я слышу?” - спросила какая-то женщина. “Караварио? Куда ты идешь? На Голгофу?”

В ее тоне слышалось печальное удивление, что мы должны совершить трудный подъем на кладбище, где не похоронен ни один из наших покойников.

Довольно широкая тропа огибала холм, тропа, по которой ходят мертвые и участники похорон, и путь этот пролегал через обширный кокосовый сад, где деревья, посаженные с абсолютной правильностью, поднимали свои колышущиеся ветви на семьдесят-восемьдесят футов над землей. Между высокими серыми колоннами пальм не было подлеска, только скрученная растительность покрывала землю, а красная вулканическая почва тропы, прорезающая зелень, была похожа на пятно крови.

Дорога была долгой и жаркой. Остановившись недалеко от вершины, мы посмотрели вверх, и меня охватили такие же эмоции, как тогда, когда во дворе я увидел группу распятых. Крест высотой в сорок футов с пригвожденным к нему белоснежным Христом возвышался на фоне глубокого синего неба. Это было похоже на звуки органной музыки в огромном сером соборе пальм.

Еще сорок минут подъема привели нас к подножию белого символа. На вершине горы, как и на любом сельском кладбище, раскинулся участок в пол-акра, обнесенный белой оградой

.

Чтобы найти могилу Гогена, мы начали с входа и обыскивали ряд за рядом. Могилы принадлежали местным жителям, холмики были выложены небольшими камнями по бокам, с крестами из ржавой железной филиграни , на которых были изображены черепа и другие символы смерти, а имя было написано белой краской, постепенно покрывающейся плесенью. Дальше виднелись гробницы из камня и цемента, примитивные и

массивные, бросающие вызов стихиям. На одной из них было выгравировано: “Чи Гит Даниэль Ваймаи, Катакита, 1867-1907 гг. Р.И.П.”. Это могила катехизатора, местного помощника священников. Под другой было написано: “Август Джорсс, “тот, кто заказал Золотую кровать, на которой я спал. Самым заметным из всех был мавзолей, окруженный высокими черными железными перилами, привезенными из Франции. Я взобрался на него, чтобы почитать, сидя на перилах.:

“Я отдыхаю, господин. Иллюстрация и преподобный Мартин” и многое другое на латыни и французском. Это была внушительная могила того Епископ Уранополисский, апостольский викарий на Маркизских островах, предшественник епископа ле Кадре, у которого не было гордости и которого все называли просто отцом Дэвид.

Внезапно на нас хлынул дождь, и, оглядевшись в поисках укрытия, мы увидели соломенный навес над новой пустой могилой , обложенной камнями. Мы съежились под ним, повернувшись лицами к морю, и , пока проливной дождь хлестал у нас над головами и вода стекала по склону, мы молча любовались великолепной панорамой , открывающейся внизу.

Мы находились прямо над заливом Предателей, тем рукавом моря , который изгибается в маленькие бухты Така-Ука и Атуона. С одной стороны, едва различимая сквозь пар, окутывающий его горло, возвышалась суровая вершина Теметиу, а под ним простирались черные твердыни долин, которыми он командует. На переднем плане кокосовые пальмы, от скалистых мысов до ворот Голгофы, стояли подобно армии, несущей пальмовые ветви победы. Рядами и кругами, пластами и массами серые стволы тянулись один за другим от моря к горе, уступая штурму, мягко покачиваясь и, казалось, благодаря какой-то уловке ветра и дождя движутся к увенчанной крестом вершине.

Хлипкая соломенная крыша, под которой мы прятались, возведенная только для того, чтобы солнце не попадало на могильщика, была наклонена на север и юг, и

грозился улететь. Но внезапно ливень прекратился через минуту, как будто у него было какое-то дело в другом месте, и солнце засияло ярче в омытом дождем воздухе.

Мы продолжили наши поиски, но безрезультатно. У Хохина и Мупуи было объявление об их последнем земном пристанище, но не у Гогена. На одной маленькой могилке, куда мать положила своего ребенка, мы нашли сережку , а на нескольких - couronnes des perles, жесткие, уродливые венки, привезенные из Франции, с надписью “Искренние сожаления” в виде бусин, с сочувствием говорящей о стремлении простых островитян почтить память своих близких. Но могила великого художника Гогена была безымянной. Если в изголовье и была установлена доска, когда его хоронили, то она сгнила, и не осталось ничего, что указывало бы на то, где он лежал.

Гибискус на утонувших могилах был кроваво-красным, а в спутанной траве прорастали кокосовые орехи. Пальмы, окружавшие пол-акра , роняли на них орехи, а почва, богатая человеческим пеплом, старалась принести плоды более прекрасные, чем надгробия и железные кресты. Пахуэ, прекрасная, длинная, стелющаяся лоза, которая вьется по пляжам до самой кромки приливов, обвила множество могил, и ее цветы, похожие на жимолости, развесили свои пурпурные колокольчики на самых скромных местах, которые ни одна рука не пыталась расчистить.

Возможно, под ними скрывается прах художника, который больше, чем кто-либо другой, прославил Маркизские острова в европейском мире.

ГЛАВА XV

Смерть Аумии; погребальные песнопения и погребальные обычаи; причины гибели расы.

В бедной хижине неподалеку от моей собственной жили две женщины, Аумия и Тайпи, страдавшие последней стадией чахотки. Всего несколько месяцев назад Аумия была красавицей острова.

“Она была одной из самых веселых, - сказал Хаабунаи, - но пококо забрал ее”.

Когда я впервые увидел ее, она была ужасно худой, целыми днями лежала на куче циновок, а Тайпи лежал рядом с ней, и оба кашляли, кашляли. Атуону охватила эпидемия простудных заболеваний, принесенная, скорее всего, шхуной Папеите, поскольку никто другой не прибывал сюда со времен “Утренней звезды”. Аумия кашляла по ночам, ее соседка подхватила это, и тогда, как от смеха в школе, стало невозможно сопротивляться, и до самого пляжа и до самых вершин долины донеслись тревожные звуки. Итак, в сезон сбора плодов хлебного дерева назад у Аумии впервые начался кашель, и многие мои соседи последовали ее примеру.

Каждый день я останавливался, чтобы поболтать с Омией и принести ей джема или мармелада, которые она любила, но которые она была слишком бедна, чтобы купить в магазине. Сегодня она спросила меня, видел ли я ее могилу. Она слышала, что я был на кладбище, и я должен был рассказать ей об этом. Это была могила, над которой мы с Ле Мойном прятались от грозы.

Муж Aumia и Haabunai, с большой папоротник, вырыли ее и проложили его пару дней назад, а муж дал другим свинья за свою работу, убивая его на могиле епископа Uranopolis. Им и в голову не приходило ни одной мысли о богохульстве; было удобно положить свинью на внушительный памятник, а по обе стороны от него по человеку, которые держали бы животное и мясника свободными руками. Тушу очистили от шерсти в ведре с горячей водой и закопали под землей, а сверху и снизу развели огонь. Когда мясо было хорошо прожарено, я съела его, а сестра Сераполина, которая пришла в своем черном монашеском одеянии, чтобы утешить Омию обещаниями церкви, поела с нами и приняла окорок для дома монахини.

“Омия может есть свинину, и все же они похоронили ее”, - сказал я.

“О, это так!” - ответила монахиня, бережно держа окорок. “Таков обычай. Их всегда выкапывали возле дома, чтобы больной мог видеть могилу, и, когда они ее выкапывали, больным было что сказать, и они получали от этого удовольствие. А теперь, слава богу! если они католики, то их хоронят в освященной земле, где тело может спокойно покоиться до тех пор, пока труба не возвестит о страшном суде. Смерть ужасна, но это так. Маркизцы воспринимают ее не больше, чем путешествие на другой остров,

и гораздо меньше, чем о путешествии на Таити. Они умирают так же мирно, как добрый католик, уверенный в своей короне на Небесах. И поскольку они дети, и только дети, самые мудрые или худшие из них, Добрый Бог знает, как подсчитать их грехи. Дорого заплатят те, кто оскорбляет их , те нечестивые белые, которые оставили Бога или поклоняются ему в фальшивых храмах".

Гроб Аумии в то время стоял рядом с домом, перевернутый, чтобы дождь не испортил его внешний вид. Она попросила об этом несколько недель назад. Для маркизца его гроб так же важен, как для нас дом , в котором будут жить молодожены. Эти люди знают, что почти на каждом шагу их земли лежат кости или прах трупа, и эти остатки расы, потрясенные трагедией, могут смотреть на смерть только как на избавление от гнета чуждых и несимпатичных белых людей. Они отправляются в страну тупапаусов так же спокойно, как и спать.

"Я никогда не видела, чтобы маркизец боялся умереть", - сказала сестра Серапон. "Я был рядом со многими в их последние минуты. Умирать ужасно, но они совсем не боятся".

Муж Аумии, веселый тридцатилетний парень, упражнялся на барабане для развлечения своей жены. Он рассказал, что тело его деда, вождя, было намазано маслом и хранилось в доме до тех пор, пока не мумифицировалось. По его словам, таков был обычай. Тело очень тщательно вымыли и натерли кокосовым маслом. Его выставляли на солнце, и члены семьи должны были переворачивать его много раз в день, чтобы все части тела равномерно нагревались. Помазывание маслом повторялось несколько раз в день. Недели или месяцы этого процесса превращали труп в мумию, и если это было тело вождя, то его затем клали в каноэ и хранили в течение многих лет в торжественной обстановке. Но никогда не ставилось никаких знаков, указывающих на то, где были похоронены умершие, и не проводилось никаких похоронных церемоний. Лучше, чтобы никто не знал, где было положено тело, и чтобы избранные друзья, которые несли его к могиле, забыли это место.

В незапамятные времена маркизцы тайно хоронили умерших ночью у подножия огромных деревьев. Или же они уносили тела в горы и засыпали их в скалистой яме, затененной деревьями, чтобы могила максимально походила на окружающую почву. Тайна места захоронения была сохранена в неприкосновенности. Муж Аумии рассказал о мужчине, который темной ночью

взобрался на предположительно неприступный обрыв, неся привязанное к спине тело своей молодой жены, чтобы осторожно положить его на высокую полку и благополучно спуститься.

Эти меры предосторожности, вероятно, были вызваны страхом осквернения мертвых, возможно, того, что они могут быть съедены победоносным врагом. Опустошение кладбищ и храмов врага было целью каждого вторгшегося племени. Считалось, что нанесение увечий трупу ранит душу, которая покинула его.

Не боящийся ни живого врага, ни моря, встретившийся с акулой в своей родной стихии и победивший ее, бесстрашно выдержавший смертельный удар копья, когда случайность в бою оставила его беззащитным, Маркизские воины, как и самые маленькие дети, испытывали невыразимый ужас перед собственными мертвецами и местами захоронения, а также перед демонами, которые витали вокруг них.

Христианство ничего не изменило в этом вопросе, поскольку оно тоже обременено подобными страхами. Кто из нас не боится проходить ночью мимо кладбища, хотя даже перед самими собой мы отрицаем этот страх? Баньши, оборотни и дьяволы, освященные свечи, зажигаемые, чтобы отогнать Дьявола, или даже для защиты от блуждающих душ на некоторых праздниках мертвых, - все это было частью моего детства. Таким образом, для маркизца гоблины являются причиной того, что он отказывается ходить ночью в тихие места в одиночку, и часто заставляют его в страхе съеживаться на своих циновках, накрыв голову парео, в ужасе перед неизвестностью.

Но смерть, когда она приходит к нему сейчас, - это ничто, или это отход ко сну в конце печального дня. Омия, поедая мясо для погребения и с удовольствием глядя на свой гроб, заботливо и красиво сколоченный руками ее мужа, улыбнулась мне безмятежно, как ребенок. Но печальный звук ее кашля преследовал меня до самого дома. Дом с Золотой кроватью.

На следующее утро я проснулся, едва рассвело, и мягкий, восхитительный ветерок шевелил листья хлебного дерева. Я окунулся в реку и , вернувшись домой, уже собирался одеться — то есть надеть парео , — когда из леса донесся пронзительный крик. Это было неожиданно, пронзительно и мучительно.

“Аумия, подруга, у меня есть”, - сказал “Взрывающиеся яйца”, подходя, чтобы развести костер. Буквально он сказал: “Аумия мертва и ушла вниз”. Жители маркизских островов считают, что мир духов находится ниже поверхности земли, так же как и душа - ниже пояса.

Вскоре за стенаниями последовал стук молотка по доскам.

“Труп кладут в гроб”, - говорилось в “Взрывающихся яйцах”. Первый гвоздь был забит через мгновение после последнего вздоха Омии.

Весь день окрестности оглашались печальными криками, доносившимися из дома. Все причитания были исполнены на определенный лад, как будто они были исполнены на одном инструменте рукой скорби. Каждая посетительница дома кричала в одной и той же манере, и все присутствующие сопровождали ее, так что в течение десяти минут после появления каждой новой плакальщицы до моих ушей доносился хор громких воплей и стонов. Я никогда не видел такого душераздирающего проявления горя.

Но скорбь этих друзей Омии не была искренней. Этого не могло быть, это было слишком драматично. Когда они покидали дом, присутствующие на похоронах смеялись и закуривали сигареты и трубки. Если не появлялся новый посетитель, они принимались за

они болтали и курили, но при виде свежего и невредимого человека снова разразились механическим, хотя и нервирующим криком.

Я хорошо знал Аумию и в полдень, желая соблюсти приличия, ступил на крыльцо ее дома.

- Она любила Меникера, - хором закричали старухи, и они бросились ко мне, и обнюхивали меня, и вели себя так, словно я был одним из мужей покойной. Они последовали за мной по тропинке до моей хижины и уселись на мои папаи, причитая и визжа. Прошло некоторое время, прежде чем я понял, что их пронзительная скорбь должна заставить меня утешиться. Пока ром разливался по кругу, не раздалось ни единого стона.

Я был озадачен точным повторением их жалоб. Какими бы душераздирающими они ни были, звуки звучали почти как

азбука. Женщина, которая усыновила меня, как своего племянника, сказала, что они назвали это “Уе хаанейни”. Буквально это означает “поплакать в сторонке”. Правила этикета были сложными и точными. Каждая гласная была заучена наизусть. Когда моя приемная тетя повторяла ее над своей раковиной утешения, она звучала так:

“КЕ КЕ КЕ КЕ КЕ КЕ КЕ КЕ КС! Аааааааааааа! Ееееееееесеесеее! Оо0000000000 000! Уууууууууууууууу!”

Пропустить гласную, произнести слишком много слов или перепутать их порядок было бы неуважением к духу умершего и позором для скорбящего. Девять раз через “ке”, четырнадцать “а”, пятнадцать “е”, восемнадцать “и” и пятнадцать “о” и “у”.

Во второй половине дня Омию отнесли на Голгофу и опустили в могилу , за которую была заплачена свинья. Старые чувства были настолько сильны , что монахиням удалось уговорить только трех или четырех ее друзей сопровождать гроб по тропинке.

Отправка Аумии Взрывающимся яйцом на Хаваи, в подземный мир, убедительно свидетельствовала о приверженности его народа своим старым верованиям в судьбу духа после смерти. Они разделяют с айнос из Японии — народом, с которым у них много общего, поскольку они принадлежат к тому же типу людей, — веру в подземное будущее.

Разве Сократ в диалогах Платона не говорит о том, что он “отправляется в подземный мир”, где он надеется обрести истинную мудрость?

Хаваи, или Хаваики, - это, конечно же, легендарное место, откуда пришел Полинезийцы, так как это также название того подземного мира, куда возвращаются их души после смерти. Можно было бы истолковать этот факт как смутное стремление маркизского разума к “Из праха он пришел, в прах и вернется”, или, что более вероятно, как тоску изгнанных людей по старому

дом, который они покинули. Этнологи полагают, что это название относится к Яве, месту стоянки великого переселения

европеоидов из Из Южной Азии в Полинезию и Новую Зеландию или на Савайи, остров Самоа, откуда впоследствии рассеялись эмигранты.

Каким бы ни было происхождение этого слова, сегодня оно передает Маркизцы помнят только ту туманную область, куда отправляются мертвые. В нем нет страданий ни для хороших, ни для плохих душ. Это просто место , куда уходят мертвые. Им правит По, Тьма.

Однако на острове в облаках есть рай, где добрых и отважных ждут прекрасные девушки и огромные чаши кавы с поджаренными на вертеле поросятами . Древние жрецы утверждали, что могут помочь человеку добраться из По в эту счастливую обитель, но живым родственникам ушедшего духа приходилось дорого платить за свои услуги. То Обращенный в христианство маркизец воображает, что эти старые верования оживают для него, когда отец Давид рассказывает ему о чистилище, из которого молитвы и определенные добрые дела помогают друзьям или могут быть припасены заранее на тот день, когда человек сам должен будет спуститься в это среднее состояние души.

Все маркизцы живут в тени этого дня. Они смотрят на это без страха, но с меланхолией, настолько трагичной и глубокой, что печаль от этого неописуема.

“Я видел, как многие уходили так, как ушла Омия”, - сказал мне отец Дэвид. “Все эти милые расы вымирают. Вся Полинезия переживает упадок. Когда-нибудь белые люди останутся здесь одни среди руин плантаций и домов, если только они не приведут чужеродную расу, которая займет места умерших”.

Сто лет назад их было сто шестьдесят тысяч Маркизцы на этих островах. Двадцать лет назад их было четыре тысячи. Сегодня я убежден, что их осталось не две тысячи сто.

Столетие назад капитан американского флота насчитал на одном только острове НукаХива девятнадцать тысяч воинов. В долине , где ему противостояли три тысячи воинов, сегодня осталось четверо взрослых. Я побывал в Ханамате, в часе езды от Атуоны, где пятьдесят лет назад жили сотни туземцев. Никто не выжил, чтобы поприветствовать меня.

Чахотка впервые появилась в Ханававе, на острове Фату-Хива.

Один из безжалостных капитанов американских китобойных судов отправил на берег моряка, умирающего от туберкулеза, и татуированные каннибалы приняли его по-христиански, облегчили его последние часы и вдохнули микробы, которые унесли более четырех пятых их расы, а сегодня убивают оставшихся.

Белый человек принес с собой китайцев, а с ними и проказу. То Китайцы были завезены, чтобы помочь белым разграбить родные земли маркизцев, а чтобы китайцы были довольны, производился опиум.

принес с собой. Обнаружив, что невежественный туземец страстно желает этого, глупый белый наделил этим пороком и другого желанного раба. Французское правительство за сорок тысяч франков разрешило фермеру, выращивавшему опиум, продавать наркотик еще быстрее, и только после того, как оно было встревожено результатами и пристыжено протестами в Европе, оно запретило этот разрушительный наркотик. Слишком поздно!

Оспа пришла с перуанским невольничьим судном, которое угнало тысячи островитян и увезло их отрабатывать свою жизнь на благо белых в его собственной стране. Этот корабль привез с собой еще одну, более страшную болезнь, которая свирепствовала на островах в виде страшной эпидемии, вместо того чтобы протекать медленно и хронически, как это происходит в наши дни, когда весь мир отравлен ею.

У здоровых маркизцев в чистой крови не было антитоксинов, способных победить болезни, которые для нас, закаленных европейцев и потомков европейцев, не смертельны. Здесь они свирепствовали и уничтожали сотни людей за несколько дней или недель.

Выжившие после этих эпидемий, видя, что их дома и деревни опустошены, их друзья умирают, а их народ гибнет, предположили, что эти проклятия были наложены на них Богом чужеземцев и миссионерами, которые называли себя его слугами. В своем отчаянии они не только отказались слушать Евангелие, но и обвинили миссионеров в молитве перед своим собственным богом, умоляя спасти их от них. Часто, когда миссионеры появлялись, чтобы поговорить с людьми, изуродованных и умирающих выносили и укладывали рядами перед ними, как

свидетельства зла и жестокости их белого бога.

Но после того, как были выдвинуты все реальные причины сокращения численности населения Маркизских островов, остается еще одна, таинственная, неосязаемая, но, возможно, более весомая, чем другие. Приход белых был губителен для всех медноцветных рас по всему миру. Черные, желтые, малайцы, азиаты и негры процветают рядом с белыми; Полинезийская и красная расы Америки погибли или быстро исчезают. Число погибших в результате войн и эпидемий по-прежнему не дает полного объяснения ужасающим фактам. Ищите сколько угодно, приводите цифры и причины и доказывайте их правильность; все еще остается принять во внимание тень белого на красном. Прескотт говорит:

В натуре американского индейца есть что-то особенно чувствительное. Он инстинктивно отшатывается от грубого прикосновения чужой руки. Даже когда это иностранное влияние проявляется в форме цивилизации, он, кажется, падает духом и чахнет под ее воздействием. Так было с мексиканцами. Под испанским владычеством их численность незаметно уменьшилась. Их энергия ослабла. Они живут при более совершенной системе законов, более надежном спокойствии, более чистой вере. Но все это не помогает. Их цивилизация отличалась выносливостью.

характер, присущий дикой природе. Все их стойкие качества были присущи только им. Они отказались подчиняться европейской культуре и прививаться к иностранному образу жизни.

Свободны! Поймите, что быть свободным - это глубинная заповедь, неясная или яснее ясного, всего нашего существа. Свобода - это единственная цель, разумно или неразумно направленная, всей человеческой борьбы, трудов и страданий на этой земле.

Я убежден, что полинезийцы, от Гавайев до Таити, вымирают из-за подавления инстинкта игры, который нашел свое выражение в большинстве их обычаев и занятий. В их танцах, татуировках, песнопениях, религиозных обрядах и даже военных действиях

были заметны элементы юмора и жизнерадостности. По сути, они были счастливыми людьми, полными драматизма, эмоциональными и обладавшими острым чувством юмора и смешного. Правление торговца подавило все эти исконные чувства.

К этому ограничению добавилось бремя усилий, направленных на то, чтобы выжить. Поскольку вся экономическая и социальная система маркизов была разрушена, достать еду было не так-то просто, и их заставляли работать команды, налоги, штрафы и новые убийственные стимулы в виде рома и опиума. Белые научили мужчин продавать свои жизни, а женщин - свои прелести.

Счастье и здоровье были разрушены, потому что белый человек приходил сюда только для того, чтобы удовлетворить свою алчность. Священники не могли принести достаточно вдохновения, чтобы преодолеть деградацию, вызванную торговцами. То Маркизцы понимали, что Иисус не имеет большого влияния на их правителей. Цивилизация упустила свой шанс, потому что давала наставления, но не подавала примера.

Даже сегодня один белый человек в долине устанавливает стандарты трезвости, доброты и чести. Дженсен, откровенный и красивый Датчанин, работающий на немцев в Така-Ука, который был в Нью-Йорке в очереди за хлебом и клянется, что никогда не вернется к цивилизации, рассказал мне, что, когда он держал магазин в Ханамену, недалеко от Атуоны, чтобы обслуживать горстку местных жителей, люди подражали ему во всем, в его одежде, его жесты, его наименее изученные действия.

“Я был единственным белым. Я посадил папоротник в коробку. Все приходили ко мне в магазин и, ссылаясь на другие причины, просили коробки. Вскоре у каждого папайи была своя коробка с папоротниками. Я попросил одного человека поставить для меня в горах силки на четырех или пять коз . Это были первые козы, которых привязали или заперли в долине. Через неделю в горах началась охота на коз, и деревня огласилась их блеянием. Я съел своих коз, они съели своих. Ни одной не осталось. Когда я покинул Ханамену, все население переехало со мной. Конечно, я был добр к ним, вот и все.

“Я больше не хочу видеть страну белого человека. У меня морили

голодом в больших городах, и работал, как собака, на банан доверять Вест-Индии. Я выпрашивал чашечку кофе в Сан-Франциско, и меня обхаживал полицейский клуб. Здесь я почти ничего не зарабатываю, у меня много друзей и нет начальства, и я счастлив.”

Если бы у этих милых дикарей было несколько прекрасных душ, которые могли бы вести их за собой, защищать от отбросов цивилизации, наваливавшихся на них в течение целого столетия, они могли бы превратиться в удивительную расу, которая установила бы такой темп в красоте, мужестве и природной силе, который удивил бы Европу и помог ей.

Они не нуждались в физическом возрождении. Они родились здоровыми и непорочными — несмотря на то, что некоторые из их обычаев были кровавыми — лучше, чем большинство из нас. Их тела не стали бременем для души, но, легкие , сильные и необузданные, были ее частью. Они не знали, что у них есть тела; они только прыгали, танцевали, ныряли в море и выныривали из него, являясь частью большой, счастливой и гармоничной вселенной.

Если бы к этой великолепной, почти идеальной физической форме, которой природа наградила маркизцев, к этой милой простоте, великодушию и доверчивости, признаваемым всеми, кто их знает, можно было бы добавить знание того, чему научились мы; если бы их можно было обогатить личным примером и добротой разум, какая жизнь была бы на этих островах!

Все, что им было нужно, - это брат, который шел бы при солнечном свете и показывал дорогу.

ГЛАВА XVI

Дикий танец, драма моря, опасности и пиршества; похищение латука.

БАРАБАНЫ били все утро, сотрясая долину и склоны гор своим варварским “бум-бум”: их дикий бой будоражил кровь, пробуждая

воспоминания, более древние, чем человеческие, пробуждая дикие и первобытные инстинкты. Глаза Тохо заблестели, пальцы ее ног поджимались и разгибались, как у кошки, когда она рассказывала мне, что во второй половине дня состоится старинный танец, морская драма, война и пиршество, какие были на островах до прихода белых.

Воздух звенел от грохота барабанов. Все утро я сидел один на своем паэпае, слушая, как они бьют. Этот звук возвращает нас в те дни, когда люди впервые обвязали шкуры животных вокруг полых стволов деревьев и ударили по ним, созывая обнаженные племена под дубы Англии. Эти огромные барабаны, в которые били руки Хаабунай и “Песня соловья” вызывали желание стать дикарем, метать копье, танцевать в лунном свете.

Сотри из памяти тридцать лет и услышь, как в Атуоне “длинную говорящую свинью” несли через джунгли к темному Высокому месту! Затем раздался гром с небес, глас старых богов , жаждущих плоти своих врагов.

Мы, ставшие утонченными и разнообразными в своем музыкальном самовыражении, использующие дюжину или десятки инструментов для выражения своих тонких эмоций, не можем представить себе того примитивного и дикого восторга, который разливается по венам при звуке боевых барабанов. К У маркизцев это всегда было призывом к действию, вдохновением на смелые и кровавые подвиги, зовом богов войны, неистовством танца. Рожденная громом, говорящая голосом бури и водопада, она пробуждает в человеке зверя с трепещущими ноздрями и бьющим хвостом, который был частью леса и ночи.

Музыка всегда является выражением настроений и морали своего времени. Горн и флейта, наряду с барабаном, способствуют поднятию боевого духа в наших армиях сегодня, но для наших диких предков барабан был превыше всего. Первобытный человек выражал свою гармонию с природой, подражая ее звукам. Он ударил себя по телу или по полому бревну , обтянутому кожей. Нецивилизованные народы хрустят пальцами, хлопают себя по бедрам или ударяют ногами о землю, создавая музыку для импровизированных танцев. На Тонге они хрустят пальцами; на Таити они стучат по земле подошвами ног; здесь, в Атуоне, они хлопают в ладоши. То У маркизцев тоже есть бамбуковые барабаны - длинные отрезки полого тростника, которые разрезают и бьют палками. Для вызова лодок и подачи сигналов они используют раковину, ту самую, которая звучала, когда

“тритоны

дули в свой украшенный венками рог”. У них также есть челюстная арфа - инструмент, распространенный по всей Полинезии; иногда между зубами зажимают полоску коры, иногда - деревянный лук с тонкой струной.

Цивилизация - это процесс усложнения и утончения жизни. У нас есть пианино, скрипка, оркестр. Но у нас также есть рэгтайм, который является реакцией на нервное напряжение американской коммерческой жизни, возвращением к старым временам, когда человек, хотя и был животным, был свободен. В варварских, синкопированных песнях и звериных движениях джазовых танцев с их дикими и страстными позами, безудержными ритмами и прямым призывом к сексу чувствуется освобождение и возбуждение. Эти тряпку,-время мелодии, ближайшие прямо из джунглей Африки через негра, зови на импульсы в человеке, который душил в больших городах, в Заводском и трущоб и нервы-ношение борьбу бизнеса.

Так что в танце мои маркизские соседи вернулись к старым традициям и выразили эмоции, угасающие под властью чужого народа. После того, как они высмеяли почитаемый ими тапу, доказали, что их боги бессильны, и положили конец их племенной жизни, танец пришел в упадок. Теперь, когда радость жизни покинула их, им было не до танцев . Но новый веселый губернатор, жаждавший развлечений, попытался возродить их для своего удовольствия. Итак, на дворцовой лужайке били барабаны, и после полудня тропинки пестрели пареями и блестящими шалями, когда туземцы спускались со своих паэпей к зданию правительства.

Вождь Кекела Авауа, приемный сын старого Кекелы и глава округа Паамау, позвал меня. Это был достойный и важный мужчина сорока пяти лет, с красивыми узорами татуировок на ногах и нелепыми бакенбардами. Он был довольно модно одет в коричневое льняное платье, из-под которого виднелись босые ступни с цепкими носками.

По дороге нас сопровождал Кирио Патухамане, изумительный образец закрученных чернильных надписей с головы до ног, щеголявший бакенбардами “Бернсайд”, английской кепкой для крикета и алой набедренной повязкой.

Когда мы прибыли, в дворцовом саду на корточках сидела сотня местных жителей, и им раздавали ром и вино. Хаабунаи и “Песня соловья”, человек, осужденный за изготовление пальмового бренди, снова были распространителями и часто выпивали по стаканчику. Люди оттаяли после танца на инаугурации губернатора. Как Кирио Патухамане объяснил, что они ждали, чтобы понаблюдать за нравом своего нового правителя, поскольку последний был суров, не употреблял ром иначе, как ради собственной корысти, и имел жену, которая презирала их.

Моих смуглых подруг сильно возмущало высокомерие белых женщин , и многие из них были недовольны холодными взглядами, брошенными злобными сплетницами,

Аппоро, и с восхищением смотрели на мадам Бапп, которая сидела на веранде и пила абсент, одетая в строгое платье. Они презирали ее за то, что она била своего мужа, стоило ему только взглянуть на кого-нибудь из них, хотя он был владельцем магазина и предпочитал их блюда. Бедная мадам Бапп! Она считала своего маленького человечка очень привлекательным и жила в нищете из-за открыто демонстрируемых прелестей его клиентов. Она любила его, и когда приревновала , то попыталась достать бутылку абсента и вскоре уже орудовала хлыстом и метлой против несчастного Бэппа, который пытался убежать. Это было бесполезно; она осматривала двери и окна, и он должен был понести мучительное наказание, в то время как посуда разбивалась вдребезги, а вся долина Атуона слушала их разговоры, смеясь и прекрасно понимая, что маленький человечек не дал повода для ревности.

Она приветствовала меня с холодной вежливостью, когда я поднялся на веранду, а губернатор разлил по бокалам “Докторского”. Фанк” - напиток , известный во всех Южных морях. Секрет этого напитка заключается всего лишь в смешивании крепкого абсента с лимонадом или лаймадом. Ученый человек, который добавлял это смертоносное снадобье к удовольствиям жаждущих, был Друг Стивенсона и ухаживал за ним во время его последней болезни. Я не знаю , готовил ли когда-нибудь доктор Фанк свой любимый напиток для R.L.S., но его собственная слава распространилась не как целителя, а как изготовителя отваров от Самоа до Таити”. Фанк!” - слышится в каждом клубе и баре. Эксперты утверждают, что его особые достоинства заключаются в том, что он укрепляет позвоночник,

когда человек полностью погружен в работу; придает смелости жить людям, измученным ничегонеделанием.

Губернатор в праздничном наряде снова выступил в роли городского хозяина, которому помогали Андре Бауда, теперь его близкий друг и доверенное лицо. Сам Бауда пробыл на острове всего несколько месяцев и знал маркизскую речь не лучше губернатора. Оба этих чиновника были по-настоящему гостеприимны, что приводило в замешательство, учитывая мою неспособность угнаться за ними в их тостах.

Вскоре бутыль с ромом была разлита по бокалам , переходившим из рук в руки в саду. Найтингейл снова заиграл на огромных барабанах, и танец начался. Это была трагедия моря, пантомима опасности, конфликта и торжества. На протяжении веков предки этих танцоров исполняли ее на Запретной высоте. Даже язык, на котором они пели, казался этому поколению архаичным, его слова и их значение были забыты.

Женщины сели на траву в ряд, и сначала, в немом представлении, они подняли и отнесли от дома к пляжу длинное каноэ. Напряженные мышцы их рук, раскачивание тел имитировали подъем большой лодки, движение с ее весом, спуск на воду, ожидание бурунов и подводного течения, которые позволили бы им пересечь линию прибоя, а затем гребли по бурной воде.

вода.

Тем временем на некотором расстоянии мужчины пели хором, ритмично повторяя движения танцоров и рассказывая историю драмы давно вышедшими из употребления словами. И барабаны били так, что их раскаты грома разносились далеко по долине.

После того, как каноэ быстро поплыло по воде, женщины отдохнули. Мне показалось, что тихое пение мужчин выражало тоску по свободе, по возвращению к природе и меланхоличный отзыв о днях могущества и свободы, ушедших навсегда. Хотя никто из присутствующих не понимал древнего языка песни, не было необходимости в словах, чтобы точно передать смысл танца. Хотя ни одно слово не было произнесено, движения женщин ясно рассказали бы историю.

Когда они заиграли снова, море заволновалось еще сильнее. Теперь вопли людей воспроизводили шум волн, бьющихся о борт

каноэ, и свист ветра. Бушующее море высоко подбрасывало каноэ ; оно головокружительно скользило вниз, в ложбины волн, и раскачивалось, пока гребцы пытались удержать его на месте. Шквал перерос в шторм, который с ревом обрушился на них, пока они пытались удержать его на месте. Каноэ начало наполняться водой, оно погружалось все глубже и глубже, и в следующее мгновение лодочников выбросило в океан. Там они боролись с бурными волнами; они поплыли; они добрались до каноэ; они выровняли его, забрались в него. Шторм утих, море успокоилось.

Женщины снова отдыхали, их руки и тела блестели от пота. Все это время они оставались неподвижными ниже пояса; их обнаженные ноги были подогнуты под себя, как у статуй. Пение мужчин стало тише, напоминая о былом веселье, которое теперь было подавлено запретами белых, насмешками над островными легендами и суровыми обличениями священников и проповедников. И все же он был полон воспоминаний о давно минувших днях и людях , которые когда-то плавали по морям между этими островами.

Танцоры снова подняли руки, и каноэ поплыло по залитым солнцем водам. Наконец он причалил к острову, и его понесло сквозь буруны к месту отдыха на песке. Гребцы обрадовались, они станцевали благодарственный танец своим богам и вплели в волосы листья ти.

В этот момент Хаабунаи, церемониймейстер, издал испуганный крик и перестал бить в барабан. Бросив полный муки взгляд на собравшихся зрителей, он бросился за угол дома, чтобы через мгновение появиться снова с охапкой зеленых листьев в руках.

“Боже мой!” - воскликнул губернатор. “Мой поклон! Мой поклон!”

Абунаи, занятый своими обязанностями, забыл принести настоящий и священный чай. В последний момент, отчаявшись, он совершил набег и полностью уничтожил ценную губернаторскую грядку салата-латука, единственного источника пищи для

готовили салат в Атуоне. Он поспешно разделил драгоценные листья между танцовщицами, и, вплетя в их локоны увядающий салат -латук, гребцы снова пустили каноэ по волнам и вернулись на свой остров, вознося хвалу богам.

Теперь все расслабились, чтобы выслушать похвалы губернатора и еще раз наполненные бокалы, предложенные усердным Хаабунаем и Сонгом, которым помогал жандарм.

Затем последовала отвратительная каннибальская песнь, сопровождаемая грохотом барабанов, а затем, разогретые ликером, который воспламенил их мозги, танцоры начали хака, сексуальный танец. Разгоряченные ромом, они предались танцам с такой самозабвенностью, какой я никогда не видел, и я видел камаайну на Гавайях и видел Кэролайн, Мири и Мамоэ, самых искусных танцовщиц Гавайских островов. По мере продолжения розыгрыша кубка хурахура вскоре стала всеобщей. Мужчины и женщины, которые начали танцевать организованно, выстроившись в ряды, теперь нарушили строй и свободно танцевали по всей лужайке. Мужчины искали женщин, которые им нравились, а женщины - мужчин, бросая друг другу вызов в неистовом и поразительном изложении древних обычаев.

Непрекращающийся грохот барабанов еще больше подстрекал к безумию; территория губернаторского дворца превратилась в хаос из извивающихся загорелых тел и возбужденных парео, в то время как со всех сторон доносились крики, визг, истерический смех, хлопки в ладоши и топот ног. То тут, то там танцоры падали в изнеможении, пока в результате исключения танец не превратился в дуэт, и все они уступили место Многочисленным дочерям, маленькой прелестной прокаженной и Кекеле Авауа, вождю племени Паумау. Они покинули лужайку и направились к веранде, где энтузиазм стал настолько заразительным, что губернатор танцевал хурахуру напротив Бауды, а А Ю танцевал с Аппоро, в то время как Песня, заключенный, и Флаг, жандарм, безумно подражали звездным исполнителям.

Кекела, возглавлявший шествие, был фигурой, достойной восхищения. Это был очень крупный мужчина, ростом, наверное, в шесть футов четыре дюйма, весь мускулистый, его движения превосходили все законы анатомии. Многочисленные дочери с сияющими большими глазами и приоткрытыми красными губками повторяли каждое его движение. Все ее тело , казалось, вращалось на оси талии, бедра изгибались почти по спирали, а руки были расставлены в стороны, подчеркивая и уравновешивая ее похотливую подвижность.

Губернатор и швейцар, А Ю и Аппоро, Месье Бапп с “Песней соловья” и “Флагом” заставил дворец дрожать, а грохот огромных барабанов взбудоражил их кровь.

В конце концов, измученные, они, тяжело дыша, легли на доски. Песня рассказывала мне, что выпивка, которую раздавал губернатор, превзошла все его запретные желания.

сделать, и что, когда его срок истек, он будет оставаться в дворец, Как готовить. Ах Юй, на ломаном английском, пели частушку он слышал сорок лет назад в Калифорнии, “Кыш-июл-летать-Доани-bodder-мне”. Аппоро, опьяненный ромом и танцами, лежал среди розовых кустов. Многие другие повалились на газон, и еще больше людей снова принялись танцевать, распевая, крича и требуя еще рома. Девушки подошли, чтобы их поцеловали, как того требовал обычай, но мадам Бапп прогнала их резкими словами.

Вскоре шум стал слишком велик для достоинства губернатора. Он приказал очистить территорию, а Бауда отдавал команды с веранды, в то время как Песня и флаг унесли барабаны и погнали возбужденную толпу из сада через мост.

В целом, это воскресенье было типичным для Атуоны при новом режиме.

После спокойного купания в бассейне под моей хижиной я сам приготовил себе ужин, не прибегая к помощи взрывающихся яиц, и пораньше лег спать, чтобы предупредить посетителей. Грохот падающего кокосового ореха разбудил меня в полночь, и я увидел на своем папае Аппоро, Цветок, Воду и вождя Кекелу Авауа, спящего. Вождь повесил брюки на перила и был в своем парео, так что были видны его изображенные ноги, в то время как остальные лежали голые на моих циновках. Не было никакой необходимости беспокоить их, потому что это добрый и почитаемый обычай этих гостеприимных островов - спать там, где тебя настигает сон.

Ночь была чудесной, звезды проглядывали сквозь ветви хлебных деревьев, а гигантская гора Теметиу была темной и красивой на фоне золотисто-голубого неба. Две овцы жались друг к другу у моего окна, лошади лежали в кустах, а соловей заливался веселой любовной песней в кокосовых пальмах над домом хозяина. Золотая кровать.

На следующее утро у всех жителей Атуоны лоб был туго повязан платком . Я встретил двадцать мужчин и женщин с этим знаком

раскаяния на лбу. Кресс, вождь Атуоны, который охраняет дом губернатора, стоял на обочине дороги.

“Ты слишком много выпил”, - заметил я, заметив тряпку у него на голове.

“Не слишком много, но очень много”, - возразил он.

“Фауфау”, - сказал я далее, что означает, что это плохо.

“Хана паопао”, - печально сказал он. “Работать неприятно. О многом хочется забыть”.

В его тоне звучали горечь и сожаление. Его отец был воином, находившимся под покровительством Тоатаху, бога вождей, и возглавлял множество победоносных набегов, когда Кресс был еще ребенком. Сын помнит старые времена и глубоко переживает унижение и гибель , которые белые принесли его народу. Выдающийся на вид мужчина,

полный достоинства и надменности, он был одним из полудюжины тех, кто отрабатывал налоги, ремонтируя дороги, и одним из немногих, кто работал стабильно, говорил мало и редко улыбался.

Хака, национальный маркизский танец

Горячие слезы (слева) с Ваем Этьеном

ГЛАВА XVII

Прогулка в запретное место; Горячие слезы, горбун; история о Вот слуга священника, рассказанная злыми сплетниками в пещере Влюбленного.

Был сонный полдень, и, поднимаясь по тропинке в джунглях к своей хижине, я увидел Ле Бруннека, торговца, которого сопровождали Уста Божьи и Тахиапии, сводная сестра Злого сплетника.

Ле Бруннек, бретонец по происхождению, умный, честный и беззаботный, владел магазином под губернаторским дворцом на дороге к пляжу Атуона. Он жил над ним один, если не считать мальчика, который готовил для него, и всей домашней утвари. Маркизцы были его друзьями. Сегодня днем он пришел, чтобы взять меня с собой на прогулку по долине Атуона, и на главной дороге под моим домом мы увидели “Муан”, “Джимми Кекела”, “Горячие слезы”, “Горбун” и “Злобный” Нас ждали сплетни.

Мы перешли реку вброд и нашли тропу, которая шла вдоль нее , время от времени пересекала ее и местами поднималась на высокие берега . Тропа, которую часто размывали паводки, была неровной и каменистой, увитой деревьями и лианами. Вдоль нее, примерно в сотне футов от реки, были разбросаны дома, окруженные почти сплошным лесом кокосовых орехов и хлебного дерева. Хижины, большинство из которых были построены из грубых досок и крыты железом, окружали апельсины и бананы, манго и лаймы. То тут, то там я видел туземные дома из соломенных циновок, крытые пальмовыми листьями, - признак бедности , которая не могла сравниться с отвратительными, но вызывавшими восхищение стандартами белых.

Многие люди, сидевшие на своих папахах, окликали нас, а одна женщина указала на меня и сказала, что хотела бы взять мое имя и дать мне свое собственное. Таков их обычай по отношению к тому, кто им нравится, но я сделал вид, что не понимаю. Я не хотел, так рано поселившись в Атуоне, потерять имя, которое хорошо служило мне в течение многих лет, и, кроме того, если бы я взял другое, мне пришлось бы смириться с тем, что бы это ни было, и быть известным под этим именем. Было бы приятно, если бы тебя называли “Голубым небом” или “Убийцей акул”, но как насчет “Утонувшего в море”? Море” или “Шум внутри”?

- Держи свое имя при себе, друг мой, - сказал Ле Муан. “Они многого ожидают от тебя, если ты отдашь им свой. Они подарят тебе кучу бесполезных подарков, но только ты имеешь право покупать ром”.

Пройдя по изгибу ручья, мы наткнулись на Теату (мисс Театр), признанная красавица Атуоны, по пояс в бассейне стирает свои

платья. Она была воплощением красоты: большеглазая, смуглая, ее темные волосы каскадом падали на прекрасное лицо и обнаженные плечи, кристально чистая вода омывала ее стройные бедра и покрывала их рябью , густые заросли джунглей на берегах казались изумрудными.

на фоне ее красоты.

“Они похожи на древних греков, - сказал Ле Муан, - с изяществом привычной наготы и осанкой босоногих. Вы должны судить о них не по современным европейским стандартам, а по статуям древних греков. Греция или Египет. Театр “мадемуазель Брук ” был известен в Золотой век Перикла. Я должен написать ее, пока она не стала старше. Они хорошие натурщицы, потому что у них нет нервов, и они могут весь день просидеть в какой-нибудь позе, хотя им не нравится стоять, и у них обязательно должна быть трубка или сигарета. В моей родной долине Ваит-хуа вы часто видели Побежденных, которых я так много рисовал. Ах, какая красота! Во всем мире не сыщешь ей равных. Париж не знает ничего подобного”.

Теата помахала нам рукой из ручья и, отбросив тяжелые волосы за плечо, продолжила свое занятие. Оглянувшись на нее, прежде чем тропа снова свернула в лес, я увидел, что черты ее лица в состоянии покоя были жесткими и полудикими, черты все еще были прекрасны, но приобрели суровый и неприступный вид.

Мы упорно карабкались вверх, перепрыгивая с камня на камень и цепляясь за кусты. Пройдя милю вверх по долине, мы внезапно вышли на плато и увидели перед собой остатки древней Пекии, или Возвышенности , мрачного памятника времен злых богов и людоедства.

В прежние времена это была паэпае тапу, или Запретная высота, обитель темных и ужасных духов. На нем когда-то стоял храм, и вокруг него глубокой ночью совершались таинственные обряды, когда жрецы и старейшины поедали “длинную говорящую свинью”, когда барабаны били до рассвета, а дикие танцы будоражили кровь.

Когда он был построен, никто не может сказать. Столетия смотрели на эти черные камни, мрачные, как руины Карнака, созданные таинственным гением, посвященные чему-то, что

теперь навсегда ушло из этого мира. Укрытый во мраке леса, он был выметен и отполирован руками, давно покрытыми пылью; к нему относились с почтением и страхом. Это был тапу, посвященный ужасным божествам, и никто, кроме жрецов или вождей, не мог приближаться к нему, за исключением ночей ужасных пиршеств.

Он стоял в роще тенистых деревьев, которые даже в полдень отбрасывали полумрак на массивные черные камни платформы и высокие сиденья, где когда-то восседали вожди и волшебники, пожиравшие трупы своих врагов. Над ними извивались искривленные ветви огромного баньяна, а внизу, среди узловатых корней, зияла глубокая темная яма.

Мы остановились на зеленой лужайке, слегка затененной манговыми деревьями, окруженными папоротниками, травой и цветущими кустами, и вгляделись в темноту. До прихода французов это была запретная территория . Тогда к нему не вело ни одной дороги; только узкая и темная тропа, охраняемая демонами По и по которой люди ступали только в шепчущей темноте ночных джунглей, приводила воинов с бременем жизни

мясо в обитель богов. Но французы, словно в насмешку над святынями побежденных, соединили в этом самом месте две дороги, одна из которых вела через горы в Ханамену, а другая шла вдоль реки до тупика на холмах.

“Мои предки и матери наелись здесь “длинной свиньи” и танцевали всю ночь напролет”, - сказал горбун Горячие Слезы, закуривая сигарету и усаживаясь на каменную кафедру, которая когда-то принадлежала волшебнику. На его тяжелом лице, вдавленном в скрюченную грудь, не было ни малейшего признака страха; в прищуренных глазах, когда он посмотрел на меня, плясали бледные чертики.

“На этом баньяновом дереве, - рассказывал мой дедушка, - была туа, веревка из волокон кокосового ореха, которая удерживала живое мясо, подвешенное над ямой для запекания. Вот, видите, среди корней — это была печь, над которой подвешивали заключенных. Здесь стояли большие барабаны, и слуги жрецов били в них, пока темнота не наполнилась звуком, и все долины не услышали его.

“Ауэ!” Горбун подпрыгнул к краю ямы. Он поднял свои тонкие руки в воздух, и мне показалось, что я вижу, как среди искривленных ветвей старого баньяна, на высоте пятидесяти футов, покачиваются дрожащие тела. “Туа ломается! Они падают. Здесь, на скалах. Их убивают ударами у’у, вот так! И вот так нарезают мясо и заворачивают в мейка-аа. Разводят огонь! Подбрасывают дрова! Оно жарится!”

Его омерзительный смех раздался в темной тишине джунглей, и волосы зашевелились у меня на голове. Перед моим взором высокие черные скамьи были заполнены темными фигурами, свет ореховых факелов падал на татуированные лица и сверкающие глаза. Когда горбун отошел от древа смерти, делая вид, что несет блюдо, сначала к большим креслам вождей, а затем на широкую платформу внизу, по моим костям поползли мурашки.

“Ай! Они танцуют! Ай! Ай! Ай! Они танцевали, и они любили друг друга! Всю ночь били барабаны. Барабаны! Барабаны! Барабаны!” Он бросился всем своим скрюченным телом на траву и безумно захохотал, пока сам старый баньян не ответил ему. Мгновение он корчился в тишине, еще более жуткой, чем его смех, затем затих.

- Ау! - сказал он, переворачиваясь на спину. - Мой дед считал , что Пекия - это обитель демонов. Он остановился - Что касается меня, то я не верю ни в них, ни в каких-либо других богов. И он презрительно выдохнул

.

Ле Муан критически оглядел сцену.

“Какая картина ночью, с мерцающими факелами и сиденьями , заполненными мужчинами в красных парео! Боже, это ужасно!”

Он отошел на сотню футов и, прищурившись, посмотрел на рулон бумаги.

“Хотел бы я это нарисовать”, - сказал он. - Это, должно быть, большое полотно, и на нем ничего не видно, кроме факелов и нескольких лиц. Боже мой! Великолепно!

Каннибализм на Маркизских островах остался в прошлом? Вернутся ли когда-нибудь к жизни те суровые воины, которые выживут при новом режиме? Кто может сказать? Это маловероятно, поскольку население долин настолько малочисленно, а передвижения людей настолько ограничены, что их отсутствие быстро обнаруживается. И все же время от времени кто-нибудь пропадает.

“Хаа, приятель. Он прыгнул в море. Он был паопао. Жизнь была слишком долгой.

Или, если исчезновение произошло при переходе из одной долины в другую, говорят, что камень или обвал земли сбросили пропавшего с обрыва. Это разумные объяснения, однако ходят слухи о жажде удовлетворения аппетита и о древних обрядах, возрожденных моуками, отшельниками, которые прячутся в горах.

За время моего краткого пребывания в Атуона, и я почти не обращал внимания на перешептывания. Но сейчас, когда отвратительный смех горбуна все еще звучал у меня в ушах, они мрачно проскользнули в моем сознании, и я никогда не чувствовал солнечного света слаще и не вдыхал горный воздух с таким наслаждением, как тогда, когда мы покинули это нечестивое место и снова вышли на тропу.

Нашей целью был водопад с бассейном, в котором мы могли бы искупаться, и, покинув Пекию, мы пошли вдоль ручья, поднимаясь все выше и выше от моря. На Маркизских островах все реки берут свое начало высоко в горах, где во время дождя с обрывов срываются бурные потоки. Поскольку долины в начале представляют собой всего лишь ущелья, вода собирается в их глубинах и скатывается к океану, слегка покрываясь рябью в солнечные дни, но после сильного ливня перекатывая огромные валуны снова и снова и разрушая скалы.

Эти ручьи - источник жизни людей, живущих в верхних долинах. В былые времена войн многие из этих горных жителей никогда не знали моря; им не позволяли добраться до него члены прибрежных кланов, которые считали рыбалку своей собственностью и обрекали горцев на смерть , если они отваживались спускаться к берегу. Все жители одной долины, шесть или , возможно, дюжина кланов, объединились для войны против других долин, и эти люди рискуют своими жизнями, если вторгаются за пределы холмов. Тем не менее, под руководством

мудрого и могущественного вождя вся долина жила в согласии и не знала классовых или клановых различий.

“Мы направляемся к Вайхае, водам Великого Желания”, - говорили Злые сплетни. “Когда-то это было священное место”.

Мы карабкались с трудом, Ле Муан и я остро страдали от острых краев камней, которые проникали даже сквозь толстые подошвы нашей обуви. Остальные, которые были босиком, не обращали на них внимания, ступая легко и грациозно, как пантеры по неровной тропе. Вскоре мы услышали грохот Вайхае и, соскользнув по склону горы футов на сто, оказались в глубоком ущелье шириной в ярд или два, представлявшем собой просто трещину в скалах, наполненную грохотом и ревом несущегося потока.

вода. Набухший от дождей поток, теснимый в узком проходе, высоко взбивался пеной о мокрые от брызг скалы и мощным потоком низвергался в глубокую чашу, вырубленную в твердом граните двадцатью футами ниже.

Мы сбросили одежду и прыгнули в бассейн, наслаждаясь прохладой бурлящей воды после тяжелого восхождения. Злая сплетница и ее сестра сначала не хотели заходить, но когда я взобрался на скользкую скалу высотой в двадцать футов, чтобы нырнуть, и остался там, созерцая печальное величие этого зрелища, Злобная сплетница сняла тунику и проплыла через весь забег, не задев водой мою камеру. Она была похожа на наяду из старых мифов, когда скользила по зеленому течению, ее волосы струились по плечам, а тело двигалось легко, как у рыбы. Намочившись, она осталась с нами в воде и рассказала мне , что за водопадом есть пещера, скрытая зеркальной гладью воды.

“Это место называется Энамоа (Узри слугу священника), и у него ужасная история”, - сказал Злобный сплетник. “Следуйте за мной, и мы войдем в него”.

Она переплыла бассейн и, плавно поворачиваясь в воде , скрылась из виду под поверхностью водоворота. Кекела последовал за ней, а я предпринял несколько попыток, но каждый раз был отброшен назад, весь в синяках и запыхавшийся. Только когда Кекела, найдя в пещере длинную палку, воткнул ее в белую пену, я смог пробиться сквозь ревущий и сокрушительный поток, зацепившись

ее концом за бурлящую воду

.

В пещере было темно и сыро, только свет пробивался сквозь движущуюся завесу зеленой воды. Черные и ползучие твари извивались у наших ног, и темнота заполнила все уголки пещеры. Фигура Злобной Сплетницы казалась размытым пятном в полумраке, а ее низкий мягкий голос звучал как обертон глубоких органных нот потока.

“История о пещере Энамоа - это не легенда, - сказала она, - это нечто большее. Это было известно нашим дедам. Двое воинов возжелали женщину, и для них она была тапу. Это была тауа вехине, жрица древних богов. Но они жаждали ее, и они были друзьями, которые делились своими женами, как делят свои попои”.

- Паналуа, - сказал Кекела. - Это “обычай дорогих друзей”. У нас это было в Гавайи. Братья делили своих жен, а сестры - мужей”.

“Эти двое были названными братьями и любили друг друга так, словно были братьями по крови”, - говорили злые языки. “И их сердца охватило пламя, когда они посмотрели на эту девушку. Это было дурно с их стороны, потому что это было против воли богов. Она была из их собственного клана, и жрецы надели на нее тапу, пока она не достигла определенного возраста. Ее брат был слугой жрецов, а она была

посвященная богам. Ее охраняли самые священные обычаи. Было запрещено прикасаться к ней или к ее пище.

“И все же эти воины, какими бы они ни были и прославленные в битвах, жаждали ее с такой страстью, что не могли уснуть. И, наконец, когда они напились огненной наму энаты до тех пор, пока их мозги не наполнились пламенем, они стали поджидать ее.

“Она спустилась к этому пруду, чтобы искупаться. Сам бассейн был тапу, за исключением тех, кто был посвящен богам, и все же эта несчастная пара прокралась через лантану на берег и наблюдала за ней. Она встала на камень над заводью и сняла свое

паэ, шапочку из газового полотна, длинное одеяние и пареу, сшитое из тончайшей ткани дерева, потому что в те дни, до прихода белых, наш народ был одет подобающим образом. Вся обнаженная, залитая солнечным светом, она воздела руки к небу, рассмеялась и села на камень, чтобы омыть ноги.

“Внезапно похотливые воины набросились на нее и, остановив ее крики ее же собственными руками, они поплыли с ней в эту пещеру. Мысль и дыхание покинули ее; она лежала как мертвая, и, прежде чем они смогли собраться с силами, они услышали, как кто-то приближается и поет на скалах. У них не было времени убить ее, как они намеревались, чтобы она не принесла им смерть. Они оставили ее и побежали вдоль скал, едва успев скрыться, прежде чем появился другой мужчина.

Краем глаза он заметил, как кто-то выбегает из пещеры. Ему стало любопытно, и он подплыл к ней. День клонился к вечеру, потому что жрица пришла совершить вечернее омовение. Солнце скрылось за Теметиу, и в пещере было темно. Тогда человек подошел, осторожно ступая, и его ноги наткнулись в темноте на живое тело, теплое, мягкое и благоухающее цветами.

“Затем в темноте, найдя ее очень милой, он уступил демону. Но когда он, наконец, вывел ее из-под падающей воды на вечерний свет, он громко закричал. Он был моа, слугой верховного жреца, а это была его сестра, которую он любил.

- Он трижды закричал, так что его услышала вся долина, а потом бросил ее в пруд, чтобы она утонула. Люди видели, как он бежал к вершинам. Он так и не вернулся к ним. Он стал моке, колдуном, который жил один в лесу, и все боялись его. Его крики были слышны по ночам, а потом начались бури. Его глаза были видны сквозь листву на тропинках в джунглях, и тот, кто видел, умирал.

- Тогда люди дали пещере название - Энамоа., Вот слуга Жреца. Тогда она была намного больше, чем сейчас, размером с рощу. Но однажды ночью люди услышали шум падения огромных камней, а утром пещеру завалило снегом. Моука больше никто не видел. Он обрушил стены пещеры на себя, потому что она увидела его грех.”

Злобная сплетница, закончив свой рассказ, снова скользнула под

зеленый занавес водопада. Когда я пробился сквозь слепящие, грохочущие волны и с болью в легких всплыл на поверхность

пруда, она уже надевала тунику на камнях над ним, и вскоре, натянув одежду на мокрые тела, мы направились обратно к Атуона, Тахиапии, курящий трубку Кекелы.

Авес на Ки ” Ка А

Ае ЛМА эк > 4, ССС а

“самодельное взрывное устройство

являюсь

& ‘си

Т

А ты Та. ВЕК

Старый каннибал из долины Тайпай

Совершающий человеческое жертвоприношение у маркизов

Внутренние районы острова Фату-Хива, по которым автор прошел через горы

Плато Ахоа

ГЛАВА XVIII

Поиски каучуковых деревьев на плато Ахоа; схватка с дикими белыми собаками; история древней миграции, рассказанная охотниками на дикий скот в пещере Хребет китайца.

Однажды я отправился с Ле Бруннеком, французским торговцем, на поиски каучуковых деревьев на плато Ахао, над Ханамену, на другой стороне острова Хива-Оа.

Оседлав маленьких, но крепких горных пони, мы двинулись по тропе через реку и вверх по крутому склону горы, покрытому непроходимыми джунглями, поднимаясь все выше и выше над глубокими ущельями и головокружительными пропастями, пока в полдень не перевалили через самый высокий хребет и не спустились на широкое плато.

На высоте тысячи футов над долиной, ровная, как прерия, неописуемо дикая и пустынная, простиралась перед нами равнина. На некотором расстоянии справа от нас в пятистах футах от плато возвышался длинный и узкий курган, который не портил обширного ровного пространства, а казался огромным земляным валом, насыпанным человеком. Его зеленая терраса представляла собой дикий сад с цветами и фруктами, растущими в пышном беспорядке, орошаемый ручьем, который, сверкая, струился среди высоких папоротников.

Там не было хлебного дерева, потому что оно приживается только там, где за ним ухаживает человек, и на всем протяжении плоскогорья не было видно ни человека , ни каких-либо признаков жилья. Дикий скот и кабаны толпами бродили среди разбросанных деревьев или стояли в неглубоком ручье , с любопытством наблюдая за нами, когда мы проходили мимо. Тысячи морских свинок носились под ногами наших лошадей, а свободные потомки домашних кошек из городов Европы и Америки забирались на высокие ветки, чтобы посмотреть вниз на туристическую кавалькаду.

Я видел Сад Аллаха и Райский сад, — если верить арабскому шейху, верблюда которого я купил для путешествия, — я был в Никко во всей красе и прекрасно знал Джохор и Канди, если не считать тех часов, что я любовался этим плато. Ахао был самым изысканным местом на земле. Дикая красота тропиков, зелень листвы, обилие и великолепие цветов, бледные краски, мерцающие вдоль далекого горизонта, и пустынное величие далекой вершины Теметиу, окутанной грозовыми облаками, придавали ей первобытный, таинственный и возвышенный вид.

С деревьев, словно драгоценные камни, свисали сотни орхидей, а виноградные лозы сплетались в гирлянды. Цветы всевозможных оттенков расстилались блестящим ковром под копытами лошадей; олений язык, манамана-о-хина, папа-мако и зонтичное растение, а также всевозможные мхи и мириады папоротников покрывали лужайку. Некоторые из них были гигантскими древовидными папоротниками,

высокие, как деревья, другие распускали извивающиеся стебли из циновок ржавого цвета , и повсюду было расстелено нежное кружево уу-фенуа, девичьего волоса, по сравнению с которым предложение флориста выглядит неуклюжим и незначительным.

Мы сами прокладывали себе путь через высокую траву и заросли цветущего кустарника, потому что здесь не было никаких троп, кроме тех, что оставляли огромные стада дикого скота, бродившие по равнине. Я видел, как по меньшей мере три тысячи голов паслись на пышной траве или замирали с поднятыми головами, прежде чем разбежаться при нашем приближении.

“Это потомки нескольких особей, оставленных корабельными мастерами десятилетия назад”, - сказал Ле Бруннек. - Двадцать лет назад они бродили огромными стадами по всем островам. Я прогонял их палкой с тропы , ведущей в Ханамену. Как коз, оставленных американским капитаном Портером на острове НукаХива, они процветали и размножались, но, как и козы, их убивают.

“И крупный рогатый скот, и козы были уже не в счет, когда, когда мир полностью установился, а население сократилось, французы разрешили Маркизцы покупают оружие. Туземцы охотятся группами. Пятнадцать или двадцать человек, каждый с винтовкой или дробовиком, отправляются верхом на пастбища. Звери при звуке взрывов устремляются на самую высокую точку холмов. Зная их привычки, туземцы устраиваются вдоль хребтов и убивают всех, кого могут. Они съедают или забирают троих или четверых, но убивают тридцать или сорок. Они умирают в кустах, и их кости устилают землю.”

Я рассказал ему о буйволах, антилопах и оленях, которые когда-то водились в наших лесах и прериях; об Александре Уилсоне, который в 1811 году в Кентукки оценил одну стаю диких почтовых голубей в две тысячи миллионов особей, и о том, что в настоящее время в мире не осталось ни одной из этих птиц . известный.

Ле Бруннек вздохнул, потому что был настоящим спортсменом и не стал бы убивать даже свинью, если бы не мог съесть большую часть ее туши. Часто он приподнимал ружье, лежавшее на луке седла, но тут же снова опускал его, приговаривая: “На ужин у нас будет дикая птица”.

Мы разбили палатку, когда луна осветила своим фонарем вершину холма. Никогда еще палатка не ставилась в более уединенном и красивом месте. Мы выбрали для нашего лагеря укрытие в виде дерева мото, одного из самых величественных деревьев на этих островах. За все время, что мы провели здесь, их осталось не более десяти. “Маркизские острова”, - сказал Ле

Брюннек, пока я любовался их высокими колоннами и великолепной листвой. “Белые, которые орудовали топорами на этих островах, могли бы сделать дрова для ковчега завета”.

Мы развели костер перед палаткой и приготовили подстреленного им дикого цыпленка , из которого с бисквитами и бордосским вином получился превосходный ужин. Пока мы ели, вокруг нас сгустилась темнота , и перед нами раскинулось широкое плато, таинственное в свете луны, и ночь

было прохладно и приятно. Мы лежали в расслабленном комфорте, наслаждаясь свежим воздушным воздухом этой высоты, и курили смесь “Джонз” из Лос-Анджелеса, пока сонливость не рассеяла табак. Наши притупленные чувства едва позволили нам затащить матрацы в палатку, как мы потеряли сознание.

Я проснулся от леденящего кровь воя волчьей стаи и крика Ле Бруннека: “Собаки!”

Он стоял у открытого полога палатки, черный силуэт человека с ружьем. Когда я, схватив свое ружье, подошел к нему, то увидел в лунном свете несколько десятков огромных белых зверей: одни, сцепившись в рычащую кучу над остатками нашего ужина, другие, окружив нас кольцом, сидели на корточках , повернувшись к нам лицом. Один из них прыгнул, когда Ле Бруннек выстрелил, и его горячее дыхание обдало мое лицо, прежде чем мой палец успел нажать на спусковой крючок.

Двое раненых тварей боролись на земле, пока второй выстрел не прикончил их, а остальные отбежали на небольшое расстояние, где Ле Бруннек выстрелил в меня. Бруннек время от времени стрелял в них, пока я поднимал перепуганных пони, которые фыркали и брыкались. Подбросив еще дров в угли, мы окружили нас кругом света от костра, и мы с Ле Бруннеком по очереди стояли на страже до утра, в то время как белые собаки сидели вокруг нас, как закутанные в простыни призраки, и оглашали ночь жутким воем. Кто -то из нас, должно быть, задремал, потому что ночью звери утащили двух мертвецов и обглодали их кости.

По словам Ле Бруннека, они были сыновьями и дочерьми собак, когда -то дружелюбно относившихся к человечеству, и, подобно диким кошкам, которых мы видели, они безмолвно

свидетельствовали о множестве людей, которые когда-то жили на этом плато.

Когда наступил рассвет, горные крысы сновали по лугам, но собаки ушли далеко, оставив только две кучи костей и обломки возле палатки, которые свидетельствовали об их вылазке. Солнце заливало плоскогорье, освещая мириады листьев папоротника, мхов и разноцветных лепестков, колышущихся на легком ветерке, когда мы с Ле Бруннеком спустились к ручью искупаться.

Увы! Я развалился там на берегу, думая вдоволь насмотреться на всю эту красоту, и сел на блевотину, пушистое растение, приятное глазу, но представляющее собой настоящий клубок оводов, которые колют меня своей подлостью. Это чувствительный кустарник, который отступает при приближении человека, его черешки скрываются из виду, но, несмотря на всю свою скромность, он стал для меня болезненным напоминанием о том, что я не уважал его уединение.

В полдень мы подошли к холму, возвышающемуся над плато, и обнаружили у его подножия водоем - единственный виденный нами признак присутствия человека, если не считать собак и кошек, вернувшихся к первобытному состоянию. Это был бассейн, вырубленный в твердой скале, и, несомненно, служил источником воды для племен, которые жили здесь, окруженные врагами. Вокруг него виднелось смутное подобие алтаря, а в кустах рядом с ним мы увидели

черные останки могучего паэпае, похожего на того гигантского мараи из Папары в Таити, который сам по себе казался родственным храму великой пирамиды в Борободо на Яве. Эти печальные памятники напоминают о человеке, который так похож на богов, но который тает, как лист на ветру.

Нежась в ручье, переливавшемся через край древнего водоема, мы обсуждали наши планы. Ле Бруннек был убежден, что ева, которую мы нашли в большом количестве, была каучуковым деревом. Он сказал, что каучук получают из многих деревьев, виноградных лоз, корней и растений, и что сок эва, высушенный и обработанный, обладает всеми необходимыми упругими свойствами. Мы должны были подсчитать количество деревьев eva на плато и оценить стоимость земли для плантации. Таким образом, мы могли бы превратить в золото это ядовитое дерево,

чьи красновато-фиолетовые, манящие плоды избавили стольких маркизцев от горечи жизни, чей сок пили раненые или изувеченные воины, чтобы избежать боли или презрения.

Барахтаясь таким образом в прозрачной воде, мы услышали голос и удивленно вздрогнули. Группа туземцев смотрела на нас с холма, а их предводитель спрашивал, кто этот странный хао, который пришел в их долину.

Ле Бруннек выкрикнул его имя — Пронека на родном языке — и после совета они прокричали приглашение на завтрак. У нас не было ни оружия, ни какой-либо другой одежды, кроме полотенца, наши лошади были привязаны на некотором расстоянии, но мы поднялись на холм. На полпути к вершине крутого подъема нам встретилась дикая свинья с восемью поросятами. Ле Бруннек сказал, что один из них был бы по достоинству оценен нашими хозяевами, но мать, догадавшись о его намерениях, спрятала свой выводок за спину и держалась на расстоянии. Попытка изнасилования свинины голыми, пешими и безоружными означала бы серьезные раны от этих скрежещущих клыков, поэтому мы отказались от подарка и пришли к нашим хозяевам с пустыми руками.

Мы обнаружили, что они ждали нас в гроте Хребта Китаец, в неглубокой пещере на склоне холма. Их было семеро, таких же голых, как и мы, с толстыми губами, с глазами, обведенными синими чернилами, и их тела были покрыты ими. Накануне они убили быка и приготовили мясо в бамбуковых трубочках, запарив его в земле, пока оно не стало нежным и вкусным. Мы наелись им, а затем отдохнули в прохладной пещере, покуривая. Им было любопытно узнать , зачем мы пришли, и они спросили, не за мясом ли мы пришли. Я отказался от этого намерения и сказал, что мне было интересно, не много ли людей когда-то было на Ахао.

“Ай! И мне тоже очень приятно! Разве ты не знаешь о племени Фити-нуи? О людях, которые когда-то жили здесь? Ого! Тогда я расскажу тебе.

Пока трубка переходила из уст в уста, Киту, предводитель охотников, рассказал следующее:

- Племя пиина из Фити-нуи всегда жило здесь, на плато Ахао.

Мудрецы вели летопись ста двадцати поколений с тех пор, как возник клан. Это было до того, как Ихоломони построил храм в Иудее, о котором рассказывают жрецы новых белых богов. Возвышенность Пиина в Фити-нуи была старой еще до рождения Ихоломони.

Но, каким бы древним ни был клан, пришло время, когда он стал малочисленным. Дольше, чем помнили старые, они воевали с племенем пиина из ханааua, которые жили в соседней долине ниже этого плато. Эти два народа были родственниками, но ненависть между ними была ожесточенной. Враг не давал покоя племени Фити-нуи. Их ямы в попои были открыты и опустошены, их женщины были похищены, а мужчины схвачены и съедены. Месяц за месяцем, год за годом клан терял свою силу.

“Они почти перестали наносить татуировки на свои тела, потому что спрашивали, что это им дает, когда они так скоро начнут запекаться в печах церкви. Народ Хана-уауа. Они не смогли победить Хана-уауа, потому что их было мало, а Хана-уауа были велики. Лучшие бойцы были мертвы. Только боги могли спасти последнего представителя племени от вейнахае, вампира, который овладевает мертвыми.

“Таua поднялись на Возвышенность и взывали к богам, но те были глухи. Они ничего не ответили. Тогда в отчаянии вождь, Atituahuei, установите время, когда, если бы боги не дали никакой адвокат, он бы ведущий каждый человек племени от врагов, и умирать во время войны-клубы пели.

Атитуауэи отправился с таua к гигантской скале Меае-Топайхо, священному камню в форме копья, который стоял между землями враждующих народов, и там он произнес эту клятву богам. И люди стали ждать.

Они подождали, пока луна не взойдет и не убудет, и боги ничего не сказали. Затем воины изготовили свои у’ у из полированного железного дерева, наполнили корзины камнями и приготовили копья. В самую темную лунную ночь Пиина из Фити-нуи должен был отправиться на битву и быть убит Хана-уауа.

“Но прежде чем луна скрылась, таua спустился с Высокого И сказали, что так сказали боги. Они приказали людям покинуть Ахао и плыть дальше острова Лающих псов, пока не доберутся до новой земли. Боги защитят их от волн. Боги показали таua скрытую долину, которая вела к пляжу, где они могли строить

каноэ.

“В течение многих месяцев пиина из Фити-нуи тайно трудились в скрытой долине. Они построили пять каноэ, гигантских двухместных каноэ, с высокими платформами и домами на них, таких больше не строят. В эти каноэ они посадили женщин, детей и стариков, и когда все было готово, мужчины совершили набег на деревню пиина в Хане-

ууа, и в темноте перенесли всю свою еду в каноэ.

На рассвете Фити-нуи погрузились в четыре каноэ, но одно они должны были оставить для дочери вождя, которая должна была родить в любой момент, и для женщин ее семьи, которые не хотели покидать ее. Скрытая долина наполнилась звуками скорби при расставании, но боги сказали свое слово, и они должны были уйти.

“Когда четыре каноэ оказались в море за деревней Хана-ууа, все их жители забили в свои боевые барабаны и затрубили в трубы из ракушек. Жители Хана-ууа услышали шум и сказали, что пришли незнакомцы, но пришли ли они на драку или на пир, они не знали. Они бросились к берегу и там увидели в море народ фити-нуи, который окликнул их и сказал, что они уходят далеко.

“Тогда племя Хана-ууа заплакало. Ибо они помнили, что были братьями, и, хотя они долго сражались, воины Фити-нуи были хорошими бойцами и храбрыми. Также многие женщины племени Фити-нуи были захвачены мужчинами Хана-ууа, а захваченные юноши были усыновлены, и племена были связаны многими узами родства.

“Два племени разговаривали друг с другом по ту сторону волн, и племя Хана-ууа умоляли своих братьев не уходить. Они сказали, что больше не будут воевать, что пленники, которых не съели, должны быть возвращены в их родную долину, что два клана будут вечно жить в дружбе.

Тогда жители Фити-нуи снова заплакали, но сказали, что боги приказали им плыть прочь, и они должны плыть.

“Но, - сказал вождь фити-нуи, - ты узнаешь, что мы благополучно достигли новой земли, когда падет Меае-Топайхо, когда великое копье будет сломано богами, ты узнаешь, что твои братья обрели

новый дом”.

Затем они отправились в путь на четырех каноэ, но дочь вождя не отправилась с ними, потому что ее ребенок долго не появлялся на свет. Она жила с народом Хана-ууа в мире и довольстве. И когда сезон плодов хлебного дерева подошел к концу, однажды ночью, когда от дождя и ветра земля дрожала и скользила, жители Ханааа услышали рев и грохот.

“Боги разгневаны”, - сказали они. Но дочь вождя сказала: “Мой народ нашел свой дом”. А утром они обнаружили , что Меае-Топайхо пал, острие копья сломалось, и пророчество исполнилось.

“Это было четыре поколения назад, и с тех пор жители Хана-ууа ищут какой-нибудь знак от своих ушедших братьев . Их имена сохранились в памяти племени. Десять лет назад многие мужчины были привезены сюда для работы на плантациях из

Пука-Пука и На-Пука в Паумота, и они разговаривали с людьми.

“Ауэ! Это были дети детей пиина из Фити-нуи. На тех низких островах, куда отправились их отцы и матери, они сохранили старые слова и названия. Они сохранили память о путешествии. И одного старика привел его сын, и он вспомнил все, что рассказывал ему отец, а его отец был сыном вождя Атитуауэи.

“Эти люди не были похожи на наших мужчин. Многие годы сделали их другими. Но они знали о скале копья и о пророчестве, и они действительно были потерянными братьями народа Хана-ууа.

“Но народ Хана-ууа тоже умирал сейчас. В жилах дочери вождя не осталось ни капли крови. На плато Ахао не осталось в живых ни одного человека.

“Их ямы-попои - это останки диких кабанов; на их крышах сидят дикие белые собаки. Рогатый скот бродит там, где они ходили. Хи-и-те-фенуа-ке! Они ушли, и чужеземец получит их могилы.”

ГЛАВА XIX

Праздник для мужчин Мотопу; приготовление кавы и ее употребление; история о девушке, которая потеряла силу.

Бродяга Киви, живший неподалеку от Высокого места, однажды вечером спустился в мой паэпае, чтобы пригласить меня на пир, который устраивался в Атуоне Долина принадлежала жителям Мотопу, которым бог моря оказал необычайную милость

.

Месяцы штормов, по словам Киви, повалили множество величественных пальм. Така-Ука и выбросил тысячи спелых кокосовых орехов в залив, откуда стремительное течение, пересекающее пролив, унесло плоды ветров прямо в бухту Мотопу на острове Тахуата. Мужчины этой деревни, не прилагая особых усилий, собрали богатый урожай.

И вот они пришли, неся высушенную и сложенную в мешки копру. Семьсот франков они получили за тонну зерна от Крича, немецкого торговца из Така-Уки, с чьих плантаций его унесло штормами.

На следующий день, нагруженные его товарами, они должны были отплыть домой. Однажды они задержались, чтобы сплавить доски красного дерева из Калифорния, от шхуны в заливе до нового дома Киви. Так что в ту ночь в знак благодарности он решил повеселиться ради них. Еды будет много, и кавы будет в избытке. Он молился , чтобы я присоединился к ним на этом пиру, который вернул бы добрые времена употребления кавы, которые теперь почти забыты.

Я с радостью поднялся с циновки в тени пальм, на которой лежал, тщетно надеясь подышать прохладой в этот невыносимый дневной зной, и поплотнее опоясал чресла красным парео. Я часто слышал о том, что каву пили задолго до того, как миссионеры настояли на запрете этого любимого туземцами напитка. Торговцы присоединили свою силу к добродетельным протестам священников, поскольку кава ничего не стоила островитянам, в то время как ром, абсент и опиум можно было продавать им с прибылью. Таким образом, употребление кавы

было запрещено, и после десятилетий знакомства с более сильными стимуляторами и наркотиками туземцы утратили вкус к более мягкому напитку своих предков.

Французское законодательство запрещало продавать, обменивать или дарить кому-либо Маркизский любой алкогольный напиток. Но закон был мертвой буквой, потому что заставить маркизцев работать можно было только с помощью рома и вина, и я даже мысленно не мог упрекнуть их в любви к выпивке. Тот, кто не видел вымирающую расу, не может себе представить , в каком упадке духа находятся эти люди. То, что они вежливы и гостеприимны — и это по отношению к белым, которые их погубили, — лишь в малой степени свидетельствует об их былой радости жизни и безграничном великодушии. Сейчас

поскольку у них не осталось никакой надежды и их единственное будущее - смерть, нельзя винить их за то, что они воспользовались минутной забывчивостью.

Несколькими годами ранее, во время первой горечи безнадежного порабощения, целые народы были преданы пьянству. Во многих долинах вожди лидируют в производстве запрещенного к употреблению наму эната, или кокосового бренди. На Филиппинах, где производятся миллионы галлонов кокосового бренди, его называют туба, но обычно во всей тропической Азии его называют арак. Только что сваренный из цветочных соцветий кокосового дерева, наму по вкусу напоминает очень легкое сливочное пиво или медовуху. Он вкусный и освежающий и лишь слегка опьяняет. Если дать ему забродить и закиснуть, он становится желчным. Затем его выпивание делится на два этапа — проглатывание и опьянение. Интервала нет. Виски “Forty-rod” по сравнению с ним более мягкий.

Я видел, как готовится “наму”, это очень просто. Туземец взбирается на дерево и делает надрезы на цветках, которых на каждой пальме от трех до шести. Он прикрепляет под ними тыквенный горшок и позволяет соку стекать в течение всего дня и ночи. Процесс медленный, так как сок стекает капля за каплей. Эту операцию можно повторять бесконечно долго, не причиняя дереву вреда. В странах, где ликер собирают для продажи в больших количествах, туземцы привязывают бамбуковые шесты к деревьям, чтобы проворный человек мог бегать по лесу, ухаживая за тыквами, опорожняя их в емкости побольше и опуская их на

землю, и все это, не снижая своего высокого роста.

Застоявшийся наму заставляет маркизцев вернуться к самой жестокой жизни и спровоцировал множество убийств. Под присмотром жандарма это прекращается, но в сотне долин нет белых полицейских, и полдюжины людей, оставшихся среди сотен своих разрушенных домов, предаются опьянению. Я видел долину, погруженную в нее, мужчин и женщин, безумно танцующих древние танцы обнаженными в неописуемых оргиях самозабвения и скотоложства.

Наму эната буквально означает “мужская выпивка”. Персидско-арабское слово ” нам”, или “нарм-кеффи”, означает “жидкость из цветка пальмы”, исходя из этого , можно подумать, что Азия научила маркизцев искусству приготовления наму во время их доисторического паломничества на острова, но первооткрыватели и первые белые жители Полинезии не видели ничего , кроме этого напитка. о том, как пили каву. Именно европеец или азиат, привезенный белыми, сравнительно недавно ввел в употребление более вредный кокосовый бренди, а также ром и опиум, и именно эти напитки стали мощным фактором истребления туземцев.

Так всегда бывало с представителями других рас, порабощенными белыми. Бенджамин Франклин в своей автобиографии рассказывает, что, когда он был уполномоченным по делам индейцев в Карлайле, штат Пенсильвания, он и его семья

коллеги-комиссары согласились, что они не будут предоставлять индейцам ром до тех пор, пока не будет заключен договор, которого они искренне добивались, и что тогда у них его будет в избытке.

Он рисует себе ночной разгул краснокожих после подписания ими договора и заключает: “И действительно, если Провидению угодно истребить этих дикарей, чтобы освободить место для земледельцев, то не кажется невероятным, что ром может быть подходящим средством. Она уничтожила все племена, которые прежде населяли морское побережье”.

Не мне было рассуждать о замыслах Провидения в отношении маркизцев. Кава была напитком, предназначенным древними богами еще до прихода белых людей. Ее приготовление стало

почти утраченным искусством; я не знал ни одного белого человека, который когда-либо пил бы каву из чаши. Поэтому я с некоторым нетерпением последовал за Киви по тропе.

Разбитая тарелка, крепкий дикарь в английской матерчатой шапочке и серьгах из китовых зубов, поджидал нас на дороге у дома Золотая кровать, и мы втроем отправились на поиски куста кавы . Пока мы поднимались по узкой тропинке вверх по склону горы, вглядываясь в заросли лиан и кустарников в поисках крупных сердцевидных листьев и сочлененных стеблей, Киви со страстью рассказывал о днях упадка, в которые он жил.

“Пусть другие тайком делают надрезы на цветке кокосового ореха и подвешивают тыквенные горшки, чтобы собирать сок”, - сказал он. Или пусть сгибают коленца, чтобы ром лился, подлизываясь к белкам. Только не он! Напиток его отцов, напиток его юности, был для него достаточно хорош! Он ловко отвел в сторону покрытую листвой ветку, нависшую над тропой, и в лучах солнца и тени его обнаженные, сильные коричневые конечности походили на гладкие стволы старого дерева мансанита.

У него не было ни чешуйчатой кожи, ни налитых кровью глаз , как у развратника из кавы, чьи бесчинства оставляют на жертве свои собственные яркие следы. Я вспомнил фигуру, на которую упал луч моего фонарика, какую можно было увидеть на темной тропе, — иссохшее существо, все лицо и тело которого приобрели тускло-зеленый оттенок, и при воспоминании об этом ужасном призраке я содрогнулся. Но Разбитая Тарелка, шедший впереди по тропе, крикнул нам, что нашел хороший куст, и мы без лишних слов вскарабкались на него.

Кава, разновидность перечного растения, достигает более шести футов в высоту, и найденный нами экземпляр простирал над нашими головами свои многочисленные сочлененные ветви, шелестящие крупными плоскими листьями. Киви объяснила, что украшение получается из корня, и мы принялись за работу, чтобы выкопать его.

Он был огромен, как гигантский батат, и после того, как мы оторвали его от неподатливой почвы, нам двоим потребовались сила и ловкость, чтобы донести его до “паепае разбитой тарелки”, где должен был состояться пир. Дюжина

пожилые женщины, искусные в натирании плодов хлебного дерева для приготовления попои, ждали нас там, сидя на корточках кольцом на низкой платформе. Хорошо промытый в реке корень раскладывали на камнях, и женщины обваливали его в раковинах каури, измельчая на мелкие кусочки, как капусту. По твердости он напоминал имбирь, и им наполняли большое таноа, или деревянное корыто из железного дерева.

Едва началась уборка, как мы с Разбитой тарелкой отдыхали от наших трудов, покуривая в тени сигареты из листьев пандануса, когда на дороге появилось с полдюжины самых красивых молодых девушек деревни, одетых во все свои наряды.

Теата, со всем высокомерием признанной красавицы, шла первой, одетая в облегающее платье с ажурными вставками, явно скопированное из какой-то брошюры о моде. Она носила его как свою единственную одежду, и сквозь широкие сетки новых кружев просвечивала ее кожа оттенка свежеприготовленного хлебного дерева. Она прошла мимо нас, кокетливо покачав своей красивой головкой, и заняла свое место среди завистливых подруг.

Они сидели на циновках вокруг корыта из железного дерева и жевали тертый корень, который после тщательного пережевывания выплевывали в чашки из банановых листьев. В этом жевании корня кавы и заключается суть кавы как напитка, поскольку в слюне образуется фермент, который отделяет алкалоид от сахара и высвобождает наркотическое вещество. Только самые здоровые и красивые девушки получают право жевать корнеплод, но в этой восхитительной и почетной привилегии отказывают тем, чьи зубы не идеальны и на чьих щеках не распускаются розы.

Тем не менее, когда я непринужденно курил в своем пареу, сидя на паепае моих простых хозяев, я почувствовал, как во мне зарождаются некоторые опасения. И все же, зачем придираться к средству, с помощью которого человек достигает Нирваны? Разве я не пробовал андское пиво “чича” и не нашел его вкусным? И смутные аналогии и догадки поплыли передо мной в клубах дыма, поднимавшихся в ясном вечернем свете.

Какой скрытый ключ к самым отдаленным истокам человеческой расы кроется в том факте, что два народа, столь далекие друг от друга, как маркизцы и южноамериканские индейцы, используют один и тот же метод приготовления своего родного напитка? В Андах кукуруза занимает место Кава корень, и молодые девушки,

потомки древних инков жевать зерна, сидя в кругу и с определенной ceremoniousness, как среди этих Marquesans. Маркизские острова находятся на той же широте, что и Перу. Были ли эти два народа когда-то одной расой, жившей на том давно затонувшем континенте, в существование которого верил Дарвин?

Медленно сгущались сумерки, пока я размышлял о тайнах, в которых коренится наша жизнь, о неизвестных истоках и забытом значении всех человеческих обычаев. Корыто из железного дерева было наполнено измельченным корнем, и девушки группами и парами готовили его.

ускользнули, чтобы искупаться в реке. Там их встретили прибывающие гости, и до нас донеслись звуки смеха и плеска , когда на паэпае сгустилась тьма и зажгли факелы.

В темной долине, подобно звездам, зажигались огни, когда в каждом доме разводили вечерний костер, чтобы поджарить плоды хлебного дерева или рыбу, а на бамбуковых палисадниках, обозначавших границы владений или запиравших любимых свиней, развешивали фонари. Поднялся прохладный ветерок и зашелестел листьями кокосовых орехов и бамбука, принеся из лесных глубин чистый, землистый аромат.

Последний купальщик вышел из ручья, освеженный прохладной водой и украшенный цветами. Все были в приподнятом настроении, им хотелось есть и веселиться. Полдюжины горящих факелов освещали их счастливые, покрытые татуировками лица и смуглые тела, а также яркие цветы в волосах. Кольцо света делало еще темнее шелестящую кокосовую рощу, высокие деревья которой обступали нас со всех сторон.

Под пристальными взглядами множества сверкающих глаз Киви разрезала зеленые кокосовые орехи, которые принесла ему только что после лазания, и полила приготовленное из них прохладное вино кавой. Он тщательно перемешал его, а затем руками сформовал из вязкой массы шарики, из которых выжал сок в другую таноа, глазурь которой приобрела глубокий, насыщенный синий цвет из-за частого употребления в каве. Когда корыто наполнилось мутной жидкостью, он ловко очистил его, протерев сеткой из кокосовых волокон. Все это время он глубоким звучным голосом пел древнюю песню церемонии.

“У хаанохо иа те кай, тапапа иа те кай!” - торжественно провозгласил он, когда был совершен последний обряд. “Приходите ужинать, все готово”.

“Менике, - сказал он мне, - ты же знаешь, что пить каву можно только на пустой желудок. После употребления кавы тебя затошнит. Если ты не поешь сразу после того, как выпил, тебе это не понравится. Прими это сейчас же, а потом быстро поешь”.

Он окунул ракушку в корыто, плеснул несколько капель через плечо, чтобы умилостивить бога, пьющего каву, и передал ракушку мне в руки.

Фу! На вкус напиток был как земля и вода, сначала сладковатый, а затем острый. Было трудно проглотить его, но все мужчины выпили по одной, и когда Киви налила мне еще по одной, я последовал их примеру.

- Кай! Кай! Ешь! Ешь!” Тогда Киви закричала. Женщины поспешили с едой, и мы с аппетитом набросились на нее. Поросенок и попои, сладкие лепешки из акульего мяса, запеченные плоды хлебного дерева и сладкий картофель, фрукты и кокосовое молоко так и сыпались с широких тарелок с листьями на широко раскрытые рты. Никто не произнес ни слова. Трапеза протекала быстро, в тишине, нарушаемой только ночным шелестом пальм и тихим звуком торопливых босых ног женщин.

Только когда Киви замечал, что кто-то ослабевает, он энергично повторял: “Кай! Кай!”

Я сидел, прислонившись спиной к стене “дома разбитых тарелок”, пока Я быстро ел по указанию хозяина и вскоре почувствовал необходимость в его поддержке. Пир закончился, гости расположились на циновках. Женщины и дети доедали остатки, оставленные на блюдах из листьев. Факелы погасли, все, кроме одного. Его мерцающий отблеск падал на постаревшее лицо Киви, и белки его глаз ловили и отражали свет. Татуировки, обрамлявшие их , казались черными дырами, из которых зловеще сверкали искры, а кава, проникавшая в его мозг или в мой, придавала этим искрам жутковатый оттенок, который завораживал меня в моем остром, дремотном состоянии.

Из тени, где прятались женщины, появилось лицо Театы, похожее на жуткий цветок. Две длинные черные косы , заплетенные в

волосы, она украсила блестящими фосфоресцирующими ушами Призрака Женщина, странный гриб, растущий на старых деревьях, любимое вечернее украшение островных красавиц. Красивые цветы сияли вокруг ее лишенной тела головы, как гигантские бабочки, - настоящие драгоценности для такой соблазнительницы и озорницы. Таинственный свет придавал отблеск ее бархатистым щекам и шее, что делало ее похожей на женщину-призрак из старой легенды, созданную для того, чтобы приводить неосторожных к пьянящей смерти.

Разговоры доносились до меня из темноты, как голоса из граммофона, тонкие и далекие. Один из них рассказывал историю о Тахиапепае, Девушке, которая потеряла Силу.

В долине Атуона начался голод. На паэпаэс дети умирали от голода , а груди матерей сморщивались так, что не давали молока. Поэтому воины отправились в путь на больших каноэ за Мотопу. Все кричали о мясе, и не было другого мяса, кроме пуаа оа, “длинной свиньи”.

Затем в темноте голодные воины Атуоны бесшумно вытащили свои каноэ на берег и подкрались к спящей деревне Мотопу. Семеро были убиты прежде, чем успели улететь в горы, а одну захватили живой, стройную, красивую девочку десяти лет, которую связали по рукам и ногам и бросили в каноэ вместе с убитыми.

Они возвращались после своего триумфа и высадились на берег здесь, на расстоянии броска копья от паепае Разбитой тарелки. Их жители встретили их барабанным боем и песнопениями, принеся с собой палки из розового дерева для разделки мяса. Живая девушка , все еще связанная и плачущая, была перекинута через плечо вождя, и герои и их люди гуськом двинулись по тропе мимо католической миссии. Тохоаа, Великий Морской Слизняк, вождь Атуоны и прародитель Флага, жандарм, шел впереди, и через его массивное плечо была перекинута Девушка, Которая потеряла Силы.

Затем из миссии вышел отец Оренс с распятием в руке. Высокий, он

стоял в своем черном одеянии лицом к Огромному Морскому Слизняку и высоко поднимал руку с распятием. Великий Морской

Слизень сделал отца Оренса тапу, которому он рассказал о чудесах света и преподнес множество подарков. Прикоснуться к нему означало смерть, ибо Великий Морской слизень устроил для него пир и надел на него белую тапу, символ святости.

Могущественным был бог Отца Оренса, и он мог творить магию. В кармане он всегда носил маленького божка, который днем и ночью повторял “Мика! Мика!” и водил крошечными ручками вокруг пластины из белого металла. Теперь этот человек стоял перед Великим Морским Слизняком, и вождь остановился, а его голодные соплеменники подошли поближе, чтобы услышать , что случилось.

“Куда ты идешь?” - спросил отец Оренс.

- В Пекию, на Возвышенность, готовить и есть, - ответил Великий Морской Слизняк. Затем отец Оренс некоторое время молчал, высоко подняв распятие, и вождь услышал, как из его кармана донесся голос маленького бога

.

“Дай мне этот маленький кусочек живого мяса”, - сказал тогда отец Оренс.

“Я мамай оэ. Если тебе так угодно, возьми его”, - сказал Большой морской слизняк. “Это пустяк. У нас их достаточно, а в Мотопу их еще больше”.

С этими словами он взвалил свою ношу на плечо священника и, снова возглавив свой отряд, повел их мимо миссии, через реку и на Возвышенность, где всю ночь напролет били барабаны во время пира.

Но Девушка, Потерявшая Силы, осталась в доме отца Оренс, который разрезал ее путы, накормил ее и ухаживал за ней, чтобы она снова набралась сил. Крещенная и наставленная в религии своего спасителя, она была тайно возвращена своим оставшимся в живых родственникам. Там она дожила до глубокой старости и умерла четыре года назад, всегда благодарная Богу, который уберег ее от печки.

Тот, кто заговорил, был ее сыном, и здесь, у чаши с кавой, собрались люди Мотопу и Атуоны, больше не враги.

Голос мужчины из Мотопу затих. В ушах у меня зазвенело , как будто кто-то поднес к ним морскую раковину и услышал сонный шепот приливов. Сигарета выпала у меня из пальцев. На меня подул сирокко, горячий, удушливый. Киви засмеялся, и я смутно расслышал его вопрос::

“Вивиа? Жарко?”

“Привет, маханахана. Мне очень тепло”, - с трудом выдавил я из себя.

Мой голос звучал как голос другого человека. Я сильнее прислонился к стене и закрыл глаза.

“Он быстро соображает”, - радостно сказал “Разбитая тарелка”.

На меня снизошел покой, превосходящий понимание невежд в каве . Жизнь была дремотным покоем; не унылой инертностью, а обособленной активностью, как будто дух бродил по прекрасному саду, а тело,

все страдания, все чувства остались в прошлом, уступив место тишине.

Я слабо слышал пение мужчин, которые начали импровизировать для представления после пиршества. Я прекрасно осознавала , что несколько женщин внесли меня в дом и уложили на циновки, которые были мягкими для моего тела, как воды тихого моря. Мне показалось, что ангелы несли меня на облаке. Весь тяжкий труд, все усилия были напрасны; я никогда не вернусь к заботам и долгу. Смутно я видел, как пери машет веером, создавая легкий ветерок , наполненный легким ароматом.

Тогда я был великаном, распростертым в бесконечной расслабленности, который простирался от водопада в самой верхней точке долины до берега моря, а вокруг меня в тщетном волнении бегали туземцы Атуоны, маленькие существа, чьи заботы были мне безразличны.

Это видение растаяло спустя вечность, и я был в танце Оти в Паумотас, где пожилые женщины, которые позируют и двигаются под звуки барабанов в свете горящей кокосовой скорлупы, подпрыгивают в воздух и остаются там так долго, что белому человеку кажется, будто он видит, как нарушается закон

всемирного тяготения, оставаясь неподвижными в пространстве в трех-четырех футах от земли, в то время как один из нихсердце человека бешено бьется, а мозг пульсирует в замешательстве. Я была среди этих пожилых женщин; я превзошла их всех и по своей воле парила в эфире в вечном танце ведьм, исполненном более чем человеческого восторга.

Оркестр природы заиграл симфонию небесных звуков. В шелест пальмовых листьев, журчание ручья и песни в комоко, Соловей Маркизских, смешались в музыке слаще на мой Кава-растерзанные уши, чем когда-либо Арфа Аполлона на горе Олимп. Пение туземцев было хором голосов, мелодичность которых превосходила человеческое воображение. Жизнь была прекрасна до глубины души; в ней не было ни борьбы, ни боли, только вечная гармония радости.

Я проспал восемь часов, а когда проснулся, то увидел в ярком продолговатом свете

солнечный свет за открытой дверью, Киви выжимает немного корня зла из волоса собаки, которая его укусила.

Киви, любитель кавы с гетерами долины

Пруд в джунглях

Пекия, или место жертвоприношения, в Атуоне

2 2 A

Маркизские каннибалы, одетые в одежды из человеческих волос

ГЛАВА XX

Путешествие в Тааоа; Кауити, вождь каннибалов, и его рассказ о старой войне, развязанной неверной женщиной.

ЭТО было случайное замечание из уст Бога, которое побудило меня отправиться в путешествие по холмам в долину Тааоа, к югу от Атуоны. Злобная сплетница и ее муж, сидя однажды вечером на корточках на моих циновках при свете звезд, говорили о маркизском обычае давать имена детям.

“Когда рождается младенец, - говорится в “Устах Божьих”, - все близкие люди его родителей, их родственники и друзья дают младенцу имя. Все эти имена относятся к опыту предков ребенка, или тех , кто дал им имя, или их предков. Имена моей жены — некоторые из них — Тавахи Тейкимоэтетуа Техаупиимуна. Это отдельные слова, не имеющие отношения одно к другому, и они означают Злобную сплетню, Она спит с Богом, Золотой Росой Горы.

“Мои первые три имени - Вахатетуа, Хеафия Тиметео. Вахатетуа - это Уста Бога; Хеафия - Тот, Кто смотрит по сторонам, и Тиметео - это Маркизец для Тимофея, библейского писателя.

- Мой дядя, Катехизатор, - Тиоакоекое, Человек, Чьи Внутренности Были Поджаренный на палочке, а его брата называют Путухатуха, что означает Нарезаем и распределяем по тарелкам. Это потому, что их отец, Туфету, был убит у Вонючих источников в Тааоа, его сварили и разослали по всей долине. Видели бы вы того человека, который убил его, Кахуити! Он великий человек и все еще силен, хотя и стар. Ему по-прежнему нравится “длинная свинья” . Не так давно он выкопал труп одного из закопанных и съел его в лесу.”

Когда я сказал, что мне действительно хотелось бы увидеть этого человека, Уста Бог сказал, что он пришлет мне рекомендательное слово, которое должно было обеспечить мне дружелюбие вождя, пожравшего своего деда. “Уста Бога” не питали к посетителю никакой неприязни. Поедание было делом привычным в прошлом; учение этой суровой кальвинистки, его матери, запрещало ему есть кауити в отместку, поэтому их отношения были дружескими.

На следующее утро в сопровождении верных “Взрывающихся яиц” я отправился в долину Таaоа. Путь продолжался пять миль вверх и вниз, мы пробирались по болотистым местам и ручьям, продирались сквозь джунгли, цеплялись за колючки и обливались потом. Многие мили пути пролегали через кокосовые заросли, принадлежащие миссии.

Дорога шла вдоль моря и взбиралась на небольшой высокий мыс, Отупото, с которого открывался вид на побережье Хива-Оа, изгибающееся на восток, долины, таинственные пещеры в разорванной, искаженной панораме, мрачные овраги, напоминающие о былых кровавых днях. Выше

за ними горы отражали свет и сияли зеленым или черным на фоне безоблачного голубого неба. Мы насчитали семь долин, отдаленные из которых были всего лишь слабыми тенями на фоне разнообразной зелени, разделенные скалистыми мысами. Справа, когда мы смотрели на море, виднелась точка Теахоа вдается в огромную синюю равнину океана, и с суши мы увидели долину Таaоа.

Это было срединное место, место жестокой гибели Туфету. На зеленом дне лощины поблескивало большое красное пятно, похожее на кровь

.

- Вай пиау! - сказал “Взрывающиеся яйца”. Он сделал знак, что набирает воду в ладони, пробует ее на вкус и выплевывает. Зловонные источники, где Туфету был убит!

Они находились в фантастическом ущелье, через которое проходила дорога , вырубленная в скале, окрашенная в коричневый и синий цвета минералами, содержащимися в воде , которая бурлила там и вырезала на камне причудливые узоры. Углекислый газ и сера сгущали тяжелый воздух и покрывали края источника желтой пеной. Подходящее место для смертельной битвы, среди запахов серы! Но это было неподходящее место , чтобы задерживаться в тропический день.

Долина Таaоа была узкой и глубокой, погруженной в вечный мрак из-за теней гор. Около тридцати домов выстроились вдоль

берегов быстрого каменистого потока. Когда мы приблизились к ним, нас встретил крепкий тааоанец, голый, если не считать пареу, и покрытый красивыми татуировками. Он сказал, что его имя - Сила в бою, и я, чужестранец, должен прежде всего увидеть чудесное дерево, которое растет в лесу неподалеку.

Мы искали его в зарослях кустарника и на болотах, мимо десятков разрушенных паэпэ, домов тысяч давно умерших людей. Наконец мы нашли его - могучее дерево, поваленное на землю и наполовину погребенное под виноградной лозой и кустарником.

- Это дерево старше нашего народа, - сказал Сильный в битве, скорбно глядя на его распростертое тело. - Ни один человек не помнил , как оно появилось. Оно было похоже на дом на холме, такой высокий и большой. Наши предки поклонялись под ним своим богам. Белые люди рубили его на доски. Это было пятьдесят лет назад, но дерево никогда не умирает. На Маркизских островах нет такого дерева, как это. Мудрецы говорят, что оно простоит, пока не вымрет последний представитель нашей расы.

Я нащупал конец огромного ствола, на котором все еще виднелись следы от топора и пилы, и ударил по нему кулаком. Древесина действительно казалась твердой, как железо, хотя и не казалась окаменевшей. Насколько я мог судить по упавшему стволу, это был вид, которого я никогда не видел.

“Двадцать лет назад я привез сюда человека из Перетейна (Англия), чтобы он посмотрел на это дерево, и он отрезал кусок, чтобы забрать его с собой. С тех пор ни один белый человек не видел его”, - сказал Стронг в “Битве”. Он принес топор

от человека, который мастерил каноэ из бревна хлебного дерева и отрубил для меня щепку.

Мы вернулись в деревню и зашли в загон, где группа женщин сидела на корточках вокруг чаши с попои.

“Что ищет Менике?” спросили они.

“Он хочет увидеть отпечаток ноги Хуити”, - сказал мой гид.

На одном из камней паэпае был отпечаток ноги, идеальный от пятки до носка, и, очевидно, не искусственный.

“Хуити стоял здесь, когда метал свое копье через весь остров”, - сказал Стронг в “Битве”. “Он не был крупным мужчиной, как вы видите по следу его ноги”.

“Пятнадцать километров! Длинный бросок копья”, - сказал я.

- Ауэ! он был очень сильным. Он жил на этом паэпае. Те, кого вы видите, - дети его детей. Хотите познакомиться со свекром моей жены, Кауити? Он съел много людей. Он хорошо говорит”.

Ого! А я бы хотел! Я поклялся, что сочту за честь познакомиться с любым из родственников моего хозяина, и особенно мне хотелось побеседовать со старыми, мудрыми людьми с хорошим вкусом.

“Этот человек, Кахауити, повидал жизнь”, - сказал Стронг в бою. “Я женат на сестре Великого Ночного мотылька, который был очень храбрым и деятельным человеком, но теперь глуп. Но Кахауити! О! О! О! Ай! Ай! Ай! А вот и он”.

Я так и не разгадал загадку родства моего информанта с человеком , который приходился тестем его жене, потому что внезапно увидел его самого и понял, что встречаюсь с личностью. Кахауити сидел на веранде маленькой хижины по-турецки и беседовал с другим стариком. Оба они выглядели потрясающе, но, в целом, я подумал, что Кахауити был самым выдающимся человеком, которого я когда-либо видел, будь то в Нью-Йорке или Каире, Лондоне или Пекине.

У него была та неопределенная, но в то же время несомненная аура превосходства, уверенного положения и знаний, которая присуща немногим людям в мире — Юаню Ши Кай, Рабиндранат Тагор, Сидящий бык и Порфирио Диас. Он носил только парео и был покрыт татуировками от ногтей до корней волос. Сплошная цветная масса простиралась от его шеи до бедра с левой стороны, как будто на нем была половина синей рубашки. Тахуна, который выполнял эту работу, казалось, нарисовал контуры, а затем перекрыл половину своего торса. Но, вспомнив, что каждая цветная точка означала укол костяной иглы, приводимой в движение ударом молотка, я понял, что Кахауити многое перенес ради своих наград. Ни Железный крест, ни крест Виктории не могли стоить таких страданий.

Обнаженная половина его груди, медно-красная, контрастировала с этим кобальтом, а лицо было испещрено полосами попеременно то этого естественного цвета, то синего. Два дюйма чернил ama

были нанесены на глаза от уха до уха, покрывая каждый дюйм век и бровей, и от этого казалось, что

с повязкой на лбу его глаза светились живым умом. Другие полосы пересекали лицо от виска до подбородка, самая нижняя соединялась с синим полем, доходившим ему до пояса.

Его борода, длинная, густая и белоснежная, спускалась по телу цвета индиго и была собрана в узел на массивной груди. Это была борода пророка или провидца, и когда Кахауити выпрямился во весь свой рост, шесть с половиной футов, он был величествен, как мужчина в диадеме и королевских одеждах. У него была гигантская фигура, как у древних художников Буонарроти, мускулистая и гибкая, грациозная и прямая.

Когда меня представили как Менике, который любил маркизцев и который, услышав о Кахауити, хотел испить из его источника воспоминаний, старик пристально посмотрел на меня. Его глаза заблестели , и он широко улыбнулся, обнажив все свои зубы, крепкие и белые. Его улыбка была доброй, обезоруживающей, по-настоящему милой , и это сразу покорило меня, так что, возможно, я бы по глупости поверила ему, предложи он прогуляться по джунглям.

Он взял мою протянутую руку, но не пожал ее. Рукопожатие настолько ново и настолько чуждо их представлениям о приветствии, что они просто соприкасаются пальцами, пожимая их так, как богатый человек пожимает бедного родственника или король - простолюдина. Он был приветлив, как монарх с придворным, но когда начинал говорить, то вскоре становился простым и веселым.

Жестом указав мне сесть на циновку перед ним, он снова с достоинством присел на корточки и продолжил свое занятие по плетению веревки из коры фауфи, веревки толщиной в дюйм, прекрасно сделанной.

“Уста Бога, из семейства Нарезанных и распределенных, и Человека Чьи Внутренности были Зажарены На Палочке, рассказал мне об убийстве Туфету, их предка, - отважился я, чтобы направить наш разговор в нужное мне русло.

Услышав имена первых троих, Кахауити улыбнулся, но когда упомянули Туфету, он разразился ревом. Я, очевидно , вспомнил

о гордости. Присев на корточки, он придвинулся ко мне поближе.

- Афу! Афу! Афу!" - произнес он звук, который на его языке означает стон умирающего. "Ты пришел к Фатуэки?"

"Я попробовал воду и почувствовал запах", - ответил я.

"Именно там умер Туфету", - заметил он. "Я нанес удар и Я съел его руку, его правую руку, потому что он был храбрым и сильным. Это была война!"

"Что вызвало эту войну?" - Спросил я веселого каннибала.

"Женщина, хаа текетека, неверная женщина, как всегда", - ответил Кахауити. - У вас на острове есть проблемы с женщинами? Да. То же самое происходит во всем мире. До этой беды между Атуоной и Таaоа царил мир . Когда я был мальчиком, мы были хорошими друзьями. Мы ездили в гости за холмы. Многие дети были усыновлены, и мужчины таaоа забирали женщин из Атуоны, а мужчины атуона - отсюда. Некоторые из этих

у женщин было двое, трое, а то и пятеро мужчин. Один из мужей был титулованным и гордым отцом ее детей, хотя мог вообще не быть отцом. Остальные делили с ней постель по ее желанию, но не имели ни собственности , ни счастья в потомстве.

Пепехи (избитый до смерти) был родом из Таaоа, но жил в Атуоне с женщиной. Он последовал за ней через холмы и жил в ее доме. Он был отцом ее детей. В Атуоне жил мужчина по имени Кауэтахи, который был ее мужем, но рангом пониже. Он не был отцом ее детей. Поэтому однажды ночью он обрушил свою боевую дубинку на голову забитого до смерти, а позже пригласил нескольких друзей на пир".

Кахуити нежно улыбнулся мне. Снимите с него татуировку, сделайте его белым и оденьте его! С его властной осанкой, мягким, изысканным голосом и абсолютистским подходом он мог бы быть Леопольдом, Королем Бельгии, великим послом, влиятельным человеком в финансовой сфере. Тем не менее, я подумал о смерти у Вонючих источников. Как можно было объяснить его добродушие, открытость души и веселый смех такими отвратительными аппетитами и поступками? И все же генералы посылают десять тысяч человек на верную и

мучительную смерть, чтобы хоть как-то приблизиться к цели; таков обычай генералов, благодаря которому они завоевывают уважение среди своего народа.

“Убит боевым клубом Кахеутахи и съеден своими друзьями. Забитый до смерти был всего лишь призраком, а Кахеутахи занял его место и стал отцом детей в доме. Он сказал, что на самом деле они принадлежали ему , но мужчины всегда были хвастливыми.”

Другой старик, который ничего не сказал, но был весь внимание, раскурил трубку и передал ее Кахуити, который, попыхтев, передал ее Сильному в бою. Рассказ прервался на время курения.

“Избитый до смерти, погиб от дубинки? У него было хорошее имя, - сказал я. - Его отец был пророком.

Кахуити начал монотонно напевать:

“Ва! Ва! Тахи-а-та! Ва! Тахи-ва! Уа-ва! Тува!” - скандировал он. “Так сказала боевая дубинка, опускаясь на череп Забитого до смерти. Именно так говорит боевая дубинка, когда наносит удар. Кости Забитого до смерти были рыболовными крючками еще до того, как мы узнали о его смерти. Вся Тааоа была разгневана. Семья забитого до смерти требовала отмщения. Священник поднялся на Возвышенность, а когда вышел, то целый день бегал взад и вперед по долине, пока не упал, весь в пене. Война была криком богов, война против Атуоны.

- Но между нами было слишком много мира, слишком много мужчин с Женщины атуона, слишком много детей атуона усыновлено женщинами тааоа. Мир был счастливым, и не было ни одного великого воина, которого можно было бы призвать”.

“Тогда у вас были храбрые и сильные люди”, - сказал я, вздыхая о том, что упустил из-за опоздания.

- Туитуи! Ты набил мне рот сорняками! - воскликнул Кахуити. - Я не могу говорить твоими словами. Уе те этау! Клянусь великим богом мертвых! Я родился до того, как французы высадили каноэ на берег Маркизских островов. Тогда наши боги были богами, но они превратились в дерево и камень, когда лесные пушки фарани взревели и забросали наши долины железными ядрами и огнем . Христианский бог был более великим, чем наши боги, и более

жестоким убийцей людей”.

“Но забитый до смерти?” Настаивал я.

“Забитый до смерти был в желудках людей Атуоны, и они смеялись над нами. Наш верховный жрец сказал, что Эуутутуки, самый сокровенный бог среди жрецов, приказал нам отомстить за поедание Забитых до смерти. Но наступило время консервирования мэй в ямах . Также женщины Атуоны, которые были среди нас, говорили, что должен воцариться мир, и женщины Таaоа, которые взяли на воспитание множество детей от Атуоны. Поэтому мы молили всевышних богов простить нас.”

“Тогда женщины обладали огромной властью”, - сказал я.

Кахуити усмехнулся.

“Французский бог и жрецы фарани отняли ее у них”, - прокомментировал он. “Я знал времена, когда правили женщины. У нее были свои мужья — два, четыре, пять. Она командовала. Двоих она отправляла на рыбалку, одного - собирать кокосовые орехи или дрова , третьего оставляла себе, чтобы развлекать себя. Они приходили и уходили, как она говорила. Это было ужасно! Отвратительно! Пи-пи! Не хватает мужчин, чтобы сделать женщину счастливой. Многие храбрые мужчины погибли, чтобы доставить удовольствие своей женщине, но… — Он презрительно выдохнул.

Сильный в бою сказал в сторону, по-французски:

“Он никогда не был вторым в доме. Кахауити презирал таких людей. Он всегда был первым”.

“Значит, убийство забитого до смерти осталось неотомщенным?” Я спросил.

- Эпо! Не пейте кокосовый орех, пока не спуститесь с дерева! Я уже говорил, что женщины удерживали воинов, и не было великого мужчины, который мог бы повести их за собой. И все же ночью забили барабаны, и пришли воины. Ты знаешь, как говорят барабаны?”

Его лицо омрачилось, а глаза вспыхнули на фоне татуировок.

“О, ты пепе! О, ты пепе! О, ты пепе!” - сказал барабан, и его голос позвал Пипи. - Титиутиути! Титиутиути! - сказал барабан,

призывая Уми. Ауэ! Затем пришли воины! Они стояли на возвышенности в начале долины. Мехитете, вождь, обратился к ним. Он сказал, что они должны пойти в Атуона, и привезти тела для пиршества. Много ночей подряд били барабаны, и вождь много говорил, но войны не было.

- Первосвященник снова отправился в Пекию, а когда вернулся , то бежал без остановки два дня и одну ночь, пока не упал без сил.

дыхание у него было, как у мертвого, и на губах выступила пена. Боги разгневались. Войны все еще не было.

“Затем из Ваит-хуа пришел Томефиту. Он был вождем этой долины, его усыновила женщина из Ваит-хуа, но его отец и мать были из Таоа. Он слышал об убийстве забитого до смерти его родственника, и у него внутри все кипело. Ауэ! Гром небес был подобен голосу разгневанного Томефиту. Земля стонала там, где он ступал. Он знал фарани и их уловки. У него было оружие китобоев, и он ничего не боялся, кроме Призрака Женщина Ночи. Воины снова поднялись на Возвышенность, и теперь там было много барабанов.

Кахуити вскочил на ноги. Он ударил кулаком по угловому столбу хижины . Его глаза горели.

“Капутухе! Капутухе! Капутухе! Тепутухе! Тепутухе! Тепутухе! Тути! Тути! Тутуитуити!”

“Так говорили боевые барабаны. Их звук доносился из Пекии, и каждый мужчина, который мог бросить копье или держать боевую дубинку , откликнулся на их зов”.

Душа Кахуити была поглощена этой историей. Его голос был глубоким, как звук виолончели, мощным, вибрирующим и красочным. Он жил в этом странном прошлом, и то, что он вспоминал, было драгоценными воспоминаниями.

Звуки барабанов, которым он вторил, произнося странные маркизские слова, потрясли меня до глубины души. Я услышал грохот десятифутовых боевых барабанов, их глубокий и далеко

разносящийся зов, похожий на рычание львов в джунглях. Я видел воинов с копьями из кокосового дерева и смертоносными дубинками из железного дерева, украшенными резьбой и блестящими от масла, с корзинами из отполированных камней, висевшими у них на поясе, и волокнистыми пращами, танцующих в священной роще Пекии, тени которой освещались мерцающими свечами, орехами и аромат сандалового дерева.

“Я Ветер, Который Ломает Могучее Дерево. Я Волна, Которая Наполняет Каноэ и Бросает Людей На Съедение Акулам!” - сказал Томефиту. “Плоть моего сородича наполняет животы людей из Атуона, и боги говорят о войне!

“Война началась!” - воскликнул Томефиту. “Мы должны принести жертвы богам. Пятеро мужчин отправятся со мной в Отопуто и привезут дары. Я принесу вам тела шести свиней племени Атуона. Приготовьтесь! Когда мы поедим, вожди Атуона придут в Таaоа, и тогда вы будете сражаться!

“Приготовьтесь к танцам. Полируйте копья и собирайте камни для

стропы. Коэ, который мой человек, будет слушаться, пока меня не будет. Я сказал, - сказал Томефиту.

“В ту ночь Томефиту и я, еще четверо, молча отправились в Отопуто, разделяющая скала, с которой открывается вид справа на долину Таaоа, а слева - на Атуону. Там мы залегли среди камней и кустов и наблюдали за действиями противника. На того человека , который отделился от других и пришел к нам в поисках пищи или в гости к другу, мы тайно напали и убили его.

Так мы поступили с шестью, названными Томефиту, и, убив их, отослали с другими на Возвышенность. Там воины отведали их и набрались сил для битвы.

- Затем, потеряв так много членов своего клана, вожди Атуоны пришли в Отопуто и крикнули нам, чтобы мы сообщили об отсутствующих. Мы закричали в ответ, что этих людей изжарили на костре и съели, и что так мы поступим со всеми мужчинами Атуоны. И мы посмеялись над ними.”

Кахуити от души расхохотался при мысли о том, какую шутку сыграли с этими пожираемыми врагами.

“Но Туфету, дедушка моего друга, Уста Божьи?” Я настаивал.

“Эпо! Была война. Люди Атуоны собрались в Отупото и напали на нас. Мы встретились с ними у Вонючих источников, и там Я убил Туфету, дядю Нарезанного и Распределенного, Человека, Чьи Внутренности Были Поджарены На Палочке. Я пронзил его своим копьем на расстоянии вытянутой руки от кокосового дерева. Я был лучшим копьеметателем из Таоа. Мы прогнали атуонцев через ущелье Вонючего Прыгнув через пропасть, я перекусил правую руку Туфету, которая держала боевую дубинку. Это придает человеку силу, превосходящую силу его врага.

Он снова принялся плести веревку фауфи.

“О, иа анейхе, я закончил”, - сказал он. “Ты будешь пить каву?”

“Нет, я не буду пить каву”, - строго сказал я. “Кахуити, разве это не хорошо , что люди перестали есть?”

Величественный вождь посмотрел на меня, его глубокие карие глаза , подведенные синими чернилами, казались детскими. Секунд десять он пристально смотрел на меня , а затем неуверенно улыбнулся, как, возможно, улыбнулся рыбак Петр , когда его упрекнули за то, что он отрезал ухо одному из солдат Иуды. Он принадлежал к старому ордену, и новый не изменил его. Он не ответил на мой вопрос, но отхлебнул из своей миски кавы.

Тепу, маркизская девушка с холмов, а слева - ее сестра На ее руках вытатуирована родословная

Маркизец с татуировкой и резным веслом для каноэ

ГЛАВА XXI

Преступление Хуахина из-за любви к Ткачихе циновок; история о белом человеке Тахии, которого съели; несчастье, постигшее Хони, белого человека, который использовал гарпун против своих

друзей.

ЗА время моего отсутствия в Тааоа в моей родной долине произошли преступления и скандалы. Андре Бауда встретил меня на дороге к пляжу, когда я возвращался , и рассказал мне эту историю. Огромный таитянский моряк со шхуны “Папеите”, Хуахине сидел в местной тюрьме по обвинению в дезертирстве; серьезном преступлении, причиной которого была любовь к женщине, и эта женщина Ткачиха из Циновок, у которой на правой руке были вытатуированы четыре имени.

Хуахине, увидев ее на пляже, почувствовал пламя любви, которое заставило его рискнуть и бросить вызов голодной акуле и бушующему прибою. Оторванный от нее еще в момент встречи, он сопротивлялся искушению , пока шхуна не вышла из бухты Предателей, подгоняемая бризом, направляясь в порт Таи-о-хэ, и тогда он голый бросился в море и взял прямой курс обратно в Атуону, достигнув своей цели. милая, после семичасовой борьбы с током и выключателем. Флаг, жандарм, нашел его в ее хижине и привел в калабузу.

На следующее утро я присутствовал на суде над ним. Он предстал перед своим судьей в элегантной одежде, поскольку, помимо красного парео, на плечах у него была розовая шелковая шаль. И то, и другое было подарком от Ткачихи циновок, поскольку он пришел к ней без сумы и без клочка бумаги. Он почти не нуждался в одежде, так как его кожа была очень смуглой, а сильное тело - великолепным.

Он был приемлемым заключенным для Бауды, который отвечал за строительство и ремонт дорог и мостов, поэтому Хуахине быстро вынесли приговор и отправили на работу вместе с другими, которые платили налоги своим трудом. Мастерица циновок переехала с ним в тюрьму, где они счастливо жили вместе, готовили еду в саду и спали на циновках под пальмами.

На всех паэпаэ было написано, что Хуахине, вероятно, отправят на Таити, поскольку на Маркизских островах действуют строгие законы, запрещающие дезертирство с кораблей и бродяжничество. Тем временем заключенный был счастлив. Многие таитянские и белые моряки видят на этих островах убежище от неприятностей, и в “Подвиге Хуахина” я прочитал историю многих белых бедняков, которые в первые дни бросили дом, друзей и тяжелый

труд, чтобы жить здесь в гареме, приносящем плоды.

“Давным-давно один человек из Ханамену рассказал историю путешественнику по имени Кристиан”, - сказал я резчику Хаабунаи, когда мы сидели, сворачивая сигареты из пандануса в вечерней прохладе. “Она звучит так:

- Около тридцати лет назад моряк с торговой шхуны, зашедший в бухту за сандаловым деревом, подвергся жестокому обращению со стороны своего шкипера, который отказал ему в отпуске на берег. Итак, весь кипя от гнева, этот моряк решил бросить свой тяжелый и неблагодарный труд, жениться на какой -нибудь богатой островитянке и жить с тех пор счастливо. Поэтому однажды вечером он подплыл к берегу, нашел служанку по своему вкусу и прятался у нее до тех пор, пока корабль не отплыл.

Тахия была хорошей женой и любила своего прекрасного белого мужчину; она делала все, что могла делать жена: готовила ему еду, мыла ему ноги, скручивала для него сигареты весь день напролет, пока он лежал на циновках. Но со временем ее отец забеспокоился, и среди людей поднялся ропот, потому что белый человек не хотел работать.

“Он не хотел лазить на пальму, чтобы собирать орехи; он лежал и смеялся на своем папае в Майнуи, в сезон плодов хлебного дерева, когда все были заняты; а когда ему приносили старые ржавые мушкеты, чтобы он за ними ухаживал, он поворачивался к ним спиной. Иногда он ловил рыбу, выходя в море на каноэ, которым управляла Тахия, и заставляя ее насаживать наживку на крючок, но рыбы ему попадалось мало.

“Ауэ те ханахана, ауа хой те кайкай”, - сказал его тесть. ” Кто не хочет работать, тот и есть не будет”. Но белый человек смеялся , ел и не трудился.

Прошел сезон, за ним другой, и наступило время небольших дождей. Бананов было мало, а плодов хлебного дерева - не в изобилии. Поэтому однажды вечером старики собрались на совещание, и вот какое было их решение: “Крысы становятся помехой, и мы будем бороться с ними”.

“На следующее утро отец отправил Тахию с поручением в другую долину. Тогда люди начали выкапывать в земле перед домом

Тахии большую печь, где белый человек удобно разлегся на циновках. Вскоре он посмотрел, удивился и снова посмотрел. И наконец он встал и подошел к печи, спрашивая: “Что случилось?’

“Много каикаев. Постепенно появилась большая свинья”, - сказали они.

“И он стоял и ждал, пока они копали, но свинья не появлялась. Тогда он спросил: “Где свинья?” И в этот момент у’у обрушился ему на череп, так что он упал замертво и оказался в печи. Вокруг него сложили дрова, и его испекли, и в Ханамену устроили пир.

В сумерках Тахия спустилась с холмов, усталая и голодная, и спросила о своем белом мужчине. “Он ушел на пляж”, - сказали они.

“Он скоро вернется, поэтому садись и ешь, дочь моя”, - сказал ее отец и дал ей мясо, завернутое в листья. И она с аппетитом поела и стала ждать своего мужа. И все пирующие смеялись над ней, так что мало-помалу она узнала правду. Она ничего не сказала, но скрылась в темноте.

- И написано, Хаабунай, что искатели мэй наткнулись на нее на следующий день в верхней долине, и она висела на высоком дереве.

пальмовое дерево с веревкой из пурау на шее”.

“Возможно, это правдивая история”, - сказал Хаабунаи. “Хотя здесь существует обычай есть еву, когда человеку становится плохо от жизни. И очень немногих белых мужчин на островах когда-либо съедали, потому что они слишком много знали, и на них претендовала какая-нибудь влиятельная женщина”. Он на мгновение замолчал, чтобы затянуться сигаретой.

“Мой дедушка съел одного моряка, и он был белым. Но для этого были веские причины, потому что никогда еще человек не был таким раздражительным.

“Он был гарпунщиком на китобойном судне, зарабатывал много денег, но любил ром, и когда его корабль ушел, он остался. Они отправили на берег две лодки на поиски, но мой дед отправил

моего отца с ним в горы, и через три дня капитан решил, что он утонул, и уплыл без него.

- Мой дед отдал ему в жены сестру моего отца, и, как и тот человек, о котором ты рассказывал, она очень любила его, хотя он ничего не делал, кроме как готовил наму энату, пил ее, танцевал и спал. Дедушка рассказывал, что он умел танцевать странные танцы моряка, от которых все смеялись до боли в ребрах.

— Этот человек, которого звали Хони…

- Хони? - переспросил я. - Я не знаю этого слова.

- Я тоже. Он не маркизец. Это было его имя, которое он носил на корабле.

“Хони?” Недоверчиво повторил я, и тут вспыхнул свет. “Ты имеешь в виду Джонс?”

“Возможно. Я не знаю. По словам моего деда, его звали Хони. И этот Хони принес с китобойного судна ружье и гарпун. У этого гарпуна был железный наконечник, и он был закреплен на копье, а к наконечнику была привязана длинная веревка, так что, когда он вонзался в кита, он был привязан к лодке, которая преследовала его по воде. На острове не было подобного оружия, и оно вызывало всеобщее восхищение.

“Хони сражался вместе с нами, когда наше племя, папуаи, пошло войной на тиу из Таоа. Он использовал свое ружье и с его помощью выиграл много сражений, пока не убил столько врагов, что они запросили мира. Наше племя похвалило Хони, и для него был построен прекрасный дом у реки, в том месте, где лучше всего получались угри и креветки.

“В этом большом доме он пил больше, чем в другом, поменьше. Из своего ружья он убивал свиней и дичь. Мой дед упрекал его за то, что он тратил порох впустую, в то время как свиней можно было легко убить копьем. Но Хони не слушал и продолжал убивать, пока у него не кончился порох. Потом он поссорился с дедушкой и однажды, будучи пьяным, попытался убить его, а затем сбежал в Кау-и-те-ого, племя рыжеволосых людей в Ханахупе.

- Узнав, что Хони больше не с нами, племя тиу из Таоа снова объявило войну, и племя рыжеволосых заключило с ними союз через смешанные браки семей их вождей, так что Хони сражался

на их стороне. Поскольку в его ружье не было пороха, он взял свой гарпун и отправился с туи и кау-и-те-ого к разделительной линии между долинами, где мы обычно сражались.

“Там, где пропасти разделяли долины, племена встречались и поносили друг друга.

“Вы, люди с волосами, похожими на вареные креветки! Готовы ли вы попасть в печи нашей долины?” - кричали воины моего деда.

“Вы, маленькие человечки, которые бегают так быстро, теперь с нами ваш белый воин , и вы будете умирать сотнями!” - кричали наши враги”.

Эта картина сцены на линии была характерна для Война в Полинезии. Это почти в точности напоминает давнюю встречу армий в Палестине и Сирии, а также перед стенами Трои. Голиаф грубо оскорбил Давида, пригрозив отдать его тело птицам небесным и зверям полевым, на что Давид ответил тем же. Итак, когда Улисс метнул свое копье в Сокка, тот закричал:

“Ах, негодяй, ни один труп отца не сможет утешить тебя, Твой умирающий глаз не закроет нежная мать; Но голодные птицы разорвут эти яйца на части, И голодные стервятники будут кричать вокруг своей добычи”.

“В течение четверти часа, - рассказывал Хаабунаи, - люди моего деда и воины врага перекликались таким образом на вершине утеса, а затем Хони и брат моего деда, главные воины с обеих сторон, вступили в бой.

- В первый раз, когда Хони метнул свой гарпун, он зацепил моего двоюродного деда. Он зацепил его посередине, и, прежде чем его удалось спасти, полдюжины мужчин из племени Тиу потянули за веревку и перетащили его через линию, чтобы убить и съесть.

- Еще двое из нашего племени Хони попали в ловушку с этим дьявольским копьем, и нас раздражала не столько смерть, сколько то, что мы попали к ним в лапы и изжарились . Битва продолжалась весь день, за исключением того момента, когда обе стороны остановились, чтобы поесть попои и отдохнуть, но ближе к вечеру произошла странная вещь.

“Хони метнул свой гарпун, и из-за плохого прицеливания он попал в дерево. Конец веревки был привязан к его левой руке, и когда он попытался вытащить наконечник копья из дерева, его ноги запутались в веревке, и мой дед, который был очень силен, схватил веревку возле дерева, перетащил белого человека через веревку и убил его камнем.

- Тогда враг бежал, и в ту ночь наши люди съели Хони.

Дедушка говорил, что его мясо было таким жестким, что его приходилось отваривать. В те дни не было типоти (стандартных масленок), но наши люди брали банановые листья и формовали большую чашку, вмещавшую пару литров воды, в которую клали раскаленные камни, и вода закипала. Дедушка рассказывал, что они нарезали Хони на мелкие кусочки и варили его во множестве таких чашек. Он все еще был жестким, но, тем не менее, его съели.

“Хони был весь в татуировках. Не как у маркизцев, а как у некоторых белых моряков, на нем были определенные отметины. Дедушка сохранил эти отметины и носил их как тики, или амулет, до самой смерти, после чего отдал мне. Он сохранил кожу, чтобы она не испортилась.”

Хаабунаи зевнул и сказал, что от долгого разговора у него пересохло во рту, но когда перед ним поставили кружку с ромом и он выпил, он принес из дома тики. Он был размером с мою ладонь, темный и сморщенный, но с помощью увеличительного стекла я смог разглядеть грубый крест и три буквы “Я”, написанные синим цветом.

“Дедушка стал христианином и больше не был эната кайкая, пожирателем людей, но он всегда носил тики на шее, потому что думал, что это придает ему сил”, - сказал мой гость.

Я вернул ему эту жуткую реликвию, хотя он и начал настаивать на том, чтобы она стала моей собственностью. Ради полной бутыли он бы расстался с “тики”, принадлежавшей его деду, но мне это было не по душе. В Париже можно купить кошельки из человеческой кожи не дороже, чем из кожи аллигатора.

“Хони, должно быть, был очень жестким”, - сказал я.

“Должно быть, он был таким”, - с сожалением сказал Хаабунаи.

“Дедушка держался до последнего. Он никогда бы не съел ребенка. Как и все воины, он предпочитал ради мести мясо другого воина”.

Он еще не придумал мрачную шутку, характерную почти для всех рассказов о каннибализме. Я не спрашивал, ела ли жена Хони от него, как Тахия от своего белого мужчины. Вполне вероятно, что она ела, но ее обманули . В те дни это была обычная шутка.

Несколькими днями ранее я видел, как Аппоро, моя квартирная хозяйка, пошатываясь, возвращалась домой в состоянии сильного алкогольного опьянения. Кто-то дал ей бокал со смесью абсента, вермута и рома, и она, доверяя дарителю, выпила его. Это шутка такого рода, которая в другие времена означала бы, что кого-то заманивают отведать плоти возлюбленного или друга.

Рассуждая с нашей точки зрения, легко предположить, что каннибализм - это форма разврата, практикуемая немногими народами, но это заблуждение опровергается исследованиями этнологов, которые сообщают нам, что это был один из древнейших обычаев человека, зародившийся еще тогда, когда он был близким братом обезьяны. Ливингстон, когда он наткнулся на это на Темном континенте, пришел к выводу, что негры пришли к такому ужасному желанию из-за своего пристрастия к мясу горилл, которое так близко к мясу горилл.

приближайтесь к человеку по внешнему виду. Геродот, писавший две с половиной тысячи лет назад, упоминает массагетов, которые смешивали мясо своих предков с мясом крупного рогатого скота, убитого по такому случаю. Каннибализм был характерен для всех народов во времена дикости.

Плутарх говорит, что соратники Катилины доказали свою преданность этому агитатору и друг другу, принеся в жертву и съев человека. Ахилл выразил желание, чтобы он мог съесть Гектора. Кафиры ели своих собственных детей во время голода 1857 года, а немцы ели друг друга, когда голод сводил их с ума, еще долго после Мэриленда и Массачусетс превратился в процветающее поселение в Новом Свете. Известен исторический случай, когда группа американских первопроходцев, заблудившихся в горах Калифорнии в девятнадцатом веке, в состоянии крайнего голода съела нескольких человек из своей группы.

Пожирание умерших родственников, убийство и поедание старейшин, поедание рабов и пленников, даже поедание

матерями своих детей - все это было религиозными и племенными обрядами на протяжении многих десятков тысяч лет. У нас есть записи об этих обычаях, распространенных по всему миру.

Несомненно, каннибализм возник из-за нехватки пищи. В древние времена, когда человек, вышедший из чисто животной стадии, не имел навыков ведения сельского хозяйства и жил в пещерах или на деревьях, его собратья были самой легкой добычей. Огромные звери были слишком свирепы и сильны для его слабого оружия, за исключением тех случаев, когда ему сопутствовала удача, и клан или семья, или даже одинокий храбрый охотник добывали мясо человека тайком или в бою, или в трудные времена поедали самых близких и дорогих людей.

Особенно высок спрос на мясо у народов, чей основной рацион состоит из тяжелой, крахмалистой пищи, такой как плоды хлебного дерева. Я видел Маркизские женщины едят насекомых, червей и другие отвратительные кусочки плоти, руководствуясь исключительно инстинктом и потребностями желудка. Когда нет соли , сильнее всего хочется мяса. В этих долинах племена, живущие на верхних этажах, чьи враги отрезали их от моря с его солью и рыбой, были самыми заядлыми каннибалами, и то же самое наблюдается в Сегодняшняя Африка, где местные племена едят любой труп, в то время как ни одно из прибрежных племен не виновато.

По мере того как росла страсть к каннибальским пиршествам, — а у некоторых она стала сродни пристрастию к опиуму, — поставки другого мяса имели мало общего с ее продолжением. В Новой Британии человеческие тела продавались в магазинах; на Соломоновых островах жертвы откармливались , как крупный рогатый скот, а в верховьях Конго в этих пустых обителях человеческой души процветала организованная торговля людьми.

Хотя каннибализм возник из телесной потребности, человек вскоре придал ему эмоциональный и духовный смысл, как он придавал их всем обычаям, которые коренятся в его физическом существе. У первых исторических народов, по-видимому, существовали две формы каннибализма. Один из них был связан с поеданием родственников и близких людей, ибо

ради дружбы или чтобы обрести какое-то хорошее качество,

которым они обладали. Так , когда умирали младенцы, матери племени чаванте на Уругвае съедали их, чтобы вернуть себе души. Русские ели своих отцов, а ирландцы, если верить Страбону, считали за благо съесть обоих умерших родителей. То Лопа из Сиккима, что в Тибете, съедают мать невесты на свадебном пиру.

Но каннибализм маори, наиболее ярко проявившийся на Маркизских островах, был вызван жаждой мести, а приготовление пищи и поедание пищи было величайшим оскорблением. Это было выражением ура-патриотизма, ненависти ко всем, кто находился за пределами племени или долины, и это делало вражду между долинами почти непрекращающейся.

Это ни в коей мере не было аморально, ибо мораль - это лучшие традиции и уклад каждой расы, и здесь поедание врагов было разрешено всеми учениями жрецов и вождей, освященными веками обычаями и самыми строгими предписаниями природы.

Белых людей и китайцев, то есть, по сути, всех иностранцев, здесь ели редко . Были исключения, когда требовалась месть, как, например, у Хони или Джонс, которых ел дедушка Хаабунаи, но, как правило, их щадили и даже лелеяли, как странных гостей, которые могли бы научить людей полезным вещам. Только их собственная порочность привела их в духовку.

В такие времена угощение было даже неприятным обрядом. Известно, что маркизцы не любили мясо белого человека. Они говорили, что оно слишком соленое. Сотни лет назад ацтеки, по словам Берналя Диас, который был там, жаловался, что “мясо испанцев не годилось даже в пищу, так как было невыносимо горьким”. И это при том, что индейцы сотнями тысяч умирали от голода во время беспощадной осады Мехико.

Стандарты варварства различаются. Каким бы ужасным и отвратительным ни казалось нам само упоминание о каннибализме, следует помнить, что он основывался на отношении к чужеземцам и рабам, которое в какой-то степени все еще сохраняется во всем мире. Вне своего племени дикари не признавали родственных им людей. Члены любого клана , кроме его собственного, считались странными и презренными существами, чуждыми и варварскими по манерам и обычаям, на которых нельзя было смотреть как на обладателей общего права первородства. Такое отношение к чужаку нисколько не мешало каннибалу оставаться в своем племени мягким, веселым и

доброжелательным человеком.

Даже по отношению к чужаку маркизец никогда не был виновен в пытках какого-либо рода. Хотя они убивали и ели, у них не было изощренной жестокости римлян, они даже не снимали скальпы с врагов, как это делали скифы, вестготы, франки и англосаксы. В своих самых кровопролитных войнах они часто приостанавливали сражение, чтобы дать врагу время поесть и отдохнуть, и нет никаких свидетельств того, что они когда-либо окружали долину вооруженными воинами и морили голодом женщин и детей внутри. Жертвы богам приносились без предупреждения, так что

чтобы они не испытывали даже угрызений совести от предвкушения. Жестокость и дыба христианского мира повергли в ужас тех из моих друзей-каннибалов, которым я рассказывал о них.

ГЛАВА XXII

Памятная игра в спички в кокосовой роще Лам Кай Оо.

ПРИТЧИ часто встречаются в книгах. В нескольких словах на печатной странице можно увидеть универсальную проблему, сделанную маленькой и ясной, освобожденную от тех больших неопределенностей и капризов случая, которые делают жизнь в целом такой запутанной для восприятия. Мне посчастливилось увидеть в долине Атуона на острове Хива-Оа ряд происшествий, которые в то время были вихрем невероятного веселья, но постепенно превратились в притчу, когда я позже сидел и размышлял о них на тенистой лужайке Дома Золотого ложа.

Они начались однажды днем, когда я зашел во дворец покурить с господином Л'Эрмье де Плантесом, губернатором. Поднимаясь по ступенькам, я увидел на веранде губернатора, сурового, хотя и вспотевшего, в белых парусиновых штанах, стоящего лицом к лицу с желтоватым незнакомцем на костылях, который с болью в голосе умолял о каком-то благодеянии, в котором ему было отказано

.

“Нет! Нет! Нет! - сказал губернатор с подчеркнутой полиязычностью. “Это невозможно!” Он опустился на стул и налил себе Перно, а потерпевший поражение поклонник в отчаянии повернулся ко мне.

Он был невысокого роста, с желтушным оттенком лица и мягкими карими глазами, слегка раскосыми. Несмотря на хромоту, он отличался живостью и уравновешенностью, необычными для морского отродья этих пляжей. На таитянском, маркизском и По-французски, время от времени вставляя английские слова, он объяснил, что он, таитянин, высадившийся на Хива-Оа со шхуны из-за сломанной ноги, хотел скоротать скуку своего изгнания за невинной игрой в карты.

- Я прошу всего лишь разрешения купить две колоды карт в магазине. Китайский, - взмолился он. - Я бы научил своих соседей здешнему покеру . Я научился этому во время путешествия в Сан-Франциско. Это Американская кухня. Это как жизнь, а не просто удача. Чтобы играть в нее, нужно хорошо подумать. Я не сомневаюсь, что вы знаете эту игру.

Сейчас азартные игры на этих островах запрещены. Рассказывают, что по всему южному океану людьми овладело такое безумие играть в азартные игры белых людей, что, чтобы предотвратить постоянное кровопролитие в ссорах , завоеватели ввели строгий запрет. Конечно, белые здесь всегда не подпадают под действие таких правил, и торговцы держат небольшой запас карточек, чтобы их можно было купить.

“Но почему две колоды?” - Спросил я взволнованного таитянина.

- Да, месье, меня так учили. Мы играли с десятью или четырнадцатью игроками в круге, и так как это всего лишь временная игра, то больше

о моем бедном брате, канаки могут наслаждаться им с двумя пачками”.

Он был определенно унижен, потому что ни один таитянин не говорит о себе “канака”. Это выражение презрения. Он мог бы

называть так своих собратьев, но только в качестве Американский негр говорит “ниггер”.

Я внимательно посмотрел на него. Какой-то жест, намекающий на разлет его бровей, тонкие губы напомнили мне об одном “сукином сыне”, который довел меня до беды в Кантоне, сказав: “Мистер Руд Киппелинг, он однажды уже был там”.

“Как вас зовут?” Спросила я в надежде на подтверждение.

“О, Лалала”, - ответил он, и улыбка, появившаяся в его глазах , погасла из-за плотно сжатых губ. “Я француз, потому что мой дед был из Аннам под трехцветным флагом, а моя мать с Таити - ити”.

Теперь покер в четырнадцать рук, с О Лалалой в качестве инструктора для тех , кто не знаком с игрой, код которой был написан Объединенным Государственный дипломат, для меня это было нечто большее, чем просто времяпрепровождение. Это был эпизод из жизни долины. Это подстегнуло мой патриотизм. Я отозвал губернатора в сторону.

“Этот покер, - сказал я, - не похож на экарте или баккару. Это изучение характера, сопоставление умов, то, что мы, американцы, называем блефом. Эти бедные маркизцы должны немного повеселиться. Пусть он это делает! Вреда от этого не будет. До Парижа, где принимаются законы, далеко”.

Губернатор повернулся к О’Лалале.

“Никаких ставок!” он сказал.

- Mais, нет! Ни единого су! - пообещал хромой.- Для фишек мы будем использовать только спички. Спасибо, спасибо. Господин администратор! Вы очень добры. Пожалуйста, не могли бы вы передать мне записку для вас?”

Пока он, прихрамывая, уходил, губернатор налил себе еще немного абсента.

“Боже мой!” - воскликнул он. “О, Лалала! О, ла, ла, ла!” Он расхохотался . “Он будет играть зе Блоффа?”

Тот вечер я провел с Кричем, немецким трейдером из Така-Уки. За говядиной “Хеллаби” и мюнхенским пивом мы поговорили о копре и красивых девушках Будапешта, о планируемой попытке

французского правительства монополизировать торговлю на острове путем субсидирования корпорации и о сегодняшнем происшествии.

“Герр доктор у нас новенький”, - сказал Крич, покачав головой. “Это О Лалала! Я слышал, что этот покер очень опасен. Этот принц Ханой из Папеите потерял голову из-за китайца. Из этой глупости что-то получается!”

В полночь я снова добрался до дома Золотой Кровати и улегся спать, когда легкий ветерок, дувший из долины, донес до моего слуха странно знакомый звук. Я сел, прислушиваясь. В темной тишине, когда ни ветерка не шелестело в ветвях хлебных деревьев и кокосовых пальм, и только ручей слабо журчал внизу, я услышал тихий

гул голосов. Нельзя было разобрать ни слова, даже языка, но, как ни странно, в звуках был знакомый ритм.

Я слышал издалека проповеди на многих языках. Хотя до меня доходили только интонации, паузы и ритм, мне не составило труда понять их происхождение и значение. Мысль формирует форму всей речи. Теперь мой сонный разум вернулся к американским дням, к сценам в домах и клубах.

Я встал и, завернувшись в набедренную повязку, отправился с фонарем на поиски этого звука. Он привел меня вниз по тропе, через ручей и вверх по склону, в густую зелень, растущую на склоне горы. За Я увидел огни в кокосовой роще Лам Кай Оо.

Мои босые ноги не издавали ни звука, и сквозь подлесок я увидел такое странное зрелище, какое всегда доставляло удовольствие любителю причудливого. Пламя факелов освещало расчищенное пространство между высокими пальмовыми колоннами, и в мерцающем красном свете несколько обнаженных, покрытых татуировками фигур сидели на корточках вокруг блестящей подстилки из сахарного тростника. Вокруг них вспыхивали огромные стопки шведских спичек в желтых коробках, а на тростниковом коврике сверкали красные, белые и черные карточки.

О Лалала сидела лицом ко мне, поглощенная игрой. За его спиной громоздились желтые коробки, к которым он прислонял свой костыль, и он постоянно ускорял ход игры, выкрикивая:

“Паси, колли или макум биггер!”, “Хороший центровой!” или “Вперед!”.

Это были звуки, которые вернули мою память к цивилизации и вытащили меня из моей Золотой постели. О’Лалала владел всем сленгом покеристов — покеристов с набережных Сан-Франциско и из Шанхай — и, очевидно, он уже научил своих нетерпеливых учеников этому наречию.

Они присели на корточки вокруг мата, в нетерпении наклоняясь вперед, и мерцающий свет выхватывал кривящиеся рты и глаза, обрамленные татуировками. Над их головами горели факелы, которые держали затаившие дыхание зрители. Свечные гайки, нанизанные на длинные стержни кокосового ореха-листья горели всего несколько секунд, но , угасая, каждый из них зажигал следующий, и десятки струн проливали непрерывный , хотя и колеблющийся свет на сияющий коврик и карты.

Полуночная тьма окружающей рощи и смутные очертания пальм, поддерживающих шелестящий полог, скрывающий небо, наводили на мысль о каком-то чудовищном соборе, где совершались языческие обряды.

Я протиснулся сквозь толпу зевак, никто из которых не обратил на меня внимания, и увидел Аппоро и Взрывающиеся яйца с факелами в руках. Они были в самом разгаре игры. Печальная безмятежность каждого дня исчезла; словно в порыве танца, они не сводили горящих глаз с переменчивой судьбы перед ними. Дважды я резко говорил, прежде чем они услышали меня, а затем в неистовой мольбе Аппоро бросил

она набросилась на меня.

Разве я не дал бы ей спичек — тех коробков, что лежали под Золотой кроватью? Она и ее муж, Великий Ферн, провели в магическом круге всего час, прежде чем у них не осталось ни одной спички. Курьеры уже сейчас прочесывали долину в поисках новых спичек. Быстрее, торопись! Даже сейчас может случиться так, что пакеты под Золотая кровать исчезла!

“Тогда, конечно, приходи”, - сказал я, пораженный невероятной возможностью. Неужели хитрый О Лалала — абсурд! Но Аппоро, спешивший впереди меня по освещенной фонарями тропинке, подтвердил мои подозрения.

О’Лалала объявил и ввел в действие запрет на любые другие ставки, кроме невинных спичек — простых фишек, — о которых он упомянул губернатору. Но быстрые гонцы разнесли по всей долине весть о том , что на плантации Лам Кай Оо будут проводиться азартные игры, разрешенные правительством, и карты уже семь или восемь часов тасовались. На протяжении всей Атуоны спичкам придавалось необычайное значение. До самых дальних хижин на краю долины донесся крик: “Спички!” И как только они появились, О Лалала выиграла их.

Мы поспешили в мою каюту, и Аппоро оказался под Золотым Лег раньше, чем лучи моего фонаря упали на пол. Пакеты исчезли.

- Взрывающиеся яйца! - закричала Аппоро, ее темные глаза закатились от ярости.

— Но… он честен, - возразил я.

В такой критической ситуации, пробормотала она, все стандарты - ничто. “Взрывающиеся яйца” были одними из первых, кто поселился на “сахарном тростнике”. “Сам епископ обменял бы купели со святой водой на спички, если бы ему так же хотелось играть, как и мне!”

По ее словам, в долинах Атуона и Така-Ука больше не было спичек . Все торговцы распродали свои акции. В каждый дом ворвались грабители. Проигравшие просили милостыню, одалживали или отдавали ценные предметы в обмен на спички. Проклятый таитянин уничтожил их все , за исключением нескольких. Проигравшие игроки даже сейчас мчались в темноте по горам , обыскивая каждую хижину в поисках новых.

На карту была поставлена репутация Хива-Оа, да и всего острова в целом. Иностранец обесчестил их народ или обесчестит, если они не вернут ему то, что он получил от них. Она была наполовину китаянкой, и это беспокоило душу ее отца. Он умер в этой самой комнате. Чтобы спасти его репутацию после смерти, она вернула бы даже свой интерес к Золотому В постели она отдала бы все, чем владела Великая Ферн, если бы я дал ей всего несколько спичек.

Ее мольбы могли быть только безнадежными. В каюте не было ни одной спички

.

Мы вместе вернулись в кокосовую рощу. О Лалала все еще сидела

спокойно выиграв матчи, поставки которого время от время покинул тяжело дыша новых игроков. Он обвел коврик чистым каждый ценный горшок.

Его единственным очевидным преимуществом было то, что он придумал правила, когда возникли вопросы. Он был терпелив во всех спорах, уступал в мелочах, но был непоколебим, как гранитные скалы горы, когда на карту было поставлено много матчей. С торжественностью он произнес имя Хой-ли, таинственного человека, который установил неизменный вкус тапуса в покари. Он сделал оккультный знак большим пальцем у своего носа, и на этом все закончилось. Если кто-нибудь настойчиво пытался оспорить это тики, он прикладывал большой палец другой руки к мизинцу своего первого символа и говорил: “Я-на-хелли!” В качестве последнего средства он поднимал свой костыль и , заручившись поддержкой общественного мнения, угрожал применить закон против азартных игр и прекратить игру, если споры не прекратятся.

Толпа шведских тэндстикеров за его спиной неуклонно росла. Всю ночь игра продолжалась при свете свечей, в тишине, нарушаемой лишь хриплым дыханием скорчившихся смуглых людей, шелестом пальмовых листьев над головой и криками “Вперед!” или “В центр!”. Когда в рощу забрезжил серый рассвет , они ненадолго остановились, чтобы съесть по миске попои и выпить молока со свежесобранными орехами. О’Лалала, расслабившись на груде своих выигрышей, поднес к губам ракушку и поверх ее края бросил на меня загадочный взгляд.

Тихонько насвистывая, я спустился в гостиницу “Золотая кровать”, позавтракал там без помощи взрывающихся яиц, а затем отправился на поиски губернатора. Он отправился на вельботе специального агента Бауды на соседний необитаемый остров, чтобы застрелить куку. На острове Хива-Оа не было правительства.

Весь день в кокосовой роще бушевало безумие. Во второй половине дня апостольский викарий Римско-католической церкви при поддержке верного дьякона Фариуу лично поднялся по

склону, чтобы остановить игру. Постоянные прихожане встретили епископа в угрюмом молчании. Катехизатор, которого он застал сидящим на корточках перед ковриком, не обратил никакого внимания на его возражения, только попросил епископа не стоять у него за спиной, поскольку О Лалала сказал, что это плохая примета. Священнослужители удалились в надменном молчании, на которое поглощенные своим делом игроки не обратили внимания.

Позже дьякон вернулся, принеся с собой те самые спички , которые хранились в церкви, чтобы зажигать лампады во время ночной службы. Он разложил их на подстилке из сахарного тростника. Викарный епископ последовал за ним , чтобы призвать анафему маранафу небесную на этого отступника, который ограбил собор и дом священника, лишив их всех тэндстиккеров, которые у них были, и когда он снова удалился, дьякон, бросив свою последнюю шкатулку на плетеный столик, воздел руки к небу и горячо просил Подателя всех благ помочь его

рисовать. Но он получил третьего туза только для того, чтобы увидеть, как О'Лалала выложил четыре проклятых клочка бумаги с тремя точками на каждом.

В три часа следующего утра игра закончилась, потому что У таитянина были все козыри. Их он отправил к себе домой, где их охранял друг. Целый день он сидел в ожидании на подстилке из сахарного тростника, и "Монте-Карло" не был пуст. О'Лалала не уступил бы требованиям сотни неудачников обменять упаковки спичек на кокосовые орехи, французские франки или любую другую валюту. Свинины, рыба, консервы и все остальное, что было в магазинах, было отвергнуто им как нарушение доверия к доброму губернатору, который понимал, что , хотя спички и не были ставками в азартной игре, все остальные товары были ими.

На четвертый день каноэ, которые плавали на веслах ко всем остальным островам архипелага, начали возвращаться. Некоторые привозили по пятьдесят упаковок, некоторые меньше. Торговцы взвинтили цены, когда их попросили продать весь запас.

После того, как центр был пройден, игра началась снова с яростью тайфуна . Мужчины и женщины выстраивались в очередь , чтобы получить шанс отыграться, утолить свой гнев, сорвать

аплодисменты. Когда -то они думали, что покорили Таити. Он начал проигрывать, и прежде чем полоса неудач закончилась, он отправил из своей хижины в рощу более тридцати посылок. Но это было всего лишь предвестием несчастья; его звезда снова взошла, и содержимое каноэ стало принадлежать ему.

На пятый день стало известно, что у кантонского синдиката “Шань-Шань ” остался ящик с тэндстиккерами. Они утверждали, что до сих пор не обращали внимания на этот ящик. В нем было сто упаковок, или тысяча двести коробок. Они были бесценны как единственное возможное препятствие на пути к окончанию игры.

Жители Шан-Шаня были бессердечны. Они потребовали за это по пять франков за пачку. Многие из молодых маркизцев советовали дать кантонцам почувствовать вкус древнего у’у, боевого клуба предыдущего поколения. Каким бы отчаянным ни было положение игроков постарше, они не решались согласиться. Губернатор вернется, закон вступит в силу, и они отправятся в Нумеа, чтобы отрабатывать свою жизнь за преступление. Нет, они купили бы это дело за франки, но не рискнули бы разделить его между многими, которых по частям сожрала бы дьявольская О Лалала.

“Киви, Бродяга, пьющий каву, - главный из тех, кто возглавляет наше дело”, - сказал Великий Папоротник. “Он никогда не ходил в христианскую церковь. Он все еще верит в старых богов Поднебесной, и у него татуировка в виде акулы”.

Киви был единственным человеком, который не играл. Его совершенно не интересовали развлечения фарани, глупых белых. После беседы его соседи собрались вместе, чтобы навестить его. Они урезонили его, они

умолял его. Он согласился на их план только после того, как они заплакали от своего унижения. Тогда они начали наставлять его.

Они рассказали ему о различных комбинациях, о стритах и флешах, а также о том, что в определенный период времени таитяне вводили безумную новинку, благодаря которой карты с одним фруктом на них “выпадали все чаще”. Они предостерегали его от случаев, когда демон без всякой причины выкладывал на ковер много спичек и , распугав всех, в конце концов показывал, что у него нет никаких достоинств.

Сразу после захода солнца, когда были съедены попои и рыба, и все искупались в ручье, когда женщины надушили свои тела и вплели в волосы алый гибискус, а Киви трижды выпил каву, началась игра. Долина была пустынна, паэпаи - безлюдны. На склонах гор не мерцали огни. Только в кокосовой роще горели свечи из орехов, когда звезды проглядывали сквозь крышу мира.

Толпа окружила двух сражающихся. Потрепанные карты были смазаны маслом и высушены, и хотя зловещие лица тики на них сияли отвагой, они, несомненно, устали от борьбы. Трубка была сделана для того, чтобы курить; Киви затянулся ею, как и все, кто участвовал в покупке футляра у кантонских воров. Затем Киви раздал карты, выиграв свою долю.

Они с О'Лалалой смотрели друг на друга, как японские борцы перед схваткой. Их глаза превратились в щелочки, когда они поставили по пять пачек каждый. О'Лалала открыл счет на пять пачек, и Киви, подталкиваемый своими покровителями, лихорадочно уравнял их. Он взял три карты, О'Лалала - только одну. Стоя за спиной таитянина, я увидел, что у него нет ценных карт, но он хладнокровно бросил на мат тридцать пачек. Остальные вздрогнули, потому что Киви вытащил двойки вместо пары королей. Они снова зажгли трубку. Они затянулись, сплюнули, склонили головы друг к другу, и он сбросил свои карты.

Затем таитянин спокойно сбросил свои, и они увидели, что могли бы победить его. Они в ужасе закричали и удалились Киви, который после недолгого разговора ушел с ними в темноту.

Один или два ореховых факела со свечами тускло освещали фигуры оставшихся женщин, сидевших на корточках. О Лалала расслабленно растянулся на циновке из сахарного тростника и закрыл глаза. Тишина, нарушаемая только тихими звуками леса, сомкнулась над нами. Теата, широко раскрыв темные глаза , испуганно оглянулась через плечо и подобралась поближе ко мне. Тихим голосом она сказала, что отсутствующие игроки забросали плечи землей, топали ногами и взывали к По, маркизскому божеству тьмы, но это им не помогло. Теперь они отправились колдовать над теми, при одном упоминании о ком она содрогалась, не называя их по именам.

Мы ждали, пока факелы не потускнели, а в воздухе не повеяло сыростью.

между деревьями показался лес. О'Лалала, казалось, спал, хотя , когда Аппоро попытался вытащить карту, он прижал ее костылем.

Прошло полчаса, прежде чем игроки вернулись. Киви , не говоря ни слова, присел на корточки на своем месте, а остальные выстроились позади него в ровный ряд, как будто у них на уме была каббалистическая последовательность чисел.

Были приготовлены новые факелы, и многие оспаривали привилегию держать их в руках, поскольку они закрывали обзор коврика. О Лалала невозмутимо сидела и ждала. Наконец все было готово. Свет падал на гигантские конечности и торсы мужчин, выхватывая арабески татуировок и отблески красных париков. Женщины в малиновых платьях, подхваченных до талии, с пышными волосами , украшенными цветами и фосфоресцирующими грибами, и с розовыми перчиками Чили на шеях, сидели на корточках, окружив игроков плотным кольцом.

Хромой человек взял колоду, перемешал ее и протянул Киви , чтобы тот разрезал. Затем Киви торжественно выложил перед ним восемьдесят пять пачек спичек - все, что осталось на островах. Пять колод были выложены на мат в качестве ставки анте, и Киви очень медленно поднял свои карты.

Он просмотрел их, и мрачная улыбка недоверия и восторга появилась на его разрисованном чернилами лице. Он открыл десять колод. О'Лалала быстро уложил столько же, и еще тридцать.

Киви усмехнулся, как человек, который держит врага в руках, но сдерживает свои чувства, чтобы скрыть торжество. Затем он тщательно пересчитал свои оставшиеся деньги и приглашающим жестом разложил все семьдесят пачек у себя на коленях. Их было очень много, целых 840 коробков спичек, и они почти скрывали выгнутые синие ладони, вытатуированные на его могучих бедрах.

Он снова усмехнулся и на этот раз прикрыл рот костяшками пальцев. - Пэтти! - сказал за него Большой Папоротник и сделал жест, запрещающий играть в карты.

О Лалала внимательно вглядывался в его лицо, как моряк в небеса во время шторма, а затем в лица всех своих сторонников. Он на мгновение закрыл глаза . Затем: "Боже мой!" - сказал он, выкладывая на тростниковую циновку огромную стопку

тэндстиккеров. Любители кавы почернели от возбуждения.

Киви заколебался, а затем, под самые страшные проклятия своей компании, выложил только пару королей, шестерку, девятку и валета. О Лалала без улыбки выложила пару тузов и трех ничего не значащих компаньонов.

Игра была окончена. Люди Хива-Оа бросили свое последнее копье. Магия была бесполезна; демон-чужеземец мог читать по картам. Киви беспомощно отступил, горе и кава повергли его ниц. Факелы погасли, когда победитель собрал свою добычу и

приготовился удалиться.

В этот момент какой-то мужчина сломя голову бросился через рощу, демонстрируя два коробка и горсть спичек. О'Лалала сначала отказался играть на эту ничтожную ставку, но под шквал угрожающих криков согласился поставить вдвое больше или ничего, и в мгновение ока потерял последнюю надежду.

Последний игрок разграбил дворец губернатора. Решающий поединок на Маркизских островах был проигран таитянину. Теперь он обладал абсолютной монополией на освещение и приготовление пищи.

Остальные жители долины благоразумно разошлись по домам, в неосвещенные хижины.

На следующее утро, после холодного завтрака, я рано утром отправился пешком в долину. По дороге в лавку торговца я увидел самодовольного победителя в его хижине. Через открытую дверь я увидел, что каждый дюйм стен был завешан коробками спичек, желтыми фасадами подвергнутый. На своей циновке посреди этой золотой сокровищницы возлежал О Лалала, покуривая на досуге и улыбаясь счастливой улыбкой Мидаса. Снаружи, с Голгофского пика, дул холодный ветер, и серое небо скрывало солнце.

Я остановился посреди вони от бесчисленных спичек, которая отравляла воздух в сотне футов от нас, и обменялся утренними приветствиями с их владельцем, поинтересовавшись его планами. Он сказал, что совершит трехдневное благодарственное бдение, а на четвертый день будет продавать спички по франку за коробок. Я попрощался с ним и пошел дальше.

Жители долины приходили и уходили по своим делам, но с грустью и даже угрюмо. Не было спичек, чтобы разжечь костер для обжаривания плодов хлебного дерева или разжечь успокаивающий табак. О'Лалала ни за что не отдал бы ни одной из них и не продал бы ни за какую цену. Он также не позволил бы отнять огонь от его собственного камина или трубки.

Следующую шхуну ожидали не раньше, чем через два месяца, так как с последней прошло всего две недели. Ни у Ле Бруннека, ни у Крича не было спичек. Губернатор не вернулся. У нас были только две альтернативы: либо не зажигать свет и не курить, либо напасть на бессердечного угнетателя. Много мрачных угроз было произнесено в адрес безрадостных паэпаев и в темных хижинах, но в различных советах не было единства, и никто не осмеливался в одиночку напасть на хижину с желтыми стенами, в которой О Лалала улыбался среди своих завоеваний.

На второй день в атмосфере долины стало ощущаться нарастающее напряжение . Я заметил, что на пляже или в лавках торговцев не было видно молодых людей . Ходили слухи, едва выраженные намеки, о встрече в горах. Торговцы посмотрели на свои ружья и задумчиво присвистнули. Во всей Атуоне не было ни единой искры огня, кроме как от О Лалалы, да и то ради него одного.

Так продолжалось до второй ночи. Затем старый Кауити, красивейший из каннибалов, живший в долине Тааоа, прогуливался

в Атуону и дал понять, что проведет встречу в Высокое место, где в древности многие из его племени были съедены людьми атуона.

Взрывающиеся яйца, Злобные сплетни, и я рано поднялся на гору . Жители долины, жаждущие совета, собрались на старых каменных скамьях, где полвека назад сидели их колдуны. В сумерках перед нами стоял Кауити, его длинная белая борода была завязана узлом на широкой, покрытой татуировками груди. Его голос был суров.

"Мы были дураками, - сказал он, - что иностранец отказал нам в еде и куреве . А что было со спичками до прихода французов? Знал ли он о спичках в юности? Да! Народы островов должны вернуться к обычаям своих отцов!"

Он спрыгнул с вершины пекии и, схватив свой длинный нож, отрезал пятифутовый кусок дерева паруа и придал ему форму четырех дюймов в ширину. Под нашим восхищенным взглядом он заострил фут-из того же дерева, что и он, и оседлал более длинную палку. Крепко зажав ее между двумя голыми коленями, он быстро провел более коротким заостренным куском вверх и вниз на расстоянии шести дюймов от своего скакуна. Постепенно образовалась канавка, в которой на одном конце собралась пыль.

Вскоре дрова стали жарко тлеть, а затем руки старика задвигались так быстро, что несколько мгновений я не мог уследить за ними взглядом. Дым становился все гуще, и вдруг вспыхнуло пламя, подняло пыль, и десятки дрожащих загорелых рук подбросили веток и шелухи кокосовых орехов. Через несколько минут на лужайке уже пылал ревущий костер.

Из-за набедренной повязки или из-за ушей торчали трубки, и в тихом вечернем воздухе витал аромат табака. Под презрительный смех Кауити они наспех приготовили головешки и поспешили домой, чтобы разжечь костры для запекания плодов хлебного дерева.

“Я съел сотню представителей этого племени, и неудивительно!” - сказал он, направляясь к Тааоа.

Монополии О Лалала больше не было. Долина Атуона повернула время вспять на сто лет, чтобы разрушить идеальный мир, в котором он пребывал в одиночестве. Он услышал эту новость с изумлением и ужасом. Целый день он сидел безутешный, не в силах поверить в катастрофу, которая обрушилась на его тщательно продуманные планы. Затем он предложил спички по обычным торговым ценам, и люди стали насмехаться над ним. По всему острову приводили в движение дровосеки, старейшие в мире орудия для добывания огня , чтобы раскалить камни для мэй. Атуоне не нужны были спички.

Губернатор, вернувшись, услышал насмешливые возгласы, услышал эту историю от множества веселых людей, изъял и продал спички, а на вырученные деньги купил бочку Бордо. И много недель несчастный О Лалала печально сидел на берегу,

смотрит на пустынное море и мечтает о шхуне, которая унесла бы его прочь.

Хозяйка в одежде из тапа и с зонтиком из тапа

Спуск вельбота на воду

ГЛАВА XXIII

Мадемуазель Н.

“Жанна д’Арк”, красивое, длинное, изогнутое судно, управляемое двенадцатью гребцами, подобно белой птице, проплыло над голубыми водами Средиземного моря. Однажды субботним днем в бухту предателей мы привезли отца Викториана в Атуону. Он был из Хатихеу, что на острове НукаХива, в семидесяти милях к северу. Целый день и ночь он провел в открытом море, медленно плывя по ветру и на веслах, но, как и все эти священники, не обращал внимания на трудности. Они прибывают на острова, чтобы остаться там до самой смерти, а смерть означает еще более яркий венец мученичества.

На следующее утро, когда я встретил его у стен миссии, в своем тяжелом и душном облачении, он выглядел измученным человеком. Его лицо и руки были покрыты гнойничками, как от оспы.

“Ноно (песчаные мухи) в последний месяц просто взбесились”, - сказал он с терпеливой улыбкой. “Я не спал и часа за раз. Я боялся , что сойду с ума”.

Известие о его приезде привело всех католиков долины на восьмичасовую мессу. Дорога, обсаженная бананами, и корни старого баньяна были запружены верующими во всех их нарядах, и, когда они вошли в миссию, несколько грубо сколоченных скамеек были уже заполнены. Я нашел стул в глубине зала, рядом с креслом Бофре, косматого пьяницы, и, когда началось пение,

заметил пустое место, специально приготовленное и поставленное для какой-то важной персоны.

- Мадемуазель Н… - сказал Бофре, заметив направление моего взгляда. - Она самая богатая женщина на всех Маркизских островах.

Во время проповеди Евангелия она вошла, медленно прошла по проходу и заняла свое место, словно не замечая сотен украдкой устремленных на нее взглядов. Богатство сравнительно, и мадемуазель Н., обладавшая , возможно, несколькими сотнями тысяч долларов наличными и кокосовой рощей, была для жителей острова тем же, чем Рокфеллер для нас. Деньги и земли были не всем ее достоянием, потому что, хотя она никогда не покидала пределов своей родины, осанкой и костюмом она сильно отличалась от окружающих ее девушек.

На ней было облегающее черное кружевное платье, которое очень шло к ее стройной фигуре и нежному очаровательному личику. Черты ее лица были изящны, глаза казались черными озерами страсти, губы - алой линией гордости и презрения. На ее изящной головке красовалась широкополая шляпа из тонкой черной соломки, отделанная шифоном, а крошечные ножки были обуты в шелковые чулки и лакированную кожу. В руках, обтянутых перчатками, она держала молитвенник из золота и слоновой кости, а на груди у нее висели часы, украшенные драгоценными камнями.

Она могла бы сойти за креолку или за одну из этих прекрасных

Филиппинские метисы, дочери испанских отцов и филиппинских матерей. Я полагаю, что кокетство в женщине рождается вместе с фиговым листком. Эта изящная, привлекательная наследница, рожденная от отца-француза и матери-дикарки, обладала осанкой и грацией бальной красавицы. Где она набралась таких мод и желаний, как у городских женщин Европы?

Мне было достаточно взглянуть на церковь, чтобы почувствовать ее одиночество. Теата, Многодетная дочь, Ткачиха циновок и Цветок, невероятно красивая, ярко одетая, была единственной ровесницей. Флауэр с золотисто-рыжими волосами была великолепна в алом атласном платье, венке из розового перца и медном ожерелье. Ее украсили гребцы с “Жанны д’Арк”, к

счастью, без ведома отца Викторьена. Теата, в своем облегающем платье с ажурными вставками , открывающими ее гладкую смуглую кожу, с красным шарфом на талии, в соломенной шляпке, отделанной ярко-синей китайской шалью, надетой на ее высоко уложенные волосы, по-прежнему была воплощением первобытной и дикой грации. Они были красивы, эти девушки, но они были полевыми цветами. Мадемуазель Н - обладала уравновешенностью и нежностью тепличного цветка.

Ее отец провел на Хива-Оа тридцать лет, наживая состояние тяжелым трудом туземцев, и, умирая, оставил все это дочери, которая, с ее кружевами и драгоценностями, элегантной, стройной фигурой и надменными манерами, оказалась в этой дикой обители босоногих, полуголые люди похожи на жемчужину в сточной канаве. Теперь она была свободна и могла делать с собой и своим состоянием все, что ей заблагорассудится. Что бы она сделала?

Этот вопрос был у всех на устах и в глазах, когда после мессы она прошла по дорожке, почтительно расширенной для нее в толпе на ступенях, и в сопровождении сестры в черном направилась к дому монахинь.

“Если бы только у нее было религиозное призвание”, - вздохнула сестра Сераполина. “Это разрешило бы все трудности и спасло бы ее душу и счастье”.

Тщетно монахини и священники в течение дюжины лет ее опеки пытались направить ее устремления к этой цели, но стоило только заглянуть в ее горящие глаза или увидеть гибкие движения ее тела, чтобы понять, что она искала свою радость на земле.

Лиха-Лиха, так туземцы называли ее отца, что означает “капрал”, и то, что они ненавидели и в то же время боялись его, когда Хива-Оа еще был предан каннибализму, подчеркивало его характер. Он жил и умер в своем доме возле Вонючих источников по дороге в Таоа. Единственный белый человек в этой долине, он повелевал туземцами более сурово, чем их прежние вожди. Он боролся с дикой природой, разбил огромные плантации кокосовых орехов, заставлял островитян работать на него, и доллар за долларом, с железной волей, он выжимал из их труда состояние, которое теперь оставалось в изящных ручках его полудикарки-дочери.

Соловьиная песня, повар-каторжник при губернаторе, подарил

мне

пролей свет на этого человека.

“Я любил его женщину, Пиихеану (Лазающую по деревьям, которую убили и съели), которая была матерью мадемуазель Н.”, - говорится в “Песне соловья”. “Однажды ночью он застал меня с ней на своей папае. Он застрелил меня, а потом осудил как грабителя, и я провел пять лет в тюрьме Таи-о-хэ”.

“А Лазающий по деревьям, которого убили и съели?”

- Он избивал ее до тех пор, пока у нее не переломались кости, и отослал от себя. Затем он отнес часть татуировки дочери, которой оставил по завещанию тридцать пять тысяч франков. Именно она воспитала Мадемуазель.

Сама мадемуазель грациозной походкой спустилась к дороге, где была привязана ее лошадь, и я был представлен ей. Она протянула мне руку с видом принцессы, ее алые губы дрогнули в слабой улыбке, а горящий, неудовлетворенный взгляд скользнул по моему лицу. С примирительным, но в то же время властным видом она предложила мне прокатиться с ней по холмам.

Подобрав кружевную юбку и подъюбник с оборками, она без лишних слов вскочила в седло мужчины и взяла тяжелые поводья в свои маленькие ручки в перчатках. Ее лошадь была низкорослой, но она хорошо держалась в седле, как и все остальные. С маркизских островов, ее гибкое тело повторяло малейшее его движение , а стройные ноги в шелковых чулках прижимались друг к другу, как будто она ехала верхом без седла. Когда разлившаяся река грозила намочить ее лакированные туфельки, она забралась в седло с ногами и всем остальным и перешла вброд сухим путем.

Она галопом преодолела холмы, несмотря на плохую дорогу и кусты, о которые мы спотыкались. Вниз мы ехали через джунгли, окруженные сотнями видов деревьев, папоротников и лиан. Время от времени мы натыкались на расчищенное пространство, на плантацию местных жителей, на хижину, окруженную хлебными деревьями, манго и кокосовыми орехами, апельсиновыми деревьями и липами. Никто не окликнул нас. “Каохо!” - и мадемуазель Н. не замедлила шага. Мы снова углубились в джунгли, не говоря ни слова, моя лошадь следовала за летящими

ногами своего скакуна, а я нырял и уворачивался от веток и похожих на петли лиан.

В болотистом месте, где заросли таро раскинули свой великолепный устилая землю листьями, мы перешли на шаг. Густые заросли джунглей окружали нас со всех сторон; тысячи ярких цветов, алых, желтых, пурпурных, малиновых, расцвечивали зеленую массу; высокие папоротники распускали свои листья; гигантские лианы, подобно змеям, обвивали ветви, а вялый воздух был насыщен бесчисленными восхитительными ароматами. Я сказал мадемуазель… Н… что красота островов подобна фантастическому сну, сказке из тысячи и одной ночи.

“да?” - спросила она с ноткой усталости и иронии в голосе. Копыта лошадей чавкали по илистой земле. - Я наполовину белая, - сказала она через мгновение, и когда копыта лошадей снова зацокали по каменистой тропе , она пришпорила свою лошадь, и мы поскакали вверх по склону.

Через некоторое время тропа расширилась, превратившись в дорогу, и я увидел перед нами странную ограду. На первый взгляд я подумал, что это парк диких животных. Там были маленькие домики, похожие на клетки, и большое, похожее на коробку строение в центре, все это было обнесено проволочным забором общей площадью в пару акров. Подойдя ближе, я увидел, что дома - это хижины, выкрашенные в яркие цвета, а белая коробка - мраморная гробница огромных размеров. Каждая мраморная плита была залита по краям алым цементом, а верх гробницы под крышей из гофрированного железа был увит этими отвратительными венками из бисера, привезенными из Парижа.

Как скромные маркизцы, которым перед смертью сколачивают гробы и выкапывают могилы. Отец мадемуазель Н. позаботился о том, чтобы это место последнего упокоения было подготовлено еще при его жизни, и разместил его здесь, в центре своей плантации, перед домом, который был его домом в течение тридцати лет. В нем было что-то от его собственной грубой силы и варварского вкуса, и он стоял там, мрачным напоминанием о ее белом отце для девушки, в чьих жилах текла его собственная кровь, смешанная с кровью дикаря.

Она смотрела на него без эмоций, и после того, как я осмотрел его, мы спешились, и она повела меня в свой дом. Это был

аккуратный и роскошно обставленный коттедж, занавески из ноттингемского кружева, лакированные стулья из золотистого дуба и ковер в мелкий рубчик свидетельствовали о попытках беатификации по почте. Сидя на диване, набитом конским волосом, жестком и скользком, я пил вино и ел манго, а напротив меня мадемуазель… Мать Н. сидела на стуле в глубоком отчаянии. Это была иссохшая маркизская женщина, босоногая и уродливая, одетая в красное хлопчатобумажное одеяние отвратительного покроя, как у ночных рубашек, введенных миссионерами, и в ее глазах отражались трагическое недоумение и страдание, в то время как беззубый рот пытался изобразить улыбку, и она с трудом выдавала несколько слов на плохом французском.

Хотя мадемуазель Н. была очень гостеприимна, она чувствовала себя не в своей тарелке, и я знал, что это из-за внешности ее матери, женщины , которую отец бросил много лет назад, но к которой дочь проявляла доброту после его смерти. Мать, казалось , чувствовала себя более непринужденно со своей преемницей, более молодой маркизанкой , которая прислуживала нам в качестве служанки и казалась вполне довольной. Несомненно, те двое, которые терпели капризы Лиха-Лиха, теперь, когда его не стало, во многом друг другу доверяли.

Мне пришлось описать мадемуазель Америку. Н., а также изобретения и социальные обычаи, о которых она читала. Она сказала, что не хотела бы жить в такой большой стране, но Таити, похоже, сочетает в себе комфорт и атмосферу ее родины. Возможно, она могла бы уехать жить на Таити

.

Когда я взял шляпу, чтобы уйти, она сказала::

“Мне говорили, что на Таити прокаженных отделяют друг от друга и помещают за пределами Папеите в нечто вроде тюрьмы. Это так?”

“Это не тюрьма”, - ответил я. “Правительство построило для них коттеджи в небольшой долине. Вы не думаете, что было бы разумно изолировать их?”

Она не ответила, и я уехал.

Неделю спустя я встретил ее однажды вечером в Отупото, месте, разделяющем долины Тааоа и Атуона, где Кахуити и его товарищи-воины заготавливали человеческое мясо. Я пришел туда пешком, чтобы посидеть на краю обрыва и полюбоваться, как солнце садится в море. Она приехала верхом из своего дома в деревню, чтобы провести Воскресенье с монахинями. Увидев меня, она слезла с лошади и закурила сигарету.

“Что ты здесь делаешь совсем один?” спросила она по-французски. Она никогда не говорила со мной ни слова по-маркизски. Я ответил, что пытался представить себя там пятьдесят лет назад, когда назойливый Уайт пел очень тихо на концерте островных держав.

- Полагаю, тогда люди были счастливее, - задумчиво произнесла она, протягивая мне свою горящую сигарету с учтивостью, свойственной людям ее матери. - Но меня это не привлекает. Я бы хотела увидеть мир, о котором читала.

Она сидела рядом со мной на камне, положив изящно очерченный подбородок на розовую ладонь, и смотрела, как небо и море переливаются красками - от ярко-золотых и розовых до желтых и лиловых. Тишина, царившая вокруг, сгущающиеся сумерки, а также, возможно, то, что я был белым человеком и чужаком, сломили ее сдержанность.

“Но с кем я смогу увидеть этот мир?” сказала она с неожиданной страстью. “Деньги — они у меня есть. Я не хочу их. Я хочу, чтобы меня любили. Я хочу мужчину. Что мне делать? Я не могу выйти замуж за местного жителя, потому что они думают не так, как я. Я… я боюсь выходить замуж за француза. Вы знаете о праве марии? У французской жены нет свободы”.

Я процитировала мадам Бапп, которая отчитала своего супруга.

“Он не мужчина, этот крикет!” - презрительно сказала она.

“Мне было бы лучше не выходить замуж, если бы у меня был настоящий мужчина, который любил бы меня и отвез за море! Что я говорю? Монахини были бы шокированы. Я не знаю, о, я не знаю, что вызывает у меня слезы! Но я хочу увидеть мир и хочу, чтобы мужчина полюбил меня”.

“Ваши острова красивее, чем любая из развитых стран”, - сказала

я. “Там тоже много воров, которые хотят забрать ваши деньги”.

“Я читала об этом, - ответила она, - и я не боюсь. Я ничего не боюсь. Я хочу жить не так, как здесь. По крайней мере, я поеду на Таити. Я устала от монастыря. Монахини всегда говорят о религии, а я молода и наполовину француженка. Мы умираем молодыми, большинство из нас, и я не испытала никакого удовольствия.”

Я видел, как ее черные глаза, когда она затягивалась сигаретой, сияли от ее

видение. Я подумал, что если бы она выбрала этот путь, то у какого-нибудь мужчины на глазах выступили бы слезы.

Была бы она счастлива на Таити? Если бы она могла найти себе подобного, метиса, образец доброты и верности, она могла бы им стать. С белым она познала бы только пытку. Есть только один Американец, которого я знаю, который сделал счастливой местную девушку. Ловина, которая держит отель “Тиаре” в Папеите и которая знает все сплетни о “Южные моря” рассказали мне эту историю однажды после того, как он пришел в отель , чтобы принести два ужина к себе домой. У него был красивый автомобиль, а сам он выглядел таким опрятным, был так точен в каждом слове и движении, что я подумал о его контрасте со шкиперами, чиновниками и туристами, которые бездельничали в баре “Ловина”.

“Он странный, этот человек”, - сказала Ловина. “Два года назад у меня здесь появилась милая девушка, она прислуживала в баре, мило выглядела, и я сделала ее своей дочерью. Я уезжаю в Америку погостить, а когда возвращаюсь, эта девушка все портит”. Та американка поступила по-своему, и он пришел и прямо сказал мне, что ничего не мог с собой поделать. Он просто безумно ее любит. Он построил ей прекрасный дом, купил машину. Она никогда не работает. Он каждый день приходит сюда и забирает еду домой.

Этот высокий, стройный парень с преждевременно поседевшими волосами и печальным лицом превратил барменшу в жемчужину в золотой оправе. Он посвятил себя и свой доход исключительно ей. Что еще более странно, он сделал ее своей законной женой.

Но она - исключение, редкое, как дождь в Адене. Эти туземные

девушки смешанной крови, пережившие трагедию, вызванную безразличным эгоизмом белых, отчаянно борются за то, чтобы подняться над трясиной, в которой тонут туземцы. Они бросаются на никчемных авантюристов, которые растрачивают их маленькое достояние, разбивают им сердца и либо бросают их после того, как проходит первый порыв страсти, либо сами погружаются в ленивую неряшливую жизнь, хуже, чем у местных жителей.

Обо всем этом я размышлял, когда мадемуазель Н. говорила о своей надежде найти счастье на Таити. Я был уверен, что при ее богатстве у нее будет много поклонников, но как насчет нежного сердца?

Я хочу любви, - сказала она. - Любовь и свобода. Мы, женщины, привыкли поступать по-своему. Я знаю, монахини пришли бы в ужас, но я не стану связывать себя ни с одним мужчиной.

Последние краски заката медленно гасли на море, и мир стал нежно-серым, наполненным сиянием восходящей луны. Я встал, и когда мадемуазель Сев верхом, я зашагал впереди ее лошади в лунном свете. У меня за ухом была тубероза, и она заметила это.

“Ты знаешь, что это значит? Если мужчина ищет женщину, он надевает на ухо белый цветок, а если его любовь становится пылкой, он надевает красную розу или гибискус. Но если он устанет, то положит им в рот какую-нибудь зеленую штуку.

место. Боже мой! Вот глубина позора для женщины, которую презирают. Я помню одну девушку, над которой так издевались в церкви. Она целый день пряталась в горах, рыдая, а потом бросилась со скалы.”

В ее поведении чувствовались меланхолия и страстное желание.

- Таитяне весь день носят цветы, - сказал я. - Они веселые, и жизнь на их острове приятна. Здесь огромное количество автомобилей, кинотеатры, каждый вечер поют и танцуют, и много европейцев и американцев. Имея деньги, вы могли бы иметь все”.

“Я мечтаю не о пении и танцах!” - воскликнула она. “Па-де-туту! Я должна знать больше людей, а не таких, как священники и эти торговцы копрой. Я читала в романах о мужчинах, которые подобны богам, смелые и сильные, но которые делают своих женщин счастливыми. Вы знаете офицера “Зелее” с волосами

цвета спелого банана? Он высокий и играет на банджо. Я видел его однажды, давным-давно, когда здесь стоял военный корабль. Он был на веранде у губернатора. О, это было так давно, но такой молодой человек был бы именно тем, кого я хочу".

В этом крике сердца, безудержном и страстном, говорила ее маркизская кровь. Они не холодные, целомудренные женщины других стран, эти женщины с Маркизских островов; с лихорадочным жаром в крови и сердцами, бьющимися, как дикие звери, о прутья решетки, они слушают, когда любовь или ее подделка вливает в их уши эти нежные слова, в которых нет ничего , что могло бы стать песней. Для них нет преград в виде сдержанности или высокомерия; они не заключают сделок; они идут туда, куда зовет сердце, не обращая внимания на заверенные клятвы.

"Боже мой!" Миля. - воскликнула Н. и поднесла свою крошечную ручку к красным губам. "Что, если бы хорошие сестры услышали меня? Я плохая. Я знаю. Эх, хорошо! В конце концов, я маркизец".

Мы собирались перейти ручей у моей хижины, и я сел на лошадь позади нее, чтобы не промокнуть. Она порывисто повернулась и посмотрела на меня, ее прекрасное лицо было совсем близко от моего, ее темные глаза горели, а ее горячее дыхание касалось моей щеки.

"Напиши мне, когда будешь на Таити, и скажи, была бы я там счастлива, как ты думаешь?" - умоляюще произнесла она. - У меня здесь нет друзей, кроме монахинь. Мне так много нужно, чтобы уйти отсюда. Я здесь умираю".

Несколько дней спустя, возвращаясь по своим следам, я обнаружил на своем паепае бедно одетого белого человека, похожего на мешок с костями, с грязной седой бородой и резким голосом, похожим на голос Бофре. У него была записка от Ле Брюннек, представляю вам месье Лемуаля, родившегося в Бресте, натурализованного Американский. Записка была запечатана, и я аккуратно спрятал ее, прежде чем повернуться к своему посетителю. В ней говорилось:

"Дорогой гражданин: "Я посылаю вам образец маркизских пляжей, чтобы вы могли насладиться

немного веселья. У этого парня была потрясающая жизнь. Он старый моряк, пират, золотоискатель, китаец-повеса, вор, грабитель, честный человек, пекарь, торговец - словом, интересный типаж. С помощью нескольких бокалов вина я настроил его на приятную беседу.”

Лемуаль был человеком с низкими бровями, суровым и безжалостным, но, безусловно , он любил приключения.

Существовал ли еще театр “Белла Юнион” во Фриско? По-прежнему ли дрались в Боттл-Мейерсе, и служил ли его друг Тассет в полиции ? Его воспоминания о Сан-Франциско совпали с моими. Там он был хулиганом и помогал вешать китайцев. В 1870 году он отправился на Таити и заработал сто тысяч франков, держа пекарню. Этого состояния ему хватило на двухлетнее турне по миру.

“Теперь я разорен”, - с горечью сказал он. “Теперь у меня нет ни женщины, ни детей, ни друзей, и я никого не хочу. Я сам по себе и проклинаю всех!”

Я утолил его мизантропию двумя глотками рома, и он смягчился и дал совет.

“Я видел тебя с этой дочерью Лиха-Лиха”, - сказал он, используя родовое имя покойного миллионера. - “Будь осторожен. Однажды я пекла хлеб в Таaоа. Моя печь стояла недалеко от его плантации. Я увидела, как та девушка зашла в лес и сняла платье. У нее было зеркало, чтобы посмотреть на свою спину, и я посмотрела, а там ярко светило солнце. То, что она увидела, я увидел — белое пятно. Она прокаженная, эта богатая девушка.

Его глаза были полны ненависти.

“Она тебе не нравится”, - сказал я. “почему?”

«почему? Почему?” он закричал. - Потому что ее отец был отъявленным негодяем. Он всегда целовал грязные руки священников. Он давал своим рабочим опиум, чтобы они работали быстрее, а потом ходил в церковь. Да, он зарабатывал деньги. Он был проклятым лицемером. И теперь его дочь, со всеми этими проклятыми деньгами, прокаженная. Я всем рассказываю о том, что видела. Здесь все знают об этом, кроме тебя. Все узнают об этом на Таити, если она поедет туда.”

Этот человек был для меня как змея. Я выбросил стакан, из которого он пил. И все же — было ли это праздным любопытством или страхом оказаться запертой в долине за пределами Папеите сотрудниками карантинной службы, что заставило ее задать мне этот вопрос о сегрегации прокаженных?

Лиха-Лиха тридцать лет зарабатывала деньги. Он вложил пот, кровь и жизни тысяч маркизцев в золотое состояние и оставил после себя это состояние, мраморную гробницу и мадемуазель. Н… .

ГЛАВА XXIV

Путешествие в Нука-Хиву; рассказ о праздновании дня рождения Жанны де Дуга и чудеса с белой лошадью и девушкой.

Отец ВИКТОРЬЕН сказал, что я не должен покидать Маркизские острова, пока не побываю на острове НукаХива, расположенном в семидесяти милях к северу, и не увижу там, в Таи-о-хэ, столице северной группы островов, настоящего святого.

- Замечательный слуга Христа, - сказал он, - отец Симеон Дельма. Он очень стар и живет здесь со времен раздора. Он не покидал островов уже пятьдесят лет, но Бог хранит его на протяжении многих лет. Его честь и служение. Отец Симеон был бы одним из первых в нашем ордене, будь он в Европе, но он мученик и желает заслужить корону на этих островах и умереть среди своих подопечных. Он святой, такой же истинный, как и благословенные древности.

“Именно он спланировал великолепное празднование праздника Жанна д’Арк умерла несколько лет назад, а что касается чудес, то я искренне верю, что спасение белого коня во время ужасной бури и, возможно , даже спасение девушки, достойной появиться в доспехах Девы, - это такие же настоящие чудеса, как явление в Лурде. Ради меня, я убежден, что Жанна - одна из самых славных святых на небесах, а сам отец Симеон принадлежит к сонму блаженных мучеников”.

- Ах, отец Викторьен, я бы очень хотел познакомиться с этим

хорошим человеком, - сказал я, - но я не знаю, как добраться до Тай-о-хэ. Роберта, Пароход “Каприата” прибудет сюда только через несколько недель, а другого такого на архипелаге сейчас нет”.

- Ты вернешься со мной на “Жанне д’Арк”, - быстро ответил он. “Возможно, для вас это путешествие будет трудным, но вы будете вознаграждены сполна”.

Две недели спустя его рулевой прибежал в мою каюту и сказал, чтобы я был готов к часу ночи.

Ночь была усыпана мириадами звезд на огромном эбеновом пологе. Можно было различить только тени в более густых тенях, и спокойные уверенные движения мужчин, когда они поднимали вельбот из сарая Бауды и легко спускали его на воду, были для меня загадкой. Их глаза видели то, что мои были слепы. Мы с отцом Викторьеном сидели в лодке, и они оттолкнулись друг от друга, по грудь в волнах, бежали рядом с подпрыгивающим судном, пока оно не оказалось в пене, а затем хором, в унисон, перевалились через борт и схватились за весла перед лодкой можно было повернуться бортом к берегу.

“Хи-и-НукаХива!” - монотонно пели они , изо всех сил направляясь к выходу из бухты. Мы со священником удобно устроились на корме, а рулевой примостился позади нас на самом краю

он стоял на краю гребня, балансируя при подъеме и опускании лодки , как акробат на канате. Я положил голову на сумку и заснул еще до того, как мы достигли моря. Последним звуком, прозвучавшим в моих ушах, был голос отца Викторьена, читавшего свой розарий.

Я проснулся и увидел, что легкий ветерок треплет наш парус, а “Жанна д’Арк ” несется по бледно—голубому миру - бледно-голубая вода, бледно-голубое небо и, казалось, бледно-голубой воздух. В этой бесконечной необъятности не было видно ничего, кроме лодки. Раскинувшись на дне в расслабленной позе, гребцы спали; только отец Викториан не спал, его руки лежали на румпеле, а глаза были устремлены на восток.

- Добрый день! - сказал он. - Вы хорошо спали. Твой ангел-хранитель хорошего мнения о тебе. Наступает рассвет.”

Я спросил его, могу ли я освободить его от румпеля и шкота, и он, наказав держать паруса на полную катушку, достал из кармана требник и немедленно погрузился в его чтение.

Мы держали курс на восток, и ни один проблеск земли или облака не делал из нас одиноких путешественников в безграничном пространстве. Солнце скрылось за горизонтом, но в тишине бледного света чувствовался трепет перед его приходом. Медленно слабое свечение начало золотить линию, которая опоясывала самый дальний восток. Сначала оно было золотым, как часть обручального кольца, затем из ровных вод в зенит взмыла медная стрела , и небо и море заиграли тысячью ярких красок. Пылающие просторы были усеяны розами, розовое, золотое и пурпурное завесили горизонт, и вдруг, без предупреждения, внезапно, как молния, над краем света засияло жаркое солнце.

Маркизцы зашевелились, их тела потянулись, а легкие наполнились воздухом. расширялся в муках возвращения сознания. Затем один из них сел и громко крикнул: “Титахи-а-ату! Еще один день!” Остальные поднялись и немедленно начали открывать чашу с попои. У них были рыбные консервы и хлеб, и они ели, не произнося ни слова, в течение десяти минут. Рулевой, который присоединился к ним, вернулся к штурвалу, а мы со священником наслаждались бананами и говяжьими консервами, запивая их водой из кувшина и закуривая.

Весь день “Жанна д’Арк” уверенно держалась на нескольких галсах, которыми мы управляли, и весь день ни одно живое существо, кроме птиц или рыб, не нарушало одиночества огромного пустынного моря. Отец Викторьен читал свой требник или перебирал четки в задумчивости, а я, лежа на дне лодки и прикрыв шляпой глаза от палящих лучей солнца, размышлял о том, что мне известно о Таи-о-хае, порту на острове НукаХива, к которой мы направлялись.

В течение двухсот лет после открытия южной группы островов, которые мы оставили позади, северная группа все еще оставалась неизвестной миру. Капитан Ингрэм из Бостона обнаружил Нука-Хиву.

в 1791 году он назвал семь маленьких островков островами Вашингтона. Двадцать лет спустя, во время войны 1812 года,

Портер переоборудовал там свои корабли, чтобы охотиться на британцев, и все это благодаря вероломству — или, с другой стороны, патриотизму — англичанина, находившегося под его командованием, Портеру, возможно, удалось бы превратить Маркизские острова в американские владения.

Таи-о-хэ стал средоточием власти белых на островах; его значение росло, адмиралы, губернаторы и епископы торжественно восседали на широких верандах правительственных зданий, он стал свидетелем того , как появились король и королева, узнал о степенном шествии каторжников, белые и коричневые, изображения святых, которые несли в процессиях, и школы, открытые для возрождения расы идолопоклонников.

Таи-о-хэ видел, как рушатся все грандиозные планы, видел салуны и опиум, порок и болезни, охватившие туземцев, и видел обращенных, как старые боги низвергаются, а новый Бог воцаряется, срубленный , как деревья, когда в лесу бушует пожар.

Мечта о том, чтобы превратить силу и счастье великанов с островов в золото для белых королей-трудяг, превратилась в кошмар, когда гиганты погибли. Было трудно заставить свободные народы трудиться в рабстве у иностранных хозяев, поэтому иностранные хозяева привозили опиум. Чтобы получить этот “Чудесный сон”, более приятный, чем кава, маркизцев учили мотыжить и собирать хлопок, копру и даже становиться слугами белого человека. Надежды захватчиков были радужными. Они быстро угасли. Маркизцы вымерли быстрее. Салуны Таи-о-хэ превратились в сточные канавы для пьянства. Паэпаи стали местами погребения умерших. Ни одно правительство не арестовывало преступников и не пресекало торговлю смертоносными наркотиками, пока не стало слишком поздно. Затем, с не осталось людей, чтобы использовать, министры Colonial в Париж забыл Маркизские.

За жизнь человека Таи-о-хэ превратился из простой деревушки с тысячами здоровых, счастливых людей в столицу архипелага, с военными кораблями, войсками, тюрьмами, церквями, школами и плантациями, а затем превратился в пустынный, меланхоличный пляж с разлагающимися, необитаемыми островами. здания, свидетельствующие о катастрофе. С Кауити, мой друг-людоед из Таоа, родился, цикл был завершен.

Я направлялся в Таи-о-хэ, чтобы повидаться с человеком, который отдал свою жизнь за то, чтобы донести религию белого человека

до немногих оставшихся в живых умирающих туземцев.

В сумерках ветер стих, и мы убрали весла. Час за часом гребцы гребли, время от времени напевая древние песни о боевых каноэ, о жестоких битвах своих отцов, когда сотни людей шли на корм акулам после того, как их корабли были уничтожены завоевателями, и о старых богах, которые правили до прихода белых людей. Отец Викторьен прислушался

задумчиво.

“Им следовало бы петь о Пресвятой Богородице или о Жанне”, - сказал он с грустью. “Но когда они так хорошо тянут, я не могу отказать им в том, что у них есть нить этой старой языческой основы. Те дьяволы, которым они когда-то поклонялись , постоянно ждут от нас слов похвалы. Им ненавистна мысль о том, что мы спешим на миссию, и они с удовольствием задержали бы нас.”

Каковы бы ни были желания этих дьяволов, им воспротивились, потому что на вторую ночь подул попутный ветер, и, когда забрезжил второй рассвет, мы были в бухте Таи-о-хэ.

Это был бассейн с неподвижной зеленой водой, окруженный изгибом берега в форме подковы, с двумя огромными скалистыми мысами для прогулок. Пляж был белой каймой между лазурью воды и темной зеленью холмов, круто поднимавшихся над ней. Над ними висели облака различной формы, то освещенные солнцем, то напоминающие снежную пелену, то черные и низкие. На нижних склонах из-за деревьев парау выглядывало несколько домов, а на небольшом холме, рядом с разрушенным фортом, над хижиной жандарма развевался флаг Франции

.

К восьми часам утра, когда мы добрались до берега, пляж переливался на солнце, песок блестел под его интенсивными лучами, словно отражая лучи гигантских зеркал. Волны жары дрожали во влажном воздухе.

Это был пляж, который стал свидетелем странной карьеры Джона Говарда, моряка-янки, который пятьдесят лет назад сбежал с

корабля янки и навсегда поселился на Маркизских островах. Лживый Билл Пинчер рассказал мне эту историю. Говард, известный местным жителям как Т'Йонни, был встречен ими со свойственной им щедростью, и тахуна украсили его с головы до ног в самом высоком стиле того времени. Через несколько лет, судя по татуировкам и загару, его можно было принять за полинезийца. Он был честолюбив и, заключив союзы, приобрел целую долину, которую оставил своему сыну, Т'Йонни-младшему. Мистер Говард-старший одевался как туземцы и во многом был похож на них, но сохранил глубокую любовь к своей стране и ее флагу, и когда он увидел , что в гавань входит американский военный корабль, он поднялся на борт вместе со своими многочисленными смуглыми родственниками по линии жены.

Капитан был поражен, услышав, как он разговаривает с матросами.

"Он был просто в ударе", - сказал Лживый Билл. "Удар я!" - он говорит: "Если этот чертов каннибал не будет говорить на королевском английском, как будто он родился в Нью-Йорке!" - Он пригласил меня в каюту выпить, думая, что он большой вождь. "Оуард взял сигару, выкурил ее и выпил" - это виски залпом и с недовольной гримасой, как у всех американцев.

"Должен сказать, - говорит капитан, - что вы самый умный из нас". Я видел это в фильме "оле блуминг ран".

"Рат?" - спрашивает Оуард. "Я тоже! Я родился в Айове, и я настоящий американец".

"Вы что, американский гражданин?" - спрашивает капитан. - Родился в моем родном штате и раскрашен, как Сидящий бык на тропе войны? Убирайся с этого корабля, - говорит он, дикий, - убирайся с этого корабля, или я закую тебя в кандалы и отправлю обратно в ту чертову тюрьму, из которой ты сбежал!

"Оуард перепрыгнул через борт и поплыл к берегу".

Вдоль пляжа тянулась аллея, затененная деревьями, пересекавшая тихий ручей. Вдоль этой аллеи протекала вся жизнь и торговля Таи-о-хэ. Две торговые лавки, пустые офисы, жандарм, кучка разношерстных полукровок, отдыхающих под деревьями, - вот и все, что осталось от былого величия. Только природа не изменилась. Оно набросило на разрушенные остатки былой славы

и мечты свой прекрасный плащ из зелени и цветов. Человек почти перестал быть фигурой на сцене, где он господствовал бессчетные столетия.

Переходя по камням через ручей, мы встретили темноволосого, полного мужчину в комбинезоне.

- Доброе утро, - приветливо поздоровался он. Я взглянул на него и сразу догадался, как его зовут.

- Доброе утро, - ответил я. “Ты сын Т’Йонни”.

“Мой отец. Мист! Говард мертв”, - сказал он. “Он тебе нравится?”

Прежде чем я успел ответить, что-то вошло мне в ухо, а что-то - в нос. Эти твари жужжали и страшно кусались. Я закашлялся и начал отплевываться. На берегу , у костра из кокосовой шелухи, сидела пожилая женщина. Она чесала руки и ноги, покрываясь красными пятнами.

“Ноно никогда не перестают кусаться”, - сказала она по-французски. Эти ноно - те самые ужасные песчаные мухи, от которых отец Викторьен бежал, чтобы немного поспать в Атуоне. Это что-то вроде оводов, с раскаленными иглами на крыльях.

Мы прогуливались вдоль дороги, мучает жужжащих вредителей на которые мы постоянно шлепнул и, пересекая крохотный мост через Брук подошел к миссии Таи-о-хае, что когда-то напыщенного и мощным центром распространения веры на протяжении Маркизские. Вдоль дороги росли гуавы, манго, кокосовые орехи и тамаринды, посаженные с особой тщательностью. Амбициозные отцы , которые начали эти посадки много лет назад , обеспечили свой стол отборными фруктами. Члены великих религиозных орденов Европы разносят по всему миру семена лучших сортов фруктов и цветов, деревьев, кустарников и овощей; заслуга представителей науки в том, что они привносят во все страны мира неместные виды растений.

Территория миссии была обнесена прочной и довольно высокой каменной стеной, которая обеспечивала защиту, когда оргии с распитием рома делали местных жителей жестокими. Духовенство должно выжить, если мы хотим спасти души.

сохраненный. За стеной стояли церковь, школа и беспорядочно

выстроенный дом приходского священника, все это стало прекрасным благодаря возрасту и мастерству тропической природы. Мхи и лишайники, мозаика многих оттенков зеленого, со слабыми вкраплениями красной и желтой плесени покрывали старые стены, которые быстро ветшали и разваливались на куски.

У приоткрытой двери стоял старик почтенного вида, его длинная борода все еще была темной, хотя волосы были совершенно седыми. На нем была грязная сутана, доходившая ему до щиколоток, и проржавевшие башмаки, пропотевшая, в пятнах, душная мантия из черного сукна, которая вздымалась и опадала при его учащенном дыхании. Его глаза темно-коричневого цвета, большие и блестящие, были глазами взрослого ребенка, в них светился искренний энтузиазм и сотни воспоминаний о достойных свершениях или усилиях.

Отец Викторьен представил меня, сказав, что я был поклонником Маркизские острова и особенно интересовался Жанной д'Арк. Отец Симеон схватил меня за руку и, притянув к себе, приветствовал так , словно мы были единокровными братьями. Затем он представил меня стоявшему рядом с ним маркизцу, "шеф-повару острова Уапу", который ждал его, чтобы сопроводить на этот остров, где он мог отслужить мессу и исповедаться. Шеф был за то, чтобы немедленно уехать, а отец Симеон жаловался, что у него нет времени поговорить со мной.

Я сказал, что на моем острове Хива-Оа ходили слухи, что празднование дня Жанны д'Арк было отмечено необычными событиями, свидетельствующими об особой признательности небесных сил.

На глаза старого священника навернулись слезы. Он сразу же отпустил шефа , и, попрощавшись с отцом Викторьеном, который немедленно отплывал на свой родной остров Аиттеу, мы с отцом Симеоном вошли в его кабинет, жалкую убогую комнату, где шаткая мебель, шатающийся пол, ободранные обои на стенах и треснувшие тарелки и кубки свидетельствовали о том, что он ушел из жизни. об учреждении, некогда обладавшем величием и силой. Усевшись на единственные крепкие стулья, перед нами стояли вино и сигареты , и мы затронули тему, столь дорогую сердцу отца Симеона.

"Я рад, что если вы не можете быть французом, то, по крайней мере, вы не англичанин", - с жаром сказал он."Бог наказал Англию за убийство Жанны д'Арк. Тот день в Руане, когда сожгли

мою любимую покровительницу, положил конец Англии. Теперь англичане - всего лишь торговцы, и у них еретическая церковь.

“Вы бы видели, какие почести мы оказали этой Служанке. Да, месье, она многое сделала для этих островов. Местные жители любят ее. Она святая. Ее следует причислить к лику святых. Но оппозиция не отступит. Есть основания полагать, что сам дьявол, сатана или, по крайней мере, его важные помощники препятствуют правосудию по отношению к Горничной. Сейчас она могущественна и, несомненно, имеет большое влияние на Святую Деву на Небесах, но как истинная святая она была бы

непобедимый”. Глаза старого священника засияли верой.

“Вы не сомневаетесь в ее чудесном заступничестве?” Я спросил.

Отец Симеон закурил еще одну сигарету, разбавил вино и взял с полки пачку брошюр. Они были отпечатаны на гектографе, а не на машинке, потому что он - человек-печатный станок во всем этом регионе, и все они были написаны его четким и изящным почерком. Он держал их в руках и ссылался на них, продолжая.

- Она родилась пятьсот лет назад в день крестного хода в Таи-о-хэ. Это само по себе чудо. Такая годовщина случается всего дважды в тысячелетие. После всех моих скромных заслуг на этих островах то, что мне было позволено находиться здесь в такой чудесный день, доказывает для меня вечную милость Божью. Вот рассказ о ее жизни, который я написал на маркизском языке, а вот отчет о праздновании годовщины.”

Он показал мне брошюры, красиво написанные фиолетовыми и красными чернилами, в которых рассказывалось об истории Орлеанской девы, с многочисленными песнопениями, восхваляющими ее, научными рассуждениями о ее карьере и святости, картами, на которых были изображены ее походы и звездочки в Олеане, Копьене и Руа, указывающие на то, что в Орлеане происходили великие события, В Компьене и Руане отец Симеон указал мне на первостепенную важность того, чтобы маркизский народ получил правильное представление об исторических и географических условиях Англии и Франции во времена Жанны.

Он потратил месяцы, даже годы, готовясь к празднованию ее дня рождения.

“И, месье, по благословенной милости Жанны, напивались только белые . Ни один маркизец не злоупотреблял спиртным в течение трех дней праздника. Искушений было предостаточно, потому что, хотя я угощал вином только вождей и нескольких самых близких людей, несколько европейцев , увлеченных нашей дорогой покровительницей, раздавали абсент и ром тем, у кого были деньги. Был момент, когда казалось , что между Джоан и дьяволом что-то не так. Но, о, как же она пришла нам на помощь! Я упрекнул белых, запер “ром”, а Джоан сделала все остальное. Это был трехдневный праздник невинности.”

- Но здесь не так уж много белых? Я спросил.

“Нет”, - ответил он. - В Тай проживает сто двадцать человек-сейчас все в порядке, и лишь немногие из них белые. Увы, друг мой, они не подают хорошего примера. У них добрые намерения; они храбрые люди, но они не соблюдают заповеди. Вот диаграмма, которую я нарисовал, показывающая подъем церкви со времен Петра. Она разделена на двадцать периодов, и пятнадцатый я посвятил Джоан. Она вполне заслуживает отсрочки.”

Мой разум постоянно возвращался к подсказкам отца Викториен о лошади и девушке-юбиляре.

“На поминках были какие-то знаки?” Вмешался я.

Отец Симеон нетерпеливо взглянул на меня. Его наивность не объяснялась незнанием людей и их мотивов. Он исповедовал членов королевской семьи, каннибалов, пиратов и монахинь. Под его пристальным взглядом души людей были обнажены . Но его вера горела, как яркое пламя, и привлечь под знамена Орлеанской девы того, кто готов был выслушать, было ее долгом и редким шансом помочь смертному собрату.

Он поднялся и стряхнул сигаретный пепел со своей поношенной рясы, когда старая туземка откликнулась на его зов и принесла еще бутылку бордо. Ноно были неутомимо активны. Я постоянно бил их и зализывал раны, которые они наносили. Но он не обращал на них никакого внимания, за исключением тех случаев, когда они нападали на него из-под сутаны; тогда он судорожно бил по месту.

“Бог посылает нам такие испытания, чтобы украсить нашу

корону", - сказал он успокаивающе. - Я видел, как умирали белые люди из племени ноно. В прежние времена их здесь не было, но с тех пор, как джунгли захватили нас из -за сокращения численности населения, они внушают ужас. Во время мессы, когда священник не может защитить себя, они становятся еще страшнее, как будто их посылает дьявол, который ненавидит священное жертвоприношение. Но, дорогой друг, вы спрашивали об этих знаках. Что ж, я приведу вам факты, и вы сможете судить сами."

Он налил мне бокал вина; я снял хлопчатобумажную куртку, прикрыл ею руки от мух-гадюк и приготовился слушать.

"За семь лет до великой годовщины, - сказал отец Симеон, потягивая вино, - я продумал свой план. Будут мессы, вечерни, благословения, литании и хоры. Но мое внимание было приковано к изображению Девы, въезжающей в Реймс, чтобы короновать короля после своих побед. Как вы помните, она была облачена в белые доспехи и ехала на белом коне, что является символом чистоты. Это была та нота, которую я хотел бы озвучить, потому что, по-моему, слишком многое было сделано из Жанна-воительница, Жанна-героиня, и недостаточно Жанны-святой. О, месье, там действовали злые силы!

Он схватился за бедро обеими руками и застонал, и я понял, что , хотя ноно укусил его в это место, его страдания были скорее душевными, чем телесными. Я прикурил ему сигарету, пока он продолжал::

"Две вещи были нужны ему больше всего: красивый белый конь и лошадь, которую он любит". Маркизская девушка добродетели. За три года до юбилея, благодаря подарку, вдохновленному Джоан, я смогла купить такую лошадь на Хива-Оа. Я пас эту кобылу на том острове, пока не пришло время привезти ее сюда.

Что касается девочки, то в монашеской школе я встретил девочку, которая была красивой, сильной и послушной. Ее отец был капитаном иностранного судна и жил здесь некоторое время; он был родом из вашей страны. О матери я не буду говорить. О девушке можно было только мечтать. Но это было за семь лет до того дня, когда состоялся праздник. Это было непросто.

- Я подчеркнула добрым сестрам абсолютную необходимость

воспитывать ребенка на идеальном пути святости. Я посвятила ее Жанне, и мы с монахинями произнесли особые молитвы, чтобы лукавый не втянул ее в грехи других маркизских девушек. Кроме того, за ней прилежно наблюдали. В течение семи лет мы наблюдали и молились, и Месье, нам это удалось. Я не скажу, что это было чудо, но для Джоан это был поразительный триумф.

“Сначала о человеке, теперь о звере. За месяц до праздника я поручил капитану Каприате доставить кобылу в Тай-о-хэ на его шхуне. Животное благополучно прибыло в гавань. Судно все еще находилось на палубе , когда начался шторм, и Каприата решил, что ему лучше всего сняться с якоря и выйти в открытое море. Ветер дул в сторону берега, и возникла опасность кораблекрушения.”

Старый священник встал и, подведя меня к окну, указал на край подковообразного круга залива.

“Посмотри на ту точку”, - сказал он. “Как раз в тот момент, когда Каприата развернул свое судно, направляясь к морю, кобыла вырвалась из уздечки, одним прыжком добралась до борта шхуны и прыгнула в волны. Каприата ничего не мог поделать. Шхуна была в опасности, и он, держа руку на штурвале, а своих людей - у парусов, мог только выругаться. Он признается, что сделал это, и вы не найдете человека, более убежденного в чуде, чем он.”

Пожилой миссионер замолчал, его глаза заблестели. Насекомые, которые роем оседали на его распухших, отравленных руках, ничего не значили для него в этом восторженном воспоминании.

“Это случилось ночью. Всю ночь шхуна оставалась за пределами бухты и вернулась только при свете дня. Сразу же после постановки на якорь капитан поспешил сообщить мне о несчастье и застал меня за служением мессы. Это был один из немногих случаев, когда он бывал в священном здании.”

Отец Симеон улыбнулся и поднял палец, чтобы привлечь мое внимание. “Как только месса закончилась, Каприата рассказал мне о том, что произошло, и о своей уверенности в том, что кобыла утонула. Я упал на колени и вознес отчаянную молитву Джоан. В этот момент снаружи послышалось ржание, и, выбежав из церкви, мы увидели, как на территории миссии щиплет траву белая кобыла, которой было суждено нести фигуру Жанны во время празднования ее праздника.”

Я не смог сдержать возгласа изумления. “В одежде?”

Отец Симеон ответил “Абсолюмент”. “Неверующие могли бы объяснить , что волны вынесли кобылу на берег и что, повинуясь какому-то инстинкту , она нашла дорогу вдоль берега или через холмы. Но то, что она приехала на территорию миссии, в то самое место, где должен был находиться ее дом , хотя она никогда раньше не видела островов, — нет, мой друг, даже материалист не смог бы объяснить это как нечто сверхъестественное. Я

я отправил корректуры в наш орден в Бельгии. Они станут частью доказательств, которые однажды будут представлены для канонизации Жанны”.

“А процессия, она была успешной?” Поинтересовался я.

“Да, да! Это было великолепно. Когда все началось, раздались громкие фанфары, звуки труб, барабанов, фейерверков и пушек. Такого шума здесь не было со времен сражений между белыми и туземцами. Там были четыре хора по пятьдесят голосов в каждом, туземцы со всех близлежащих островов, каждый из которых пел по-французски, а некоторые гимны - по-маркизски. Сначала я шел с Благословенным Причастие; затем появился капитан Каприата со знаменем миссии, а затем в сопровождении хора появилась Пресвятая Дева на белом коне.

“Она была вся в серебряных доспехах, как и кобыла. За два года до этого я послал во Францию за картоном и серебряной бумагой и смастерил доспехи. Шлем был образцом стойкости. Девушка носила его, как служанка, и сидела на лошади, не пошатываясь, несмотря на дождь и жару. Это был чудесный день для Джоан и для Маркизских островов.

На мгновение он застыл, погруженный в свои мысли.

“Значит, все прошло так, как вы планировали?”

“Друг мой, вся честь принадлежит не мне, а самой Джоан . В какой—то момент капитан Каприата выпил абсент с утренним коктейлем и пошатнулся. Он споткнулся. Я позвал его, чтобы он помолился своему святому покровителю — он из Аяччо на Корсике — и попросил помощи у Жанны. Он сразу же выпрямился после одного падения и с достоинством пронес белое знамя Служанки от миссии до заброшенной гостиницы рядом с лепрозорием.

“У нас было три великолепных пира, по одному в каждый праздничный день. У нас были речи и песни, три мессы в день, чтобы вместить всех желающих, четыре первых причастника и два бракосочетания. Я скажу вам, хотя коммерческие миссионеры могут отрицать это, что пять протестантов посетили богослужение и отреклись от него.”

Глаза отца Симеона вспыхнули, когда он вспомнил те памятные дни. Он погрузился в задумчивость, почесывая ноги после “ноно” и потушив сигарету.

Я встал, чтобы уйти. Он должен был отправиться в Уапу вместе с вождем, который снова стоял у двери.

“И как, помог ли праздник приходу?” - Спросил я с тем безумным рвением угодить, которое так часто обнаруживает подвох именно тогда, когда запах мази особенно приятен.

“Увы!” - ответил он, печально тряхнув бородой. “Даже девушка, которая носила белые доспехи, прыгнула с мачты корабля, чтобы избежать позора, и утонула. И все же в жертве было величие

в этом. Но что касается остальных, то они тоже быстро умирают. Когда-нибудь священник останется здесь один, без паствы.”

Он подобрал пару предметов одежды, с благочестивой осторожностью приложил к груди Святые Дары, и мы вместе пошли по скорбной и приходящей в упадок деревне, миновав нескольких меланхоличных туземцев.

“Я сказал отцу Симеону, когда он садился в каноэ: “Ты похож на пастуха, который преследует своих овец, где бы они ни блуждали, чтобы в конце концов собрать их в стадо”.

“Это правда”, - грустно улыбнулся он. - Епископу самому пришлось отправиться в Хиву-Оа отсюда, потому что в живых действительно осталось недостаточно людей для того, чтобы занять место его епископства. По крайней мере, здесь кто-нибудь будет, когда я умру, потому что я стар. Ах, тридцать лет назад, когда я приехал сюда, здесь были души, которые нужно было спасать! Их были тысячи. Но мне нравится последняя. На Хуапу еще осталась сотня. Здесь еще есть работа, потому что дьявол с каждым годом становится все активнее.”

Церковь отца Симеона Дельмы в Таи-о-хэ

Сбор фейри в горах

ГЛАВА XXV

Притязания Америки на Маркизские острова; приключения капитана Портера в 1812 год; война между Хаапой и Таи-о-хэ и завоевание долины Тайпи.

АМЕРИКА, возможно, была ответственна за гибель этого человека. Разве молодая нация не была вовлечена в смертельную борьбу с Великобританией, когда капитан американского флота Дэвид Носильщик, захвативший Нука-Хиву. Сто лет назад звездно-полосатый флаг развевался над небольшим холмом над заливом, и американская пушка на нем возвышалась над деревней Тай-о-хэ. Под зеленью еще похоронен провозглашения Портер, с монетами молодой республики, если туземцы выкопали бутылку после уничтожения последнего из Силы Портера. Они были свидетелями церемонии его посадки, которая , должно быть, показалась им ритуалом, направленным на то, чтобы угодить могущественным богам белых. Если бы их не сдерживало

уважение к тапу, нанесенному на бутылку “Opotee”, они, вероятно, поднесли бы ее к свету и рассмотрели магию, таящуюся под пробкой.

Приключения Портера здесь были такими же странными и романтичными, как и у любого из сотен морских цыган, которые плавали по этим тропикам и проливали кровь людей, не привыкших к их обычаям и не знавших об их изобретениях и могучем оружии.

Портер покинул Соединенные Штаты, командуя фрегатом “Эссекс”, чтобы уничтожить британское судоходство, захватить британские корабли и британских моряков. Портеру, сыну и племяннику американских военно-морских офицеров, которому суждено было стать приемным отцом Фаррагута, первого американского адмирала, и отцом великого адмирала Портера, было тогда чуть за тридцать, и он любил подраться. Он преследовал британцев в Атлантике, обогнул мыс Горн без приказа и причинял им зло в открытом море, и, наконец, с большим количеством пленных и призовых экипажей на борту он направился к Маркизские острова, чтобы освежить своих людей, починить корабли и запастись водой, продовольствием и дровами для возвращения домой.

В бухте Тай-о-хэ он пришвартовал свою флотилию и был встречен стайками дружелюбных каноэ и множеством прекрасных островитянок, которые выплыли навстречу незнакомцам. Среди них он нашел Уилсона, англичанина, который давно жил здесь и был покрыт татуировками с головы до ног. Впервые увидев этого человека, Портер отнесся к нему с большим предубеждением , но счел его чрезвычайно полезным в качестве переводчика и пришел к выводу , что он безобидный малый, единственным недостатком которого была сильная привязанность к рому. С помощью Уилсона, с готовностью предложившего помощь, Портер подружился с жителями Таи-о-хэ, разбил лагерь на берегу и приступил к обновлению своего флота.

Племена таи-о-хэ, или Тиухой, как называл их Портер, были

раздосадованные воинственным племенем хапаа, или группой племен, которые жили в соседней долине, эти отважные воины подошли на расстояние полумили от американского лагеря, срубили хлебные деревья и отвратительно насмехались над

белыми людьми. В ответ Портер бросил шестифунтовое ружье, чрезвычайно тяжелое, и сказал, что если Тай-племя о-хэ отнесло бы его на вершину высокой горы, возвышающейся над долиной Хапаа, он согнал бы хапаа с холмов, где они стояли и угрожали спуститься.

К изумлению Портера, люди из племени Таи-о-хэ, преодолев невероятные трудности, установили орудие на место, и, поскольку хапаасы с презрением отнеслись к бесполезному на вид изобретению и заявили, что не будут заключать мир с белыми, Портер послал своего первого помощника с сорока солдатами, вооруженными мушкетами, в сопровождении туземцы несли это оружие и боеприпасы к пушке.

Сражение началось с оглушительного грохота взрывающегося пороха, и с кораблей американцы увидели, как их люди перегоняют хапаев с высоты на высоту, которые сражались, отступая, заставляя врага следовать за ними. Дружелюбный туземец нес американский флаг и , победоносно размахивая им, перепрыгивал со скалы на скалу, находясь в тылу белых людей, которые преследовали убегающего врага.

Во второй половине дня победоносные войска спустились вниз, унося с собой пятерых убитых. Хапаасы, сражавшиеся камнями, пущенными из пращей, и копьями, числом в четыре или пять тысяч укрылись в крепости на склоне холма. Ни один из них не был ранен, и со своих неприступных высот они осыпали насмешками и градом камней отступающих таи-о-хаев и их белых союзников.

Это было невыносимо. На второй день американцы с увеличенными силами штурмовали высоту и захватили форт, убив многих Хапаас, который, ничего не зная о действии мушкетных пуль, сражался насмерть. Таи-о-хаи расправлялись с ранеными боевыми дубинками , обмакивая свои копья в кровь. Уилсон сказал, что таи-о-хаи поедали трупы. Портер, придя в ужас, допросил своих союзников, которые отрицали наличие у него такого ужасного аппетита, так что Портер не был уверен, чему верить.

Хапаа теперь стали любить белых и отправили делегацию с жалобой на то, что тайпи (Турее) в другой долине притесняют их и, будучи их традиционными врагами, планируют совершить набег на долину Хапаа. Тайпи были самыми грозными из всех нукахиванцев, с четырьмя тысячами воинов, мощнейшими

укреплениями и самыми решительными сердцами.

Тайпийцев предупредили, что они должны вести себя мирно, а также присылать много подарков в знак дружелюбия, иначе белые люди изгонят их из долины. Тайпи ответили, что если Портер был достаточно силен, он мог прийти и забрать их. Они сказали

Американцы были белыми ящерицами; они не могли подняться в горы без маркизского оружия, и все же они говорили о наказании тайпийцев, которые никогда не бежали от врага и чьи боги были непобедимы. Они заставили белых людей появиться среди них.

В этот момент Портер столкнулся с предательством в своем собственном лагере. У него было много английских пленных, захваченных с британских кораблей, и они составили заговор с целью побега, отравив ром американцев. Портер узнал об этом и, застав американского часового спящим, собственноручно застрелил его и приказал заковать всех англичан в кандалы. Его также беспокоили мятежи среди его собственных людей, которые не хотели больше участвовать в сражениях, довольствуясь обилием выпивки, лучшей едой и страстной преданностью местных женщин, которые днем и ночью толпились в лагере. Портер не без труда подавил восстание и взбунтовался и приготовился начать войну с тайпийцами.

Сначала он построил сильную крепость при содействии таи-о-хаес и хапаас, а затем завладел Маркизскими островами от имени Соединенные Штаты. 19 ноября 1813 года над фортом был поднят американский флаг , из установленной там артиллерии был произведен салют из семнадцати орудий , на который ответили с кораблей в бухте. Ром раздавался бесплатно, и, стоя в толпе удивленных туземцев, рядом с англичанином Уилсоном, который переводил его слова, Портер зачитал следующее воззвание:

Настоящим доводится до сведения всего мира, что я, Дэвид Портер, капитан военно-морского флота Соединенных Штатов Америки, в настоящее время командую Соединенными Американский фрегат “Эссекс”, со стороны Соединенных Штатов, вступил во владение островом, называемым туземцами Ноахива, широко известным под названием остров сэра Генри Мартина, но теперь именуемым островом Мэдисона. Что по просьбе и при

содействии дружественных племен, проживающих в долине Тиухой, а также племенами, живущими в горах, которых мы покорили и сделали данниками под нашим флагом, я заставил деревню Будет построен Мэдисон, состоящий из шести удобных домов, канатной дороги, пекарни и других принадлежностей, и для их защиты, а также для защиты дружественных туземцев я построил форт, рассчитанный на установку шестнадцати пушек, из которых я установил четыре и назвал форт Форт-Сити. тот же Форт Мэдисон.

Наши права на этот остров, основанные на приоритете открытия, завоевания и владения им, не могут быть оспорены. Но туземцы, чтобы обеспечить себе дружескую защиту, в которой так нуждалось их беззащитное положение , попросили принять их в великую американскую семью, чья чисто республиканская политика так близка к их собственной. И для того, чтобы поддержать эти взгляды в их собственных интересах и к их счастью, а также обеспечить безопасность наших притязаний на остров, ценный с многих точек зрения.

исходя из этих соображений, я взял на себя смелость пообещать им, что они будут приняты таким образом; что наш вождь будет их вождем; и они дали заверения, что те из их братьев, которые впоследствии смогут посещать их из Соединенным Штатам будет оказан радушный прием , и они будут обеспечены всеми напитками и припасами, которые остров может предоставить; что они будут защищать их от всех врагов и, насколько это в их силах, будут препятствовать прибытию подданных Великобритании к ним до тех пор, пока между двумя нациями не установится мир.

Далее следовал список племен, от которых Портер получил подарки, в количестве тридцати одного племени, и документ продолжался:

Под влиянием соображений гуманности, которые обещают скорую цивилизацию расе людей, обладающих всеми умственными и физическими способностями, которыми может наделить природа, и для совершенствования которых требуется

только искусство , а также политических взглядов, которые обеспечивают моей стране плодородный и густонаселенный остров, обладающий всеми преимуществами безопасности и снабжения что касается кораблей, и который из всех остальных наиболее удачно расположен с точки зрения климата и местного положения, я заявляю, что самым торжественным образом, под американским флагом, вывешенным в Форт-Мэдисоне, и в присутствии многочисленных свидетелей, я вступил во владение упомянутым островом для использования в Соединенные Штаты.

Для простодушных туземцев, осчастливленных ромом и слушающих неизбежно несовершенный перевод этих слов, церемония вполне могла показаться странным волшебством, посвященным неведомым богам, но нетрудно представить чувства татуированного англичанина Уилсона, когда он переводил это воззвание, дарующее богатые и счастливые острова. в страну, находящуюся в состоянии войны с его собственной. Однако он выслушал и повторил, не произнеся ни слова о патриотических протестах, и приготовился помочь Портеру в его задуманной войне против тайпи.

Неделю спустя один из военных кораблей с пятью лодками и десятью боевыми каноэ отплыл к берегу тайпи. Там к ним присоединились десять каноэ хапаасов . Вершины всех окрестных гор были запружены дружественными воинами, вооруженными дубинками, копьями и пращами, и в общей сложности под командованием Портера находилось не менее пяти тысяч человек, в том числе тридцать пять американцев с ружьями, которых, по его мнению , было достаточно.

Тайпийцы забросали их камнями, когда они сидели за завтраком, и Портер отправил местного посла, предложив мир ценой покорности. Он вернулся, обезумевший от бешенства и весь в синяках от оказанного ему приема. Затем Портер приказал начать наступление.

Отряд углубился в кусты и был встречен настоящим дождем камней и копий. Врагов видно не было. На всех

со всех сторон они слышали щелканье пращей, свист камней, шипение копий, которые с каждым шагом падали все в большем

количестве, но они не могли видеть, откуда они доносятся, и ни шепот, ни шорох подлеска не выдавали затаившихся тайпийцев.

Они двинулись дальше, надеясь пробраться через заросли, которые , как заверил их Уилсон, были не слишком густыми. Лейтенанту Дауну камень раздробил ногу, и Портеру пришлось отправить с ним в тыл отряд. В живых осталось всего двадцать четыре белых человека. Союзники-туземцы не сражались, а просто наблюдали. Они не собирались становиться еще более жестокими врагами тайпи, если богоподобные белые не смогут победить их. Ситуация была отчаянной.

Однако Портер решил продолжать. Они пересекли реку, а в джунглях им пришлось ползти на четвереньках, чтобы продвинуться вперед. Они считали себя счастливыми, преодолев это препятствие, но сразу же оказались перед высокой каменной стеной, за которой враг занял свою позицию и осыпал их камнями. Патроны были почти на исходе. Портер послал четырех человек на корабль за добавкой, и после того, как трое потеряли сознание от ударов камней, их число сократилось до шестнадцати человек.

Им ничего не оставалось, как спасаться бегством, и, преследуемые ухмыляющимся врагом, они добрались до берега. Оттуда он отправил еще одного гонца к тайпи, предлагая им еще один шанс сдаться и заплатить дань.

Тайпи ответили, что они “гнали белых перед собой, что их ружья часто промахивались, что пули причиняли меньше боли , чем камни или копья, что у них было много лишних людей, а у белых - нет. Они сосчитали лодки, знали, сколько их будет, и смеялись над белыми”.

Хапаа и другие союзники спустились с холмов и начали обсуждать победу тайпи, в их голосах звучал страх и некоторое презрение к белым. Портер приказал своим людям сесть в лодки и вернуться на корабль, но не успели они добраться до него, как тайпи бросились на хапаасов и столкнули их в воду. Портер вернулся в Таи-о-хае.

Там он не увидел иного выхода, кроме как хорошенько поколотить тайпийцев. На этот раз он решил не испытывать недостатка в силах и обойтись без союзников. Он отобрал двести человек со своих кораблей и трофеев и в сопровождении проводников лунным вечером отправился по суше в долину

Тайпи.

В полночь они услышали бой барабанов в долине Тайпи. Им предстоял страшный переход через горы и долины, мимо зияющих пропастей. Они продвигались вперед молча, чтобы ничем не выдать своего намерения напасть на часовых или даже на деревню Хапаа. Множество Таи-о-хэ последовали за ними, но тихо, и теперь они говорили Портер, что песни, доносившиеся из поселений тайпи, были

ликование по поводу их победы над белыми и мольбы к богам послать дождь, чтобы испортить оружие.

Портер был за то, чтобы спуститься сразу, но Тайо-хаэ предупредили его , что тропа настолько крутая и опасная, что даже при дневном свете потребуется все их умение, чтобы спуститься по ней. Попытка спуститься ночью была бы равносильна смерти.

Американцы залегли отдохнуть на этой высоте, которая командовала Долина Тайпи, и вскоре дождь хлынул потоками. Со стороны тайпийцев раздались крики радости и хвалы своим богам. Портер и его люди, скорчившись в лужах, не в силах найти укрытие и опасаясь, что каждый порыв ветра может сбросить их со скользкой высоты, тщетно пытались сохранить сухими мушкеты и порох.

На рассвете они обнаружили, что половина боеприпасов бесполезна, а сами они устали, в то время как крутизна дороги, ведущей в долину, и ее ненадежное состояние после дождя заставляли искать укрытие. Хапаас для отдыха и еды. Но сначала они дали залп, чтобы показать дружественным племенам, что у них все еще есть исправное оружие, а также в качестве угрозы и предупреждения тайпийцам. Они услышали эхо в звуках боевых раковин, крики неповиновения и визг свиней, которых тайпийцы уничтожили. Тайпи начали отлавливать, чтобы отправить в тыл.

Хапаа не слишком понравились белым, и их пришлось угрозами заставить приносить и готовить свиней и плоды хлебного дерева. Весь день американцы отдыхали и готовили оружие, ночью они спали, а на рассвете следующего дня снова встали, чтобы осмотреть место предстоящего сражения.

Далеко внизу раскинулась долина, около девяти миль в длину и

трех в ширину, окруженная со всех сторон, за исключением пляжа, высокими горами. Верхняя часть была ограничена обрывом высотой в несколько сотен футов, с которого падал красивый водопад, образуя извилистый ручей, впадавший в море. То тут, то там в тени пышных кокосовых и хлебных рощ были разбросаны деревушки; плантации были разбиты в полном порядке, обнесены каменными стенами и тщательно обработаны; дороги, обсаженные банановыми изгородями, пересекали зеленые заросли; все говорило о трудолюбии, изобилии и счастье.

Большой отряд воинов тайпи, собравшийся у реки, протекавшей у подножия горы, заставил захватчиков спуститься вниз. В тылу у них была укрепленная деревня, защищенная мощными каменными стенами. Тем не менее белые начали наступление и под градом камней захватили деревню, убили главного воина тайпи и, гоняясь за его людьми от стены к стене, перебили всех, кто не успел убежать. Однако мало кто бежал; они снова и снова бросались в атаку, даже на самые дула мушкетов и пистолетов.

Портер понял, что ему придется преодолевать каждый фут с боем

из долины. Он позаботился о том, чтобы поберечь патроны, и, оставив два небольших отряда охранять раненых, сам с основными силами двинулся вперед, сопровождаемый ордами Таи-о-хаэ и хапааменов, которые добивали раненых тайпийцев камнями и копьями. Они сожгли и разрушили десять деревень одну за другой, пока не достигли вершины долины.

У подножия водопада они повернули и начали девятимильный путь к заливу. И снова им пришлось столкнуться с копьями и камнями, когда они сжигали храмы и дома, огромные каноэ и деревянных богов. Окончательно Портер добрался до форта, который остановил его во время первого боя, и обнаружил, что это великолепное сооружение из огромных базальтовых плит, неприступное со стороны пляжа. Он понял, что если бы он попытался снова проникнуть в долину, то потерпел бы ту же неудачу, что и раньше. Только тяжелая артиллерия могла бы покорить эту могучую крепость.

С пляжа американцы поднялись по более легкому склону в горы, оставив позади пустынную долину, и, попировав с хапаасами, почти мертвые от усталости, двинулись обратно в Таи-о-хэ

.

Тайпи потребовали мира, и когда у них попросили четыреста свиней , прислали столько, что Портер отпустил пятьсот, предварительно заклеймив их. Он заключил мир между всеми племенами, война подошла к концу, и , захватив остров, Портер снова отправился в плавание, чтобы воевать с британскими кораблями.

Он оставил позади себя три захваченных корабля под командованием трех офицеров и двадцати матросов, а также шестерых военнопленных, приказав им оставаться здесь пять месяцев, а затем отправиться в Чили, если от него не поступит никаких известий. Через несколько дней туземцы снова начали проявлять сопротивление, и демонстрация силы заставила их стать вежливыми. Затем возникла еще одна трудность. Все члены экипажа, за исключением восьми, присоединились к английским пленным в захвате офицеров и отправили лейтенанта Гэмбла, командира, с четырьмя верными моряками в дрейф на маленькой лодке, в то время как мятежники вышли в море на одном из английских кораблей.

Пятеро мужчин добрались до другого корабля в бухте, где узнали, что Уилсон спровоцировал мятеж. Худшего еще не случилось, потому что очень скоро туземцы, возможно, подстрекаемые англичанином, убили всех остальных, кроме Гэмбла, одного матроса, одного мичмана и пятерых раненых. Из восьми выживших только один был знаком с управлением кораблем, и все они страдали от ран или болезней. С этими людьми лейтенант Гэмбл вышел в море.

После невероятных трудностей ему удалось добраться до Гавайских островов, но он был захвачен британским фрегатом, который несколькими неделями ранее помогал в захвате “Эссекса” и капитана Портера. Соединенные Штаты так и не ратифицировали оккупацию Портером острова НукаХива, и он был оставлен за США.

Французы тридцать лет спустя захватили эту группу.

Примерно в то же время американский моряк Герман Мелвилл отправился по суше в долину Тайпи, был схвачен и встречен

жителями тайпи как королевский гость. Он прожил там много месяцев и ничего не слышал о том опустошении , которое незадолго до этого учинили его соотечественники. Тайпи простили и забыли это; он считал их счастливой, здоровой, красивой расой, живущей мирно и комфортно в своем коммунистическом обществе, ничего не желающей друг от друга, поскольку всего хватало на всех, стремящейся оказать честь странному гостю, который, как они надеялись, научит их многим полезным вещам.

ГЛАВА XXVI

Визит в Тайпи; история о старике, который вернулся слишком поздно.

Я, конечно, сказал, что должен посетить Тайпи, место кровавого набега Портера и подвигов Германа Мелвилла, и, пока я договаривался о покупке лошади в Таи-о-хае, я встретил Хауса Рамджа, суперкарго шхуны “Моана”, который рассказал историю, связанную с долиной.

“Я работал в магазине Коммерческого общества Океана в Тай-о-хэ, когда прибыла почтовая шхуна “Тропик Берд” из Сан-Франциско . Это было десять лет назад. К нам зашел пожилой мужчина, американец, и спросил дорогу в Тайпи.

“А, - сказал я, - вы читали эту книгу Мелвилла”. Он ничего не ответил, но попросил меня проводить его в долину. Мы отправились в путь верхом, и хотя он не говорил, что когда-либо раньше бывал на этих островах, я видел, что его странно интересуют пейзажи, мимо которых мы проезжали. Он был довольно слаб от старости и так разволновался, когда мы приблизились к долине, что я спросил его, что он ожидает там увидеть.

- Он остановил лошадь и помедлил с ответом. Он был ужасно взволнован.

“Давным-давно я жил в Тайпи”, - медленно произнес он. “Не могла ли там случайно жить женщина по имени Ману? Это было

давно, и я был молод. И все же я здесь, и она, возможно, тоже".

Я смотрел на него и не мог сказать ему правду. Было очевидно, что он не доверял капитану или команде "Тропической птицы", поскольку они могли бы рассказать ему о разрухе в Тайпи. Однако мне не хотелось, чтобы он сразу переходил к фактам.

"Сколько людей было в ваше время?" Я спросил его. Он ответил, что их было много тысяч.

"Я прожил там три года", - сказал он. - У меня был любимый человек по имени Ману, и я женился на ней по маркизскому обычаю. Я был беглым моряком, и однажды ночью на пляже меня схватили и увезли на корабле. Я много лет был капитаном большого американского лайнера, всегда хотел вернуться, но откладывал это из года в год. Все мои родные умерли, и я подумал, что приеду сейчас и, возможно, найду ее здесь и закончу свои дни. У меня много денег.'

"Он показался мне ребенком — возможно, он действительно потерял душевное равновесие из-за возраста. У меня не хватило смелости сказать ему правду. Мы пришли к этому достаточно скоро. Вы должны увидеть Тайпи, чтобы понять, что люди значат для этого места.

- Ноно были сущим адом, но, поскольку я прожил много лет в Тай-о-хэ, я к ним привык. Старик отвесил им пощечину

иногда, но не жаловался. Казалось, он почти не замечал их и не понимал, что означает их количество. Когда мы двинулись вверх по тропе через долину и он увидел только пустынные паэпаи, он начал выглядеть испуганным.

"Они все ушли?" - слабым голосом спросил он.

"Нет, - сказал я, - их здесь пятнадцать или двадцать'. Мы вышли на поляну и нашли там остатки племени тайпи. Я расспрашивал их, но никто никогда о нем не слышал. Было много ману, — это слово означает птица, — но поскольку они были последними в племени, она , должно быть, умерла еще до их рождения, и они больше не помнили имен умерших, поскольку их было так много, и все они скоро умрут.

Американец все еще достаточно хорошо понимал по-маркизски,

чтобы понять их ответы, и, взяв меня за руку, он оставил лошадей и повел меня вверх по долине, пока не дошел до места, где были обломки старого паэпае, погребенные под виноградными лозами и вырванные с корнем.

“Мы жили здесь”, - сказал он, а потом сел на заброшенные камни и заплакал. Он сказал, что у них было двое детей, и он был уверен, что, по крайней мере, застанет их живыми. Мне стало плохо из—за его страданий, и из-за этих проклятых nonos тоже, и я заплакал - не знаю, насколько это было сентиментально, но именно так это на меня подействовало. Старик казался таким одиноким в этом мире.

“Отсюда до пляжа три мили, - сказал он, - и я видел людей, которые приходили со своими подарками для вождя, шли на расстоянии ярда друг от друга, и все же очередь тянулась до самого пляжа”.

- Он едва мог вернуться в Тай-о-хэ верхом и уехал с Тропическая птица, не сказав больше никому ни слова.”

Тайпи, как мне сказали, был на полпути к Атихею и добрых четыре мили верхом. Дорога была хорошей, когда здесь жило много людей, и до сих пор оставалась главной дорогой острова, ведущей через долину Хапаа. Моего коня одолжили у Т’Йонни Говарда, который, хотя и владел долиной, лил цемент за дневную плату.

“Чем я занимаюсь?” спросил он, как будто у меня был ответ на этот вопрос.

“Никто не поможет мне там работать. Я не могу делать копру в одиночку. Даже сюда привозят людей из других мест, которые выполняют эту работу. Маркизцы умирают слишком быстро”.

Если Т’Йонни уважал соотечественников своего отца, то его лошадь - нет. Эти островные лошади выглядят несчастными конькобежцами, хотя и хорошо лазают по скалам и слайдерам.

“Тебе не нужно, чтобы кто-то сопровождал тебя”, - сказал сын бывшего владельца living picture. - Этот конь знает. Ты останешься рядом с ним.

Должно быть, седло было непривычным для коня, потому что, пока мы отправлялись в путь, мне передалось его беспокойство , которое усиливалось из-за непрекращающихся жестоких уколов

вездесущего животного.

нонос.

Дорога вела все выше и выше над изумрудной бухтой Тай-о-хэ, утопающей в зелени нефритового леса, и внизу открывалась долина за долиной, по мере того как тропа взбиралась вверх по отвесным скалам или пересекала небольшие плато на их вершинах. Хапаа лежал, окутанный фиолетовым туманом, который скрывал от меня немые признаки упадка; Хапаа, который дал Портеру тысячи обнаженных воинов, а теперь был лишен людей.

Снова слегка спускаясь вниз, тропа пролегала по краю глубокого обрыва, безлунной пропасти, в которой верхушки деревьев ряд за рядом терялись в смутных глубинах тумана. На заросшей виноградной лозой тропе, едва заметной тропинке через унылую пустыню, которая, казалось, дышала смертью и разложением, не было никаких признаков человеческого присутствия. Казалось, дух уныния поднимался от затененного склона, от безмолвия скорбного леса и влажной темноты скрытой листвой земли.

Я погрузился в размышления о прошлом, но внезапно на самом узком участке тропы зверь, на котором я ехал, повернулся и схватил желтыми зубами мои ноги, прикрытые брезентом. На мгновение меня охватил смутный приступ ужаса. Неужели я оседлал обезумевшего людоеда, призрака кровавых дней Нука-Хивы? В этих злобных глазах я увидел отражение рассказов о мести за переселение душ, исходящих от волка из Красная Шапочка для задницы, которой становится тот, кто убивает Брахман. В ту же секунду я издал вопль боли и ударил животное по носу - самой нежной части его тела , до которой можно было дотянуться. Он отпустил мою ногу, развернулся, запрыгал и, когда я ухватился за древовидный папоротник на берегу, кубарем скатился с обрыва.

Т'Йонни сказал “оставаться рядом с лошадью”, но он не мог предвидеть, какой дорогой тот пойдет. Мне стало жаль его, когда я услышал грохот его падения. Ни одно живое существо не могло избежать смерти при таком падении, потому что, хотя скала, с которой он спустился , не была абсолютно отвесной, она была близка к этому. Выглянув из-за него, я не смог разглядеть его труп, потому что папоротник и верхушки деревьев скрывали все

внизу. По крайней мере, я подумал, что теперь все его болезни позади. И вот я спустился по крутой тропе пешком — в основном, на одной ноге, — пока не достиг долины Тайпи.

Я оказался в неописуемом и ужасном одиночестве. Ни один звук , кроме отдаленного шума водопада, не нарушал мрачной тишины. Тропа вела через заросли папоротника, деревьев и полевых цветов. Аромат Хинано, ваовао с его нежными голубыми цветами и вайпухао, листья которых благоухают, как фиалки, наполнял тяжелый воздух, и я проезжал мимо акров коку, который похож на табак, но имеет восхитительный аромат желтых плодов. Это был сад, в который проник принц, разбудивший Спящую красавицу, чтобы добраться до дворца, где она лежала в трансе, и в нем царило то же ощущение страшной магии . Человечество не столько отсутствовало, сколько исчезло, и было ощущение

обреченность и смерть витали в неподвижном воздухе, который тяжелым грузом лежал на листьях и цветах.

Тонкое, резкое жужжание ноно не прекращалось. Они появились , когда человек ушел; их не было ни тогда, когда Портер опустошал долину, ни когда Мелвилл проводил здесь свои счастливые месяцы тридцать лет спустя. Теперь, чтобы спастись от них, нужно было двигаться быстро, и я продирался сквозь кусты, которые норовили скрыть тропу, когда наткнулся на туземца.

Он был так стар, что, должно быть, жил в долине совсем юным, когда ее еще мальчиком посетил капитан американского лайнера. Он был совершенно обнажен , если не считать рваной повязки, и его тело усохло и сморщилось, а кожа сморщилась и обесцветилась, пока он не стал выглядеть так, словно жизнь покинула его и оставила высоко и сухо между прошлым и будущей жизнью. Клочковатая борода пепельного оттенка свисала с его разинутого пустого рта. Но в душе он все еще был полон решимости, потому что на голове у него был венок из ярких цветов, дополнявший редкие локоны.

Его глаза были едва открыты, а лицо, да и все тело, было медно-зеленого цвета, сажа в свете свечей сама по себе была черной, но синяя на коже, с возрастом превратившаяся в пятнистую и отвратительную краску. Только яркие узоры там, где они переходили от бицепсов к груди, были простыми.

То, что он был одним из великих людей Нука-Хивы, не вызывало сомнений; этот факт был неизгладимо запечатлен в его облике, и, хотя он обветшал и выцвел до мертвенно-зеленого цвета старой меди, все же это говорило о его происхождении и ранге.

“Каоха те ики!” - сказал этот древний, стоя на тропинке.

“Каоха э!” Я поприветствовал его.

“Пуака пики эната”, - сказал он далее и указал вниз по тропинке.

“Что бы это могло значить?” Пуака - это свинья, пики - это садиться верхом или карабкаться, а эната - это человек. Яркий белый свет озарил мой лоб. - Люди-свиньи карабкаются? Мог ли он иметь в виду Розинанта, скакуна, которому Т’Йонни доверил меня и который так подло бросил его с обрыва?

Не веря своим глазам, я поспешил дальше и на поляне, где паслись три или четыре лошади, увидел самоубийцу, пасущегося на сочной траве. У него выпало много кожных покровов, а седло превратилось в лохмотья, но пуака пики эната, очевидно, был в добром здравии.

Старик медленно последовал за мной по тропе и остановился в дверях грубой хижины, щурясь на солнце и наблюдая за моими движениями. В домах было всего меньше дюжины человек. Они сидели у костров, разведенных из кокосовой скорлупы, едкий дым от которых пугал индейцев ноно.

Люди терпят такие пытки, чтобы оставаться в этом мрачном, пустынном месте, и это может быть только из-за любви маркизцев.

имеет отношение к своему дому. Только после того, как эпидемии унесут жизни всех жителей долины, кроме одного или двух, оставшихся можно будет убедить покинуть ее.

Эта дюжина представителей клана тайпи - оставшиеся из двадцати Рамдж встретился с убитым горем американцем.

Они цеплялись за свои одинокие паэпаи, несмотря на малочисленность и свирепость ноно. У них были поляны с кокосовыми орехами и хлебным деревом, но они больше не заботились о том, чтобы выращивать их, предпочитая печально

сидеть в клубах дыма и мечтать о прошлом. Один старик читал вслух “Евангелие от святого Иоанна” на маркизском языке, а остальные вяло слушали, казалось , не находя утешения в стихах, которые он декламировал нараспев, монотонно повторяя их ута.

Тайпи простирается на девять миль в длину, от великолепного водопада, который перепрыгивает через темную опорную стену там, где гора ограничивает долину, до сверкающего пляжа. И на всем этом просторе удивительно богатой земли, некогда нежно лелеемом обиталище самого доблестного клана в мире. На Маркизских островах, среди тысяч мужчин и женщин, чьи тела были прекрасны, как у моделей для греческих статуй, чьи сердца были щедры, а умы стремились познавать все хорошее, теперь осталась лишь жалкая дюжина, слишком старых или вялых, чтобы самим добывать себе пищу. В обломках разбитой и покинутой паэпаэ, в тени акр-покрытие баньян, я курил и спрашивал себя, что Христос подумал бы, что из разрушения, люди, называющие себя Христиане.

ГЛАВА XXVII

Путешествие на “Роберте”; крылатые тараканы; прибытие в швейцарский рай в долине Умоа.

Я ОТПЛЫЛ из Таи-о-хэ в неизвестный порт на шхуне “Роберта”, которая привезла “белую кобылу” из Атуоны и шкипер которой так достойно нес белое знамя Жанны во время процессии, посвященной ее памяти. “Роберта” была единственным судном в этих водах, и, поскольку она плавала по прихоти своего капитана и в соответствии с потребностями торговли, никто не знал, когда она сможет вернуться в Нука-Хиву, поэтому мне оставалось только воспользоваться предоставленной ею возможностью снова добраться до южной группы островов и положиться на удачу или сделай одолжение, верни меня на мой родной остров Хива-Оа.

“Роберта” сидела низко в воде, не так сильно натруженная, как ” “Морнинг Стар”, или “Морнинг Стар”, с недорубленной кормой, но старый и потрепанный, построенный для ловли воров, с историей, такой же изуродованной, как его корпус, и такой же скользкой, как его палуба. Разве не был он когда-то “Германом”, а

до этого чем-то другим, и еще раньше чем-то другим, построенным для русских, чтобы ловить коварных браконьеров в Дымчатом море? А позже сама стала браконьером, а еще позже воровала людей, охотилась на черных птиц, хватала ни в чем не повинных туземцев Южных морей и продавала их в рабство на рудники или плантации, в кучи гуано и в отвратительный чужой климат. С его палубы стекала кровь, и он слышал стенания кроткого дикаря, оторванного от своего любимого дома и принужденного к подчинению превосходящими его белыми. Название, цвет и оснастка менялись снова и снова, владельцы и капитаны отправлялись в “рундук Дэви Джонса”; старая медная пушка на его палубе обстреливала деревни на побережье. Маркизцы были свидетелями тысячи убийств и грабежей.

Я поднялся на борт с помощью подъемника, взобрался на низкую рубку и спрыгнул на крошечный корму, где Джером Каприата стоял у штурвала.

Этот корсиканец, проживший более шестидесяти лет, большую часть из которых провел в этих водах, был настоящим маркизцем в своем интуитивном умении управлять своей шхуной в любую погоду, узнавать эти острова по скале или дереву, высаживаться на берег и принимать грузы в любых морях. Старый и потрепанный, как “Роберта”, он был известен всем, кто путешествовал по Южному океану. Все романы, которые он пережил и видел, были спрятаны в его седой груди, потому что он мало рассказывал о себе.

Суперкарго Генри Ли, норвежец двадцати пяти лет от роду, шесть из которых он провел на островах, достал ром, вино и глиняную бутылку с водой. Он познакомил меня с отцом Оливье, священником миссии, которая находилась на острове Фату-Хива. От него Я узнал, что “Роберта” направляется в Омоа, порт на этом острове.

То, что у меня не было ни малейшего представления о том, какой будет наша первая высадка на берег, свидетельствовало о секретности, которую сохраняли эти торговцы в борьбе за копру. Поскольку запасы ограничены, часто это первое судно, прибывающее на место после сбора урожая, которое может их купить, и капитаны шхун следят за их передвижениями, как армия за своими собственными во время кампании. Торговцы доверяют друг другу, как кошка с мышью доверяют другой кошке.

Священник сидел на выступе под гакабортом, и я заговорил с ним по-испански, так как слышал, что это его родной язык. Его ответное “буэнос диас” было сердечным, а голос мягким и сочным. Красивый мужчина был Падре Оливье, хотя и пребывал в печальном расстройстве. Его черная сутана, покроенная так же, как шерстяное платье наших бабушек, промокла насквозь, а низкие грубые ботинки были в грязи. На голове у него была грязная бандана. Его тонко очерченные черты лица, мягкие и интеллигентные, обрамляла белоснежная борода, а глаза, большие и прозрачные, излучали саму доброжелательность. Он был сама приветливость и охотно говорил обо всем на свете.

Дождь, который шел с перерывами весь день, начался снова, и, когда “Роберта” вышла в открытое море, она начала набирать ход. Наша беседа затянулась. Когда суперкарго позвал нас вниз обедать, гордость, а не аппетит заставили меня уйти. Священник ответил стоном. Падре Оливье распростерся на палубе, его благородная голова покоилась на подушке, единственном месте его багажа, украшенном монограммой Иисуса, Марии и Иосифа, вышитой монахинями Атуоны.

“У меня начинается морская болезнь, когда я перехожу вброд полосу прибоя”, - сказал священник в печальной шутке.

Каюта “Роберты” представляла собой темную и зловонную дыру, забитую бутылями и товарами, с двумя-тремя неубранными койками по углам, воздух был пропитан запахами тридцатилетней льяльной воды, тюленьих шкур, копры и грузов, перевозимых с островов. Каприата, Гарри Ли и я сидели на ящиках за грубым столом, за который мы цеплялись, пока “Роберта ” раскачивалась.

Когда повар в лохмотьях принес первое блюдо, безошибочно показавшееся мне кошкой , плавающей в жидкости, которую, я мог бы поклясться своим обонянием, была каплями из бака с аммиаком, я запротестовал, заявив, что мне не хочется есть. На мгновение моя уловка удалась, но была разоблачена стаей тараканов, которые, учуяв запах любимого блюда, внезапно запрыгнули на стол и на нас, прыгая и залетая в тарелки и рисуя Корсиканские проклятия от Каприаты и норвежские проклятия от Ли. Я не стал дожидаться, когда они сбросят захватчиков со стены стола в ров с соленой водой и разбитым вином, но быстро, хотя и с трудом, взобрался на палубу и лег рядом Отец Оливье, и крики о том, что враг повержен и что “лишь немногие” летают вокруг, не могли снова позвать меня вниз.

Мы с отцом Оливье всю ночь лежали ничком под проливным дождем и ярким лунным светом, а попутный ветер нес нас вперед со скоростью шесть узлов в час. В перерывах между дремотами падре Оливье читал четки, чтобы отвлечься от своих горестей. Я мог определить, когда он заканчивал десятилетие, по тому, как он невольно вздрагивал, начиная новое. У меня не было такого утешения, как четки и молитвы, и полет этих грифонов-шхун поразил меня в солнечное сплетение воображения.

“Примите их как крестный путь”, - сказал священник. “Эта жизнь - всего лишь ступенька к небесам”.

Я ответил несколькими комментариями, свидетельствующими о моем убеждении, что тараканы принадлежат к еще более низкой ступени и движутся в противоположном направлении.

“Я знаю этих блаттов, этих салигаудов”. сказал он с сочувствием. “Они посланы сатаной, чтобы спровоцировать нас на богохульство. Я никогда не опускаюсь ниже этого”.

Люди, не знакомые с печально известными повадками ночных тропических жуков, вряд ли могут оценить всю их истинную ужасность . Медлительные создания, обитающие в умеренном климате, в теплых странах развивают способность летать, и препятствия, успешно чинимые им в странах, где они просто ползают, здесь бесполезны. Они полностью владели Робертой.

Суперкарго Ли винить было не за что, поскольку он рассказал мне, что однажды, задержавшись в порту, поймал на ядовитые приманки восемь тысяч человек, и что в течение месяца те, кому удалось спастись, вновь заселили старую шхуну, как и прежде. Тогда он отчаялся и позволил им властвовать над собой. Я не мог ни спать, ни есть среди них, и путешествие превратилось в кошмар, который не рассеялся после инцидента, произошедшего на вторую ночь.

Каприата, чьи ноги покрылись мозолями от многолетнего хождения босиком, очнулся от глубокого сна, которому способствовал ром, и обнаружил, что тараканы на его койке прогрызли более полудюйма твердой кожи и начали пожирать его плоть. С богохульными и леденящими кровь воплями он выскочил на палубу, где некоторое время сидел, обрабатывая раны и безудержно ругаясь, прежде чем присоединиться к отцу

Мы с Оливье демократично дремлем на голых досках. Несколько недель спустя его ноги так и не оправились от язв, вызванных ядом.

Когда восемь склянок пробили четыре часа, я поднялся на ноги и в нежных лучах рассвета увидел панораму вершин и обрывов, темных и угрожающих, побережье Фату-Хивы и вход в залив Оомоа, самый южный остров Маркизских островов, и гавань, в которой появились первые белые люди. который видел острова, стоящие на якоре более трехсот лет назад.

Те испанцы, на чьих кораблях крест был замечен в каютах и

бакса, вооруженный ружьем и алебардой, убил множество маркизцев в Оомоа, чтобы утолить их жажду крови. С тех пор уровень смертности, на котором летали белые , никогда не снижался. Оомоа и Ханававе, соседние бухта и деревня, были курортами для китобоев, которые принесли с собой множество болезней, сокративших население Фату-Хивы с многих тысяч до менее чем трехсот человек. Чахотка была впервые завезена на острова одним из этих китобоев и произвела столь тревожное впечатление на жителей острова. Ханава сказал, что большинство оставшихся покинули свои дома и переправились на остров Тахуата, спасаясь от дьявола, которого белый человек выпустил среди них.

Мы плыли очень медленно после того, как горы лишили нас бриза, и когда дневной свет сменился ложным рассветом, мы забросили наши крючья в тысяче футов от берега. На нем мы увидели маленькую деревянную церковь и два жилища, казавшиеся миниатюрными рядом с мрачными остроконечными скалами, грубыми копиями башен Альгамбры, стройными минаретами рядом с гигантскими утесами, которые местами были покрыты ползучими растениями, а местами были голыми, как склоны действующего вулкана.

Фантастическое и величественное нагромождение скал на берегах Фату-Хивы выглядело так, словно какой-то геркулесовский скульптор с расстроенным мозгом и могучей рукой трудился над воспроизведением страшных химер своих грез.

В шесть часов мы со священником и суперкарго отправились на берег в лодке и добрались до пляжа, такого же ровного и

привлекательного, как у Атуоны. Отца Оливье ожидало каноэ; он сразу же забрался в него, его черная мокрая ряса прилипла к телу, и крикнул “Адьос!”, когда его люди быстро поплыли к Ханававе, где он должен был отслужить мессу и исповедаться.

Ли и я пошли по дороге, окаймленной каменной стеной, и, миновав множество видов деревьев и растений, вошли в ограду через ворота.

После продолжительной прогулки по ухоженной плантации мы оказались перед европейским домом, в котором чувствовались комфорт и вкус. На верхней площадке лестницы, ведущей на широкую веранду, стоял мужчина в очках в золотой оправе и красной набедренной повязке. Его лысая голова красивой формы и педантичные манеры привлекли бы внимание в любом наряде.

Меня познакомили с месье Франсуа Греле, швейцарцем, который прожил здесь более двадцати лет и за все это время ни разу не уезжал дальше, чем на несколько миль. Даже Таити не привлекло его. С тех пор, как он приехал сюда в возрасте двадцати четырех лет, он жил в Оомоа в полном довольстве.

После того, как мы немного поболтали, он пригласил меня быть его гостем. Я подумал о Роберте и тех двух видах тараканов, которые Восточная блатта и немецкая блатта, которые совершают набеги ночью и днем соответственно; я посмотрел на окрестности Грелета и согласился. Пока

Роберта собрала столько копры, сколько смогла, и улетела, а я стал жителем Оомоа до тех пор, пока случай не привел меня на мой родной остров.

Двадцать лет назад мой хозяин посадил деревья, которые окружали его дом. Обладая любовью швейцарского фермера к порядку, он не пренебрегал ничем, чтобы навести порядок в своем окружении, поскольку природа придавала ему красоту

.

“Я изучал сельское хозяйство и молочное дело на ферме моего отца в Швейцария, - сказал Греле. “В школе я больше изучил их теорию, а когда увидел веселые города Европы, то отправился

жить в новый свет . Сначала я был в Пекос-Сити, штат Нью-Мексико, где у меня было несколько сотен акров государственной земли. Я привез виноградные лозы из Фресно, что в Калифорнии, но воды оказалось недостаточно для стерильной почвы, и я был вынужден отказаться от своей земли. Из Сан-Франциско я отплыл на бриге Из Галилеи на Таити. Я так и не закончил это путешествие, потому что, когда бриг прибыл в Таи-о-хэ, я покинул его и устроился на “Юнис”, небольшую торговую шхуну, и в течение года оставался на ее борту, посетив все Маркизские острова и так привязавшись к ним , что купил землю и обосновался здесь.”

Грелет огляделся и улыбнулся.

“Это не так уж плохо, хейн?”

Это было совсем не так. От маленькой бухты, где стоял его лодочный сарай , к его дому вела извилистая дорога, проходившая через пышно разросшийся сад. Манго и лаймы, плоды хлебного дерева и кокосовый орех, цитрусовое пюре, апельсин и папайя, банан и аллигаторова груша, свечной орех и каштан, шелковица и сандаловое дерево, ту, эбеновое дерево бастард и розовое дерево палисандр, розовое яблоко с фиолетовыми цветами и восхитительными фруктами, фисташки и бадамьер, множество других ароматов. заросли кустарников и великолепных древовидных папоротников, и все это на зарослях белых паутинных лилий, огромных, сладко пахнущих растений, их целый акр, а с ними и другие папоротники многих видов, и мхи, кивающие листья таро и ти, листья, которые делают жители Фату-Хивана. в пояса и венки; все они росли пышно, дружески соседствовали со швейцарцем, подставляя его или добровольно поступая на службу в щедрых тропиках.

Лилии, апельсиновые деревья и панданусовые деревья давали пищу пчелам, чьи крытые соломой домики густо росли на склоне холма над домом. Греле был опытным пчеловодом и пополнял свои сладкозвучные стада за счет диких пчел, выманенных из лесов. Мед он процеживал и разливал по бутылкам, и за ним к нему приезжали гонцы со всех островов.

Фруктовый сад за домом подарил нам Валенсию и Мандарины, лимоны, фейи, гвинейскую вишню, ананасы, В Бардадо выращивают вишню, сахарный тростник, сладкий картофель, арбузы, дыни, перец чили и тыквы. Кресс-салат только что из реки.

В саду паслись коровы и козы, но Грелет запретил свиньям бродить в уединенной долине. Одной из коров было двадцать два года, но она ежедневно давала полные ведра молока, чтобы мы могли подкрепиться. Говядина и рыба, плоды хлебного дерева и таро, хороший хлеб из На столе всегда были американская мука, ром, красное и белое вино, миски с молоком и зелеными кокосовыми орехами, коробка сигар, пачки настоящего табака “Скаферлати Супериор “, документы о приеме на работу и дюжина трубок. Ни один король не мог бы жить по-королевски, как этот Швейцарец, который в течение двадцати лет ни разу не покидал маленький забытый остров Фату-Хива.

Его дом, окруженный зеленью, цветами и ароматами, был просторным и аккуратным, побеленным как внутри, так и снаружи, с широкой верандой, выкрашенной в черный цвет. Двух спален, кладовой, в которой он продавал свои товары, и мастерской хватало для всех его нужд. Веранда служила гостиной и столовой; приподнятая на десять футов над землей на каменных столбах из плодов хлебного дерева, она служила крышей для кузницы, комнаты для хранения седел и уздечек и маленькой кухни.

Потолки в доме были деревянными, но на веранде он предусмотрительно повесил брезент на фут ниже крыши. Воздух циркулировал над ним, раздувая его, как парус, и делая атмосферу прохладной. Под ним стоял его обеденный стол, рядом с очень красивым буфетом, приготовленным Грелет из искусственного черного дерева, потому что он был хорошим плотником, а также отличным лодочником, фермером, ковбоем и охотником. Здесь мы сидели после ужина с трубками и сигаретой за бокалом вина, перед нами был сад, и обсуждали многие вещи.

У Греле было бесчисленное множество книг на французском и немецком языках, всех великих авторов, старых и современных; он взял важные обзоры Германии и Франции и несколько газет. Он знал гораздо больше меня о прошлом и настоящем, о событиях в большом мире, об искусстве, музыке и изобретениях, финансах и политике. Он мог бы назвать кабинеты министров Европы, характеры и послужной список их членов или обсудить качество голоса Карузо в сравнении с голосом Жана де Решке, хотя никогда не слышал ни того, ни другого. Двадцать два года назад он покинул все, что называется цивилизацией, он никогда не покидал пределов С тех пор он жил на Маркизских островах в

уединенной долине, где не было другого человека с его вкусами и образованием, и был доволен.

“У меня есть все, что я хочу; я выращиваю это или сам готовлю. Мои лошади и крупный рогатый скот бродят по холмам; если мне нужно мясо, говядина, коза или свинья, я иду или посылаю человека, чтобы он убил животное и принес его мне. В реке и заливе водится рыба, в ульях есть мед, в саду растут фрукты и овощи, я использую древесину для мебели, кору для дубления шкур. Я выделываю корой розового дерева кожу для седел или сидений кресел. Вы знаете , почему его называют розовым деревом? Я покажу вам. Его свежесрезанная кора пахнет розами. Да, у меня есть все, что я хочу. Что мне нужно

из больших городов?

Он набил табак в трубку и задумчиво затянулся.

- Человек живет совсем недолго, правда? Ему следует спросить себя, чего он хочет от жизни. Он должен смотреть на мир таким, какой он есть. Эти трейдеры хотят денег, покупают, продают и обманывают, чтобы получить их. Что такое деньги по сравнению с жизнью? Их жизнь состоит из покупок, продаж и обмана. Жизнь создана для того, чтобы жить приятно. Что касается меня, то я делаю со своей трубкой то, что хочу, и делаю это в приятном месте.

Он докурил трубку, глядя на сад, тихо шумящий в сумерках. Он выбил из нее табак, снова набил табакерку и закурил

.

- Вы бы видели этот остров, когда я сюда приехал. Эти туземцы умирают слишком быстро. Ах, если бы я только мог найти рабочую силу, я мог бы обеспечить эту долину продукцией , которой хватило бы на десять тысяч человек. Я мог бы загрузить корабли копрой, хлопком и кофе.

Ему было двадцать два года, и он находился за много тысяч миль от великих городов Европы, но он озвучил вопль преуспевающего человека во всем мире. Если бы он мог найти рабочую силу, он мог бы превратить ее в воплощение своих мечтаний, в

наполнение своих кораблей товарами для получения прибыли. Но у него не было рабочей силы, потому что плоды коммерческой цивилизации убили островитян, у которых были свои мечты, свои корабли, свои удовольствия и доходы от жизни.

Недалеко от миссии в Ханававе

Начиная от Ханававе до Оомоа

ГЛАВА XXVIII

Труд в Южных морях; несколько случайных мыслей о “выживании наиболее приспособленных”.

Когда я впервые приехал сюда, я представлял, что буду возделывать многие сотни акров земли, - сказал Греле. “Я разбил несколько плантаций и однажды отправил много кофе, причем такого же хорошего, как и все в мире. Сейчас я собираю достаточно для собственного потребления и не продаю ни одной. Я выращивал хлопок и кокосовые орехи в больших масштабах. Сейчас я выращиваю совсем немного.

“Тогда здесь были сотни трудоспособных мужчин. Раньше я покупал опиум у китайских подрядчиков и контрабандистов и раздавал его своим рабочим. Таблетка, принимаемая один раз в день, сделает Маркизцы суетятся. Но правительство остановило это. Говорят , что это сделала книга, написанная англичанином Стивенсоном. Скоро нам придется искать работу в другом месте, возможно, в Китае. Те двое паумотанцев, которых привел сюда Беголе посланы мне богом. Я бы хотел, чтобы кто-нибудь принес мне сотню”.

Двое молодых людей с Паумоты, Тэннонoку и Кедеко-Лио, неподвижно лежали на полу веранды в двадцати футах от них. Беголе, капитан торговой шхуны, продал их Грелету за небольшую сумму. Проходя мимо Паумотанских островов,

расположенных во многих сотнях миль к югу, Беголе забыл оставить на маленьком атолле Пукатуху несколько мешков муки, которые он обещал привезти вождю во время своего следующего путешествия, и вождь, увидев шхуну в миле от себя, приказал мальчикам плыть к ней. это и напомнит шкиперу о его обещании. Беголе тем временем поймал попутный ветер, и впервые он узнал о сообщении , когда мальчики поднялись на борт шхуны, находившейся за много миль от берега. Он не стал утруждать себя посадкой, а просто посадил их на землю. Маркизцы продали их Грелету.

Они не говорили по-маркизски, и Греле с трудом заставил их понять, что они должны работать на него и выполнять его приказы, которые они не могли понять. В дождливую погоду копры готовилось немного, и они лежали на веранде или сидели на корточках на паепае в кухонном помещении для рабочих, дважды в день разводя огонь из кокосовой шелухи, чтобы поджарить плоды хлебного дерева. Их дикарские сердца их всегда были на своем атолле, в доме, к которому туземцы привязаны так страстно, и глаза их были темны от безнадежной тоски. Несомненно, они скоро умрут, как и многие другие изгнанники, но Урожай копры в Грелете принесет прибыль в первую очередь.

Все белые мужчины на этих обезлюдевших островах жалуются на острую нехватку рабочей силы для производства копры, посадки деревьев или любой другой прибыльной деятельности . Средняя заработная плата составляла шестьдесят центов в день, но даже небольшая

доллар не принес должного облегчения. Маркизец ненавидит труд, который для него всегда был бесполезной тратой жизни и не приносил пользы, даже когда его тяжелый труд мог обогатить белых владельцев плантаций. Поскольку у каждого мужчины был участок земли, на котором копры хватало для удовлетворения его простых потребностей, а плоды хлебного дерева и рыба были в его распоряжении, его нельзя было заставить работать, кроме как на правительство в уплату налогов.

Белые люди на островах, подобно эксплуататорам более слабых рас во всем мире, не желали делиться своими прибылями с туземцами. Они были вынуждены умолять или опьянять тех, кто Маркизец, чтобы раздобыть хоть немного рабочей силы. Они понимали , что могли бы разбогатеть, если бы смогли заставить

множество людей гнуться за них, но они либо не могли, либо не хотели воспринимать ситуацию с точки зрения местных жителей.

В Америке я часто слышал, как безработные мужчины, особенно в неблагоприятные времена года, в больших городах или в шахтерских поселках, отстаивают свое право на труд. Они не могли обеспечить соблюдение этого якобы естественного права и в отчаянии говорили о долге общества или государства в этом направлении. Но они были вынуждены довольствоваться скудной помощью в виде бесплатных столовых, благотворительных складов дров и других средств, облегчающих трудные времена, а также угрозами саботажа или иного насилия.

Здесь, на островах, где работа предлагается коренным жителям, не желающим этого делать, работодатели проклинают свою бессилие отвезти их в леса для выращивания копры, к печам для обжига и лодкам. Таким образом, поскольку в высокоцивилизованных странах мы утверждаем , что человек не имеет неотъемлемого или законного права на труд, на этих островах у работодателя нет оружия, с помощью которого он мог бы принудить его к тяжелому труду. Но если бы белые обладали властью приказывать всем выполнять их приказы, они создали бы систему крепостничества, как в Мексике.

Один мой знакомый, живший в этих морях, принял участие в переселении в отдаленное место всего населения острова, на котором люди вели обычную жизнь полинезийцев, и извлек из этого немалую выгоду. Он и его сообщники продали триста человек на плантации, которые они ненавидели и к которым не привыкли. В течение года двести пятьдесят из них умерли так быстро, как только болезни смогли подорвать их измученные горем тела. Их бывший дом, который они до смерти мечтали увидеть снова, был превращен в пастбище для овец. Торговцы получили двойную пошлину. Им хорошо заплатили за то, что они доставили владельцев земли на плантации, и вдобавок они получили землю.

Мой знакомый - человек с университетским образованием, цитирующий Геккеля и Дарвина, его девизом со времен учебы в Йене является “выживает сильнейший” . Он цитирует шотландца:

“Как бы вы это ни смягчали, факт остается фактом: дарвинизм рассматривает животных как идущих наверх в борьбе за индивидуальные цели, часто на

трупы своих собратьев, часто в результате жестокого соперничества, часто из-за странной смеси крови и хитрости, при которой каждый заботится о себе, и вымирание преследует последнего".

Далее мой суровый знакомый, особенно когда он пьян:

"Вся система развития жизни заключается в том, что низшее обеспечивает пищей высшее в постоянно расширяющихся кругах органического существования, от простейших до бычков, от чернокожего африканца до образованного и работающего человека. Мы строим на бычьих ребрах и на спинах низших классов людей".

Научные книги заняли место Библии в качестве цитат-сокровищницы доказательств того, что их читатель больше всего желает доказать. Сейчас Я не ученый и проявляю к научным фактам и теориям лишь поверхностный интерес, присущий среднестатистическому человеку. Но мне кажется , что в своей теории выживания наиболее приспособленных мой знакомый странным образом упускает из виду вопрос о выживании самого человека как вида.

Если мы хотим основывать наши действия на этом хладнокровном и бесчеловечном взгляде на вселенную, давайте будем считать, что вселенная на самом деле бесчеловечна и не заботится о человеке, кроме как о виде животных, который, вполне возможно, обречен на вымирание, как многие другие виды животных были обречены в прошлом, если только он не докажет свою способность выживать не как индивидуум, а как биологический вид.

Человек - стадное животное, он живет стадами. Особенностью стада является то, что внутри него закон выживания наиболее приспособленных почти перестает действовать. Ценность стада в том, что его члены клуба защищают друг друга, вместо того чтобы охотиться друг на друга. В том, что нам нравится называть животным миром, стада представителей одного вида не охотятся друг на друга. Они скорее объединяются для защиты своих более слабых представителей.

Насколько мне известно, человечество - единственное стадо, в отношении которого это не так. Крупный рогатый скот и лошади

объединяются, чтобы защитить молодых и слабых; овцы сбиваются в кучу от холода и волков; пчелы и муравьи работают только на благо роя, который является всеобщим благом. Нам говорят, что именно по этой причине эти формы жизни выжили. Но корабельные офицеры избивают матросов, потому что у матросов нет огнестрельного оружия и они боятся обвинений в мятеже. Полицейские дубасят плохо одетых заключенных. Служащие получают прибыль от труда детей. Сильные нации охотятся на слабых, и белый человек убивает белого человека, а также черных , коричневых и желтых людей на рудниках, плантациях и в лесах по всему миру.

Он оправдывает это убийство себе подобных крылатой фразой “выживает сильнейший”. Но человек - животное не одиночное, а стадное, и к стаду неприменимо природное определение приспособленности. Стадо - это убежище от закона зубов и клыкастости. Привнося в стадо свою собственную интерпретацию этого закона, человек разрушает природу.

сила его убежища. Когда один человек охотится на другого человека или унижает его достоинство, он ослабляет силу человеческого стада. И для человека именно стадо, а не индивидуум, должно соответствовать суровому закону ” выживает сильнейший” на огромной безликой арене Вселенной.

“Булли Айс был тем человеком, который заставил канаков работать!” - сказал Лиинг Билл Пинчер. “Я когда-то был на острове Пенрин, и это было “по-старому” . С ним было приятно познакомиться. Он был раздражителен, как голодная акула по отношению к миссионеру-плавателю. Лысый, как рак, он был тучен и улыбался.

“У него были две белые жены, которые сидели в его каюте на шхуне, и они называли ее гостиной. Они были умными людьми и не раз спасали им жизнь. Он заманил бы парочку вождей на борт, напоив их ромом, и держал бы их до тех пор, пока шхуна не была бы битком набита копрой. Старый остров из кожи вон лез бы, чтобы освободить вождей. А потом, когда у него будет копра, он украдет сотню-другую Канаки и продают их в Южной Америке.

- Он был умен, и все же у него получилось. Помощник капитана увидел, как он переваливается через борт с налитым кровью глазом, и ударил его по раковине, когда его нога перекинулась

через борт шхуны. Он упал с ножом в зубах и пистолетами в руках.

“Он убил сотни белых, коричневых и черных мужчин, и он был умен, и ему это сошло с рук. Но он совершил ошибку, не подружившись с “правильным” и “человеком”.

ГЛАВА XXIX

Белый человек, который танцевал в долине Умоа; охота на дикого кабана в горах; праздник торжествующих охотников и танец в честь Гретель.

ГРЕЛЕТ отправился на вельботе в Ию, что в дюжине миль отсюда, собирать копру, и у меня остался свободный день, который я мог заполнить по своему усмотрению. Дом, сад и неизведанные уголки долины Оомоа были моими, со всеми возможными развлечениями и приключениями. Каждый новый день, где бы он ни проходил, - это приключение, но когда к загадочному утру добавляется изюминка незнакомого места, только скучный человек не почувствует восторга от этого.

Я начал день с того, что искупался в реке с годовалой Тамаити, дочерью Грелет. Ее матерью была Хинатия Айани, смеющаяся, красивая шестнадцатилетняя девушка, и за ними обоими ухаживала Паэ, сорокалетняя женщина, некрасивая и бездетная. Хинатия Айани была ее приемной дочерью, и Паэ была очень разгневана, когда Грелет, с которой она прожила восемнадцать лет, забрал девочку. Но с рождением Тамаити Паэ примирился и заботился о благополучии младенца больше , чем о капризной молодой матери.

На Тамаити никогда не было одежды, и она выглядела пухленьким херувимом, когда играла на веранде и ползала по лужам , когда дождь хлестал по полу.

“Малышка никогда не болела”, - сказала Грелет. - Однажды днем я направлялся к реке искупаться, когда та девушка устраивала себе постель из кокосовых листьев под домом. Она сказала, что ожидала появления ребенка, так как, забравшись на кокосовую

пальму за минуту до этого, почувствовала какое-то движение. Она не хотела лежать в постели, но, как и ее мать до нее, должна была соорудить себе гнездышко из листьев кокосовой пальмы. Когда я вернулась из ванной, родилась Тамаити. На следующий день она рубила дрова — я имею в виду мать."

Хотя малышке едва исполнилось двенадцать месяцев, она плавала в прозрачной речной воде, как лягушка, время от времени бормоча что-то вроде детского лепета маркизцев, мне непонятного, но явно выражавшего ее удовольствие. Однако некоторая европейская осторожность все еще оставалась со мной, и, возможно, без необходимости, я поднял мокрое тельце и понес его по садовой дорожке к дому , когда вернулся к завтраку. Паэ принял ее без всякого беспокойства и дал ей пососать по кусочку кокосового ореха. Я снова увидел младенца, который, сжимая его в одной руке, ковылял и спотыкался в сторону реки, когда после завтрака отправился на прогулку по долине Умоа.

Оомоа был гораздо более диким, чем Атуона, и более уединенным, с сотнями пустующих паэпаэ. Мили некогда возделываемой земли были снова захвачены джунглями, поскольку после тысячелетнего перерыва поместья перешли в собственность природы.

человек. И все же, даже вдали от домов, каким-то таинственным образом сохранились нежные деревья , а апельсины и лаймы сами собой предлагались мне в зарослях.

Река, впадавшая в залив под плантацией Греле , стекала с холмов в долину, а рядом с ней на протяжении полумили пролегала тропинка, затем тропинка-проселок, с каждой милей становившийся все более узким, едва различимым в зарослях деревьев и кустарника по обе стороны. То тут, то там я видел туземные дома, построенные из бамбука и циновок, - очень простые укрытия с открытым пространством вместо дверного проема, но добротные, чистые и, на мой взгляд, красивые. Я никого не встретил, и большинство хижин стояли на другом берегу реки, но из одной, расположенной ближе к дороге , меня окликнул голос: "Каоха! Манихи, тата май! Приветствую тебя, незнакомец, иди к нам!"

В хижине, которая по размерам была десять на шесть футов, находились шесть женщин и девушек, все они непринужденно

лежали на циновках. Это было место сплетен, где можно было провести сиесту и устроить скандал. Один из них заметил меня и окликнул, и когда я подошел к их паэпае, они все вышли и окружили меня, мягко и вежливо, но с любопытством. Очевидно, они видели мало белых.

Всем шестерым было от тринадцати до двадцати лет, четверо из них были поразительно красивы, с грацией диких животных и яркими, нежными глазами детей. Улыбаясь и стремясь познакомиться со мной поближе, они рассматривали мои шерстяные свитера, рубашку-понжи и бриджи для верховой езды цвета хаки, ощупывая и обсуждая плотные швы которых. Они обнаружили крошечную прореху, и старшая настояла, чтобы я сняла бриджи, пока она их зашивает.

Поскольку это был мой единственный шанс предотвратить перерастание прорехи в пропасть , которая в конечном счете поглотила бы брюки, я вовремя наложил швы и, не имея в карманах ничего для вознаграждения, станцевал джигу. Я не умею правильно танцевать па или пропеть ноту, но на этом архипелаге я снискал межостровную славу как танцор странных и забавных движений и исполнитель странных песен белых.

Вспоминая прогулки с пирогами, просеивание песка, полет голубей и похлопывание по джубе на юге, морскую дудочку, танец с мечами на Шотландский виски и столичная версия танго - я старался изо всех сил, в то время как волнующий воздух долины Оомоа вторил этим словам, которые я выкрикивал во всю силу своих легких.:

“Жил-был старый солдат, и у него была деревянная нога”, И у него не было табака, поэтому он просил милостыню. Солдат сказал матросу: “Не дадите ли мне пожевать?” Матрос сказал солдату: “Будь я проклят, если я это сделаю! Сосредоточься на своем номере и держи палец на своих камнях., И у тебя всегда будет табак в твоей старой табакерке.

Танцуя и распевая таким образом на плоских камнях паэпае шести Дамы Фату-Хивы, я тысячекратно вознаградил их за помощь, оказанную моим растрепанным брюкам. Они хохотали, пока не повалились навзничь на камни, они приподняли концы

своих парео, чтобы вытереть глаза, и потребовали выхода на бис, что я любезно исполнил в песне, которую помнил с детства. В ней рассказывалось о молодом человеке, который повел свою девушку на модный бал, а потом в ресторан, и хотя у него было всего пятьдесят центов, а она сказала, что не голодна, она съела все меню, от сырых устриц до “пуссекафе”, и попросила добавки.

Это сопровождалось джигой Керри, которую обычно исполнял мой дедушка, и если дедушка, с его редкими способностями, когда-либо вызывал более бурные аплодисменты , чем я, то, должно быть, для него это был знаменательный день, даже в Ирландии. Мои слушатели кричали от восторга, а другие , живущие вдали или проходящие мимо, нагруженные плодами хлебного дерева и бананами, собирались вместе, пока я хохотал и прыгал, оглашая горный склон маркизскими бравадами.

С трудом мне удалось спастись, но успех преследовал меня. “Менихе хака!” - раздавался крик из каждого дома, мимо которого я проходил, потому что новость разносилась далеко, и в самых отдаленных уголках долины было известно, что американец, тот самый американец, который приплыл на “Роберте” с коробкой, на которой было написано, танцевал вдоль маршрута.

Как в старые добрые времена, во время войны или другого кризиса, раздался крик, и ему вторило эхо со всех сторон, и от хижины до кокосовой пальмы и до утеса был слышен зов, становившийся все слабее и слабей, постепенно затихая от точки к точке, отдаваясь эхом все дальше и дальше вдалеке. Это была древняя телеграфная система островитян, с помощью которой информация мгновенно распространялась в самые отдаленные уголки долины. Сам того не желая, я в порыве благодарности распространил ее и теперь продолжал свой путь в свете безжалостной рекламы.

Почти сразу же меня встретили несколько десятков мужчин и женщин, которые оставили сбор фруктов или домашние дела, чтобы поприветствовать меня. Фафо, вождь, искренне просил меня пойти с ними в соседний паэпае и станцевать для них.

У него были самые красивые глаза, которые я когда-либо видел у мужчины, темно -карие, миндалевидные, большие и блестящие, полные меланхолии. В этом молодом человеке было что-то изысканное: кожа лимонного цвета, изящные руки и ноги, стройное, хотя и сильное тело, ровные, блестящие зубы. Какой-

нибудь испанский дон воспитал его, или какой -нибудь угрюмый итальянец с музыкой в душе, потому что лицом и фигурой он был латиноамериканец . В его глазах, когда он смотрел на меня, была та тоска, которую испытывали Таитяне хорошо описали одну из своих картинок “ано-ано’ури”, что означает ” тоскующий, печальный взгляд собаки, наблюдающей за своим хозяином за обедом”.

Однако запоздалый страх перед славой заставил меня отклонить его мольбы, и, заметив поблизости пруд, я смягчил отказ, предложив

предложение искупаться. Как я узнал, этот пруд был знаменит в долине тем, что в нем можно было проплыть сорок футов, а с другой стороны холм поднимался прямо, и банановые деревья нависали над водой на сорок футов выше. Мы взбирались на этот скалистый склон и ныряли в воду снова и снова, радуясь ее прохладе и тому чисто языческому восторгу от погружения, когда в воздухе человек становится животным, освобожденным от всех ограничений и лишенным всякой защиты, кроме силы собственных мышц и нервов.

Наконец мы увидели на краю берега одну из собак Грелета, которая скулила, требуя внимания. Он был тяжело ранен в двух местах, кровь капала на камни из открытых порезов длиной в три дюйма, а одна лапа беспомощно свисала, в то время как нетерпеливыми криками и умоляющими взглядами он убеждал нас отомстить за него в его личной вражде с кабаном. Убедившись в нашем интересе, он остался, но не для того, чтобы его утешили или вылечили, а нетерпеливо заковылял вверх по тропе, скуля и умоляя нас сопровождать его.

Пятеро мужчин и несколько других собак последовали за раненой гончей, и Я пошел с ними. У маркизцев были боевые дубинки и длинные ножи, похожие на низкорослые мачете. Каждый островитянин носит с собой такой нож, чтобы срезать подлесок или стебли кокосовых орехов, и обычно это его единственный инструмент для строительства местных домов, так что он становится очень искусным в обращении с ним, поскольку Филиппинец со своим боло или кубинец с мачете.

Несколько часов мы карабкались по склонам, пока не наткнулись на узкую тропинку, вырубленную в скале, шириной около двух

футов, с отвесной стеной скалы вверху и крутым обрывом внизу. На этом месте главный охотник расположился сам и двое его людей, в то время как остальные вели разведку внизу. Этим лидером был шестидесятилетний мужчина, покрытый татуировками от пальцев ног до головы только с одной стороны, так что он был странно разноцветным, и, довершая эту странную фигуру, на нем были очки в стальной оправе. Он жестом предложил мне занять мое место в нише скалы, где я мог стоять и оглядывать тропу, защищенный от нападения. Он дал указания остальным и намеревался показать мне редкое зрелище, а себе - снискать толику славы, которая была у него в молодости в войнах с соседними долинами.

В течение часа мы ждали и курили, время от времени прислушиваясь к крикам людей и собак в зарослях внизу. По словам вождя, обычный способ охоты на кабанов - гоняться за ними по лесу и убивать, бросая в них томагавки. Этот метод позволяет охотнику всегда иметь дерево в пределах короткой дистанции, и он уворачивается от этих деревьев, когда его преследуют, или, если его прижимают слишком близко, взбирается на одно из них. Это опасный вид спорта, так как только хладнокровный и опытный человек может вонзить нож в жизненно важную часть тела кабана на полном ходу, и никакая рана в жизненно важные части тела не заставит отчаявшегося зверя даже дрогнуть.

Постепенно крики людей и собачий лай становились все ближе, и вдруг откуда-то из кустов донесся лай собак.

на тропе мы увидели десять ощетинившихся свиней. Их гнали вверх , пока они не достигли искусственного уступа, а позади них собаки и охотники отрезали им путь к отступлению.

“Апау! Эй, эй, эй! - закричал арьергард, когда кабаны двинулись по следу. - Смотрите! Приготовьтесь к удару!

Трое убийц схватились за дубинки и напрягли ноги. Я был выше вождя, который был последним из троицы. Там, куда он ставил ноги, тропинка была самой узкой, так что двое не могли пройти. Его нож был спрятан за парео, которое, чтобы не сковывать ноги, он свернул и заправил так, что оно превратилось в стринги. Его мускулы были похожи на канаты фауфи — лозы, которая душит, — а грудь - на огромный щит, наполовину голубой, наполовину

медный.

“Пео! Пепо! Уепе! Хоуп!” - закричали скауты в едином порыве. Маркизцы, и кабаны бросились наутек с горячей ненавистью в глазах и скрежещущими клыками.

Трое убийц находились на расстоянии пятисот футов друг от друга. Первый поразил всех десятерых, когда они поодиночке промчались мимо него. Троих он остановил. Второй мужчина уложил четверых. Трое оставшихся, естественно, были наиболее приспособленными. Это были огромные, отвратительные, рычащие звери с оскаленными зубами , сверкающими в пене, и налитыми кровью злобными глазами. Старый вождь заметил их приближение; он также заметил, что я превратился в штукатурку на стене , в то время как он смотрел в лицо опасности, как воин, испытывающий копье в их старой войне.

“Айя! Айя!” - сказал он, чтобы подбодрить меня. Он схватил обеими руками свою дубинку из железного дерева с острым и зазубренным краем, расставил ноги шире и подался всем телом вперед, чтобы отразить удар. Он с точностью до дюйма рассчитал появление первого кабана и нанес ему точный удар своим “у” по голове. Кабан согнулся и покатился вниз по склону холма. Второго он поразил так же безошибочно, но третьего решил убить ножом.

Он отложил оружие и одним движением выхватил нож, а когда мощное животное бросилось на него, отступил в сторону за долю секунды , прошедшую между оценкой его положения и прыжком. Его нож был направлен прямо вперед. Он встретил кабана с идеальной точностью. Зверь упал, мгновение подергался и затих.

Это была настоящая бойня, потому что один удар клыков, раздирающих ноги вождя, и он упал бы, скатившись со скалы, мертвым. Я чуть не расплакался от восхищения его выдержкой и точностью.

“Ах, если бы это была война, а они были врагами!”

Убитых кабанов подвесили на шестах, но полдюжины пришлось оставить на ветках деревьев до завтра, и было уже поздно, когда мы добрались до дома Грелета на пиршество.

Паэ, старшая женщина в доме, радостно встретила нас. В

в отсутствие хозяина она стала совсем не похожа на ту угрюмую, упрямую женщину, которую я видел, когда он был дома. Обычно они с Хинатия Айани, мать ребенка, ела свою еду, сидя на корточках рядом с кухней; они редко выходили на веранду, никогда не садились на стул, и их никогда не приглашали к нашему столу. Теперь они были полновластными хозяевами дома, и Паэ превратилась в веселую душу, ее родственники собрались на веранде, а бутылки быстро пустели. Она отпраздновала наш приезд с хряками, принеся две кварты мятного ликера и бутылку абсента, так что мыши, которых не было дома с большим котом, весело играли в “Аир”, откупоривая бутылки.

Теперь все были заняты приготовлениями к празднику. В то время как многие готовили для поросенка земляную печь, главный повар развел огонь своим примитивным способом, используя огнеупорную доску из дерева паруа, прислоненную к колонне веранды. Тем временем была вырыта печь, стенки и дно выложены камнями, а в нее уложены хворост для растопки. На огонь был положен верхний слой камней, и когда он раскалился докрасна, свинью вытащили и таскали над ним, пока не была удалена щетина. Затем тушу отнесли к реке, удалили внутренности и тщательно промыли внутри и снаружи в месте, где течение было сильным.

Печь подготовили к приему, убрав верхний слой камней и огонь, а дно и стенки застелили банановыми листьями, в которые поместили поросенка, начиненного горячими камнями, завернутыми в листья, а рядом - местный сладкий картофель и батат. Все это было накрыто листьями и еще одним слоем раскаленных камней. Печь была закрыта слоем земли.

В меню также входила молодая собака, которую готовили так же , как и поросенка. Маркизцы обожают собак. Этого человека привезли в эту долину из другого места, и он не был в дружеских отношениях ни с одним из своих мясников. На самом деле, его смерть была вызвана скорее местью, чем жаждой его плоти. Он укусил за ногу человека, жившего в верхней части Оомоа, и когда этот человек , прихрамывая, пришел на банкет, он принес кусочек в качестве пожертвования.

Те, кто задирал нос при виде Таузера, должны послушать капитана. Кук, который сам был убит и расчленен на части на Гавайях:

“Мясо морской собаки Южных морей - это мясо, которым нельзя

пренебрегать. Оно стоит рядом с нашей английской бараниной".

Лично я предпочитаю, чтобы это блюдо подавалось рядом с бараниной на каждом приеме пищи, и я всегда буду выбирать его по соседству, но это говорит о том, что у нас ограниченный вкус, и я не признаю, что блюда наших зарубежных друзей могут быть по-своему вкусными. Собака была лакомым кусочком для маори на протяжении тысячелетий. Она была завезена в Новую Зеландию с этих островов. У аборигенов была свирепая, неприрученная собака, на которую они охотились ради ее мяса. Это была разновидность лисы, но она исчезла еще до того, как полинезийцы добрались до

острова.

Все полинезийцы любили собак, как домашних животных, как и сегодня, и как пищу. Если кто-то спросит, как можно погладить Фидо В понедельник и ешьте его во вторник, я отвечу, что мы, представители высшей цивилизации, любим телят и ягнят, кур и кроликов и считаем их ничуть не менее аппетитными. Маркизцы любят своего поросенка так же, как мы любим свою собаку, обнимают его, называют ласковыми именами, верят, что он попадет в рай, — и тем не менее жарят его на ужин.

Батат, картофель, плоды хлебного дерева и другие блюда для собак, поросят и цыплят были готовы к шести часам, когда восторженные крики привлекли нас, бездельников. Земля была вынута из духовки, листья убраны, и поросенок был поднят в воздух, прожаренный до готовности, сочный, дымящийся, восхитительный. Пир был устроен на поляне, чтобы солнце, медленно опускающееся на западе, могло просачивать свои лучи сквозь высокие деревья и радовать нас своим присутствием, но в тени было прохладно. Для меня было расстелено римское ложе из циновок, а туземцы сидели на корточках, устраиваясь поудобнее с мужчинами, у которых ноги от природы.

Женщины прислуживали нам, аккуратно раскладывая еду на листьях . Сама Паэ, хотя и была хозяйкой, не могла приступить к трапезе, пока все мужчины не насытились, потому что тапу все еще в силе, хотя и без разрешения. Ни ножи, ни вилки не препятствовали нашему свободному набегу на съестные припасы, а рядом с каждым из нас по обычаю лежали скорлупки кокосовых орехов, чтобы мыть руки между блюдами.

На закуску были пиахи, местные каштаны, очищенные от кожуры и приготовленные в кокосовом молоке, а затем мелкая рыба, которую мы ели сырой, предварительно вымочив в соке лайма. Нет такого блюда, к которому белый человек так быстро привыкал бы и которое так долго помнил бы после ухода из жизни. Некоторым гостям соус не понравился, но они взяли свою маленькую рыбку за хвост, с которого стекала соленая вода, и съели ее так, как едят сельдерей с косточками и все такое прочее.

К основному блюду были поданы сушеные кальмары и морские свиньи, а также свежая летучая рыба, бонито и креветки. Завершали трапезу манго, апельсины и ананасы, а также бананы, созревшие на Маркизских островах в кратчайшие сроки. Они закапывают их в глубокую яму , выстланную орехами и травой, и присыпают землей. Через несколько дней — а они точно знают время с точностью до часа — бананы выкапываются, желтые и сладкие.

Паэ приготовил для праздника ограниченное количество рома, и по кругу была разнесена скорлупа кокосового ореха, наполненная наму. Все уже были в восторге, и после нескольких глотков мощного напитка из сахарного тростника зажгли трубки для перегонки сахара и началась беседа. Мне приходилось рассказывать истории о моей странной стране, о том, что называется городами, о больших деревнях , через которые не протекает река, таких больших, что в них жили тини-тини-тини-мано-мано

народ мано-мано, с отдельными домами, в которых работало больше людей , чем на всех островах. Такой дом мог быть выше трех-четырех кокосовых деревьев, стоящих одно на другом, и никто не поднимался по ним пешком, а передвигался в ящиках, поднятых на веревках.

“Сколько человек на каждого?” - спросил Паэ.

Старики рассказывали мне о своих сражениях, как на встрече Великой армии Республики ветераны снова сражаются в Гражданской войне. Один мужчина, чье тело было испещрено татуировками, похожими на синие полосы на костюме заключенного, сказал, что на Фату-Хиве существовал обычай, согласно которому предводитель или вождь-воинственник с каждой стороны - бросал вызов вражескому чемпиону.

“Наша армия стояла в тридцати или сорока футах от другой армии, - сказал он, - и наш вождь стоял неподвижно, пока другая армия метала свое копье. Если копье попадало в нашего вождя, воины сразу же бросались в бой; если оно не попадало, наш вождь имел право подойти вплотную к противнику и пронзить копьем его сердце. Тот стоял твердо и гордо. Он презрительно улыбнулся . Он смотрел на поднятое копье и не дрожал. Но иногда его спасала храбрость, потому что наш вождь , посмотрев на него страшными глазами, сказал: “О человек сердца, иди своей дорогой и никогда больше не смей сражаться с таким великим воином, как я!”

“Так закончилась война. Другой вождь устыдился и увел своих людей в их собственную долину. Но если наш вождь убил его, значит , началась война; мы сразу же ударили у’у и бросились вперед с копьями в руках. Эти сражения дали детям много имен , напоминающих о смерти или ранении славных воинов. Спокойно ждать копья другого вождя, подняв голову, не мигая, смотреть на копье как на желанный подарок — вот что должны были делать наши вожди. Смерть не так страшна, но оставить свое тело в руках врага, быть съеденным, знать, что твой череп повесят на дереве, а из костей сделают иглы для татуировок или рыболовные крючки -!Туману!

- Мы уже не те, что были раньше. Мы больше не едим “Длинную свинью” , но у нас нет ни мужества, ни умения, ни силы. Когда были брошены копья, и у каждого было только по одному, тогда сражались все, как один, врукопашную и глаза в глаза. Это была битва мужчин! Ружье - оружие трусов. Сражается оружие, а не человек.

“Из нашего последнего боя мы вынесли четыре трупа. Мясо быстро портится. Мы устроили пир прямо здесь, где сейчас сидим”.

Возбужденный лай собак возвестил о прибытии Грелета с несколькими мужчинами. Они проплыли на веслах весь путь до Ии и приплыли обратно, случайно прибыв как раз вовремя, чтобы отведать изобилия на нашем пиру. После двенадцатимильного перехода под палящим солнцем и утомительного обратного ночного путешествия этот пир стал их наградой и всем, что они заплатили.

Паэ, снова превратившийся в угрюмого раба, налил рому,

щедрые порции в скорлупках кокосовых орехов, которые новоприбывшие опустошали во время еды, спеша вскоре присоединиться к другим гостям на широкой веранде, где поздно вечером начиналось пение.

С полдюжины мужчин, покрытых татуировками от пят до пояса, а некоторые и до корней волос, сидели на циновке на полу, все голые, за исключением парео, красные и желтые цвета которых в свете масляных ламп ярко контрастировали с коричневой кожей и темно-синими чернилами. Один из них был в полном восторге от фефе, его ноги были почти такими же большими, как у слона. Он был похож на гротеска в отвратительном зеленом костюме. Синие чернила из свечного ореха, причудливыми узорами покрывавшие тело и ноги, приобрели чешуйчатый зеленоватый оттенок от возраста и избытка кавы. Освещенный желтым светом, он походил на жуткое бронзовое чудовище, видавшее виды в течение целого столетия.

Он был лидером группы и, как и все остальные, выпил немало рома из “Грелета”. Трубка передавалась по кругу, и Грелет затянулся ею. Песня была посвящена приключениям этого дня. Охотники и особенно Наму Оу Мио, убийца трех кабанов, рассказали о подвиге, совершенном на склоне утеса, в то время как остальные пели о своих подвигах. путешествие и море. Сидя на корточках на циновке, они изгибались и раскачивались в пантомиме, рассказывая истории, возвышая голоса, восхваляя свои собственные поступки и добродетели Грелета.

Этот экономный швейцарец, в красной набедренной повязке и очках, с освещенной лампой лысиной, сидел среди них, уже много лет знакомый с их песнопениями. Паэ набил трубку и пиалы и присоединился к хору, в то время как паумотанские мальчики, сидя в тенистой нише, потягивали ром и закатывали глаза, изумленно радуясь первому в своей жизни веселью.

Когда предводитель запел древнюю песнь каннибалов, песню о войне и пиршестве на Возвышенности, татуированные мужчины забыли даже о роме. Ночи буйства после возвращения с битвы, сражения качества их отцов, веселый огонь очагов, жар печей и приготовление “Длинного поросенка”, а также часы, когда самые красивые девушки танцевали обнаженными, чтобы завоевать одобрение толпы и почтить своих родителей, - все это они праздновали. Ведущий драматическим тоном произнес первую

строчку, а остальные подхватили припев, большинство куплетов они знали наизусть, но были и импровизации, которые вызвали всеобщие аплодисменты.

В полночь мужчина со слоновой болезнью снял парео, чтобы освободить свои огромные ноги для танцев, и они с остальными, взявшись за руки взявшись за руки, тяжело закружились перед кушеткой, на которой я лежал. Песнопение превратилось в перечисление моих достоинств, главным из которых было то, что я был другом Грелета, этого могущественного человека, мудрее, чем Иоломони (Соломон), у которого было больше жен, чем у этого великого царя, и более сильное сердце, чтобы преследовать дикого быка. Он управляет вельботом одним пальцем, но ни одна волна не может вырвать штурвал из его рук. Как долго он

он бывал в Оомоа, был справедлив, смел и великодушен, а его ром - лучший из всех, что производятся на далеком острове Таити.

Так прошла ночь и ром, в шуме голосов, среди извивающихся татуированных тел, вспышек красных, желтых и синих парео, закатывающихся глаз, завитков дыма, плывущих под мягко колышущимся парусиновым потолком, в то время как из сада доносился аромат бесчисленных цветов, покрытых росой; и в перерывах между песнопениями я из темноты бухты донесся звук морской раковины, в которую дули на какой-то плывущей лодке.

Я задремал и, проснувшись, увидел, что Грелет спит. Паэ все еще наполняла пустые кокосовые скорлупки, а распухший зеленый человечек стоял передо мной в позе, похожей на какой-то ужасный сон. Я снова проснулся. Расширения физических адресов запер песня-создатель, и все татуированные мужчины задремали где они сидели, Paumotan мальчиков с sunbonnets привязан об их руководители лежал в своем углу, мечтая, возможно, о своих родных и дома Pukaruha. Проснувшись серым утром, я обнаружил, что сад зелен и тих , а веранда пуста.

Все маркизцы были в реке и лежали среди валунов, чтобы охладить ноющие головы. Страдалец фефе стоял в потоке, как покрытый илом камень. У него ужасно болят распухшие ноги . Ром вреден для здоровья.

“Гуддамми!” - сказал он мне в своей единственной попытке

культурного турне и погрузил свое тело глубоко в бассейн.

Фейс, или горные бананы Мужчина в пареу, местной набедренной повязке

Место слияния реки и залива в Оомоа, остров Фату-Хива

Священное баньяновое дерево в Оомоа

Слоновость ног

ГЛАВА XXX

Посещение Ханававе; Отец Оливье дома; история последней битвы между Ханахуа и Ой, рассказанная единственным выжившим; изготовление ткани тапа и древней одежды маркизов.

ГРЕЛЕТ сказал, что ночью я слышал звук раковины Оомоа, должно быть, плыл на каноэ или вельботе в Ханававе, долину, расположенную в дюжине миль отсюда, за горами, но всего в часе езды по морю. Возможно, это было интересное сообщение или, возможно , способ добраться до моей родной долины, поэтому в середине дня мы спустили на воду китобойную лодку Грелета, чтобы отправиться в Ханававе.

Восемь человек вытащили большую лодку из укрытия на воду, подвесив ее на двух коротких толстых шестах с помощью веревочных петель, пропущенных через отверстия в носу и корме. Она была грациозна, как лебедь, и плыла у кромки прибоя. Вести его через полосу прибоя было осторожной, искусной работой, в которой Грелет был мастером. Хаупупуу, который построил лодку, молодой человек с чертами лица Бонапарта и невозмутимым выражением лица, стоял на носу, а трое других маркизцев и два мальчика-паумотанца сидели на веслах. Ветра не было, и они гребли всю дорогу, часто брызгая из-за волнения.

Мы обогнули побережье с почти отвесными утесами, увенчанными кокосовыми пальмами, с черными гранями скал или покрытыми выше ватерлинии виноградными лозами и другими растениями, зелеными и пышными. Длинные полосы белых занавесей и огромные картины причудливых очертаний были нарисованы на соболиных утесах инкрустированной солью. Моря хлынули в прыгающего фонтана через тыс. укладка отверстия, вырезанные из черного базальта, и беспрестанное мытье волны обрезать основания пропасти в paniho, или зубы, как Marquesans сказать.

На суровом и изрезанном побережье было с полдюжины углублений , каждое из которых представляло собой небольшую долину, защищенную с обеих сторон утесами, естественным препятствием на пути к добрососедству, что делало кланы врагами. Жители равнин обычно дружелюбны. В горах люди

враждуют.

Мы миновали долину Хана Уи, населенную во времена прихода Грелета и полную богатых хлопковых полей, а теперь превратившуюся в пустыню, где никогда не было ни души. Мы миновали Эуэ, Утуоа, Тетио, Нанифапото, Хана-Пуаеа и Мата-Утуоа, где не было живых; кладбища и заброшенные паэпаи. Тысячи людей веселились на них, когда миссионеры впервые записали их число. Смерть, подобно облаку, нависла над безлюдной пустыней этих долин, над суровыми и мрачными утесами, черными и неприступными, вырезанными в чудовищных формах и украшенными фантастическими узорами, нанесенными неспокойным морем.

Недалеко от Мату-Утуоа был огромный природный мост, под которым океан несся бурлящими потоками, пеной и брызгами. Поворачивая

поднявшись по склону утеса, мы вошли в бухту Девственниц и увидели титаническую архитектуру Ханававе, руины Альп, некогда бывшие коралловыми рифами, а теперь возвышающиеся на десять тысяч футов над уровнем моря. Фантастические мысы, массивные башни, обелиски, пирамиды и иглы представляли собой феерию в скале, чудовищную и зловещую. Высокие сооружения, высеченные водой и ветром из базальтовой массы острова , возвышались, словно колоссы, у входа в бухту; за ней виднелись огромные черные зубчатые стены, обрамлявшие огромный кратер.

Опасная бухта с подветренной стороны и плохим местом для стоянки. Мы маневрировали десять минут, чтобы приземлиться, но пологий пляж из черного камня без песчаной каемки оказался загадкой даже для Греле. Мы снова и снова добирались до камней, но нас уносил стремительный прилив. Наконец мы все прыгнули в прибой и поплыли к берегу, за исключением одного человека , который поставил вельбот на якорь, прежде чем последовать за нами.

Каноэ, которое трубило в раковину у берегов Оомоа, лежало на глинистом песке, а те, кто приплыл на нем, сидели на камнях и готовили плоды хлебного дерева. Деревня, состоявшая из полудюжины грубых соломенных лачуг, тянулась вдоль каменистого ручья. За ним, на участке в несколько акров,

огороженном забором, виднелись крошечная церковь, две жалкие деревянные хижины, покосившийся киоск, пять или шесть стариков и женщин, сидевших на корточках среди стаи собак и кошек. Это была католическая миссия, полуразрушенная и пришедшая в упадок, годами не красившаяся, заросшая сорняками, болотистая и грязная, уходящая в небытие, как и народ, которому она служила.

Мы с Греле застали отца Оливье подметающим церковь, веселым, напевающим колыбельную песню французских крестьян. Он был рад нас видеть, хотя мой спутник был откровенным язычником. Оставшись здесь наедине со своими умирающими подопечными, добрый священник не мог не почувствовать общности с любым белым человеком, кем бы он ни был.

Киоск, в который он нас повел, оказался закусочной отца Оливье.- место это было грязным, шатающимся и убогим, обставленным несколькими треснувшими и разбитыми тарелками, ржавыми ножами и вилками - оборудованием шахтера или пастуха овец. Отец Оливье извинился за скудную еду, но нам хватило супа и банки вареной говядины, плодов хлебного дерева и фейса. Суп был из красных овощей, не вызывал аппетита, и я не мог разобрать его местного названия - “хюэ арахи”, пока Греле не воскликнул: “Ах, это английское блюдо! Понкин, понкин!” Это была красная тыква.

“Суп-пюре из миссионера”, - пробормотал священник.

Я завел разговор о работе миссии.

“Мы здесь уже тридцать пять лет, - сказал отец Оливье, - а я - тридцать. Сначала наш орден попытался построить церковь в Оомоа, но потерпел неудачу. Вы видели там каменный фундамент, на котором растут лозы дикой ванили? Фрер Фесал построил его вместе с жителем острова Раратонга, который был хорошим каменщиком. Эти двое обтесывали камни и придавали им форму. Долина

Оомоа был пьян. Ром был повсюду, пальмовое наму готовили постоянно, и мало кто бывал трезв. Там был Там был гавайский протестантский миссионер, и он не был хорошим другом брата Фесала. На Оомоа не было французских властей, и самым сильным человеком был закон. Китобои были еще хуже местных

жителей и ненавидели миссионеров. Однажды, когда в долине царило безумие, один из местных жителей убил человека с Раратонги. Вы увидите, что убийца сейчас живет на Тахуате. Брат Фесал похоронил своего помощника и бежал сюда.

“Это был последний раз, когда ханававе страдал от каннибализма и экстремального колдовства. Однако тауа, языческий жрец, все еще был могущественен, и его боги требовали жертв. Местные жители сговорились с жителями Ханахуа напасть на Ои, маленькую деревушку на берегу моря между этим местом и Оомоа. У них было что-то вроде ружей, потому что китобои привезли старые и ржавые ружья, чтобы обменять их у маркизцев на древесину, фрукты и рыбу.

Брат Фесал узнал о заговоре, но мужчины пили ром, и он был беспомощен. Воины скрытно перешли через горы и ночью спустились со скал по веревкам , сделанным из фау. В Ои осталось всего тридцать человек, и враг напал на них в темноте, как волк. Спасся только один человек — вот он, входит в миссию. Мы попросим его рассказать эту историю”.

Он остановился в шатком дверном проеме и позвал: “Тутаи, иди сюда!” К нему подошел старый, иссохший человек, одноглазый, морщины на его лице и теле скрывали синие узоры татуировки, сморщенный, но отвратительный шрам образовывал безволосое пятно на одной стороне головы.

“Я был на берегу, вытаскивал свое каноэ и вытаскивал рыбу, которую я поймал копьем”, - сказал этот несчастный человек. “Прошла половина ночи, и все, кроме меня, спали. Нас было немного, потому что они убили и съели большинство из нас, а другие умерли от проклятия белого человека. Ночью я услышал крики ханававе и Мужчины ханахуа, которые спустились в пропасть и били спящих своими боевыми дубинками.

“Я был один. Я не мог ничего сделать, кроме как умереть, и я был полон жизни. В темноте я разбил камнем все каноэ на берегу, кроме своего. В ушах у меня звучали стоны умирающих и воинственные крики. Я увидел приближающиеся факелы. Я положил рыбу обратно в каноэ и оттолкнулся от берега.

- Они опоздали всего на мгновение, потому что у меня в голове дыра, в которую они вогнали гвоздь, и трещина в голове, в которую они бросили камень. Они не могли последовать за мной, потому что не осталось каноэ. Я доплыл на веслах до Оомоа через

день, в течение которого делал то, о чем не помню”.

“У них было оружие?” Я спросил его.

“У них было несколько ружей, но они использовали в них гвозди или камни, не имея металлических шариков. Их пращи были еще хуже. Я мог бы метнуть камень размером с плод манго и убить человека, угодив ему прямо в голову, на таком расстоянии, на какое способны выстрелить эти ружья. Мы сделали себе пращи из коры кокосового дерева, а камни, отполированные трением друг о друга, носили в сетке, обвязанной вокруг пояса”.

“Но если этот камень разбил тебе голову, почему ты не умер?”

“Татихи вылечил мне голову. Он вытащил гвоздь из моей ноги волосяной петлей и вылечил рану”.

“Разве ты не подстерегал тех убийц?”

Тутайи хмыкнул и опустил глаза.

- Тогда пришли французы с солдатами и сделали так, что если я убью кого-нибудь, они убьют меня; они называют это законом. Они ничего не сделали тем воинам, потому что это было сделано до прихода французов. Я ждал и думал. Я купил ружье у китобоя. Но время так и не пришло.

“Все мои люди погибли от их рук. Они привезли шесть голов , чтобы полакомиться мозгами. Они съели мозги моей жены. Я сохранил имена тех, кого должен был убить. Был Киихакия, который убил слепого Моариниу; Накахания, который убил Хакайе, мужа Тепейу; Ниана, которая отрубила голову Тахукее, которая была их дочерью и моей женщиной; Веатетау должен был умереть за Тахиахокаани, которая была молодой и красивой, которая была сестрой моей женщины. Я ждал слишком долго, потому что время забрало их всех, и я один остался в живых из народа Ои или из тех, кто их убил.

“Вендетта между долинами, называемая умухуке, или Месть Печи, уничтожила жителей Ой”, — прокомментировал отец Оливье. - Черепа хранились на баньяновых деревьях или в домах. Фрер Фесал основал здесь миссию и построил эту маленькую церковь. Там было много людей, среди которых можно было работать. Но теперь, после тридцати лет, что я здесь, они почти

закончили. У них не хватает смелости продолжать, вот и все. Здесь никто не платит за спасение. Родственники умирающих никогда не плачут. Они собираются на праздник мертвых, и плач - это ритуал, не более. Эти люди устали от жизни.”

Именно Стивенсон считал, что “окончание самого полезного, если не самого гуманного из полевых видов спорта — войны заграждениями —” это во многом было связано с сокращением численности населения. К любой из сторон этой дилеммы опасно прикасаться. Наверное, немыслимо, чтобы белые завоеватели позволили маркизцам следовать их собственным военным обычаям. Но изменения в обычаях каждой расы должны исходить изнутри этой расы, иначе они уничтожат ее. Смысл жизни - в свободе.

Любой, кто читал об их прошлом и знает их сейчас, должен признать, что общение с белыми не улучшило нравственность маркизцев. Им навязали чуждые обычаи.

И они умирают из-за недостатка самовыражения, как на национальном, так и на индивидуальном уровне. Болезнь, конечно, является оружием, которое убивает их, но ее жертвы не защищены надеждой или желанием жить, готовы встретить смерть на полпути, а могила - это убежище.

В прежние времена этот остров Фату-Хива был центром искусств всего мира. Маркизские острова. Слава о его мастерах татуировки, резчиках по дереву и камню, изготовителях каноэ, весел и боевых дубинок гремела по всему архипелагу на протяжении веков. Сейчас это одно из немногих мест, где даже слабые остатки этих отраслей дают новичкам представление об их методах и идеалах, которые сейчас, как и их создатели, тонут в трясине нищеты.

За воротами миссии, на опушке джунглей, мы с отцом Оливье наткнулись на двух пожилых женщин, которые ткали тапу. Сморщенные от старости, беззубые, дряхлые, в рваных и выцветших парео, говоривших о бедности, они сидели в тени баньяна, отбивая волокнистую внутреннюю кору хлебного дерева. По полому бревну, которое сотрясалось от ударов деревянных молотков , медленно двигалась ткань, складываясь на земле в шелковистую массу, плотную, тонкую и мягкую.

Когда-то эту бумажную ткань изготавливали по всему Южному морю Острова. Волокно получают из плодов хлебного дерева, баньяна, шелковицы и других видов коры . Внешнюю грубую кору счищают кожурой, а внутреннюю кожуру слегка взбивают и оставляют для брожения. Затем его отбивали по стволу дерева молотками из железного дерева длиной около восемнадцати дюймов с грубыми бороздками с одной стороны и более мелкими - с другой. При этом взбивании волокна были так тесно переплетены, что в готовом полотне невозможно было угадать процесс изготовления. Когда все было готово, ткань была отбелена на солнце до ослепительно белого цвета, и благодаря этому Древние маркизцы шили чудесные одежды.

Для своих шапочек они изготавливали удивительно тонкие ткани, ажурные, тонкие, как марля, которые удерживали их густые черные волосы, и к которым добавляли цветы, либо натуральные, либо прекрасно сохраненные в воске. Их главная одежда, каху, представляла собой длинный и струящийся кусок бумажной ткани более плотной текстуры, окрашенный в яркие цвета или белый, украшенный изящными узорами. Оно свисало с плеч, завязанное узлом на одном плече, оставляя открытыми одну руку и часть груди. В ношении этого предмета одежды проявлялся большой индивидуальный вкус; иногда узел был на одном плече, иногда на другом, или он мог быть низко надет на грудь, оставляя открытыми плечи и руки, или откинут назад, чтобы продемонстрировать прелести красивой спины или тонкой талии. Под ним они надевали парео, которое дважды обхватывало талию и ниспадало до икр ног.

Каким бы чистым и опрятным ни было это одеяние, оно сияло на солнце, позволяя телу свободно познавать радость солнца и воздуха, а также быстроту и легкость движений.

во время движения трудно было бы представить себе более изящную, красивую, скромную и удобную манеру одеваться.

Для окрашивания этих предметов одежды во все оттенки, которые диктовала фантазия, женщины использовали соки трав и деревьев. Кора свечного ореха придавала насыщенный шоколадный оттенок; алый цвет получали из ягод мати, смешанных с листьями туи. Желтый цвет получался из внутренней коры корня моринды лимоннолистной. Цветы гибискуса или нежные папоротники были окрашены в эти цвета и

нанесены на тапас в виде элегантных рисунков.

Изделия были практически неразрушимы. Если платье нуждалось в починке, края прорехи смачивали и скрепляли вместе, или в качестве заплаты вставляли горсть волокон. Для рыбаков тапас часто делали непромокаемыми за счет дополнительной толщины и использования смол, а непромокаемую ткань для обертывания делали толстой и непроницаемой для дождя, как клеенку, на которую она была похожа.

Вряд ли хоть один из этих предметов одежды сохранился на Маркизских островах в наши дни. Они были вытеснены безвкусными принтами из Германии и Англии, привезенными торговцами, и идеями одежды, которые миссионеры привнесли вместе с бочонками отвратительных ночных рубашек , подаренных достойными дамами из американских деревень.

Исчезновение этой местной одежды привело к двум причинам: праздности и быстрому распространению туберкулеза. Ткань тапа нельзя было носить в воде или под дождем, так как она распадалась. Поэтому маркизцы оставляли свои одежды в доме, когда отправлялись за границу в штормовую погоду или купались в море. Но в своих новых ситцах и джинджемах они гуляли под дождем, купались в реках и возвращались спать, завернувшись в мокрые одеяла, не подозревая об опасности.

По мере того как исчезала тапа, исчезала и красивая резьба на каноэ , веслах и дубинках, вытесняемая более дешевыми изделиями белого производства, изготовленными машинным способом. Мало что могло занять руки или умы островитян, которые, когда их прежние забавы прекратились, войны были запрещены, промышленность у них отняли, могли только сидеть на своих папахах, зевая, как дети в тюрьме, и ожидая смерти, которая вскоре пришла.

Маркизцы никогда не готовили кастрюлю. В их почве была глина, так как Гоген доказал это, используя его для своей лепки, но они не нуждались в глиняной посуде, используя исключительно тыквы из виноградной лозы, выдолбленные деревянные сосуды и временные чашечки из листьев.

Отсутствие керамики является еще одним доказательством длительной изоляции островов. У тонганцев была глиняная посуда, изготовлению которой они научились у фиджийцев, но полинезийцы покинули материк еще до появления этого

искусства. Таким образом, они оставались народом, который , несмотря на свои поразительные достижения во многих областях, был наименее обременен полезными изобретениями из всех народов мира.

Немногим более ста лет назад аборигены были похожи на

наши предки, жившие тысячелетия назад в Европе. Но, живя в более мягком климате, они были добрее, счастливее, веселее и намного чище. Вряд ли можно с сыновней преданностью рассуждать об отношении наших предков к мылу и воде, но эти маркизцы несколько раз в день купались в ласковых ручьях и всегда находили мыло и смягчающие средства под рукой.

Мне было любопытно поразмыслить, пока мы с отцом Оливье стояли и смотрели, как две престарелые старухи вытирают салфетку для тапы, на какой ничтожной случайности зиждется разница между нами. Давным -давно, в незапамятные времена, когда племя отправилось в свои странствия из родного дома возможно, один человек на этой земле колебался, смутно ощущая опасности и неопределенность, стоящие перед ним, взвешивал преимущества того, чтобы остаться, и не уходил. Если бы он ушел, я или любой другой человек кавказской крови в современном мире, возможно, увидел бы маркизца.

Я подумал, что было бы интересно поразмыслить о том, что сто тысяч лет, прошедшие с того дня, дали нам в плане радости, богатства ума, души и тела, реальной ценности обычаев, нравов и отношения к жизни, по сравнению с тем, что было бы нашей долей на островах Тихого Океана. в Южных морях до того, как его белый кузен напал на маркизов.

Вынимаем поросенка, приготовленного в уму, или местной печи

Койна Кай, или праздник в Оомоа

Пляж в Оомоа

Спуск каноэ на воду

ГЛАВА XXXI

Рыбалка в Ханававе; глубоководное сражение с акулой; Красный цыпленок показывает, как привязывать веревки к хвостам акул; ночная рыбалка на дельфинов и чудовищную рыбу-меч, которая перевернула каноэ; местный врач одевается в красное Куриные раны и рассуждения о медицине.

ГРЕЛЕТ вернулся на Оомоа на вельботе, а я остался в Ханававе для рыбалки. Мое присутствие подстегнуло угасающий интерес немногих оставшихся маркизцев, и горстка молодых мужчин и женщин часто ходила со мной к морю за бухтой Виргинцев, где мы лежали на палящем солнце и развлекались игрой с копьем или крючком и леской.

Мы поймали на копья дюжину видов рыбы, особенно каракатицу и рыбу-солнце, причем последняя была скорее для развлечения и тренировки, чем для еды. Они огромны, эти похожие на свиней бесхвостые клоуны из числа грациозных семейств океанских, с маленькими пастями и неуклюжими на вид телами, но они представляют собой прекрасную мишень, в которую можно запустить гарпуном или копьем с танцующего носа каноэ. Сохранение равновесия - это тончайшее искусство человека. Маркизский рыбак, и он будет твердо стоять на ногах, пока лодка поднимается и опускается, кренится и раскачивается из стороны в сторону, его тело покачивается и балансирует с приятной плавностью, которая является его второй натурой. Это искусство, которому следует обучаться с детства. На мою долю выпало немало брызг в соленое море, когда я практиковался в этом, то стоя начеку с поднятым копьем на солнце, то погружаясь в зеленую воду, и снова выныривая на поверхность под радостный, безудержный смех моих веселых товарищей.

Устав от копья, мы ловили рыбу-меч на крючок с леской или использовали крючок без наживки, чтобы приманить спортивного альбакора или дельфина, чьи изогнутые черные тела плескались в

море вокруг нас. Приманкой для него стал кусочек перламутра около шести дюймов в длину и трех четвертей дюйма в ширину. Тщательно вырезанный и отполированный так, чтобы он напоминал тело рыбы, к нему с вогнутой стороны был прикреплен кусочек панциря или кости длиной около дюйма или полутора, скрепленный волокном фауфи, с несколькими вставками свиной щетины. Леска была пропущена через отверстие, в котором крепился стержень, и, будучи оплетена вдоль внутренней стороны жемчужного стержня, снова завязана вверху, образуя аккорд арки. Таким образом, когда обманутый дельфин брал крючок и натягивал леску, он крепче цеплялся за колючку.

Это лучший рыболовный крючок, поскольку он, пожалуй, самый старый из когда-либо изобретенных, и я встречал его во многих уголках Южных морей, но нигде он не был сделан так искусно, как здесь, на Ханававе. Он не нуждается в наживке и представляет собой захватывающее зрелище для крупной рыбы, которая вряд ли когда-нибудь обнаружит обман

пока не стало слишком поздно.

Леска была привязана к бамбуковой палке длиной около пятнадцати футов, и, стоя на корме каноэ, я держал эту удочку так, чтобы крючок касался воды, но не тонул. Позади меня мои спутники в своих красно-желтых парео легкими взмахами весел толкали лодку по воде. Когда я увидел приближающуюся рыбу, она активизировалась, каноэ понеслось по сверкающему морю, а крючок, скользящий по поверхности, стал похож на летучую рыбу, щетинки которой имитировали хвост. Вскоре спешащий дельфин набросился на нее, и тогда началось перетягивание каната: бамбуковый шест напрягался и сгибался, леска то натягивалась, то ослабевала, когда рыба бросалась в воду, а гребцы с криками восторга наблюдали , как ее, мокрую и барахтающуюся, перетаскивают через борт - настоящий праздник для рыбаков. с полдюжины.

В один незабываемый день мы неожиданно наткнулись на целую стаю дельфинов в нескольких милях от залива, и еще до захода солнца я вытащил из моря двадцать шесть крупных рыбин. Некоторые из них были великолепной рыбой весом от 150 до 200 фунтов. Нам пришлось послать за двумя каноэ, чтобы доставить этот чудесный продукт, и все население долины радовалось тому,

что у нас появились свежие и аппетитные блюда.

Маркизские методы рыбной ловли сегодня не так разнообразны, как в те времена, когда их долины были полны счастливых людей, наслаждавшихся всеми видами физической активности и мастерства и нуждавшихся в рыбе, чтобы дополнить свой скудный рацион. По их словам, за много недель до моего приезда ни один человек не ходил на рыбалку. Туземцев было так мало, что деревья давали им достаточно еды, и меланхоличный маркизец предпочитал сидеть и размышлять над своим паэпае, а не ловить рыбу, за исключением тех случаев, когда этого требовал аппетит. Есть полинезийское слово, означающее “жаждущий рыбы” , и сегодня, только когда это слово всплывает у них на языке или в мыслях , они с готовностью устремляются к морю или к зубчатому основанию скал.

Часто мы добывали большое количество рыбы среди этих пещер и скал собирая их в пакеты и используя деревянный веер в качестве оружия. Этот вид спорта требовал хладнокровия, великолепных легких и мастерства. Это было чрезвычайно опасно, так как акулы были многочисленны там, где было много рыбы, и рыболов должен был находиться под водой, во владениях акулы

.

Лучшей в этом виде спорта во всем Ханававе была девушка, Кикааки, имя, которое означает “Мисс невозможность”. Она не была красавицей, если не считать красоты молодости и богатырского здоровья, но ее большой рот и яркие глаза были умными и веселыми.

Начиная с раннего утра, мы отправлялись на берег залива, где кораллы фантастических форм поднимаются со дна океана и строят странные гроты и ячейки у подножия базальтовых скал. Пока я держал каноэ. Мисс Невозможность снимала свой бесформенный ситец

одетая только в алое парео, с волосами, высоко собранными на затылке и перевязанными белой лентой из кокосовой пальмы, она ныряла за борт, погружаясь на глубину дюжины футов или больше.

Когда вода была спокойной и затенялась скалами, я мог видеть ее сквозь зеленую прозрачность, плывущую к коралловым логовищам рыб, которые поблескивали в отраженном, проникающем внутрь солнечном свете. Прогуливаясь по песчаному дну с сачком из соломы в одной руке и палкой в форме веера в другой, она накрывала сачком расщелину и веером загоняла в нее рыбу.

Каким бы глупым ни было их поведение, рыбы, по-видимому, были обмануты приманкой или стали беспомощными от страха, потому что они устремлялись в аквариум, когда мисс Невозможность билась о воду или кораллы. Мне показалось бы, что она получила хорошее имя, если бы я никогда не видел ее на соревнованиях.

Обычно она оставалась под водой пару минут, выныривая со своим уловом, чтобы минуту-другую отдохнуть, опершись рукой о борт лодки и глубоко дыша, прежде чем снова погрузиться под воду. Однажды, потеряв ее из виду среди подводных пещер, я ждал , как мне показалось, целую вечность. Не могу сказать, как долго ее не было, потому что время тянулось, секунды превращались в минуты и часы, а я разрывался между желанием нырнуть за ней и оставаться в лодке на всякий случай. Когда, наконец, она вынырнула на поверхность, то была почти мертва от усталости, и мне пришлось поднимать ее в каноэ. Она сказала, что ее волосы запутались в коралловых зарослях и что она едва смогла их высвободить, прежде чем у нее совсем не осталось сил.

Я несколько раз спускался с ней на дно, но так и не смог овладеть искусством заманивать рыбу в ловушку, и меня охватил страх, когда я вошел в одну из темных пещер и услышал неподалеку ужасный плеск, как будто акула ударилась о коралл, пытаясь проникнуть в мое опасное убежище.

Даже мисс Невозможность не хватило смелости встретиться лицом к лицу с акулой, но каждый раз, когда она ныряла, она рисковала встретиться с ней. Несколькими неделями ранее Красная Курочка убила акулу на этом самом месте. Опасность даже для человека , вооруженного ножом, заключалась в том, что акула могла выскочить из пещеры или внезапно напасть на него сзади.

Часто на рыбалке с нами был паумотанец Паскуаль, пилот судна “Зели”, который был в Ханававе в гостях у родственника. Он был самым выдающимся физическим и умственным представителем

паумотанцев, воплощением добродушия, источником смеха и непревзойденным моряком. Чтобы быть лоцманом на островах Лабиринта, требуется много сильных качества, но быть пилотом единственного военного корабля в этом море было вершиной мастерства лоцмана. Он точно знал сорок гаваней и якорных стоянок и бегло говорил по-английски, по-французски, по-паумотански, Таитянский, маркизский и другие полинезийские языки. С детства , пока он не стал лоцманом, он нырял в лагуны за ракушками и в гавани для ремонта судов.

“Я убил много акул, - сказал он, - и не раз чуть ли не кормил их. Однажды утром я проплыл сто футов. Под поверхностью воды всегда холоднее, и я вздрогнул, когда вытащил пару больших раковин из-под выступа. В пещере было темно, а я был занят и замерз, так что, наклонившись, не заметил акулу, которая подкралась сзади, пока она не врезалась мне в позвоночник.

“Я повернулся, когда он сделал разворот, чтобы укусить меня, и прошел под ним, чтобы было лучше видно. Я знал, что у меня есть всего секунда или две на борьбу. Я быстро схватил его за хвост, и, когда он развернулся, чтобы освободиться, у меня было время выхватить нож из кармана и пырнуть его. Он снова прошел надо мной, и на этот раз его зубы вонзились мне в плечо, вот здесь, — Он распахнул рубашку и показал мне багровый шрам, зазубренный, отличительный знак бойца мако.

Но по счастливой случайности — вы можете быть уверены, что я взывал к Богу, — я снова достал свой нож и подпрыгнул, чувствуя, что он в воде позади меня. По пути я дважды вонзил в него лезвие, потому что он не отпускал меня. Мой друг в каноэ, который видел схватку, бросился мне на помощь и, оказавшись на свежем воздухе, разрубил этого дьявола на куски. Я был не слишком силен, когда добрался до выносной опоры и повис на ней всем своим весом. Мы съели печень этого мако и прокляли его, пока ели. Я сражался с ним на уступе, поднявшись по меньшей мере на восемьдесят футов из ста.

- Ау! - воскликнул Красный Цыпленок, услышав мой рассказ. - Ты никогда не видел, как человек сражается с мако? Эпо! Завтра мы тебе покажем.

На следующий день, когда ярко светило солнце, несколько человек из нас отправились на каноэ к месту под скалами, где

обитают акулы, и приготовились поймать одну из них в ловушку. К зазубренной скале была привязана веревка из гибискуса , а петлю на другом конце держал Рыжий Цыпленок, который стоял на краю большого валуна и нетерпеливо наблюдал, как другие бросают в воду свиные внутренности, чтобы выманить жертву из темных пещер.

Наконец из тени выскользнул длинный серый силуэт и замерцал у нас под ногами. В тот же миг Рыжий Цыпленок соскользнул со скалы, бесшумно скользнул под воду и накинул петлю на хвост акуле, прежде чем та поняла, что он рядом. Остальные, чьи руки были на веревке, мгновенно натянули ее и с торжествующим воплем вытащили бьющегося демона на скалы, где он , задыхаясь, бился до тех пор, пока не умер.

Существовал еще один способ ловли акул. - Сказал Рыжий Цыпленок, и, будучи теперь в восторге от этого вида спорта и желая показать свое мастерство, он настоял на том, чтобы продемонстрировать его ради меня, хотя я, который не находит особого удовольствия в опасности, мог бы отговорить его. Для этого мы должны доплыть на лодке до коралловых пещер, где рыбы-людоеды часто лениво лежат в гротах, и только их головы высовываются из освещенной солнцем воды.

Здесь мы маневрировали до тех пор, пока не показалась длинная, зловещего вида морда; тогда Рыжий Цыпленок тихонько перелез через борт каноэ, опустился рядом с акулой и резко хлопнул ее по голове. Рыба быстро обернулась, чтобы посмотреть, что ее дразнит, и в ту же долю секунды на ее счастливой случайности лопнула петля, и Ред Чикен вскочил и бросился прочь, в то время как его товарищи на соседнем утесе натянули веревку и убили акулу копьями на мелководье. Рыжий Цыпленок сказал, что научился этому искусству у жителя Самоа, который был более искусным убийцей акул, чем маркизцы. Это можно было делать, только когда акула была сытой, довольной и ленивой.

Я видел невозможное, но мне предстояло услышать нечто совершенно невероятное. Пока Рыжий Цыпленок, глубоко дыша, сидел в каноэ, преисполнившись гордости от моих похвал, а остальные изобретали способы донести домой мясо акулы, я наблюдал за множеством рыб, плавающих вокруг коралловых пещер и проходящих через них, и пришел к выводу , что по их присутствию Красный Цыпленок догадался о существовании

колодца.наполненные желудки и полностью удовлетворенный аппетит акулы. Однако Ред Чикен ответил, что это рыба, которую никогда не ели акулы, и предложил объяснение, которое я выслушал вежливо, но с абсолютным недоверием. Представьте себе, с каким удивлением я обнаружил, что сказка о Красном цыпленке повторена в книге, которую я прочитал некоторое время спустя, когда вернулся в библиотеку.

Есть рыба, Diodon antennatus, которая странным образом одерживает верх над акулой . Она может взорвать себя, наглотавшись воздуха и воды, пока не превратится в раздутого негодяя вместо того, чтобы быть вполне приличным существом, каким она является в обычные моменты. Он может кусаться, он может издавать шум своими челюстями и может выбрасывать воду изо рта на некоторое расстояние. Помимо всего этого, у него на коже вырастают сосочки, похожие на шипы, и он выделяет на коже живота карминовую жидкость, от которой остается стойкое пятно. Несмотря на все эти меры защиты, если акула окажется настолько глупой, что не обратит внимания на предупреждение и съест диодона, тот надуется и прогрызет себе путь к свободе насквозь, оставив акулу изрешеченной, истекающей кровью и, по сути, мертвой.

Если в этом все еще есть сомнения, то мой новый авторитет - Чарльз Дарвин.

После того, как он продемонстрировал свое мастерство и смелость — и, как я думал, живое воображение, — Рыжий Цыпленок стал моим особым другом и наставником, и однажды именно наше совместное пребывание, возможно, спасло ему жизнь и подарило мне один из самых волнующих моментов в моей жизни.

После наступления темноты мы с ним отправились на каноэ ловить рыбу-подводную рыбу недалеко от залива Виргиний. Ночная рыбалка в этих тропиках привлекательна хотя бы тем, что здесь можно спастись от сильной жары, насладиться великолепием лунного или звездного света и увидеть сны наяву, которые приходят к человеку в море, когда каноэ спокойно стоит на месте, факел горит, а рыба плывет навстречу гарпуну. Ночь была безлунной, но море было покрыто

фосфоресцирование, иногда сверкающее пространство света, а затем снова чернота, как бархат, за исключением тех мест, где наше каноэ мягко скользило по мягкой и очаровательной поверхности, усыпанной сверкающими драгоценными камнями. Ночь для возлюбленного, леди и лютни.

Наш семифутовый факел из кокосовой скорлупы и тростника был укреплен на носу, чтобы его можно было поднять, когда понадобится, чтобы привлечь рыбу или лучше осветить каноэ. Рыжий Цыпленок в алом парео , туго обтягивавшем его чресла, стоял на носу, когда мы добрались до его любимого места на берегу, а я, орудуя веслом, бесшумно удерживал каноэ на месте, насколько это было возможно.

Свет - это приманка для многих обитателей суши, моря и неба. В мотылек кружатся и Бат-около пламени; море-птица тире своего тела на фоне яркого стекла одинокая башня; дикие олени приходят, чтобы увидеть что потревожило темноту леса, и рыбы разных видов прыжок в факел. Когда все было готово, Ред Чикен поднес спичку к нашей тарелке. Яркий свет прорезал темноту и послал луч по черной воде, что вызвало любопытство дремлющей рыбы. Они поспешили к нам, и Красный Цыпленок разделал тех, кто оказался в радиусе действия его гарпуна, так что через час или два наше каноэ было завалено полудюжиной видов мяса.

Вдалеке, на пути огненных лучей, я увидел меч-рыбу, которая прыгала , преследуя мелкую рыбешку, или от радости резвилась в светящемся воздухе. Казалось, они были парами. Я лениво наблюдал за ними, проявляя академический интерес к их движениям, пока внезапно один из них не поднялся в воздух в сотне футов от меня, и во время его праздного прыжка я увидел такую огромную фигуру и меч таких поразительных размеров, что мысль об опасности лишила меня дара речи.

Он был двадцати пяти футов в длину, и у него был спинной плавник , который поднимался, как парус маленькой лодки. Но даже эти размеры не могут передать то чувство тревоги, которое вызывало у меня его присутствие. В следующем прыжке он оказался в сорока футах от нас. Я вспомнил множество несчастных случаев, которые я видел, о которых читал и о которых слышал: рыбаков кололи ножом, лодки разбивались вдребезги, корабли, обшитые сталью, протыкали насквозь.

Красный Цыпленок поднял фонарь, чтобы лучше видеть его, и закричал::

“Апау! Берегись! Греби быстрее!”

Меня не нужно было понукать. Я как безумный погрузился в раскаленную воду, и стук моего весла о борт каноэ был слышен , наверное, за полмили отсюда. Это ни к чему не привело. Внезапно полдюжины меч-рыб начали прыгать вокруг нас, словно их разозлил наш факел. Я крикнул Рыжему Цыпленку, чтобы он погасил его.

Он схватил его, чтобы повиноваться, когда я услышал всплеск, и каноэ испытало страшный толчок. Что-то огромное обрушилось на него. Внезапно меня подбросило в воздух, и я отлетел футов на двадцать. В воде я услышал свист и мельком увидел гигантский эспадон, когда он

прыгнул снова.

Я не пострадал, но испугался за Рыжего Цыпленка. Он закричал, когда каноэ пошло ко дну, но я нашел его у выносной опоры, он пытался выровнять лодку. Общими усилиями нам это удалось, и когда я вылила немного воды, в воду заползла Красная курочка.

- Папауфаа! Я слегка ранен, - сказал он, когда я помогал ему. “Тот самый Морское копье пронзило меня насквозь.”

Фонарик был утерян, но я нащупал большую дыру в икре его правой ноги. Из раны текла кровь. Я сделал жгут из полоски своего парео и с помощью небольшого гарпуна скручивал его, пока кровотечение не прекратилось. Затем, ведомый им, я изо всех сил поплыл к пляжу, на который без труда можно было высадиться, так как дно бухты было гладким.

Рыжий Цыпленок не издал ни звука с момента своего первого крика, а когда я разбудил остальных и его отнесли в дом, он взял протянутую ему трубку и спокойно закурил.

“Авехи был против него”, - сказал старик. Аавехи - бог рыбаков, которого во времена политеизма всегда умилостивляли начинающие рыболовы и который все еще обладал властью.

На острове не было белого доктора, и его не было уже много лет.

Ничего не оставалось, как позвать татихи, или местного врача, пожилого и сморщенного человека, все тело которого было покрыто замысловатым узором татуировок и морщин. Он пришел немедленно, и его коготь-словно чьи-то руки ловко соединили края раны на красном цыпленке и склеили их соком обезьяны - луковичного растения , похожего на съедобное таро. Красный Цыпленок, должно быть, очень страдал, потому что обезьяний сок чрезвычайно едкий, но он не протестовал, продолжая пыхтеть трубкой. Татихи приложили к ране лист и очень тщательно перевязали все место бинтом из ткани тапа, сложенной хирургическим способом.

Около циновки, на которой лежал Красный цыпленок , утром собрались старейшины деревни, чтобы обсудить происшествие и рассказать разные истории, пока курят трубку. Один из них видел, как рыба-меч пронзила грудь его друга и он мгновенно умер. Многочисленные случаи, когда их каноэ тонули от этих свирепых морских ударов, были описаны мудрецами, которые, не имея ни книг, которые могли бы их утомить, ни письменных записей, которые могли бы притупить их память, сохранили самые мельчайшие воспоминания о важных событиях прошлого.

Что касается меня, то, рассуждая о демонической деятельности меч-рыбы, я потчевал их рассказами о повреждениях, причиняемых большим кораблям; о том, как костяной меч пронзил корпус “Фортуны”, о “Плимут”, прорезающий медь, дюйм обшивки, трехдюймовая доска из твердого дерева, двенадцать дюймов цельного бруса из белого дуба, два с половиной дюйма потолка из твердого дуба и головка

бочку из-под масла; о шлюпе “Морнинг Стар”, который пришлось конвоировать в порт из-за течи через пробоину в восемь с половиной дюймов белого дуба; о шлюпе Комиссии по рыболовству Соединенных Штатов, раскаленном докрасна, протараненном и затонувшем; о британском “дредноуте”, который был откачан в Коломбо, где течь была устранена. сделанная рыба была найдена, и страховка в размере 15 000 франков выплачена.

“Наши отцы никогда не отправлялись на рыбалку, не испросив благосклонности богов”, - сказал Красный Цыпленок. “Я католик, но, возможно, море такое древнее, старше Христа, что тамошние дьяволы повинуются старым богам, которым мы привыкли

поклоняться. Если бы это самое большое Морское Копье, которое мы видели , напало на меня или на нашу лодку, оно убило бы нас и потопило каноэ, потому что оно было длиной в четыре сажени, а его оружие было высотой с меня".

Татихи серьезно кивнул головой. Его душа все еще была под защитой богов его предков, и он увидел в ране Красного Цыпленка месть неутоленного Авехи.

Я был поражен, обнаружив, что у Красного Цыпленка не было лихорадки, и он быстро выздоравливал. Не имея представления о современной медицине, татихи исцелил пострадавшего, и я завел с ним разговор о его мастерстве.

Его хирургические познания были превосходны; он безошибочно определял расположение жизненно важных органов, поскольку часто разделывал тела для употребления в пищу. Он успешно лечил переломанные кости, раны от ударов копья в тело, дыры, пробитые в черепах ужасными камнями из пращи размером с яйцо. Если череп был просто треснут, без разрушения кости, он просверливал отверстия в конце каждой трещины, чтобы предотвратить дальнейшее расщепление, и, заменив кожу, которую он отогнул, обвязывал голову охлаждающими листьями и предоставлял природе лечить перелом. Если на мозг оказывалось давление или какая-то часть черепа раскалывалась, он обычно удалял все это и, подрезав края отверстия в черепной коробке, накладывал на него аккуратный кружок из скорлупы кокосового ореха, возвращал скальп на место и ухаживал за пациентом, пока тот не выздоровел.

Он знал о случаях, когда поврежденное мозговое вещество заменяли свиными мозгами, но признавал, что пациент в таких случаях сначала впадал в ярость, а затем умирал. Раньше он привык вскрывать фурункулы и нарывы шипами, но теперь предпочитал использовать для этой цели гвоздь

.

Опасаясь, как бы цыпленок не заболел лихорадкой, он приготовил для него украшение из полых стеблей бамбука, которые он добавлял в больших дозах из скорлупы кокосового ореха. Это было молоко-белый, а в воде становится прозрачным, как эта прекрасная разновидность опала - гидрофан. "Существует

легенда, - сказал татихи, - что знания об этом лекарстве были почерпнуты у смуглого человека, который приплыл на корабле много лет назад, и по этой подсказке я узнал в нем табашир, жаропонижающее средство, давно известное в Индии.

Перед соломенной хижиной, в которой лежал Рыжий Цыпленок, был разведен костер , и в нем грелись камни, чтобы, если более мягкое лекарство не подействует,

в этом случае пациента укладывали на груду раскаленных камней, накрывали защитными листьями и заворачивали в тряпки, пока пот не побеждал лихорадку. Затем пациента доставляли к морю или реке и погружали в холодную воду.

Но в этой процедуре не было необходимости. Рыжий Цыпленок быстро пошел на поправку и через несколько дней уже ходил как обычно, хотя и с задумчивым выражением в глазах, которое предвещало душевную борьбу с отцом Оливье, чьи новые боги не защитили рыбака от богов моря.

Паскуаль, великан-пилот с острова Паумотан и его друзья

Возлюбленная ловца жемчуга

Ловля рыбы с помощью копья на Маркизских островах

Ловцы жемчужных раковин за работой

ГЛАВА XXXII

Путешествие по крыше мира в Оомоа; встреча с дикой женщиной с холмов.

ОТЕЦ ОЛИВЬЕ пытался отговорить меня возвращаться в Оомоа пешком и предложил мне свою лошадь, но я решил идти пешком и позволил молодому туземцу Ориви быть моим конным проводником. Ориви назван в честь отца Оливье. Оливье; поскольку в маркизском языке нет буквы “Л”, имя доброго священника произносится так, как если бы оно было написано по-английски, или Эвиэй.

Лошадь, обычная маленькая, крепкая горная лошадка, была поймана, и мы прикрепили к ней седло со стременами из коровьей кожи, мохнатыми и большими, и веревочную уздечку. Ориви, нарядно одетая в мятые джинсовые брюки, желтое парео и старую соломенную шляпу, оседлала зверя, и, попрощавшись с моими друзьями, мы начали подниматься по тропе через деревню.

У каждого из дюжины домов, мимо которых мы проезжали, мне приходилось останавливаться и здороваться с жильцами. На этих островах нет той холодности по отношению к случайному прохожему, которая характерна для Америки, где можно пройти по самой крошечной деревушке и не встретить приветствия, если только деревенский констебль не увидит выгоды в аресте путника за отсутствие денег или работы. Все старейшины были покрыты татуировками, и поскольку каждый остров и даже каждая долина отличались своим стилем украшения кожи, у этих людей были новые узоры и рисунки, которые меня заинтересовали. Я взял за правило немного задерживаться перед каждым домом, восхваляя внешний вид этих татуированных стариков, как потому, что это доставляло им удовольствие, так и потому, что жаль, что это национальное художественное выражение должно угаснуть по прихоти белых, которые ничем его не заменяют. Из-за этого лишения, как и из-за дюжины других, у маркизцев отняли расовую гордость и клановые отличия, а их общественная жизнь была разрушена.

Несмотря на эту задержку, мы с Ориви вскоре миновали дома. Поскольку население во всех долинах уменьшилось , люди перебрались с возвышенностей в районы, расположенные ближе к морю, для добрососедства и удобства. Лишь немногие из них сохранились в отдаленных долинах, и это нонконформисты, которые все еще сохраняют свой исконный образ мыслей и жизни, а также свои древние обычаи. Я знал это, но продолжал свой путь вслед за взбирающейся по склону маленькой лошадкой,

наслаждаясь многочисленными видами и ароматами джунглей, пребывая в счастливом неведении о том, что вскоре мне предстоит встретиться с одним из этих обитателей высокогорий. Это случилось со мной внезапно, и это было самое неприятное из нескольких переживаний, которые заставляли меня разрываться между страхом и смехом.

Примерно в миле от деревни, в зарослях кустарника,

деревья и гигантские папоротники, мы наткнулись на поперечную тропу, тонкую полоску , едва пробивающуюся сквозь густую поросль, и увидели, как из -за листвы появилась женщина. Она была крупной, примерно пяти футов десяти дюймов ростом, с Фигура Юноны, красивая и гибкая. Такая женщина в ее возрасте, около двадцати двух лет, выполняет мужскую работу, заготавливает копру, валит деревья, поднимает тяжелые камни и по силе не уступает среднестатистическому мужчине. Она была смуглой, как и все маркизцы, которые ведут суровую и энергичную жизнь , не защищенную от солнца и ветра, и в полутени леса казалась животным, диким и необузданным. Ее алое парео и ожерелье из красного перца добавляли красок картине, которая сразу показалась мне необычной и запоминающейся.

Лошадь проехала мимо нее, и Ориви, повернувшись в седле, ответила на ее приветствие, а я добавил вежливое “Каоха!”. Она посмотрела на меня с необычайным вниманием, которое я приписал моим белым уткам и дорожной шапочке, и спросила, кто я такой. Ориви ответила , что я незнакомый человек, путешествующий по горам. Затем она вышла на главную тропу, сбросив с плеч груз пакетов, чая и других продуктов, и внезапно обняла меня, вдохнув запах моего лица и заключив в медвежьи объятия, которые, несмотря на мой испуг , чуть не задушили меня.

- Берегись! - воскликнула Ориви тоном, в котором смешивались тревога и веселье. Я поспешно попятился и попытался спрятаться за валуном, но она прыгнула за мной и, снова схватив меня, возобновила свою страстную атаку.

- Она женщина гор! Она заберет тебя к себе в паэпае, предостерегающе крикнула моя взволнованная проводница.

Таково было ее намерение. В этом не было сомнений. Она схватила меня за руку и попыталась оттащить от валуна, за который я цеплялась. Несколько мгновений я был вовлечен в борьбу, скорее искреннюю , чем рыцарскую, с моей стороны и пылко демонстративную с ее. Но как Я ни за что не согласился бы с ее желанием подарить мне дом в горах, она была вынуждена оставить надежду после прощального объятия, которое я прервал грубо, но по-научному. Снова поднявшись на ноги, она подняла свою ношу, которая, должно быть, весила добрых сто фунтов, и пошла своей дорогой.

- Она хиненао пу, - сказала Ориви. Что буквально означает “кокетка без причины”. Я не искала двойного смысла в этом замечании, а просто выразила свое мнение обо всех хиненаос, надевая шапочку и поправляя одежду.

“Эти высокогорные женщины все такие”, - сказала моя проводница. “У них нет ни здравого смысла, ни стыда. Если они увидят незнакомца возле своего дома, они схватят его, как мужчины хватают женщин. Если они в настроении, они не примут отказа. Это всегда было их традицией, как у мужчин с гор, которые захватывают женщин из долины. Это постыдно, но

это никогда не менялось. Она угощала вас и обращалась с вами по-доброму, как мужчина со своей невестой. Знаете, в старые времена у сильных женщин было больше одного мужа, иногда четыре или пять, и они выбирали их таким образом. Если бы ты был поближе к тому месту, где живет Тепу, она бы сделала тебя пленником. Они часто так делали.

“Мы подходим к ее дому?” - спросил я.

“Нет, мы больше не видим паэпаев”, - ответила Ориви.

“Тогда, - сказал я, - давайте поспешим вперед”.

Мы поднимались все выше и выше и вскоре оказались над кокосовыми орехами. Тропа представляла собой ручей, перемежающийся камнями, потому что в этих крутых местах тропа, протоптанная ниже своих границ, в сезон дождей становится естественным руслом ручейка или ручья, стекающего в долину. Конь перепрыгивал с камня на камень, упираясь задними ногами в землю и подпрыгивая на жердочке, на которой он висел, пока не восстановил равновесие для следующего

прыжка. Я последовал за животным, зная, что оно в таких вопросах мудрее меня. Время от времени Ориви уговаривал меня прокатиться верхом, а когда я отказывался, бросал на меня понимающий взгляд, которым смотрят на слабоумного, взгляд смотрителя приюта на сумасшедшего, возомнившего себя бильярдным шаром.

Вскоре мы поднялись так высоко, что я увидел внизу только большую котловину, в которой находился природный храм, казалось, огромные руины гигантского собора, а за котловиной виднелся неровный, похожий на пилу профиль горной вершины. Давным-давно, когда остров Фату-Хива находился под водой, верхняя долина была извержением вулкана. Однажды огонь прорвался через кратер в сторону нынешнего пляжа, и после взрыва там остались массивные каменные ворота, через которые мы пришли из деревни. Возвышаясь так высоко, что мы едва могли различить их, когда находились рядом, с этой высоты они были похожи на разрушенные стены колоссальной базилики.

Мы поднимались все выше и выше. Путь был круче, чем на любую гору, на которую я когда-либо взбирался, за исключением отвесных склонов пропастей, где необходимы веревки, или труб узких ущелий. Я поднимался пешком Везувий, Халакела, Килауэа, Фудзи и Майон, а также горы Америка, Азия и Южная Америка, хотя я ничего не знаю об ужасах Альп. Тем не менее, лошадь могла подниматься и поднималась по крутизне, хотя это давалось ей с большим трудом, а эти лошади похожи на горных козлов, потому что на Маркизских островах почти нет ровной местности.

Неожиданно в поле зрения появилось море с католической церковью и ее белой колокольней, но за очередным поворотом оно исчезло. Я падал снова и снова; лошадь барахталась среди камней во впадине и тоже падала, пытаясь спастись, хватаясь за деревья или кусты, росшие по берегам. Скалы, размером со стотонные суда, возвышались на склоне горы, и только небольшие камни удерживали их от падения - слабое препятствие для схода лавины. Над деревней нависали крутые пропасти. Я

они думали, что ночь может наступить в любой момент, и маркизцы рассказывают о многих подобных случаях. В Таи-о-хае триста туземцев были навеки погребены под оползнем, и Ориви

указал на следы таких оползней и огромные каменные глыбы на большой глубине под ними, рядом с полосками мягкой почвы, нанесенной дождями.

Дикая гуава и колючий кеохо, таро, панданус и баньян - все знакомые и полезные деревья и растительности остались позади. Мы упорно продвигались вперед по каменной пустыне.

Я взобрался на край обрыва и встал над морем. Когда я посмотрел вниз, голубой океан оказался прямо у меня перед глазами, и я мог видеть рыбацкие каноэ, похожие на щепки на воде. Спуск был на тысячу футов вниз по прямой; площадка для стояния была шириной всего в три фута, мокрая и скользкая. Сильный пассатный ветер дул из-за скал и грозил сбросить меня.

Мной овладело демоническое желание броситься с высоты . Почти физическое побуждение тела, как будто какой -то скрытый Мефистофель не только вложил в душу свой адский совет покончить с жизнью, но и подтолкнул тебя к краю пропасти. Как никогда прежде , на меня напало злое желание упасть с этой ужасной высоты, и мир превратился в черное головокружение. Сопротивляясь, я выбросил вперед руку; неосознанная хватка за чахлый папоротник, сама по себе не служившая преградой от падения, помогла мне мысленно взять себя в руки, и кризис миновал.

На четвереньках я пополз по карнизу, потому что ветер был штормовой, и поскользнуться на ноге могло означать падение на пятую часть мили.

Показалась следующая долина, Тапаатеа, и Ханававе - расселина в горах, а ручей - серебряная нить. На противоположной стороне, на фоне холмов Намана, сверкал каскад. Это Вайелуй, сообщил мне юноша Ориви, когда мы поднимались выше, все еще на опасном уступе, который соединяет обрывы, обращенные к морю. Все долины сходились в одну точку, и внизу ничего нельзя было различить.

Мы поднялись еще выше и оказались на одном уровне с зубчатым гребнем горы. Фэйонские горы на севере, и можно было заглянуть сквозь пронзенную гору Лапута; сквозь дыру техавайинена, которая похожа на круглое окно в небо, обрамленное черным, о котором слагают легенды . Ориви снисходительно улыбнулся, когда я объяснил ему, что это отверстие было проделано морскими течениями, когда Лапута находилась под океаном. Он

знал , что некий воин, наполовину бог, наполовину человек, однажды пронзил гору своим копьем

.

Затем мы подошли к самому важному этапу нашего путешествия, подобному крыше мира, и нам пришлось переползти еще один выступ, с которого открывался перпендикулярный обзор на высоту 2500 футов, настолько притягательный, что если бы я знал имя святого, покровительствующего покупателям альпенштоков, я бы непременно предложил ему аве. Это была вершина. Благополучно миновав ее, тропа пошла вниз, к плато.

Я догнал Orivie и лошади, и мои мышцы так радовались при смене движения на спуске, почти невольно я взял в нескольких шагах джига и произнес первые стихи “у меня было только пятьдесят Копеек”. Миллиарды мхов и папоротников покрывали каждый фут небольшого плато. Деревьев не было. Тропа уходила глубоко в воду, как оросительная канава. И все же можно было легко сломать шею. И я подумал о том, что отец Оливье много раз в год проезжает между Оомоа и Ханававе в своей черной сутане и верхом на усталой лошади, в любую погоду, в одиночестве; этот факт стоит запомнить, когда слышишь, как всех миссионеров обвиняют в эгоизме, который так часто срывается с уст многих мужчины.

Мы добрались до зарослей кокосовых орехов, и я попросил Ориви принести парочку, после того как попытался проделать этот трюк сам и потерпел сокрушительную неудачу, не считая того, что поцарапал нос и руки. Босые ноги обязательны — босые и жесткие, как кожа. Жители маркизских островов делают зарубки на деревьях, когда они достигают зрелости, чтобы облегчить лазание по ним, - этот обычай распространен во многих частях Азии, но не на Таити. Эти опоры для ног сделаны через каждые три фута с противоположных сторон. Они срезаются неглубоко, с наклоном вниз и наружу, чтобы не поранить древесину дерева и не образовать карманы, в которых могла бы скапливаться вода и загнивать древесина. С этими приспособлениями они легко взбираются наверх, используя веревку из коры пурау, обвязанную вокруг запястий, и с их помощью вытаскивают себя из надреза.

Я видел, как шестилетний ребенок за минуту или около того забрался на верхушку шестидесятифутового дерева , и я видел, как мужчина или женщина остановились по пути в пятидесяти футах от земли и закурили сигарету. Худые, толстые, вожди или простолюдины - все учатся этому мастерству в младенчестве. Мужчины, которые из-за своей комплекции пыхтят на дороге, добираются до пальмовых ветвей с ловкостью обезьян.

У Ориви не было зазубрин, чтобы помочь ему, но он связал ему лодыжки куском крепкой лозы, оставив зазор примерно в десять дюймов, и с помощью этой ленты, плотно прижатой к дереву, обеспечивал надежную опору, в то время как его руки, обхватив ствол сверху, подтягивали его вверх ярд за ярдом. через минуту он был на верхушке пятидесятифутового дерева и сбросил вниз два орешка. Они были величиной с футбольный мяч и весили около пяти фунтов каждый. Ножа у нас не было, но мы откалывали верхушки камнями и, держа блестящие зеленые орешки, давали вину течь по горлу. Никогда еще вино так хорошо не утоляло жажду и не поднимало настроение! В самый жаркий полдень на самом жарком пляже, когда кораллы обжигают ступни, этот нектар прохладен. После самого трудного подъема, когда легкие и мышцы ноют от усталости, он придает сил и поднимает настроение.

Рядом с кокосовой рощей протекал ровный ручей, затененный панданусом, и, следуя за ним, мы снова начали подниматься по тропинке , обрамленной невысокими деревьями, по которой бежал ручей. Кокосовые орехи падали

вдали, когда мы поднялись на гребень и вышли на плоскогорье , поросшее папоротниками, одними зелеными, другими засохшими, они устилали плоское пространство, насколько хватало глаз, лавандовым ковром, зеленый и коричневый цвета которого сливались в этот мягкий цвет.

Мы были дальше по широкой крыше в горах, теперь в середине, а не на краю, поэтому мы бежали, скакали галопом и кричали. Дикие лошади убегали от нас, и мы услышали хрюканье кабана в зарослях папоротника . Веерные пальмы, карликовые, но грациозные, росли вперемежку с великолепными древовидными папоротниками, а над ними вился уэту, огромный горный подорожник, называемый на Таити фей, где он является хлебом насущным; у него ребристые изумрудные листья величиной с

человека. Тысячи лет они кормили темных людей во многих странах , и это те же золотые плоды, которые я ел за завтраком с отцом Оливье, тремя тысячами футов ниже. Они растут только в горах, и у мужчин, которые привозят их в деревни, ступни по форме напоминают широко раскинутую ладонь, а пальцы ног причудливо изогнуты, когда они карабкаются по скалам и хватаются за корни для опоры.

Снова пошел дождь, и ветер усилился, но теперь мы спускались по-настоящему. Море снова засияло, но уже на другом берегу. Сторона Оомоа. Мы прошли под деревьями, увитыми чудесными орхидеями, пуауэтаха, как сказал Ориви, лианами-паразитами, родственными ванили, как лев - котенку, двоюродными братьями, но без особого семейного сходства.

В этом месте тропа становилась очень опасной - каменистый обрыв, ступеньки на расстоянии фута или двух друг от друга, как неровная лестница, и все это на фут, а иногда и на два, под проточной водой. Я прыгал, скользил и поскальзывался, следуя за несчастной ныряющей лошадью. Быстро стемнело, хлынул ослепительный дождь, и спуск часто проходил под углом в сорок пять градусов, по камням, размытым холмам, по краю пропасти. Я упал здесь и спасся, зацепившись за корень на тропе и подтянувшись снова. Я бы упал на крышу дома жандарма в тысяче футов ниже.

Мы услышали шум прибоя и, отпустив лошадь, Ориви повела меня, понимая, что мы отказываемся от удобств цивилизации, вниз по руслу каскада к реке Оомоа, которую мы перешли вброд, а затем добрались до дома Грелета. Мы проехали тринадцать миль. Я устал, но Ориви не обратил на это никакого внимания.

Несмотря на то, что я был весь в грязи, я пошел к реке, искупался под дождем и, вернувшись домой, занялся своим здоровьем. Полунции рома, пинта кокосового молока из очень молодого ореха, сок половины лайма, только что сорванного с дерева, два кусочка сахара - и у меня получился бодрящий напиток, достаточно крепкий для игрока в гольф после тридцати шести лунок и достаточно нежный для дебютантки после тридцати шести лунок. ее первый котильон. То Паумотанские мальчики и Паэ смотрели на это с ужасом, говоря, что я порчу хороший ром.

Католическая церковь в Ханававе

Брат Фесаль слева,

Отец Оливье справа

Каноэ в прибое у Оомоа

ГЛАВА XXXIII

Возвращение на каноэ в Атуону; Тетуахунахуна рассказывает историю о девушке, которая ехала на белом коне на праздновании дня рождения Жанны д'Арк в Атуоне. Тай-о-хэ; Доказательство того, что акулы ненавидят женщин; плывем по звездам к пляжу Атуона.

Каноэ, на котором мы плыли в Ханававе, остановилось в Оомоа по пути в Хива-Оа, мой дом, потому что я договорился с Тетуахунахуной, его владельцем, о том, что он доставит меня в Атуону. В конце концов, Грелет перевез бы меня, но его отвращение к отъезду из Фату-Хивы было так велико , что я счел, что требовать от него слишком многого было бы непозволительно. Он напомнил мне, что Кант, великий метафизик, прожил восемьдесят лет на родине и никогда не удалялся от нее дальше, чем на семь миль.

Каноэ прибыло в Ханававе, чтобы привезти двух молодых женщин. Одна из них была темноволосой, пышнотелой, в розовом атласном платье поверх кружевной нижней юбки. На ее густых волосах цвета воронова крыла кокетливо сидела шляпка из рогатого рога, украшенная ракушками и сушеными орехами . На ее шее, округлой , как молодой кокосовый орех, красовалось жемчужное ожерелье, которому могла бы позавидовать сама императрица, будь оно настоящим, а не искусственным подарком какого-нибудь торговца. Маленькие изящные ступни, босые, выглядывали из-под ее тонких оборок. Ее глаза были большими и

прозрачными, как у типичной женщины. Маркизка, цвета сепии, с длинными ресницами, прямым и совершенным носом, чувственным и требовательным ртом. Ее имя означало “Девушка-призрак”, и она порхала по островам, как фея.

“Она взимает дань со всех, кто ей нравится”, - сказал Грелет. “Ее культ - ром и табак”. При встрече со мной она присела на корточки и сплюнула сквозь пальцы, чтобы показать, что хочет пить, как это делают все маркизцы, чьи манеры не были испорчены незнакомцами.

Другая девушка, помоложе, в алой тунике и с венком из цветов гибискуса на голове, поразила меня тем, что все ее тело, которое я мог видеть, было окрашено в ярко-желтый цвет. В дорогу она нацепила на себя маску из эна-пасты с ароматом шафрана, любимого средства островных красавиц.

Когда мы вышли на пляж Оомоа из благодатной тени плантации Грелета, солнце сияло белым светом. На фоне ослепительного сияния моря темными силуэтами выделялись полуголые лодочники, несущие гроздья бананов, дюжины орешков для питья, хлеб и вино - подарки моего хозяина

.

За ними шел Тетуахунахуна. Спокойный, ничем не обремененный, без единой татуировки на своем стройном смуглом теле, он выглядел командиром людей, каковым и был, человеком, чье слово никому не пришло бы в голову подвергнуть сомнению. Безразличный как к головокружительной жаре, так и к восхищенным взглядам женщин, он сразу же принялся заказывать

погрузка лодки, которая лежала на песке вне досягаемости бурунов.

Дюжина женщин расположилась в древнем общественном месте под баньяновым деревом, на могучей платформе из черного камня, на которой веками сидели островитянки, наблюдая, как их мужчины приплывают на каноэ на рыбалку или в набеги на соседние бухты, и где десятилетиями они ожидали высадки своих белых кораблей. влюбленные моряки.

“Тай менино! Тихое море!” - кричали они нам, когда мы проходили мимо них, и их глаза с завистью следили за продвижением Девушки-Призрака и сестры Анны.

Когда я добрался до лодки, она была уже хорошо нагружена. Ферментированные плоды хлебного дерева, завернутые в банановые листья, поросенок, вырытый утром из ямы и упакованный в бамбуковые прутья, тыквенные горшки с речной водой, бананы и орехи для питья - все было на месте. С трудом мой багаж был присоединен к грузу, и мы нашли для себя тесные места и попрощались с Грелетом, в то время как гребцы удерживали лодку на краю набегающих волн. Тетуахунахуна, наблюдавший за бурунами, отдал короткую команду, и мы нырнули в пену.

Лодка подпрыгнула и закачалась в летящих брызгах. Гребцы, вскочив на свои места, налегли на весла. Позади меня раздалось резкое тревожное “Хаи!”, и я увидел, что сломалось весло. Но Тетуахунахуна, стоявший у нас за кормой по пояс в воде, сильно толкнул лодку, и мы благополучно оказались на плаву, когда он перелез через борт и , обливаясь потом, встал на крошечный насест рулевого, в то время как мужчины, держа лодку носом к накатывающимся волнам, благополучно вывезли нас на открытую воду.

Выйдя из бухты, они взялись за весла, и мы стали ждать, когда подует легкий ветерок , чтобы поднять мачту и парус. Пляж остался позади нас - узкая белая полоска за еще более белой линией прибоя. Над нами горело голубое небо, и до самого далекого мерцающего горизонта простиралось спокойное синее море без ветра.

Мы лениво катались, а солнце палило нас нещадно. Через час мне стало так жарко, что я начал сомневаться, смогу ли вынести эту пытку. Пряжка на брюках жгла мне кожу, и я не мог без боли дотронуться до своей одежды . Маркизцы удобно расположились на сиденьях и свертках, наслаждаясь сигаретами из листьев пандануса. Каждые несколько мгновений гребец умело сворачивал одно весло, делал несколько затяжек и передавал его следующему , который, дождавшись своей очереди, передавал его дальше по очереди.

Время от времени Тетуахунахуна, сидевший на корме, подавал знак, и новая сигарета, не тронутая восемью руками, переходила к нему. Он безмятежно курил, глядя на гладкие волны воды и с

неистощимым терпением ожидая ветра. У его ног пятнадцатилетняя девочка, сестра Анны, распростерла свое тело цвета шафрана

я сидел на веслах, положенных поперек банок, и спал. Девушка-призрак, сидевшая рядом со мной, положила свою блестящую головку мне на колени, чтобы мне было удобнее дремать.

Прижатый к неподатливым банкам, я проводил мучительные часы, не в силах сдвинуться больше чем на несколько дюймов в узком пространстве. В полдень, когда на нас смотрело вертикальное око злого солнца, мне стало так жарко в одежде, что пришлось снять ее с себя. Я помедитировал, прыгнув в океан и немного поплавав. Девушка-призрак заметила мое намерение , когда я пошевелился, и притянула меня к себе.

“Мако!” - крикнула она. “Пуааа!” Она указала на правый борт. В двадцати футах от нас по воде медленно двигался серый плавник. - Акула, и к тому же злая тварь! Она потянулась за раскрытым кокосовым орехом и выплеснула немного молока через плечо, чтобы умилостивить демона. - Мако! - повторила она. - Пуааа!

- Реквин! - повторил Тетуахунахуна по-французски. “Дьявол из Маркизские острова!

- Но ты их не боишься. Плыви туда, где они, - сказал я.

“Мало кого из нас кусали акулы”, - сказал Тетуахунахуна, оценивая порыв ветра, который принес слабую надежду. Она угасла, и он продолжил. - Мы часто бываем в море и не боимся мако настолько, чтобы быть слабыми перед ним. Я многих убил ножом. Я обвязывал им животы веревками и заставлял их чувствовать себя глупо, когда мы втягивали их в воду. Я пощекотал им животы кончиком ножа, которым потом разрезал их. Они неуклюжие, им приходится переворачиваться, чтобы укусить, и они боятся купающегося мужчины. Но они дьяволы и ненавидят женщин. Им не нравятся мужчины, но ради женщин они готовы пойти на многое”.

Он взял сигарету, которую протянула ему девушка-призрак, и, присев на корточки на рулевой палубе, посмотрел на меня, чтобы понять, заинтересована ли я. Несмотря на то, что я чувствовал себя несчастным, я ответил на его взгляд и сказал: “Тиатохоа?”, что означает “Это так?” и показал, что я внимательно слушаю.

“Это так”, - ответил он. “Для этого есть причины. В незапамятные времена бог-акула был обманут женщиной. В гневе он перевернул остров, но это не утолило его ненависти. С тех пор все акулы охотились на женщин.”

Сестра Анны беспокойно пошевелилась во сне и положила свои согнутые ступни мне на колени, ступни были горячими, как железная ручка насоса на Июльский полдень.

- Хакайя! - воскликнула Девушка-призрак и свесила ноги за борт.

“Акулы оставляют мужчин в живых, чтобы убивать женщин”, - продолжил Тетуахунахуна. “Этому есть много доказательств, но самым убедительным является случай , о котором знает каждый житель Таи-о-Хэ и Нука-Хивы, потому что это произошло всего несколько лет назад. Я видел, как это происходило”.

Я внимательно посмотрел на него, и, выпустив несколько клубов дыма, он продолжил.

“Вы можете подумать, что вы, у которого Железные Пальцы, создающие Слова,

что акула не видит разницы между мужчинами и женщинами. Я это видел и скажу вам честно. Я часто думал об этом, потому что все, кто живет в Таи-о-хэ, знают эту женщину, и ее молочная сестра сидит там, а на ней эна. Она не покоится на кладбище, эта девушка, о которой я говорю, и ее тело не находится рядом с могилами ее отцов в уа тупапау. Ее звали Анна, это название вашей страны фенуа. Менике, потому что ее отец был капитаном трехмачтового судна, приплывшего из Ньюбеддифордимасса, места, откуда прибывали все корабли Менике, охотящиеся на китов. Ее матерью была О Таке Охо из долины Хапаа, чей отец был съеден жителями Таи-о-хэ во время войны с белым капитаном Отопоти.

- Уэ! Те большие корабли, которые охотятся на китов, больше не приходят. Пааоа извергается, и некому его ударить. Стандирейли заставляет фонари гореть в Менике высаживают, и они отправляют его сюда в типоти, в больших банках. Старые времена ушли в прошлое.

“Отец Анны впервые увидел ее, когда ей был год и она едва умела плавать. Он приплыл на своем корабле из Ньюбеддифордимасса и

сказал, что это в последний раз, потому что китобойный промысел закончился. Он был молодым человеком, сильным и умел говорить крепкие слова, но он с гордостью смотрел на маленькую Анну и много недель держал ее с матерью на своем корабле, пока мужчины на корабле танцевали с девушками. Он купался на пляже в бухте Тай-о-хэ, и маленький Анна плыла к нему по глубокой воде. В день своего отплытия он подарил ей маленькую серебряную шкатулку с серебряной цепочкой для тики Бернадетты

.

“Он больше не приезжал ни в Таи-о-хэ, ни в Атуону, ни в Ханававе. Мы слышали, что он торговал с Таити и отказался от охоты на пааоа. Я никогда не был на Таити. Говорят, что там красиво и что люди веселые. У них есть столько наму, сколько они могут выпить. Правительство хорошо к ним относится. - Тетуахунахуна вздохнул и посмотрел на мою сумку, в которой лежала бутылка рома, подаренная мне Грелетом.

Я налил напиток в кокосовую скорлупу, которую опустошила девушка-призрак, и отдал ему. - Каоха! - сказал он и, проглотив ром, продолжил.

- Когда Анне было четырнадцать лет, она была моя кана хуа, прекрасная , как огромная жемчужина. Она была высокой для своего возраста, как и подобает дочерям великих людей. У нее были рыжие и золотистые волосы, как у Титихути из Атуоны. Ее глаза были цвета мио, розового дерева, когда его только что срезали, а грудь напоминала кокосовый орех, очищенный от кожуры для питья.

“Многие молодые люди, маркизцы и все белые мужчины, и Джордж Вашингтон, чернокожий американец, пытались захватить Анну, но Отец Симеон, священник, передал ее блаженной Марии Пито, и сестры тщательно охраняли ее. С тех пор как она играла голышом на пляже, она носила тики Бернадетт в серебряной шкатулке, подаренной ей

отец, и она прочитала молитвы, которым научил ее отец Симеон по книге. На ней было синее парео, и это было странно, потому что только старики, да и то немногие, носят что-либо, кроме

красной или желтой набедренной повязки. Но, по словам маленькой Анны, голубой - это цвет Марии Пито, матери Христа.

Остальные слушали с любопытством. Девочка-призрак перекрестилась и пробормотала: “Боже, Мария Пито!”

“Когда ей было четырнадцать лет, Анна отличалась от всех других девушек на этих пляжах. Все мужчины вздыхали по ней, но она была из тех , кто никогда не следовал обычаям наших девушек. Она стала другой благодаря своей матери, молитвам отца Симеона и чему—то странному в ее куканье - что вы скажете? Душа. Ее не интересовали ни напитки, ни пипи, безделушки, которые обожают девочки. Она всегда говорила о себе как о дочери капитана из Менике, об отце, который приедет за ней и заберет ее отсюда. Ее мать всегда помнила об этом , и Анна никогда не ходила на танцы.

“Ее мать, которая жила на берегу и ждала моряков, редко видела ее, потому что отец Симеон забрал Анну и держал ее в доме монахинь, а они охраняли ее. Он наложил на нее тапу”.

Внезапно я села, пораженная воспоминанием. “Это она была на белом коне и несла доспехи Жанны на великом параде?”

“Это была она. Монахини хотели, чтобы она навсегда поселилась в их доме и стала одной из них. Но Анна сказала мне на пляже , когда пряталась, чтобы повидаться со своей матерью, что она будет жить в доме монахинь только до тех пор, пока ее отец-мужчина не придет и не заберет ее. У нее на шее висела серебряная шкатулка с изображением Бернадетты, и это был ее бог, которому она молилась”.

- Эпо! - Сказал я, садясь, ошеломленный. - Продолжай, Тетуахунахуна. Расскажи мне еще.

“Настал великий день блаженной Жанны”, - сказал Тетуахунахуна, попробовав свежую сигарету. - Там были барабаны, песнопения и ром для всех. Увы, отец Симеон забрал ром! и только матросы-Менике на кораблях могли насытиться. Анна была одета в платье, которое сияло, как солнце на волнах, и, сидя на белом коне, ехала из миссии в Дом прокаженных на берегу моря. Отец Симеон шел перед ней, неся тики Причастия, и знамена были белыми, как свежая паутина кокосового ореха. Анна не смотрела ни направо, ни налево, когда садилась на лошадь, но когда она стояла на песке у Дома прокаженных, то

долго смотрела на новый корабль в бухте.

“Анна сказала, что этот корабль, возможно, принадлежал ее белому отцу, но название было другим, и этот корабль не принадлежал Ньюбеддифордимассу. Она сказала, что доплывет до этого корабля, чтобы увидеть своего отца, но ее мать сказала “нет”. Ее мать сказала ей, что в этих водах полно акул, и

что даже частичка Бернадетты не спасет ее. Затем пришли монахини и увели Анну. Анна плакала, когда шла с ними, потому что ей хотелось остаться и посмотреть на корабль.

“В ту ночь шлюпки с корабля не смогли причалить к берегу Таи-о-хаэ, ибо море было слишком велико, так что они приходили и уходили из Пейкуа, лестница в скалах. Морякам было позволено делать все, что они пожелают, и у них было много рома, подаренного капитаном , который родился в этот день сорок лет назад. Затем я отправился на корабль, чтобы выпить капитанского рома и купить табаку. Я с Хива-Оа, и корабль был большим и новым для меня”.

Тетуахунахуна жестом предложил ему новую сигарету, и он с удовольствием вдохнул ее терпкий дым. Стройное каноэ раскачивалось, как гамак, на длинных, медленно накатывающихся волнах. Солнце безжалостно палило, и ни малейшая белая рябь не нарушала глади спокойного, неумолимого моря, которое держало нас в плену.

“Ночью на судне не было никого, кто не был бы пьян. Несколько мужчин схватили нескольких женщин на дороге, ведущей в Таи-о-хэ, силой затащили их в лодку и подняли на борт. Среди этих женщин была Анна, которая сбежала от монахинь, чтобы найти весточку от своего отца. Она сопротивлялась, как дикарка с гор, когда они в шутку схватили ее, чтобы заставить проглотить ром, но сильные матросы с корабля одолели ее, и их смех и ее крики были так громки, что сам капитан вышел вперед. Когда он увидел ее , то, согласно обычаю, заявил, что она самая младшая.

“Она пошла с ним, плача. Когда они пришли в его каюту, мы услышали, как она громко зовет Марию Пеато. Мы слышали крики разъяренного капитана, который усмирял ее ударами. Было много рома, и женщины танцевали. Было очень шумно, но я выпила немного, так как только что прибыла на корабль, и

услышала плач Анны.

“Через некоторое время появилась Анна, она бежала по палубе. Это было большое судно, и ночь была темная. Капитан погнался за ней. Она взобралась на ванты, и капитан приказал двум матросам подняться наверх и привести ее к нему.

“Все пришли посмотреть, с криками и песнями. Матросы полезли за ней, и она поднималась все выше и выше, пока не оказалась на верхушке высокой мачты, выше самого большого кокосового дерева в Атуоне. Там она ухватилась за дерево, взывая к Марии Пито. Капитан словно обезумел от ярости. Он крикнул матросам, чтобы те забирались повыше. Но когда один из них потянулся, чтобы взять ее за ногу, она взмыла в воздух и полетела далеко в воду.

Капитан крикнул, что отдаст четыре литра рома тому, кто вернет ее обратно. Одни побежали за лодкой, другие нырнули за ней. Я был одним из них.

- Я уже говорил, что ночь была темная. Находясь в воде, мы не могли ее разглядеть. Затем на корабле кто-то направил яркий свет фонаря на море, и все мы увидели, как она подняла руку, собираясь плыть. Она была в сотне футов от нас и плыла очень быстро. Матросы тем временем сели в шлюпку, но они выпили много рома и гребли круг за кругом. Мы, трое мужчин, плавая в лучах фонаря, с каждым взмахом приближались к ней.

“Я почти дотянулся до нее рукой, когда рядом с ней появилась самая большая акула, которую я когда-либо видел. Вы знаете, что эти дьяволы ищут свою добычу именно ночью. Анна увидела мако в тот же миг и подняла громкий всплеск. Я услышал, как она выкрикнула имя Бернадетты Благословенной.

“Люди, которые были со мной, обернулись, но я продолжал идти. Я крикнул лодке , чтобы она спешила к нам. Я видел, как мако поворачивается в воде, как он должен делать, чтобы взять что-нибудь в рот. Я пинал его, бил по голове и проклинал его именем Ману-Айаты, бога акул. Если бы у меня был нож, я бы легко убил его.

“Но, Менике, я ничего не мог поделать. Я был ему не нужен. Лодка пришла, но не вовремя. Я видел, как дьявол схватил ее своими челюстями, как дикий кабан беспомощную птицу, и я

почувствовал, как он погружается в морские глубины. Я ничего не мог поделать.”

С юго-востока по морю скользнула кошачья лапа, лодку сильно качнуло, и Тетуахунахуна выпрямился.

“Той те ка! Поднимай паруса!” - сказал он.

Они подняли тонкую мачту из розового дерева, грубо вырубленного в лесу, и прикрепили ее к обоим мачтам тремя веревками. Через кольцо в его верхней части был пропущен подъемник, и был натянут парус из циновок, старый и изношенный, мужчины и женщины прикрепляли веревки к гику. Были использованы два полотнища, одно из которых было закреплено примерно в пяти футах от руля, а другое находилось в распоряжении рулевого, который выпускал гик в зависимости от ветра.

Ветер усиливался, стихал и снова усиливался. Наконец -то смертельный штиль и изнуряющая жара закончились, и мы помчались по освежающим волнам.

Убрав с дороги мачту и парус, мы с большим комфортом растянулись в лодке, наслаждаясь прохладным потоком воздуха. Тетуахунахуна с листком в руке снова присел на корточки на своем узком насесте.

- Вы вернулись на тот корабль, когда вас подобрала лодка? Я спросил.

“Да!” - ответил он. “Капитан был вне себя от гнева. Он обругал меня и сказал, что девочка выплыла на берег.

“Нет, Анну забрала акула”, - сказал я. “Она больше не будет искать своего белого отца”.

- Капитан поднес ко рту стакан с ромом, но поставил его на стол. Он попросил меня еще раз назвать ему ее имя. Когда я это сделал, он покачал

словно от холода, он быстро проглотил ром.

“Где она родилась?” - спросил он затем.

“В Хапаа. Ее мать - О Таке Охо, отца которой съели люди Таи-о-хэ, - сказал я и, взглянув ему в лицо, увидел, что его глаза были цвета мио, розового дерева, когда его только что срезали.

- Капитан пошел в свою каюту и вскоре бросился вверх по лестнице, споткнувшись о предмет, на который они смотрят, чтобы управлять кораблем, и там, лежа на палубе, он снова и снова кричал, что я поступил неправильно, не сказав ему об этом раньше.

Он держал в руке “тики”, серебряную шкатулку, которую Анна всегда носила на шее и которую подарил ей отец.

“Он был похож на дикого быка в горах, этот капитан корабля, когда поднялся, ревя и проклиная меня. Я боялся, что он застрелит меня, потому что у него в руке был револьвер, и он сказал, что покончит с собой. Но он этого не сделал.

- Маркизец, который был бы так же ненавистен самому себе, съел бы еву, но у этого человека не хватило смелости, несмотря на все его крики. Я подплыл к берегу, когда он обезумел, как тот, кто пьет каву, но не ест. Мать Атуоны, о которой я рассказывал в Таи-о-хэ, пришла навестить его, но он ее не знал, и она забрала тики из его хижины, когда увидела, что он молится ему. Он был пэйа, в его желудке не было мыслей. Когда корабль отчалил, его связали кандалами, которые есть у них для моряков, и второй вождь повел судно под парусом.

Девушка-призрак потрясла закутанную в ину девушку.

“Эй, Вий!” - раздраженно сказала она. “Подними ноги. Ты хочешь , чтобы мако съел их? Ты что, не помнишь свою сестру?

Акула все еще была в нескольких саженях от нас.

Теперь мы были в открытом море, и до бухты оставалось сорок миль. Предатели. Лодка накренилась под углом, гик с шипением рассекал воду при близком натяжении, а при полном разгоне его пятка подпрыгивала и плескалась о поверхность, и мы развивали скорость в шесть узлов. Каноэ было вдвое тяжелее, чем нужно, но эти островитяне не придавали значения нагрузкам, и в течение нескольких часов компания сидела с наветренной стороны или на банке , в то время как мы пользовались каждым порывом ветра. Шестеро гребцов по очереди вычерпывали воду тяжелым резным деревянным черпаком, но из-за частых шквалов волны перехлестывали через борт.

Остров Фату-Хива остался позади, и впереди показался Мохо-Тани, остров лающих собак, маленький, но красивой формы островок, похожий на длинный изумруд. Там не живет ни души. Клан Муа-Атиу населял это место до того, как колдун иссушил источники воды. На нем лежит проклятие, и хотя кокосовые орехи растут пышным цветом и все вокруг прекрасно, это место остается заброшенным и населенным призраками.

Слева от нас возвышался Тахуата, этот прекрасный остров в долине Ваит-хуа, а за ним - мыс Те Хоуп и те Кеко, пурпурное побережье в нескольких милях от нас, которое, как

сгущавшиеся сумерки становились все темнее и постепенно рассеивались. На горизонте показались смутные силуэты гор Хива-Оа

.

Ночь опустилась, как стена, и ничего не было видно, кроме свечения трубки, которое, словно руками духов, распространялось вокруг нашей сбившейся в кучу группы. Голова Девушки-Призрака лежала у меня на коленях, и среди сыновей и дочерей каннибалов меня окутал покой, как в сумерках в роще. Эти дикари, более созвучные настроениям природы, ритму моря и неба, дыханию соленого бриза, чем мы, продавшие свое право первородства за искусство, некоторое время сидели молча, словно дух времени овладел их душами.

Затем звезды начали занимать свои места на небе, чтобы исполнить свой долг по отношению к бедным на земле, и я увидел яркие и вдохновляющие лица многих моих знакомых. Ветер переменился и посвежел, парус был поднят ближе, и наша скорость стала опасной. Волны росли, но Тетуахунахуна, ничего не видя, но ощущая шкотом и штурвалом колебания воздуха и воды, удерживал нос каноэ на месте, и люди, в случае опасности, наполовину перегибались через правый борт. Я стоял на краю кормчего, наслаждаясь туманом летящих брызг и наблюдая, как одна за другой появляются звезды.

Тетуахунахуна указал на северную часть неба.

“Миопа! Я ориентируюсь по звезде цвета розового дерева, - сказал

он. Там был наш Марс, более красный, чем закаты над Маривелесом. Он был на северо-западе, этот бог войны и плодородия, и наш носовой маяк. Повернувшись и посмотрев в сторону Фату-Хивы, я увидел Южный Крест, низко висящий в небе, сверкающий и величественный.

“Матаике фету! Девушка-призрак назвала созвездие. “Маленькие глаза”.

“На Миопе есть такие реки, как Така-Уку и Атуона”, - сказал я, полагаясь на предполагаемые каналы Марса, чтобы спасти свою душу. “Я видел сквозь карахи меа тьохи и те фету, зеркальную штуку, через которую смотрят на Звезды. Звезды, длинные, как дерево, и большие, как свинья. На Миопе есть люди”.

“Они маркизцы?”

“Они, должно быть, с маркизских островов, потому что там есть острова”, - ответил я.

“А попои и свиньи?” спросил тот, надушенный эной.

“Наму?” У них есть ром?” - прошептала Девушка-Призрак и прижалась теснее, вспомнив, что скоро мы будем в моем собственном доме.

Я верила в звезды Тетуахунахуны. Полинезийцы всегда обладали прекрасными практическими знаниями о небе и глубоко интересовались астрономией. Они знали взаимное расположение звезд, их изменения и фазы. Они точно предсказывали изменения погоды и хранили в своей памяти графики периодичности, чтобы иметь возможность составить прогноз о том, что будет, исходя из того, что было. Они обладали прекрасным искусством навигации, учитывая, что они

у них не было компаса, секстанта или другого инструмента, и их суда всегда были сравнительно небольшими. Управление каноэ, как и плавание, у них инстинктивное, и нет. уайт никогда не сравнится с ними в мастерстве.

Наша лодка обогнула мыс Тичоа, и мы оказались в бухте Предатели. Ветер внезапно стих, и мы проплыли на веслах несколько миль до пляжа. Множество огоньков мелькало на темных водах залива, и рыбаки кричали нам, чтобы мы

подходили к ним. Мы отлично провели время Ферн, мой домовладелец, с Аппоро поделились с Бродягой разбитой тарелкой, и у них было несколько каноэ, полных рыбы.

Они обрадовались моему возвращению и потерлись со мной носами о борт.

Сойти на берег по каменным ступеням Така-Уки было задачей, достойной таких лодочников, в темноте, когда море бешено билось о скалы. Тетуахунахуна прислушивался к плеску волн и вглядывался в более темные очертания лестницы и слабый отблеск пены. Лодка приблизилась; море разбилось о скалы. Рулевой придержал его на секунду, и в эту секунду вы должны были прыгнуть. Это всего лишь прикосновение, и да помогут вам небеса! Если вы промахнетесь, то упадете в море, или лодка раздавит вас о скалы. Волна захлестывает то место , на которое вы приземляетесь, и вы должны быстро всплыть в безопасное место или найти опору для отступающей воды.

Тетуахунахуна побежал к ближайшему дому за фонарем и шестами, и пока двое оставались в лодке, чтобы удержать ее на мели, остальные отнесли мой багаж в Атуону. Я шел впереди под моросящим дождем, налегке, радуясь возможности размять ноги после более чем дюжины часов, проведенных в судорогах. Проходя мимо дома начальника полиции, я услышал смех и звон бокалов. Бауда остановил меня, направив на меня револьвер, решив, что мы - банда контрабандистов рома. Этот храбрый африканский солдат всегда отличался драматизмом, и Д'Артаньян не мог бы изобразить более изящную позу, когда ткнул пистолетом мне в лицо и крикнул: "Стой!"

- Ах, это просто шутка. Боже мой, как долго тебя не было

!

za

Ворота долины Ханававе

Домик рыбака из бамбука и кокосовых листьев

ГЛАВА XXXIV

О морских видах спорта; о необычных морепродуктах, которые находят во время отлива; об особенностях морских многоножек и о том, как их готовить и есть.

С каким наслаждением я возвращался к праздным дням в долине Атуона, когда я нежился на черном паэпае моего собственного маленького голубого домика в тени Темитеу, нежился на нагретом солнцем песке знакомого пляжа, прогуливался по памятной дороге между банановыми изгородями , увешанными пожелтевшими плодами! Сердце человека пускает корни везде, где бы оно ни находилось; возможно, именно это чувство дома придает изюминку странствиям, ибо новые впечатления приобретают свою ценность в контрасте со старыми, и человек должен почувствовать зависимость, какой бы легкой она ни была, от эмоций и привычек , прежде чем он сможет познать радость свободы от этого. И все же человек оставляет частичку себя в каждом доме, который он строит, и странник, свободный от единственной крепкой нити, которая удерживала бы его на одном месте, всегда чувствует , как тысячи тонких уз тянут его обратно в тысячи временных жилищ, которые он построил по всему миру.

Итак, меня окружала приятная рутина: утро в тени моих пальм и плодов хлебного дерева, завтрак, приготовленный для меня путем взбивания яиц на костре из кокосовой шелухи, купание в прозрачном речном бассейне с моими соседями, послеобеденные часы, проведенные в кокосовых рощах или с веселыми товарищами на пляже. пляж.

“Взрывающиеся яйца” уверенно управлял доской для серфинга, лежа плашмя, стоя на коленях или даже стоя на длинной доске, когда он поднимался на гребень волны. Время от времени мне удавалось удержаться на доске, лежа на животе, но чаще терпел неудачу , чем добивался успеха. Теперь я всерьез взялся за изучение искусства владения прибоем.

Обычно я выбирал для занятий спортом три или четыре часа дня , и как только я начинал тренироваться, все мальчики и девочки деревни присоединялись ко мне или ждали меня на берегу, уверенные , что нас ждут веселые часы. Я должен сделать детей своими спутниками здесь, потому что мои старшие друзья были настолько подавлены мрачной перспективой вымирания расы, что , за исключением злобных сплетен и еще одного-двух случаев, в них не осталось никакой способности к радости. Взрывающиеся яйца был моим приятелем, которому платили как собирателю и разжигателю огня, но он по дружбе предлагал свои услуги как мудрый и достойный восхищения учитель неведомого тому , кто не был создан цивилизацией.

Залив Атуона, узкий между высокими скалами, поросшими кокосовыми пальмами, был местом моих занятий. Прилив с грохотом обрушивался на эту бухту из залива Предателей, часто с ошеломляющей силой, а день или два в месяц был таким же спокойным, как волны у Вайкики. Река

широко раскрыл рот, чтобы напиться рассола, и белый песок покрылся цветущими виноградными лозами, которые поползли к морю, чтобы отведать соли. Поблизости не было видно ни одного дома, ни одного рукотворного сооружения, которое могло бы испортить впечатление первобытности, когда наша веселая компания мальчиков и девочек голышом резвилась в прибое, ловила рыбу со скал или лежала на сверкающем пляже.

Для своего первого эссе я использовал крышку от коробки, в которую был вложен богато украшенный гроб, заказанный на Таити вождем, который предчувствовал свою смерть. Гроб был большим и увесистым, чтобы его можно было протащить через прибой на нужное расстояние. Мужественно справившись с этим, я отплыл на некоторое расстояние от берега и приготовился к триумфальному возвращению. Волны были большими, они изгибались надо мной полосами чистейшего изумруда, покрытые брызгами, разбивались в пену и снова поднимались, бесконечно

меняя форму, повторяясь.

Дождавшись удобного случая, я выбрал один из них, когда он вырос позади меня, и бросился на него. Я поднимался все выше и выше, подгоняемый непреодолимой инерцией, и вдруг, словно щепка в урагане, меня швырнуло вперед с устрашающей скоростью, сквозь несущийся хаос ветра и воды, и я увидел, как пляж несется ко мне с ликующими криками.

В следующее мгновение моя верная доска стала предательницей. Его нос опустился, конец подо мной приподнялся, и, словно камень, выпущенный из пращи, я был брошен волнами под воду, кувыркаясь, ударяясь головой и телом о песок, на меня набросились следующие волны, которые выбросили меня на мелководье, перекатывая снова и снова, нанося удары с крышкой гроба при каждом броске.

Я лежал высоко и сухо, тяжело дыша и испытывая боль, в то время как со всего пляжа доносились взрывы смеха. Взрывающиеся яйца катались по песку от его восторга, он держался за бока, задыхаясь, и едва ли мог напомнить мне о необходимости, о которой я в своем возбуждении забыл, держать нос доски направленным вверх во время катания.

Сколько раз я ни повторял в уме эту инструкцию, твердо решив запомнить ее, пока снова буду тащить крышку гроба к морю, результат всегда был один и тот же. Мгновение отдыха в неспокойных волнах, быстрый, проворный прыжок, мгновение безумного, опьяняющего радость, а потом — катастрофа. Я превратилась в сплошную массу синяков, кожа дюйм за дюймом соскабливалась с моей груди от соприкосновения с грубым деревом. Я не сдавался до тех пор, пока не пришлось, а потом в течение недели выздоравливал.

Испытывая острую боль с головы до ног, я позорно лежал на песке и смотрел, как взрывающиеся яйца, с куском коробки размером не больше манишки толстяка, поднимают волну за волной, стоя на доске, устремляясь далеко через буруны к берегу, и ни разу не потерпел неудачу. в то время как маленькая дочь-полукровка Геджа, прекрасное, похожее на фею создание, порхала по морю, как бабочка по ветру.

После нескольких недель усилий и неудач, в один прекрасный день секрет раскрылся передо мной как молния, и я научился трюку. Я пользовался большой доской и устал. Я обменял

доска длиной в три фута и шириной в четырнадцать дюймов. Почти обессиленный, я , как обычно, ждал, прижав доску торцом к животу, пока приближающийся бурун не окажется прямо позади и надо мной, а затем прыгнул вперед и энергично оттолкнулся, прижав доску к себе и вытянув руки по бокам, чтобы попасть в такт волне.

Но волна накрыла меня прежде, чем я сообразил выполнить эти инструкции, я резко выпрямился, и о чудо! Я взлетел, как торпеда, на самую вершину волны, подняв острие доски и вопя, как индеец-команч. Я плыл так быстро, так прямо, что все, что я мог сделать, - это свернуть на мелководье и не быть с силой выброшенным на песок.

“Метай! Я метай! мои друзья восторженно поздравляли меня, в то время как я, как и все люди, добившиеся успеха случайно, стоял гордо, принимая похвалы как должное.

С того дня я увлекся самым захватывающим видом спорта, и действительно, это король развлечений для развлечения и физических упражнений. Катание на лыжах, санках, коньках - все наземные виды спорта меркнут перед этим зрелищем; и ничто не подарит такого крепкого здоровья и радости жизни, как катание на серфе в солнечном море.

Сотню дней в заливе Атуона я провел за этим волнующим времяпрепровождением. Мы добавили к нему украшений, увеличив количество впечатлений. Человек двадцать из нас стартовали бы в один и тот же момент с одной и той же линии и помчались бы к берегу; мы несли бы двоих на доске; мы стояли бы и опускались на колени и прокладывали бы свой курс так, чтобы коснуться отмеченного места на пляже, или петляли, уклоняясь и толкая друг друга. Взрывающийся Эггс был королем для всех нас, а Теата - королевой. Она двигалась легко, как русалка, ее великолепная фигура сияла на фоне сверкающей воды, она встряхивала длинными черными волосами и визжала от восторга.

Иногда мы заменяли эти виды спорта более опасными и изнурительными играми. Мы забрасывали наши доски далеко в залив, на полмили или больше, ныряя под каждую встречную

волну, пока после неимоверных усилий не достигали самой дальней линии прибоя, обращенной к морю. Часто, когда я плавал, цепляясь за доску и борясь с волнами за обладание ею, я видел в изумрудной воде, клубящейся надо мной , неясные очертания крупных рыб, несущихся на гребнях волн, четко вырисовывающихся на фоне неба, с плавниками, головами и хвостами, очерченными светом.

Оказавшись в более спокойной воде, мы дождались подходящего момента, считая гребни пены, когда они проплывали мимо. Волны бывают кратны трем, третья из них длиннее и проходит дальше, чем две предыдущие, а девятая, или третья треть, самая сильная из всех. Этот девятый вал , которого мы ждали. Выбрать любой другой означало оказаться в бурлящей воде, когда она прорвется далеко от берега, и стать жертвой следующих волн, которые причинят немилосердный вред.

Но, взяв девятое чудовище в самом начале, мы проехали великолепно, оставаясь на его вершине, в то время как оно поднималось все выше и выше, перекрикивая более мелкие холмы, пока не упало на гладкий песок в полумиле от нас. Ликование заставляло сердце биться где-то в горле, а пульс бешено бился, когда бурун прорывался сквозь пенящиеся валы, я стоял на крыше “зыби”, лежа почти на ее передней стенке, вцепившись, как мертвый, в свою доску, в то время как ветер пел у меня в ушах, а небо и море смешивались в стремительной синеве.

Такая прогулка верхом дважды за день отнимала у меня много сил, но маркизские мальчики и девочки никогда не уставали и смеялись над моим учащенным дыханием.

Римляне приравнивали умение плавать к знанию букв, говоря о необразованном человеке: “Nec literas didicit nec natare”. Он не научился ни читать, ни плавать. Море - это книга жителей островов Южных морей. Они плавают одновременно с ходьбой, еще младенцами начиная нырять и резвиться в воде. В возрасте одного дня матери выносят их на берег реки, и через несколько месяцев они уже плавают на мелководье. В два и три года они играют в волнах прибоя, плавая легкими движениями лягушки. Им не нужно преодолевать страх перед водой, потому что они с рождения привыкли к этой стихии, и она для них так же естественна, как суша.

Так должно быть со всеми, потому что передвижение человека по воде не более утомительно или сложно, чем по земле. Одна стихия так же подходит человеку, как и другая, для передвижения, когда привычка дает естественное движение, силу и бесстрашие. Никто из маркизцев не умеет плавать, и они переносят предметы по воде так же легко, как через рощу. Я видел, как женщина с грудным ребенком на руках выпрыгнула из каноэ и проплыла четверть мили до берега, окруженного бурунами, только для того, чтобы избежать более продолжительной прогулки.

Не все часы, проведенные на пляже, были проведены в воде. На камнях, обнажившихся во время отлива, мы находили множество любопытных и вкусных лакомств: выброшенную на берег рыбу, крабов и мелких моллюсков. Одним из наших любимых блюд был морской еж по имени хатуке, фетуке или матуке. Круглые, размером с грушу Бартлетта, с зеленоватыми шипами длиной в пять-шесть дюймов, они были столь же отвратительны на вид, сколь и приятны на вкус. В последнюю четверть луны они были особенно вкусны, хотя луна никак не влияла на их вкус. Ни маркизцы, ни я не знаем. Это так; маркизцы всегда это знали , и я это доказал.

На некоторых островах из шипов этих морских ежей делают грифельные карандаши , и они отлично подходят для того, чтобы наскоро написать на ближайшей скале сообщение другу, который опаздывает. Однако при жизни эти существа ядовиты и мстят за неосторожный удар рукой или ногой ранами, которые долго не заживают.

Мы также находили омаров среди скал, а на некоторых пляжах - странный деликатес из омаров, называемый на Таити варо, разновидность креветок-богомолов, которые выглядят как чрезвычайно злобная многоножка. Они вырастают от шести до двенадцати дюймов в длину и пары дюймов в ширину, с ножками или усиками по бокам, похожими на зубцы карманной расчески. Панцирь у них полупрозрачно-желтый с черными отметинами; самка имеет красную полоску на спине и несет под собой красные яйца. И она, и ее самец, с их тысячами ползающих ног, отвратительными головами и хвостами, имеют самый отталкивающий вид. Если бы кто-то не знал, что это превосходная еда и что они совершенно невинны в своих привычках, он бы опрометью бросился бежать при виде них.

Ловля варо - тонкое и искусное искусство. Они живут на мелководье недалеко от пляжа, роя свои норы в песке на глубине двух-трех футов от воды. Когда ветер рябит поверхность, дырок не видно, но в безветренные дни мы ходили по колено в прозрачной воде, осторожно ступая и пристально вглядываясь в поисках жилища морской сороконожки. Обнаружив одно из них, мы осторожно опустили в нору катушку с дюжиной крючков.

Пара этих существ обитает в одном логове. Если самец был дома, он хватался за сеть, его быстро поднимали и ловили, а крючки снова опускали для самки. Но если первой появлялась самка , это был верный признак того, что ее самец отсутствовал.

Я размышлял об этой привычке варо, и мне хотелось бы, чтобы меня убедили, что самец, будучи вежливой креветкой, сначала отбивался от вторгающихся крючков, пытаясь защитить свою пару. Но у хищника наживка из рыбы, и хотя мужская гордость могла бы пожелать, чтобы рыцарство побудило это существо защитить свою домашнюю святыню, к сожалению, очевидно, что он просто охотится за приманкой, за которую цепляется с таким эгоистичным упрямством, что жертвует своей свободой и жизнью. Однако вскоре леди проявляет ту же склонность к жадности, и их опустевшее жилище заполняется зыбучими песками.

Для поимки варо требуется много терпения и ловкости. Мне так и не удалось раздобыть ни одного, но Теата часто возвращалась на пляж с целой охапкой таких блюд. Из шести штук можно приготовить отличное блюдо, с хлебом и вином, и они самые вкусные в горячем виде, хотя и самые опасные.

“Начинайте прием пищи с того, что пососите кусочек холодной воды”, - предупреждают в “Взрывающихся яйцах” когда председательствовал на моем первом пиршестве с двенадцатидюймовыми сороконожками. “Если он не вцепится в тебя изнутри, ты сможешь есть их горячими и в большом количестве”.

Многие белые люди не могут есть варо. У некоторых пропадает аппетит от его внешнего вида, от его сходства с гигантским многоногим, а другие находят , что варо вызывает у них беспокойство, как будто каждый коготь или зубец гребня злобно вонзается им во внутренности. Я нашел его превосходным, когда

завернутые в листья дерева хоту и обжаренные в сливочном масле, они получаются очень вкусными, когда их поджаривают на костре на пляже. Каждый берет зверька пальцами и высасывает мясо. Новичкам во время этой операции следует держать глаза закрытыми.

Каноэ на двоих

Спортивные состязания в гавани

ГЛАВА XXXV

День суда в Атуоне; дело Дочери голубя и швейной машинки; история о вероломстве Выпивохи Пива и гибели Земли Червь, который пытался убить губернатора.

Маркизцу был гарантирован день в суде. На архипелаге были один судья и один врач, и они были одним и тем же лицом, объединенным в августейшей особе месье Л'Эрмье де Планте, который также был фармацевтом. Жизнерадостный двадцатилетний губернатор, имевший опыт работы врачом на посту в африканской армии и в казармах во Франции, был раздражен своими судебными и административными обязанностями, хотя его мало беспокоили медицинские функции, поскольку у него было мало лекарств, и он знал , что, если пациент не проглотит их в его присутствии, они будут опасны. примеряли на свиней или носили как амулет на шее. Однако, верный своим приказам, судья сидел на мешке с шерстью По субботам, если только не шел дождь или он не хотел подстрелить куку.

Однажды субботним утром, когда меня пригласили на завтрак во дворец, я спустился вниз, чтобы понаблюдать за отправлением правосудия. Суд был призван к порядку в архивном зале губернаторского дома. Судья сидел за большим столом, одетый в великолепную армейскую синюю с золотом форму, в

кавалерийских сапогах со шпорами, с блестящими бакенбардами, с серьезным и суровым видом. Бауда, секретарь суда, сидел справа от него, а Петерано, местный катехизатор, стоял напротив него, одетый в синий комбинезон и ожерелье из маленьких зеленых орехов, готовый выступить в роли переводчика.

Каждый ответчик, истец, заключенный и свидетель были приведены к присяге со всей строгостью, хотя Библия не использовалась, что напомнило мне о том, что в В Гонконге я видел, как подсудимый отказался брать в руки Библию в суде, а когда разгневанный английский судья потребовал объяснения, спокойно ответил , что у свидетеля, который только что отложил книгу, была чума, и это было доказано.

Первый случай произошел с китайцем, членом синдиката “Шань-Шань “, которому принадлежал магазин в Атуоне. Его обвинили в отстреле кукуса без лицензии. На островах осталось не так уж много этих маленьких зеленых голубей, и губернатор, чьим любимым видом спорта и лакомством они были, был справедливо разгневан нарушением закона китайцем. Он оштрафовал виновного на двадцать долларов и конфисковал в пользу королевства смертоносное ружье, которое способствовало совершению преступления.

Мужчина из Шан-Шаня был ошеломлен и так долго упрашивал, что Флаг, жандарм, вывел его, сообщив, что он может подать апелляцию на Таити. Его силой прогнали с веранды, он пытался объяснить, что не стрелял из пистолета, а просто носил его с собой в качестве оружия.

запасное оружие на случай, если он встретит китайца, с которым у него была вражда.

Матрос со шхуны “Роберта”, укравший ящик абсента из кладовой капитана Каприаты на борту и нарушивший покой долины, куда он привез его в качестве подарка подруге, был оштрафован на пять долларов и приговорен к четырем месяцам работ на дорогах.

Уголовное дело было рассмотрено, начались гражданские дела. Босоногий судебный пристав Флэг время от времени выходил на веранду, чтобы выкурить сигарету у жителей долины Таaоа, которые толпились на лужайке у ступенек веранды. Все, за исключением Кауити, перебрались через горы, чтобы вместе

присутствовать на судебном процессе, в котором фигурировали двое из них, — деле Сантос против Тахиаупехе (Дочь голубя).

Сантос был невысоким человеком, родился на Гуаме и десять лет провел в Таaоа, дезертировав с корабля. Мы с ним разговаривали на веранде по -испански, и он объяснил, в какое отчаянное положение его привела любовь. Он обожал Тахаюпехе, красавицу Таaоа. В течение нескольких месяцев он клал к ее ногам все свои заработки и добросовестно трудился на производстве копры, чтобы заработать для нее денег. Он растратил на нее все свое материальное богатство и неистовую страсть своего малайского сердца только для того, чтобы обнаружить в ней презрение, лживость и, в конце концов, бегство. По его словам, пока он был в лесу и лазал по кокосовым пальмам, чтобы обеспечить ее предметами роскоши, она сбежала из его хижины, прихватив с собой некий “Сингер” и сундук. Он обратился в суд, чтобы вернуть это имущество.

“Бен Сантос, я Тахаюпе, я люблю тебя! Май и ней!” - напыщенно воскликнул Флэг . Пара вышла на корт, но всех остальных , кроме меня, не пустили. Как почетный гость, ожидающий завтрака с судьей и секретарем, я заняла свободное место.

На лице Дочери Голубя, миловидной и чувственной, застыло выражение неприкрытой горечи, какое я видела на лицах немногих женщин. Сводня из Уайт-Чапела и женщина из Америки, отравившая полдюжины своих родственников, выглядели одинаково: насмешливыми, отчаявшимися, презрительными и совершенно злыми. Мне было интересно, какие переживания отразились на красивом лице Дочери Голубя.

Бен Сантос был приведен к присяге. Через переводчика он рассказал свою печальную историю о преданности и предательстве и попросил вернуть его имущество. Сингер был куплен в немецком магазине. Он купил его, чтобы Дочь Голубя могла починить его одежду, поскольку она отказалась делать это без него. Он вообще не дарил ей его, но позволил ей пользоваться им из-за “любви и привязанности”, как он поклялся.

Дочь Голубя посмотрела на несчастного маленького человечка с такой ненавистью, что я испугался за его жизнь. Она заняла позицию, зловеще красивая в розовой тунике, золотых серьгах и ожерелье из красного перца, босоногая, с обнаженными руками, варварка. Она плюнула

из ее слов.

“Этот мужчина занимался со мной любовью и жил со мной. Он подарил мне швейную машинку и чемодан. Он коротышка и свинья, и я устала от него. Я покинула его хижину и отправилась в дом моего отца. Я взял свой Сингер и мой сундук.”

- Бен Сантос, - спросил судья, бросив критический взгляд на “Дочь голубя”, - чем вы отблагодарили эту женщину за то, что она содержала ваш дом?

“Я обеспечил ее едой и платьями”, - пробормотал маленький человечек.

“Еда висит на деревьях, а платья - это несколько ярдов ткани”, - сказал Соломон-хирург. - Красавицы с Маркизских островов не отдаются мужчинам вашей простоты из-за попоны и муслиновых халатов. Вы иностранец. Вы ожидаете слишком многого. Перевес вероятностей, добавленный к весомости свидетельских показаний, заставляет суд полагать, что эта женщина является настоящей владелицей швейной машинки и сундука. Таково решение суда.”

“Женщина, которая является дьяволом, доставляет мне огромное удовольствие”, - сказал мне Сантос и глубоко вздохнул. “Эта женщина - дьявол, но она мне очень нравится”.

Несчастный малаец сел на лошадь и, погрязнув душой в болоте ревности, отправился продолжать заниматься приготовлением копры.

Заседание суда закрыто. Судья, секретарь и переводчик, “Дочь голубя”, и я поднял тост за слепую богиню, поливая ее ромом, так как железная крыша была очень горячей на солнце. Мы с Баудой остались завтракать в одиннадцать часов, и губернатор разрешил мне ознакомиться с досье “Дочери голубя”. Эти записи ведутся обо всех Маркизцах и других жителях островов; каждый губернатор добавляет свои факты и предрассудки, и каждый новый чиновник знакомится с историей и репутацией каждого из своих подопечных, чтобы ознакомиться с ними. В этой записи о Дочери Голубя я нашел причину того , почему ее лицо изображает злобный характер.

У мужчин с холмов есть ужасный обычай захватывать в плен

любую женщину из другой долины, которая в одиночку отправляется в их район. Первого товарища Грелета однажды ночью поймали сороки, которые в наказание построили десятикилометровую дорогу между Ханиапой и Атуоной. Многие Дочери, прелестная маленькая прокаженная, в тринадцать лет стала жертвой семнадцати мужчин, некоторые из которых были заключены в тюрьму. Дочери Голубя пришлось пережить нечто подобное. Это опалило ее душу, и Сантос расплачивался за свой секс.

Во времена междоусобиц этот обычай был формой возмездия, когда убивали мужчин и съедали их. Этот вид спорта сохранился до наших дней. Чтобы не навлечь ужас на этих коренных жителей островов, я напоминаю, что в каждом штате нашего союза подобные записи очерняют нашу историю. Страницы войны , от первых проблесков до последнего ужасного момента, пропитаны этой дьявольщиной. Британцы и французы в Бадахосе и Таррагоне, в Испании, оставили

страшные воспоминания. Виноваты как Запад, так и Восток. Это преступление очерняет хронику любого вторжения. Это часть деградации трущоб во всех наших городах, развлечение банд хулиганов повсюду. В На Маркизских островах это признанная, хотя и запрещенная игра, и у нее есть своя ответная сторона. Было время, когда целые армии женщин мстили за это странными, дикими способами.

Это непокорное и агрессивное отношение маркизских женщин стало очевидным для меня в тот же день после суда, когда “Дочь голубя” прискакала ко мне в каюту. Она придержала лошадь, как ковбой, взявший за лассо бычка, и, перекинув уздечку через ветку апельсинового дерева, ввалилась в мою гостиную, где я писал.

Не говоря ни слова, она обняла меня, и через мгновение я уже играл роль Иосифа, когда он убегал от жены Потифара. Приложив некоторое усилие, я вытащил ее из дома ценой своей рубашки. Пуафауфе (Пьющий пиво), вождь племени Тааоа, появилась в этот момент, когда я все еще боролся с ней на своем паэпае.

“Макимаки окиоки и те! Неуправляемое создание!” он прокомментировал это, покачав головой и с интересом наблюдая, как она снова энергично атаковала меня, угрожая оставшимся на

мне обрывкам одежды. Рыцарство - не примитивное чувство, но оно с трудом поддается воспитанию в цивилизованном сознании, и я пытался совершить невозможное. Отбиваясь от нее , как мог, я вызвал вождя по красной полоске на рукаве его белой пиджак, его служебный значок, чтобы спасти меня, потому что мадам Бапп теперь сидела на своем папае, вытягивая свою толстую шею, а я не хотел, чтобы надо мной смеялись из-за моего собственного цвета лица.

Однако шеф полиции сохранял беспристрастное отношение стороннего наблюдателя за уличной дракой. Задыхаясь в объятиях Дочери Голубя, охваченный смущением, я сопротивлялся и ругался, и в отчаянии решил перебросить ее через восьмифутовую стену паэпае в джунгли, когда по тропе промчался еще один пришелец. Это был брат “Дочери голубя”.

Было очевидно, что встреча была назначена в моей кающе, хотя я не был знаком ни с одним из трех моих посетителей. В моем тупом мозгу зародилось подозрение. Чтобы убедиться в этом, я схватил свою избранницу за запястья и горло и толкнул ее в объятия вождя со строгим приказом не отпускать ее. Затем, ни словом не выдав своих намерений, я поспешила в дом и принесла бутыль и кокосовую скорлупу.

Любовная ярость “Дочери голубя” сменилась благодарностью, и после того, как каждый выпил по две рюмки, компания ускакала прочь, оставив меня чинить изодранную одежду и благодарить судьбу за то, что у меня есть запас “наму”.

Но день суда еще не закончился. Едва я погрузился в свой первый сон в ту ночь, как был разбужен безутешным

Мужчина из Шаня, который смиренно пришел, чтобы подарить мне пончик весом в полфунта собственного приготовления и попросить моего заступничества перед губернатором о возвращении ему ружья. Он со слезами на глазах повторил , что не собирался стрелять из него в кукуса, что он этого не делал, что он хотел выстрелить только для того, чтобы иметь возможность выстрелить в провинившегося земляка в деревне. Он отчаянно настаивал, чтобы другой У китайца все еще было хорошо смазанное и заряженное ружье. Даже со слезами на глазах он утверждал, что питает глубокое уважение к закону белого человека и восхищается им. Но он хотел получить свое ружье, и

как можно скорее.

Я успокоил его, прибегнув к дважды удобному “наму”, и, пообещав объяснить ситуацию губернатору, некоторое время сидел на своем паэпае в лунном свете, беседуя с несчастным заключенным. Без всяких подсказок он сообщил мне, что мои подозрения подтвердились; Выпь Пива сам подстрекнул дерзкую Дочь Голубя к нападению на мой ром. Оказалось, что Выпь Пива был известен на островах многими удачными трюками с двуличием. Один из них едва не стоил жизни Жану Ришару, молодому французу, работавшему на компанию “Ром”. Немецкий торговец в Така-Уке.

- Дождевой червь был человеком из Тааоа, - сказал мой гость, садясь напротив-вытянув ноги на моих циновках, он сложил желтые пальцы с длинными ногтями на коленях. - Он был племянником Похуэ-тоа, пожирателя многих людей. Дождевой червь был арестован за то, что выпил пива, и предстал перед бывшим губернатором, Лайлхег, известный как Поросенок.

- Глоток пива сказал, что Земляной червь приготовил наму энату, сок из цветка пальмы, который сводит людей с ума. Земляной червь поклялся, что не сделал ничего плохого. Он клялся, что Напиток из пива позволил ему за определенную плату приготовить наму энату, и этот напиток из Бир сказал, что это было в соответствии с законом. Но когда он снова не заплатил. Глоток пива задержал его.

- Глоток пива сказал, что это неправда. У него была красная нашивка на рукаве; поэтому губернатор Поросенок сказал, что Земляной Червь солгал, и отправил его на год в тюрьму.

Дождевой Червь был образованным человеком, сыном многих вождей, и сам твердо стоял на своем. Он сказал, что выступит перед судом Таити и не отправится с позором в тюрьму. В это время губернатор закончил здесь свою работу и отплывал на корабле на Таити, и Земляной Червь с ненавистью в сердце взошел на борт этого корабля, ничего не говоря, но много думая.

“Он жил на носу вместе с командой и ничего не говорил, но думал. Другие заговаривали с ним, говоря, что ему не пойдет на пользу путешествие на Таити, где слово губернатора имеет силу, но он ничего не ответил. Члены экипажа желали, чтобы Земляной Червь убил губернатора, потому что каждый маркизец ненавидел его, и он совершил ужасный поступок, за который заслуживал

смерти.

“Жил-был пожилой жандарм, который заболел из-за проклятия , наложенного на него тахуной. Он умирал. Этот губернатор достал из своей аптечки маленький острый нож и перерезал им вены маркизцу, который совершил какое-то мелкое правонарушение против закона и сидел в тюрьме. Он привязал этого человека за руку к умирающему жандарму , и через порез кровь потекла в вены жандарма. Его сердце высасывало кровь из тела маркизца, как лесная летучая мышь-вампир, и он лежал связанный, чувствуя , как из него уходит кровь. Жители деревни знали, что это делается, и не могли ничего поделать, кроме ненависти и страха, потому что это сделал губернатор.

“Жандарм умер, и вы все еще можете иногда видеть на пляже этого человека, который был сильным и храбрым маркизцем. Теперь он дрожит , как листья хоту на ветру, потому что никогда не забудет ужасного колдовства , которое сотворил с ним тот правитель. Он помнит часы, когда лежал связанный с умирающим человеком, а умирающий высасывал из него кровь.

Так вот, этот губернатор был на корабле, который уходил, и он не был убит. Это опечалило всех маркизцев, и те, кто был на борту , поговорили с Земляным Червем, с которым тоже поступили несправедливо, и призвали его подняться и нанести удар. Но он ничего не сказал.

- Корабль подошел к островам Паумота, и губернатор весь день просидел на табурете на палубе, наблюдая за проплывающими мимо островами. Земля Ворм сидел на своем месте, наблюдая за губернатором. Однажды ночью, когда стемнело, он встал и, взяв железный прут, который положил рядом с ним кто-то из команды, прокрался по палубе и встал за спиной человека, сидевшего на табурете. Он поднял железный прут и с яростью опустил его на голову того человека, который упал, обливаясь кровью. Затем он прыгнул в море.

“Но губернатор уже спустился вниз, и в темноте на табурете сидел Жан Ришар. Его нашли истекающим кровью на палубе, и кости его головы были разрезаны, подняты и залатаны, так что сегодня он жив, как и прежде. Дождевого червя так и не нашли. Была спущена на воду лодка с фонарем, но она не обнаружила ничего, кроме плавников акул.

“Это дело рук Пивного напитка, который ненавидел Дождевого червя , потому что тот был храбрым и сильным человеком из Таоа. Когда ему предложили выпить пива, он улыбнулся и сказал: “Дождевому червю безопаснее там, где он есть”.

“Я слишком много болтал. У вас очень хороший ром. Я благодарю вас за вашу доброту. Вы не забудете соизволить поговорить с губернатором по поводу ружья?”

Я пообещал, что не забуду, и после продолжительного прощания с Шань-Шаньцем бесшумно спустился по тропинке и исчез в освещенном луной лесу.

- мы оба ТАКИЕ ЖЕ, КАК сейчас Маэс ; =

Тахайупехе, дочь Голубя из Таоа

Натаро Пуэллерай и его жена

Он самый образованный маркизец и единственный, кто досконально знает язык и легенды

ГЛАВА XXXVI

“Безумный ночной мотылек”; история о голоде и одной семье, которая ела свинину.

ЛЕ БРУННЕК, торговец, разворачивал пачку таитянского табака длиной пять футов, диаметром пять дюймов в центре и сужающуюся к концам. Как и весь табак с Таити, он был обмотан веревкой пурау, которую нужно было размотать и которая весила два фунта. Одиннадцать фунтов табака были твердыми, как дерево, а листья слежались от влаги. Ле Бруннек разрубил его

топором на подходящие куски, чтобы продать по три франка за фунт, прибыль от которых составляет один франк.

Непосредственным покупателем был Таватини (Множество татуировок), богатый человек из Таоа, лет пятидесяти. Его лицо было испещрено чернилами “ама”. От натуральной кожи осталась только одна полоска. Рядом с ним на прилавках сидел мужчина властного вида, чьи глаза, сияющие на синем фоне татуировки, служили сигналом отойти в сторону , если кто-то встретит его на тропе. В них было безумие, но они были откровением зла.

Некоторые мужчины без слов и жестов заставляют вас напряженно задуматься. В их внешности есть что-то такое, что наводит на размышления, на удивление, на догадки об их прошлом, на ужас от того, что написано на их лицах. Лицо этого человека было изборождено морщинами , которые яснее всяких слов говорили о том, что он был чудовищем , чьи злодейства поражали воображение. Мозг - испорченная машина, но все это было сделано во зло.

“Этот человек, - сказал Ле Бруннек, - самый страшный дьявол на Маркизских островах”. В перерывах между ударами топора торговец рассказал мне кое-что из своей истории:

Безумцем был Мохухо, чье имя означает “Великий мотылек”. Ночь. Это тот самый вождь, которого Лживый Билл видел застрелившим трех человек в Тахуате из чистого безрассудства. В то время он был вождем Тахуаты и обладал властью на этом острове, в Хива-Оа и Фату-Хиве. Он убивал всех , кто выступал против него. Он был бичом островов. Он опустошал долину за долиной из-за жажды крови и ужасной гордости разрушителя. Он хвастался, что убил шестьдесят человек собственной рукой, а не в бою.

Он был человеком неиссякаемой энергии, строителем дорог, домов и каноэ. В Хапатоне он построил несколько миль превосходной дороги, благодаря усиленному труду всех жителей долины, который продолжался целый год. Он весь обсажен деревьями теману, сделан почти из цельного камня и долговечен. Его блоки зацементированы кровью, потому что Великий Ночной Мотылек заставлял людей работать с пулями.

Его арсенал пополнили французы, чьим союзником он был, и чтобы

которым он был очень полезен, предоставляя людей для работы и поддерживая Французское превосходство. В Хапатоне он был фактически королем, и страх перед ним распространился по всем южным Маркизским островам.

Однажды он пришел в качестве гостя на пир в Тааоа. Жил -был слепой, бедный, безобидный малый, который ел поросенка и попои и ничего не говорил. У Большого Ночного мотылька было новое ружье, которое он положил рядом с собой, пока не напился вволю из “наму эната”, пока не стал совсем пьяным.

Наконец слепой, напуганный его угрозами, начал уходить медленной, спотыкающейся походкой слепого и привлек внимание Великой Ночи Мотылька. Он взял свое новое ружье и, пока все оцепенели от страха стать мишенью, выстрелил в слепого так, что его тело упало в печь, в которой запекался поросенок. Люди могли только громко, если не от души, рассмеяться, словно довольные шуткой.

В Ханейо человеку, собиравшему орехи на кокосовом дереве, приказал спуститься Большой Ночной мотылек, который проходил мимо поохотиться на кабана. Мужчина растерялся. Его конечности не держались за дерево, как обычно. Он был напуган и не мог пошевелиться.

“Попоноху! Ве май! А хаа тата! Быстро спускайся!” - закричал вождь.

Бедняга не смог подчиниться. Он увидел пистолет и узнал вождя. Большой Ночной мотылек принес ему труп.

Наказания для него не последовало. Французы привлекли его к ответственности только за действия, направленные против их суверенитета. Вера в то, что он находится под защитой богов, в сочетании с его силой и отчаянной храбростью, сделали его неуязвимым для мести островитян.

Об этих случаях Ле Бруннек знал от очевидцев, но это было не так. Множество татуировок, рассказывающих о происхождении Великого Ночного мотылька.

“Похуэ-тоа (самец в упаковке), дядя дождевого червя, был принцем Тааоа и отец этого человека”, - говорилось во многих статьях. “Он был одним из самых крупных людей на этих

островах и самым сильным на Таоа. Некоторое время он жил в Ханамену.

“В то время между долиной Атуона и долиной Таоа не было войны. Ханамену; жители обеих стран пересекли горы и навестили друг друга. Но в Атуоне было обнаружено, что многие люди пропали без вести. Некоторые отправились в Ханамену и так и не добрались туда, другие исчезли по дороге домой. Вождь Атуоны послал гонца, который был тапу во всех долинах, чтобы сосчитать жителей этой долины, которые были в Ханамену, и предупредить их, чтобы они возвращались отрядом, вооруженным копьями. Тем временем жрец поднялся на Возвышенность и обратился к богам, а через два дня и две ночи вернулся и сказал , что опасность подстерегает на перевале между долинами; что демон напал на них.

схватил тамошних людей.

“Демон был в мужском обличье. Вы знаете, что пропасть там находится у самого неба, а на самой высоте находится puta faiti, узкое место. Там в засаде затаился самец, вооруженный копьем и дубинкой. Ему хотелось мяса, Длинного поросенка, и когда он увидел кого-то, кто ему приглянулся, он метнул в него копье или сразил мечом. Он взвалил труп на спину и отнес его в свою хижину в верхней части долины Ханамену, как я отнес бы мешок копры. Там он поел, сколько мог, в одиночестве.

“О, были те, кто знал, но боялся рассказать. После того, как об этом стало известно жителям Атуоны, родственникам тех, кто был съеден, они ничего не предприняли. Позже Мужчина— сверток стал похож на Большого Ночного мотылька - человека, за которого сражались боги.”

Великий Ночной мотылек сидел и курил, вслушиваясь в то, что говорилось, с той апатией, с какой слушают лунатики, не в силах сосредоточить внимание, но в своем затуманенном мозгу улавливая, что обсуждают его. Я наблюдал за ним, как наблюдают за тигром в клетке, угадывая мысли зверя и радуясь, что он больше не может быть его добычей.

Во многих фрагментах татуировок не было ни тени ужаса или сожаления в его голосе, когда он рассказывал о кровавых деяниях Мохухо и Похуэ-тоа, но он улыбался, как будто хотел сказать, что

они произошли при другом правлении и не заслуживают порицания.

- Был ли Великий Ночной мотылек настоящим сыном Самца в упаковке? Я спросил.

“А, это еще не все”, - сказало множество фрагментов. “Да, он был его сыном”. Хочешь, я расскажу тебе историю о том, как он избежал смерти от рук своего отца? Эа! Я хорошо помню то время. Менике, ты видел полноводные реки и кокосовые пальмы, поваленные наводнением, но ты не видел главного - времени без еды, когда земля такая же сухая, как сердцевина мертвого дерева, а голод бродит по долинам, как женщины-призраки. как туман. У островитян было много таких периодов.

“В те два года не было дождей. Плоды хлебного дерева не давали плодов. Трава и другие растения погибли. На пальмах не было орехов. Свиньям нечем было питаться, и они падали в лесу. Банановые деревья засохли. Люди ели попои из самых глубоких ям, а днем и ночью ловили рыбу. Вскоре ямы опустели, и люди питались кореньями, корой, чем угодно. Была рыба, но на одной рыбе прожить трудно.

“Некоторые лежали в своих каноэ, ели еву и умирали. Желудки некоторых из них опустели, и они бросились в море. Отец Большого Ночного мотылька отослал всех своих детей в горы. Там всегда больше дождей, и там можно было найти немного еды. Свою жену он оставлял на рыбалке днем и ночью, пока она не уснула за веслом, а сам отправлялся на высокогорные плато охотиться на свиней.

“В течение многих дней он ослабевал, так ничего и не найдя. Но в

в последний раз она пришла, чтобы найти приготовленное для нее запеченное мясо, и заплакала, и поела , и поблагодарила его. Он сказал, что нашел некое зеленое местечко, где их было больше.

“Много раз он приносил ей мясо, и она говорила, что дети должны вернуться и поделиться едой, но он говорил: “Нет. Ешьте! У них всего вдоволь”.

“Однажды она вернулась с рыбалки с пустыми корзинами. Море было неспокойное, и рыбы не было. Ее муж стал угрюмым и

жестоким человеком, он бил ее. Она спросила, нет ли здесь свиньи?”

“Свинья, дурак! - сказал ее муж. - Ты не ел свинью. Вы съели своих детей. Они все мертвы”.

“Большой Ночной мотылек сбежал, потому что его усыновил вождь племени Таaоа, пока его отец охотился в лесу на детей”.

“Это ужасно, просто чудовищно! - воскликнул Ле Бруннек. - Может быть, это Великий Ночному мотыльку не могло не быть плохо с таким отцом. Все эти вожди, наследственные, прогнили насквозь. Их дети часто бывают сумасшедшими. Они выродились. После того, как пришли китобои и угостили их виски, а торговцев абсентом и наркотиками, они узнали о пороках белого человека, которые для них хуже, чем для нас”.

“Как вы думаете, поедание людей началось с самого начала, с голода?” Я задал этот вопрос мастеру по татуировкам, который собирался уходить из магазина с великолепным ночным мотыльком.

“Да, тиатоху! Это так”, - ответил он. - В наших легендах говорится, что за многие века, которые мы помним, часто случались годы, когда не хватало еды. Именно в те времена они начали поедать друг друга, а когда еды стало много, они продолжили мстить. Им это понравилось. Человеческое мясо - это вкусно”.

“Спросите этого джентльмена, пробовал ли он сам такие блюда”, - настаивал я. Ле Бруннек.

“Я не буду!” - поспешно сказал француз. “Таватини - хороший клиент. У него есть деньги на моем депозите. Он ест печенье и говядину. Он может обидеться и купить что-нибудь у немцев”.

Множество Татуировок подтолкнули Большого Ночного мотылька, и они направились к своим лошадям, которые были привязаны к зданию магазина. Безумец вскочил в седло с легкостью ковбоя, и они быстро поскакали прочь.

ГЛАВА XXXVII

Визит к отшельнику из долины Таха-Ука; месть, которая заставила Прокаженные Скалламеры; и ненависть Мохуто.

ЛЕ ВЕРГОЗЕ, бретонский плантатор, живший в долине Така-Ука, был полон товарищества, считал дружбу подлинными узами и поддавался многим дружеским порывам. У него был двухкомнатный домик высоко на склоне речного берега, ничем не украшенный, но чистый, и хотя его напряженные рабочие дни оставляли ему мало времени для общения, он иногда приглашал меня туда поужинать с ним и его женой.

Как-то в воскресенье он угостил меня угрями, тушеными в белом вине, ручной уткой и фрикадельками из трески, а после танцев, к которым присоединились его жена, Девушка-призрак, Злые сплетни, Вода и хозяин дома, мы посидели некоторое время, распевая “Мальбрук был в бою”, “Ла Карманьола” и другие песни Франции. Пробужденный этими мелодиями, Ле Вергоз вспомнил о земляке, который жил неподалеку.

“В тысяче футов выше по долине живет отшельник”, - сказал он. “Мы могли бы угостить его пол-литра рома. Он бретонец из Бреста, который живет здесь уже много лет. Он не ест ничего, кроме бананов, потому что живет в банановой роще, и может только ковылять к реке за водой. Он никогда не покидает своей маленькой хижины, кроме как для того, чтобы сорвать несколько бананов. Он живет один. Из года в год его почти никто не видит. Я думаю, он был бы рад гостю”.

Мокрая и скользкая тропа через лес вдоль берега реки вела к роще отшельника. С трудом поднимаясь по ней, скользя и цепляясь за ветви, которые нависали над нами и почти закрывали ее, мы миновали маленький соломенный домик туземцев, почти скрытый деревьями, и нас окликнул женский голос.

“Я здесь? Куда ты идешь?” Слова были резкими, в них слышалась тревога, даже страх.

“Мы идем навестить Хемери Франсуа”, - ответил Ле Вергоз.

Женщина, которая это сказала, уже наполовину спустилась по истертым и грязным ступенькам своего крыльца. Она была стара, но в ее возрасте больше горечи и опустошающих эмоций, чем лет. Ее изможденное лицо, изрезанное жестокими морщинами, все еще хранило следы красоты, которая была скорее суровой и

привлекательной, чем очаровательной. Она больше ничего не сказала, но стояла, наблюдая за нашим продвижением, ее высокая фигура в темной тунике была абсолютно неподвижна, а глаза с любопытством устремлены на нас. Я почувствовал облегчение, когда плотная завеса листьев скрыла нас от нее.

- Это Мохуто, - сказал Ле Вергозе. - Она тоже одиночка. Все ее люди умерли, и она стала черствой и озлобленной. Это очень

странная вещь для островитянки. Но когда-то она была красива. Возможно, она размышляет об этом.

Мы вошли в банановую рощу - один или два акра огромных растений высотой в тридцать футов, расположенных так близко друг к другу, что солнце не могло коснуться почвы. Земля была сырой и темной, почти как болото, а деревья во мраке казались желтовато-зелеными призраками. Их большие мягкие листья закрывали небо, и с их мягких краев непрерывно капала влага. Полчища комаров, черных и мелких, тысячами вылетали из темноты и атаковали нас во все открытые места. Через несколько минут наши лица были перепачканы кровью от их убийств. Тишину нарушают ругательства на бретонском, маркизском и американском языках.

В этом мрачном, зловонном месте стояла жалкая хижина, построенная из молодых деревьев пурау, такое же грубое жилище, как укрытие, которое траппер строит на несколько дней. Оно было десяти футов в длину и четырех в ширину, шаткое и прогнившее. Внутри оно напоминало логово дикого зверя, подстилку из заплесневелых листьев. Прямо под соломенной крышей на веревке висело несколько выцветших газет.

На куче листьев сидели останки человека - скрюченный скелет в грязных лохмотьях, с пергаментным морщинистым лицом, обрамленным копной седеющих волос. Он выглядел очень старым, его глаза были маленькими дырочками с красными ободками, а на руках, в которых он держал дрожащий лист бумаги, были грязные когти. Его плоть, видневшаяся сквозь лохмотья, была мертвенно-белой, как в морге. Он выглядел так, что ни одна душа не должна была оживлять его.

“ах! - Мистер Франсуа, - сказал Ле Вергоз на бретонском диалекте, который напоминал им о доме их детства, - я привел к

вам американца. Вы можете поговорить с ним по-английски.

- Да, черт возьми, - прохрипел отшельник голосом ворона, выпущенного из заброшенного дома. Но он не пошевелился, пока Ле Вергоз не поднес к его костлявому носу пинту крепкого таитянского рома. В глубине его глаз, за пределами видимых органов, появился проблеск большего сознания, осознание жизни вокруг него. Его рот, похожий на дыру в старом, потрепанном кошельке, зиял, и, хотя там не было зубов, казалось, что эта пустота слабо улыбается.

Он пошарил в куче бумаги и листьев и нашел грязную скорлупу кокосового ореха и тыквенный кувшин с водой. Дрожа и задыхаясь, он вылил в скорлупу бутылку рома, разбавил ее водой и дрожащим голосом поднес драгоценный эликсир к губам. Он сделал два судорожных глотка и выронил пустую рюмку.

Его глаза, глубоко запавшие в глазницах, внимательно осмотрели меня. Затем на смеси французского и английского он начал рассказывать о себе. Из своих лохмотьев он извлек грубый дневник, исписанный клочками бумаги, - поминутные записи о реке и погоде за много лет.

“Поток, поток, поток”. Это слово повторялось много раз.

Хауз часто появлялся, сообщая, что ручей поднялся. Каждый день он отмечал его состояние. Река стала его богом. Одинокий среди этих тенистых банановых зарослей, с которых капает вода, без общества людей, он превратил свое изучение настроений ручья в богослужение. Страницы за страницами исписывались оттенками, отражающими его состояние.

“Бахус”, - как я заметил, повторялось в датах 13, 14, 15 июля.

“Значит, на алтаре другой бог?” Я спросил.

“Да, да”, - ответил он своим хриплым голосом. “Падение Бастилии. Ле Вергозе прислал мне бутылку рома в честь Республики”.

То, что он только что выпил, бурлило в нем. Мало-помалу он овладел своим давно не используемым горлом, он извлекал из глубин своего неуверенного сознания слова и фразы. Короткими, отрывистыми фразами, в основном по-французски, он рассказал

свою историю.

“Брест - мой дом в Финнистере. Я много лет плавал по этим морям. Я забыл, сколько. Сколько лет? Святое! Я был на “Монгол”. Это был клипер водоизмещением в две тысячи тонн, с высокими парусами. Капитаном был Фримен. Мы перевозили уголь из Бостона в Сан-Франциско. Это было давно. Я был молод. Я был молод и красив. И силен. Да, я был силен и молод.

“Так оно и было — “Монгол”. Это был клипер из Бостона, водоизмещением в две тысячи тонн, с парусами “Скайуокер”. За Горном у этого монгола чуть не вышибло дух. Мы замерзли, но работали день и ночь. Это было ужасно. Мы чуть не утонули в море. Ах, как мы ругались! Боже мой! Если бы мы только знали, что находимся в раю. Ад — мы приближались к аду”.

Ему потребовалось много времени, чтобы рассказать об этом. Он хотел что-то сказать, но слабость часто одолевала его, и слова почти не слышались из-за его прерывистого дыхания.

“Однажды мы открыли люки, чтобы достать уголь для камбуза. Запахло газом. Уголь выделял газ. Никакого пожара. Только газ. Если там и был пожар, мы об этом не знали. Мы не чувствовали жара. Мы не могли обнаружить очага возгорания. Но с каждым днем газ становился все сильнее.

“Он заполнял корабль. Вахтенные внизу не могли уснуть из-за него. Если бы мы поднялись наверх, то все равно почувствовали бы этот запах. У еды был привкус газа. Наши легкие были придавлены этим. День за днем мы плыли, и газ плыл вместе с нами.

- С боцманом случился припадок. Один человек на рее “Галлант” упал на палубу и разбился насмерть. Однажды утром трое из них так и не проснулись. Мы выбросили их тела за борт. Помощник сплюнул кровь и, взывая к Богу, прыгнул в море. Запах газа не оставлял нас ни на минуту.

“Капитан позвал нас на корму и сказал, что мы должны покинуть судно в любой момент.

“Нас было двадцать человек. У нас было четыре вельбота и ялик. Этого хватило бы на всех. Мы снабдили лодки провизией и водой. Но

мы остановились у “Монгола”. Мы были далеко от любого порта и не осмеливались плыть по течению в открытых лодках.

“Затем наступил штиль. Газ не мог подняться. Он оседал на нас. Он лежал на нас как груз. Это не покидало нас ни на минуту. Люди лежали в шпигатах, и их рвало. Еда оставалась нетронутой. Никто не мог идти , не пошатываясь. Наконец мы сели в лодки. До Маркизских островов было две тысячи миль. Мы подожгли фитиль и отчалили. В полумиле от нас взорвался “Монгол”.

“Мы страдали. Боже мой, как мы страдали в этих лодках! Но бензин кончился. Мы достигли Ваит-хуа на острове Тахуата. Это был рай. Реки, деревья и женщины. Женщины! Священный! Как я их любила!

“Я приехал в Таха-Уку с Матье Скалламерой. Мы работали на Капитан Харт на хлопковой плантации, гоняющий китайцев и туземцев. Билл Пинчер был мальчиком, и он тоже там работал. В лунном свете на пляже были танцы. Женщины танцевали обнаженными на пляжах в лунном свете. И там был ром. Мохуто танцевала. Ах, она была прекрасна, прекрасна! Она была дьяволом.

“Мы со Скалламерой построили дом и повесили на дверь деревянный замок. Это был большой замок, но к нему не было ключа. Туземцы все украли. Мы ничего не могли оставить себе. Скалламера был зол. Однажды он спрятался в доме, пока я был на работе. Когда в щель просунулась рука , чтобы открыть замок, Скалламера взял свой нож для чистки зубов и отрезал ее. Он бросил его в дыру и сказал: “Это больше не будет воровством”.

Отшельник рассмеялся смехом, похожим на рычание старого беззубого тигра.

“Это была шутка. Скалламера рассмеялся. Клянусь Гаром! Но тот без руки прожил недолго. Он вернул все, что у него было взято. Он улыбнулся мне Скалламера, и тоже рассмеялся. Он работал на Скалламеру бесплатно. Он стал другом человека, который отрубил ему руку. Прошел год, и два, и три, и этот человек подарил Скалламере участок земли у Ваи-э. Он помог Скалламере построить на нем дом.

“Это была земля из ада, земля, проклятая семь раз. Не Scallamera стать прокаженным, и от него умирают в муках! И все его двенадцать детей что Генриетта? Это-земля. Она была

прокаженной с Китаец пришел. О, это было прекрасное возмездие за отрезанную руку!”

Задыхаясь, жуткое существо остановилось, чтобы перевести дух, и в дрожащей тишине с банановых листьев непрерывно капала вода, а жужжание бесчисленных комариных крылышек было резким и тонким.

“Я не стал прокаженным. Я был молод и силен. Я никогда не болел. Я работал весь день, а по ночам был с женщинами. Ах, прекрасные, прелестные женщины! С душами исчадий ада. Мохуто еще жива. Она живет слишком долго. Она жива, сидит на тропинке внизу и наблюдает. Ее следовало бы убить, но у меня нет сил.

“Я был молод и силен и любил слишком многих женщин. Как я мог распознать дьявола в ее глазах, когда она снова начала ухаживать за мной? Я бросил ее. Она была беременна и уродлива. Я любил красивых женщин. Но она снова стала красивой, когда ребенок умер. Я был с другой. Как ее звали? Я забыл ее имя. Рома больше нет? Я вспоминаю, когда у меня есть ром.

“Итак, я снова отправился в Мохуто. Дьявол из преисподней! В ее объятиях был яд. Почему она не умирает? Она слишком много знала. Она была слишком мудрой. Это я умерла. Нет, я не умерла. Я состарился раньше времени, но я все еще жив. Католическая миссия подарила мне эту землю. Я посадил бананы. Я никогда никуда не уезжал. Как давно? Я не был в прошлом. Двадцать лет? Сорок? Я никого не вижу. Но я знаю, что Мохуто сидит внизу на тропинке и ждет. Я буду жить еще долго”.

Он был похож на труп двухдневной давности. Он поднялся на ноги, пошатнулся и лег на кучу мокрых листьев. Комары роями кружили над ним. Они пожирали нас, но на отшельника так и не напали. Мы с Ле Вергозом убежали из хижины и рощи.

“Он такой же пример, как те, что изображены у Бальзака или в религиозных книгах”, - сказал бретонец, перекрестившись. “Я здесь уже много лет, и никогда прежде я сюда не приходил, и еще раз. Жизнь прекрасна! Я должен снова начать ходить в церковь”.

Мы больше не произнесли ни слова, пока скользили вниз по мокрой тропинке, но когда мы снова подошли к соломенной хижине, скрытой за деревьями Мохуто все еще стояла на папае,

наблюдая за нами, и я остановилась, чтобы поговорить с ней.

“Ты знала Хемери Франсуа, когда он был молодым?”

Она прикрыла глаза рукой и сплюнула.

“Он был моим первым любовником. У меня от него был ребенок. Когда-то он был красив . Ее глаза, полные злобы, обратились к темной роще. “Он умирает очень медленно”.

Воспоминание о ее лице было со мной, когда в полночь я отправился один в свою долину. Лежа на своих подушках, я снова услышал надтреснутый голос отшельника и увидел бело-голубую кожу на его трясущихся костях. Он не мог верить ни в По, маркизского бога Тьмы, ни в Вейнехэ, женщина-призрак, которая наблюдает за умирающими; я не верила ни в них, ни в сатану, но вокруг меня, в моей Золотой постели, пока не миновала полночь , стонали и скрипели в хижине духи, ненавидящие свет

.

ГЛАВА XXXVIII

Последние дни в Атуоне; письмо моей дорогой Хоуп от ее сына.

“ВЗРЫВАЮЩИЕСЯ ЯЙЦА” я, как обычно, по утрам разводил костер из кокосовой скорлупы , чтобы приготовить кофе и яичницу, когда душный воздух прорезал свист. Он донесся издалека, пронзительный и требовательный, - мой призыв к цивилизации.

Долгожданный первый лайнер прибыл на острова каннибалов. Франция начала выполнять свое обещание расширить торговлю в Океании, и изоляции вымирающих маркизских островов и пустынных долин пришел конец. Пароход “Святой Франсуа”, следовавший из Бордо на Таити, навестил эту группу и забрал груз для Папеите и французских портов.

Странным было то, что я увидел ее в бухте Таха-Ука, где никогда не было ничего подобного , но еще более странным было то, что

двое на ее борту, единственные не французы, были мне известны. Здесь, за тысячи миль от того места, где я их видел, никоим образом не связанные друг с другом, находились два человека , которых я знал, - один в Китае, другой в Соединенных Штатах, оба американские граждане, посланные судьбой заменить меня в качестве объектов интереса местных жителей.

Они вместе пришли с пляжа, один - маленький чернокожий, другой - высокий, с золотисто-коричневой кожей, и злые сплетни привели их посмотреть на Американец, который жил на этих далеких островах. Черный задержался, чтобы поговорить на расстоянии, но золотисто-коричневый подошел ближе.

Его фигура была массивной, как у тренированного атлета, коренастой и невероятно мощной, а кожа - как у экстремального блондина, выгоревшего за месяцы пребывания на тропическом солнце и в соленой воде. Волосы у него были как ореол, желтые, как подсолнух, и росли густыми прядями на круглой голове. И, что было почти невероятно — словно какой—то шутник слепил его из пластилина, - его нос торчал вперед, как первый сустав большого пальца, самый странный нос, который когда-либо был у человека. Его маленькие глазки были голубыми и блестящими. Босой, с непокрытой головой, в рубашке без рукавов и коротких брюках спасателя, с вышитой буквой “V” спереди на верхней одежде, он излучал здоровье и счастье - цивилизованное существо, вернувшееся к природе.

Хотя он меня не узнал, я сразу узнал в нем тренера и пляжного патруля из Южной Калифорнии, ныряльщика за ракушками в Остров Каталина, которого я впервые увидел прыгающим со стропил плавательного бассейна, и я вспомнил, что он расплющил нос, ударившись о дно, и что искусный хирург спас ему то , что осталось.

У него был с собой сверток, завернутый в полотенце, и, положив его на мой стол, он небрежно представился как Broken Bronck, “Поздний

управляющий конюшней местных бойцов графа де М. с острова Тахаа, недалеко от Таити”.

“Я здесь надолго”, - небрежно сказал он. - У меня есть несколько франков, и я слышал, что на Рынках очень гостеприимные люди.

Я поднялся на палубу “Святого Франциска” и перенес свои вещи на берег.

Он расстегнул полотенце, и оттуда показались еще один купальный костюм и пара боксерских перчаток. По его словам, это было его единственное имущество.

“Я слышал, что они помешаны на профессиональных боях, как на Таити, и я научу их боксу”, - объяснил он.

Маркизские дамы, которые быстро собрались, не могли отвести от него глаз. Они задали мне о нем множество вопросов и не удивились ни тому, что я его знаю, ни даже тому, что я назвал негра по имени, когда он неторопливо подошел ко мне. “Должно быть, мы все родом из одной долины или , по крайней мере, с одного острова”, - думали они, ибо разве не все мы Американцы?

Я оставил Разбитного Бронка на ленч и подарил ему те немногие предметы домашнего обихода, которые не обещал Взрывающимся яйцам или Аппоро, которой вот—вот предстояло воплотить в жизнь обещание Золотой кровати — ведь я объявил о своем уходе - расположилась на ней лагерем, с трудом веря , что наконец-то она станет обладательницей желанного чуда. Несколько сувениров на память я подарил “Злые сплетни”, “Уста Господни”, “Множество дочерей”, “Вода”, “Титихути” и другие, и выпил с этими друзьями последнюю рюмку “наму”.

Новость о том, что я собираю вещи, распространилась повсюду. Я не столь оптимистично оценивал то уважение, с которым они относились ко мне, эти товарищи , с которыми мы были вместе много месяцев, но они пришли с самых дальних холмов, чтобы попрощаться. Прощание даже с сыновьями и дочерьми каннибалов вызывает печаль. Я стал много думать об этих простых, диких соседях. Некоторых из них я никогда не забуду.

Мауитетай, женщина средних лет с добрым лицом, давно была на моем папае. По-английски ее звали бы “Моя дорогая Хоуп”, и это вполне соответствовало ее настроению, потому что она вся светилась от удивления и радости, получив письмо от своего сына, который три года назад сел на корабль и исчез из ее поля зрения. Письмо пришло на Святой Франциск, и это привело мою Дорогую Хоуп к близким отношениям со мной, потому что я открыл ей, что ее мальчик-бродяга стал жителем моей собственной страны, и раскрыл некоторые тайны нашего государственного устройства.

Письмо было на маркизском, которое я перевожу на английский, стараясь сохранить колорит оригинала, хотя и безуспешно:

“Я пишу тебе, я, Пахорай Кализте, и передаю на этой бумаге привет тебе, моя мать, Мауитетай, которая находится в Атуоне.

“Каоха нуи туу куи, моя дорогая, моя мать. С огромной любовью к тебе.

“Я нашел в Филадельфии работу для себя, хорошую работу.

“Я нашел себе женщину. Она - Джанетт, художница, созидательница

о татуировках на ткани. Я очень счастлив. Я нашел дом, в котором могу жить . Я счастлив, что у меня есть эта женщина. Она богата. Я беден. Именно поэтому Я пишу вам, чтобы вы знали, что она богата, а я беден. Из этого письма вы узнаете, что я дал слово этой женщине. Я нашел ее и завоевал своим трудом, своей силой и старанием.

- Это моя канахау, она прекрасна, как цветы племени хуту в моей любимой долине Атуона. Она не из Америки. Она из Чили. Она заплатила много пиастров за то, чтобы приехать сюда. Она заплатила сорок пиастров. Она была дома, в Лас-Пальмасе, на островах маленьких золотых птичек.

“Я напишу вам больше в этой статье. Я прошу вашего разрешения жениться на Джанетт. Она просит об этом, как и я. Пришлите мне ваше сообщение от имени правительства, которое передает слова на бумаге.

- Прошло три года с тех пор, как я в последний раз слышал о тебе. Это долго.

- Дай мне то слово, о котором я прошу, для этой женщины. Я не могу выйти замуж в Атуона. Это то, чего хочет мое сердце, но это далеко, а деньги большие. Женщина заплатила бы и поехала со мной. Я говорю “нет”. Я горжусь. Мне стыдно. Я маркизец.

“Сейчас я живу с этой женщиной. Я не женат. Это запрещено. То Американский мутои (полицейский) может схватить меня. Я уже пять месяцев живу с этой женщиной. У мутои есть боевая дубинка, твердая, как камень.

“Дай мне скорее бумагу, чтобы жениться на ней. Я жду твоего слова.

“Мое слово исполнено. Я в отеле “Филадельфия, Нью-Йорк”. А.П.А. Боже. Кут пай, мама”.

Мауитетай перечитала это письмо много раз. Было чудесно получить весточку от своего сына спустя три года и приятно узнать, что он нашел женщину. Она, должно быть, хаое, белая женщина. Были ли женщины на этом острове, Чили, белыми?

Я сказал, что они варьировали цветовую гамму от светлого до коричневого, от От европейки до индианки, но эта Жанетт, которая была татуировщицей, рисовальщицей на холсте и, без сомнения, выдающейся художницей, должна быть бледной, как лунный луч. Те красные перцы, которые были такими острыми на языке, были получены из Чили, сказал я, и в горах там были груды золота.

Моя дорогая Хоуп знала бы, что это за долина. Филадельфия.

Это была Долина Братской любви. Это была очень большая долина с двумя ручьями и заливом. Нет, это было не рядом с Таити. По крайней мере, вдали от Атуоны был сезон сбора плодов хлебного дерева.

Что это может быть за отель? Отель в Нью-Йорке, в котором жил ее бедный сын ?

Я сказал ей, что не знал этого отеля, но отель - это дом, в котором многие люди платят за проживание, а в некоторых отелях больше комнат

больше, чем домов на всех Маркизских островах.

Что? В одном доме, под одной крышей? Клянусь своим племенем, это было правдой.

Знал ли я эту женщину? Я был с того острова и бывал в той долине. Я, должно быть, видел ее.

Я ответил, что знаю Джанетт, которая соответствует описанию красавицы, но она не из Чили.

Моя дорогая Хоуп нахмурила брови. Почему мутои схватили ее сына, как он опасался?

Я успокоил ее беспокойство. Мутои расхаживал взад-вперед перед отелем , но не беспокоил ее сына, пока тот мог время от времени раздавать ему несколько пиастров. Эта женщина была богата и не упустила бы такой пустяковой суммы, как пять-десять пиастров в месяц для мутои.

Но почему ее сыну было запрещено жить с Жанетт, поскольку он не был на ней женат?

Таков был наш закон, но он редко соблюдался. Мутуа были толстяками , которые носили боевые дубинки и били ими бедняков, но ее сын был тапу из-за денег Жанетт.

По ее словам, теперь она чувствовала себя спокойно. Ее сын не мог жениться без ее разрешения. Ни один маркизец никогда этого не делал. Она могла послать весточку со следующей шхуной, или я мог взять ее с собой на свой остров и передать ее сыну. Тогда он мог жениться.

Я оказал ей огромную любезность, но еще кое-что. Ни она , ни Титихути, ни Уотер не могли понять, что Пахорай Кализте имел в виду, говоря “Кут Паэ, мама”. “А.П.А. Дью” - так он ее приветствовал. Боже, но “Кут Паэ” не было ни маркизским, ни французским. Она произнесла эти слова на маркизский манер, и я сразу все понял. “Кут паэ” произносится как “Кут Пай”, а “Кут Пай” - это способ Пахораи Кализте подражать американскому “Апае Каока”. “Прощай, мама”, - так, вполне филадельфийски, закончил он свое письмо матери.

Я надписал конверт для ее сына Железными Пальцами, которые пишут Слова, и отдал его Моей Дорогой Хоуп. На глазах у нее выступили слезы. Она нежно погладила меня по спине без седла и коснулась моего носа своим, вдыхая мой торжественный запах. Затем она отправилась в долину, чтобы просветить жителей холмов.

ГЛАВА XXXIX

Песнопения в честь отъезда; ночь опускается на Земли Военного

флота.

Накануне моего отъезда вся молодежь и красота Атуоны собрались в моем паэпае. Уотер принес свою гавайскую гитару-укулеле и исполнил гавайские баллады из своего репертуара — “Алоха Оэ “, “Гавайи Поной” и “Раз, два, три, четыре”. По всеобщему настоянию я в последний раз подарил им свой вокальный шедевр”, - всю ночь напролет кричит он Ее Снуки-Укумс!” и был вознагражден бурными аплодисментами . Маркизцы считают наше пение странным — и неудивительно! У них протяжный напев, монотонный, без мелодии, без высоких нот и с небольшой дисперсией. Но, любя отвлечься, они с глубоким удовольствием слушали мое исполнение американских арий, как мы могли бы слушать Китайский фальцет.

Они отплатили мне тем, что рассказали легенды своих кланов, а Титихути рассказала о своей генеалогии, записи, которые хранятся в памяти во всех семьях. Уотер, ее сын, который научился писать, записал это для меня на бумаге. В нем парами перечислялись предки, отец и мать, и Титихути вспомнила тридцать восемь поколений, которые охватывали, возможно , тысячу лет.

Мы почтительно сидели вокруг нее, пока она повторяла это нараспев. Один Ростом и массой тела амазонка, почти шесть футов, с героическим телосложением и головой , она стояла прямо, ее алая туника была собрана в складки, чтобы показать ее симметричные ноги, покрытые татуировками в виде пробуждающих мысли узоров, ступни и лодыжки были словно обуты в элегантные восточные сандалии. Ее рыже-золотые волосы, казавшиеся пламенем в мерцающем свете факелов, были увиты ярко-зелеными блестящими листьями, ожерелья из перцев и мелких разноцветных орехов вздымались и опадали в такт ее глубокому дыханию.

Ее голос был мелодичным, низким и вибрирующим, с особыми интонациями пения, которые невозможно имитировать тому, кто не научился им в детстве. Ее глаза горели гордостью за родословную, когда она перечисляла опыт и достижения своей линии, которая ее породила, и в ее четких греческих чертах отражались все эмоции, которые она испытывала: эмоции славы и гордости, печали и унижения из-за падения ее расы, стоической стойкости в борьбе с унылое настоящее и безнадежное будущее ее

народа. Подняв изящную руку, она произносила имена, взывая к памяти и воображению

:

Эната (мужчины), Вехине (женщины) Мы не хотим встречаться с вами вехине Мы не хотим, чтобы кто-то был рядом с нами

Мы не хотим, чтобы кто-то был рядом с нами.

О нуку Уи эи

О хуту Моеакау

О око Ойну ваа

О муте О ниниау О тиу Моафиту отемау Фекей О мауниуа О туоа Хотэй

О meae ОА Туа Хэ О'Кей ТЭУ эо пана

О ahunia туи ХАА

О'Кей Таа Тини пана Nohea Тоу мата Туа Кина папа оне Punoa Tepiu

Туи фея Тухина Наани Фива Эйо Хоки Теани нуи неи О тапу охи Ани хетити Опу тини

О том, как ты собираешься это сделать О таупо О те хева Туи паху Отиу хоку О хупе Оаху тупуа О папуасах О хону фети Пепене тоне Хону тоне Хахейнуту О таохо Котио нуи Тайхаупу Я хочу быть с тобой… Надеюсь, таупо Тухи паху Таупо тини Анития фиту Ана тете Па эфиту Кихипутона Тахио паха охо Тауа кахиепо Хону тона Mahea Titihuti тет Айно тет тика vahiane Туа Titihuti КУИ motua

О, Хайко

Громогласно воспевались сами имена, возвещая достоинства их

носителей или их отцов в геральдических словах, в титулах, подобных знаменам на стенах замков, развевающимся над знаменем идеалов и достижений мужчин и женщин, давно превратившихся в прах.

Повелитель моря и суши, Повелитель Звезд, Повелевающий Восходящей и Убывающей Луной, Десятью тысячами океанских приливов, Человек с Прекрасным лицом, Взывающий к Мириадам людей, Восходящий на Девятое небо,

Человек понимания, Игрок в Игру Жизни, Совершающий поступки любви. Дерзкий, Десять тысяч листьев кокосового ореха, Загон для кита. Зуб, Человек из Запретного места, Всего Голубого неба, Игрок из Боевой барабан, Долгожитель - вот имена, которые пронеслись сквозь века, возвращая Титихути и нам, сидящим у ее ног в свете факелов, славу ее народа на протяжении веков.

Как сравнить такие имена с Джоном Смитом или Генри Уилсоном? И все же мы сами, помнили ли мы об этом, произошли от предков, носивших такие же звучные имена. Нерон был Агенобарбом, Рыжебородым, для своих современников в Риме, в те времена, когда предки Титихути были храбрыми и великими под кокосовыми пальмами Атуоны. В наших списках ранних европейских королей имена столь же многозначительны, как и у них самих: Карл Молот, Эдуард Исповедник, Карл Смелый, Ричард Великий. Львиное сердце, Хереварда, просыпайся.

Титихути, торжественно закончив свое пение, некоторое время стояла в тишине. Затем, - Ауэ! - сказала она со вздохом. - Никто не вспомнит , когда меня не станет. Уотер, мой сын, и Кеке, моя дочь, выучили имена своих предков и матерей, которые были знатны и прославлены. Какое это имеет значение? Скоро мы все уйдем, и кокосовые рощи наших островов больше не будут знать нас. Мы приходим, сами не зная откуда, и уходим, сами не зная куда. Только море терпит, но оно ничего не помнит.

Она села на коврик рядом со мной и сжала мою руку. Я был ее приемным сыном, и ей было грустно видеть, как я уезжаю на неизвестный остров, с которого я прибыл и с которого, как она знала, я никогда не вернусь. Она была печальна: она сказала, что у нее тяжело на сердце. Но я щедро расхваливал ее красивые татуированные ноги и украшение в волосах, пока она снова не улыбнулась, и когда с темных краев круга, освещенного

факелами, голоса заиграли старинную праздничную песнь, она подхватила ее вместе с остальными.

Были маркизцы, которые могли перечислить сто сорок пять поколений своих семей, охватывающих более трехсот шестисот лет. Достаточно, чтобы составить генеалогические древа, восходящие к Норманнские завоевания кажутся незначительными. Я знал старого священника-маори, который вел свою родословную от Ранги и папы через сто восемьдесят два поколения, то есть 4550 лет. Жители острова Пасхи говорили о пятидесяти семи поколениях, а на Раратонге перечисляются девяносто пар предков. Гордость белого человека тает перед такими записями.

Такие события, как разграбление Иерусалима, крестовые походы или убийство Цезаря, - это недавние события по сравнению с истоками некоторых из этих семей, последние потомки которых умерли или умирают сегодня.

Я взял с собой слова Титихути, когда шел по тропе, ведущей из моего дома.

маленькая голубая хижина у подножия Теметиу в последний раз: “Мы приходим, сами не зная откуда, и уходим, сами не зная куда. Только море остается неизменным, но оно ничего не помнит”.

Большой папоротник, Хаабуани, Взрывающиеся яйца и вода вынесли мои сумки и коробки на берег, пока я прощался с губернатором, Баудой и Ле Бруннеком. Когда я добрался до пляжа, там собрались все жители долины . Они сидели на песке, мужчины, женщины и дети, и пели мою прощальную оду — my pae me io te:

- Спасибо!

Каоха! я люблю тебя!

Я люблю тебя больше, чем когда-либо!

я люблю тебя, моя девочка.

ЭИ е тихэ, чтобы metao мас е Хоа iriti оэй АУ оте ВЭИ мата таua. Е

avei ATO”.

“О, прощай, американец!

Ты отправляешься на далекое-далекое Таити!

Там ты останешься, но будешь оплакивать меня.

Я всегда буду здесь, и слезы будут литься рекой. О друг и возлюбленный, время пришло. Прощай!”

Небо было зловещим, а лодки на “Сен-Франсуа ” рассекали сильный прибой. Я пробиралась по пояс в волнах, чтобы забраться в одну из них. “Злая сплетница”, “Девушка-призрак” и “маленькая прокаженная девочка”, Многие дочери рыдали, задрав платья к глазам.

- Хи-хи-хи! - закричал рулевой. Люди на волнорезах оттолкнулись, прыгнули в воду, и мы отчалили.

Настал мой последний час на Маркизских островах. Я никогда не вернусь. Красота и унылость этих островов поражают воображение. Почему эти идиллические, свирепые, любящие посмеяться люди не могли остаться дикими и сильными, порочными и чистыми? Только художники знали , что цветок здесь был уничтожен, что возможность вырасти в величие и чистоту была задушена в дыму белой похоти и жадности.

В восемь часов вечера мы были готовы к отъезду.

В машинном отделении зазвонил колокол, капитан с мостика выкрикнул приказы , на борт подняли якоря. Винт начал вращаться. Луч прожектора “Святого Франциска” заиграл на скалистой лестнице Тахаука, на мгновение очертил темную линию утесов, очертил полукруг залива Атуона и задержался на белом кресте Голгофы, где покоится Гоген.

Легкий дождик в лучах света казался ртутью. Дым из трубы смешивался в тяжелом воздухе с туманом и

свет, и образовался фантастический пучок пара от корабля к

берегу. Вверх по этому потоку дрожащего, сверкающего излучения, такого же яркого, как сверкающая на солнце вода, с суши взлетали тысячи насекомых с прозрачными крыльями, огромных ночных мотыльков, чудесных, мерцающих частиц жизни, казавшихся огненными в этой странной атмосфере. Привлеченные этим чудесным освещением, они покидали свои жилища в темных рощах и взбирались все выше и выше в ослепительном великолепии, пока не достигали его источника, где падали ниц и умирали. Они казались душами островитян.

Они безмолвствуют, опадая, как плоды хлебного дерева в своих темных рощах. Скоро не останется никого, кто мог бы поведать об их ушедшей славе. Их черепа , возможно, расскажут незнакомцу, который прибудет сюда через несколько десятилетий, о мужественном народе, некогда обладавшем великолепным телосложением, хозяевах своих морей, непревзойденных в истории человечества по красоте, силе и доблести.

Сегодня, ничтожные по численности, невоспетые в истории, они спокойно и без протеста отправляются в обитель своих темных духов. Раса, достойная спасения, превосходная по мужественности, когда пришли белые, уходит из жизни. От них не останется ничего, кроме разрушенных памятников, остатков храмов и возвышенностей, остатков таинственного прошлого одного из самых странных людей нашего времени.

“Святой Франциск” пронесся мимо “Роберты”, старого морского волка, потрепанного и залатанного, но крепкого в свете прожекторов. Каприата, старый корсиканец, стоял на палубе и смотрел нам вслед.

Я прошел на корму и в последний раз взглянул на Маркизские острова. Вершины гор казались зазубренными тенями на фоне неба, темными и скорбными. Луч дугового фонаря осветил вход в бухту, и Земля, на которой стоял военный флот, растворилась в черной ночи.

Когда-нибудь, когда Азия погрузится в еще большую нищету или в результате военных действий все Южные моря достанутся самураям, эти острова снова будут заселены. Но никогда больше они не увидят таких прекрасных детей природы, страстных и храбрых, какие были уничтожены здесь. Они прошли, как и древние греки, но не оставили никаких письменных свидетельств, кроме слабых и непонятных наблюдений нескольких инопланетных посетителей.

Апай! Каоха и!

конец

приложения

Иллюстрации из экранизации 1928 года

(Монте Блю) “Любовь в тропиках” (Ракель Торрес)

“Доктора” Ллойда спасают местные жители

Танцоры Южных морей собираются танцевать перед началом праздника

“Доктор” помогает туземке приготовить кокосовое молоко

Найдена жемчужина

Ссора из-за тела туземки

Туземцы посещают корабль